



ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ

Ю.В. БОРИСОВ

ДИПЛОМАТИЯ Людовика XIV

МОСКВА

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

1991

Борисов Ю. В.

Б 82 Дипломатия Людовика XIV. — М.: Междунар. отношения, 1991. — 384 с.
— (Из истории дипломатии)

ISBN 5-7133-0305-5

Автор — профессор Дипломатической академии МИД СССР, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посланник СССР. Его перу принадлежит ряд крупных работ, в том числе вышедшая на русском и иностранных языках политическая биография Шарля Мориса Талейрана.

Настоящая книга, написанная в яркой публицистической форме, посвящена дипломатии Людовика XIV — Короля-Солнца. Королевская дипломатическая служба. Ее деятельность в периоды войны и мира. Портреты короля и членов его семьи, дипломатов и министров, кардиналов и епископов, тайных агентов. Роль женщин двора в Версале во внешней политике. Все эти и многие другие вопросы раскрыты автором на обширном документальном материале.

Для широкого круга читателей.

0503030000 — 051 003 (01) — 91

ББК 63.3(0)5

На переплете:
 Людовик XIV. *Картина Гиацинта Рига*
 Общий вид дворца в Версале. 1668 год

На форзацах:
 Битва при Камбре 18 мая 1677 года. *Картина А. Ф. Ван дер Мечет*
 Строительство Лувра. 1677 год

© Ю. В. Борисов, 1991

Содержание

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: И НА СОЛНЦЕ ЕСТЬ ПЯТНА
1 ПАДЕНИЕ НИКОЛА ФУКЕ
2 НАСЛЕДИЕ РИШЕЛЬЕ И МАЗАРИНИ
3 ЧЕЛОВЕК ИЛИ ПОЛУБОГ?
4 «ФРАНЦИЯ — ЭТО Я»
5 ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: ПРИНЦИПЫ И БЕСПРИНЦИПНОСТЬ
6 ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
7 ПОСЛЫ, ТАЙНЫЕ АГЕНТЫ И ДЕНЬГИ
8 МУДРЫЙ КОЛЬБЕР
9 «ЖЕЛЕЗНЫЙ МИНИСТР» ЛУВУА
10 ПРАВА КОРОЛЕВЫ
11 «СТРАННЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ» ГЕРЦОГИНИ ОРЛЕАНСКОЙ
12 ПОСОЛ АВО ДЕЙСТВУЕТ
13 «ОШИБКА ВЕКА»
14 ДИПЛОМАТ В ЧЕРНОЙ МАСКЕ
15 ФАВОРИТКИ САМОДЕРЖЦА
16 НЕПРИЗНАННАЯ КОРОЛЕВА
17 «ТЮРБАНЫ» ПРОТИВ «ПАРИКОВ»
18 КОВАРНЫЙ ГЕРЦОГ АМЕДЕЙ
19 КОНФЛИКТЫ СО СВЯТЫМ ПРЕСТОЛОМ
20 ДЕЛЯТ НАСЛЕДСТВО ЖИВОГО МОНАРХА
21 «Я СЛИШКОМ ЛЮБИЛ ВОЙНУ»
22 СВОЙ ЧЕЛОВЕК В МАДРИДЕ
23 МАДЕМУАЗЕЛЬ ПЕТИ — САМОЗВАННЫЙ ПОСОЛ КОРОЛЯ
24 РОССИЯ И ФРАНЦИЯ: ТРУДНОЕ СБЛИЖЕНИЕ
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ТОЛЬКО БОГ ВЕЛИК
ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо введения: и на солнце есть пятна

Яркое июньское солнце залило Версальский дворец, высветив изящные линии его строений на фоне животворной зелени парка и воздушно-легких бассейнов.

— Версаль — чудо света, бесценный дар французской нации человечеству, — сказал я, обращаясь к своему спутнику, историку Альберу Коти, давнему знакомому, которого неожиданно встретил в Париже летом 1989 года.

В Версаль мы приехали утром. Оставив автомобиль на Парижской авеню, пересекли площадь Оружия и прошли через парадные ворота, словно врезанные в

изящную черно-золотую решетку. На площади Министров остановились перед памятником Людовику XIV, поставленному через сто двадцать лет после его смерти, в 1835 году. С высоты коня король величественно и грозно смотрит на окружающий его переменчивый мир.

— Вы говорили, Юрий, что работаете над книгой, посвященной дипломатии Людовика XIV. Чем объяснить выбор темы, которой уже занимались многие ученые во Франции?

Вопрос был для меня не новый, и обдумывать ответ не потребовалось. Я сказал, что не имеющее в Европе прецедентов по своей длительности личное правление Людовика — 54 года (получившее название «Золотого века», а его самого нарекли Король-Солнце) — вошло в историю как классический образец абсолютной власти. Диктаторов в разных странах называли по-разному: консул, император, король, государь, царь, председатель, генеральный секретарь, фюрер, дуче. Менялись общественные порядки, традиции, нравы. Но жил и живет институт личной власти, самодержавия, попирающего законность, народную волю, гуманность, гласность.

Не прерывая беседу, мы неторопливо прошли через Королевский двор и направились к «Большим апартаментам» короля. Более подходящего места для суждений о деяниях и жизни «отца сказочного царства Версаля» найти было трудно.

— Знаете, Юрий, уж если речь зашла о режимах личной власти, то хотел бы отметить одну их особенность: чем тяжелее рука бесконтрольного властителя, тем чаще и охотнее он прибегает к псевдодемократическим прикрытиям, лишенным реального содержания и демонстрирующим лишь видимость демократии. Пример: ваш герой. Людовик XIV ограничил полномочия парламентов, лишив их влияния на ход государственных дел. Парижский парламент безропотно регистрировал законодательные акты, королевские ордонансы, не осмеливаясь внести в них малейшие поправки. Но демократическая ширма для высочайших беззаконий сохранялась! Время от времени проводились и гласные расследования (финансовые, уголовные): публичный суд над сюринтендантом (министром) финансов Никола Фуке, громкое дело «об отравлениях» с привлечением к ответственности придворных, титулованных особ. Игнорируя сословные привилегии, король ввел подоходный налог — капитасион, обязательный для всего населения страны, включая дворянство. В один из критических для Франции моментов войны за испанское наследство Людовик XIV обратился за поддержкой ко всем своим подданным.

— Говорят: все могут короли... И не только короли, но и разноплеменные и разноязычные вожди авторитарных режимов, какими бы — приятными или неприятными для слуха — титулами они ни прикрывались. Лжедемократизм и в наши дни — в иных масштабах, формах и проявлениях, с другим социальным содержанием — по-прежнему служит прикрытием честолюбивых амбиций политических авантюристов.

Беседуя, мы продолжали осмотр дворца. Воти «Большие апартаменты» — воплощение замыслов архитектора Луи Лево, гениального мастера дворцово-парковых ансамблей, и «первого художника короля» Шарля Лебрена, основателя Королевской академии живописи и скульптуры, создателя официального придворного стиля Людовика XIV — торжественно-холодной помпезности. Всего шесть салонов. Один из них — кабинет Государственного совета.

— Что я думаю о роли коллегиальных органов в условиях режима абсолютной монархии? Позвольте мне, Юрий, использовать, наверное, набивший всем в Советском Союзе оскомину термин: административная система. Во Франции в законченном, я бы сказал больше — в изощренном виде ее создал именно Король-Солнце. Для меня его приоритет неоспорим. Нет, я не стою на позициях бездумного национализма, которому все равно чем похвалиться: был бы повод для национального чванства. Решал, изрекая истины в последней инстанции, Его Величество. Государственный и другие советы являлись при нем консультативными органами. Король, разумеется, прислушивался к

мнениям министров, членов своей семьи, фаворитов и фавориток. Но он твердо стоял на вершине пирамиды власти. Все управление страной было жестко централизовано. В соответствии с самодержавными приказами и указаниями действовали государственные секретари. Каждый из них кроме своей основной сферы деятельности — финансовой, военной, морской, строительной — имел в прямом подчинении несколько крупных административно-территориальных областей — генералитэ (во Франции их насчитывалось 25). На местах исполнителями воли монарха являлись интенданты, королевские чиновники, занимавшиеся всеми вопросами местной жизни — налоговыми, хозяйственными, правовыми, полицейскими, образовательными, армейскими. Администрация сверху донизу была построена на принципе безусловного подчинения воле и интересам короля всех без исключения классов и слоев населения. Бюрократия была всемогущей! И знаете, она обеспечивала насильственный порядок: в целом успешное, хотя со скрипом и сбоями, функционирование налоговой системы, формирование и снабжение армии. Следует ли подходить к французской государственной системе времен Людовика XIV односторонне критически? Видимо, необходимо учитывать не только ее минусы, но и плюсы. В тогдашних условиях Франция была в экономическом отношении страной богатой, хотя и переживала жестокие неурожаи, голод и смерть миллионов крестьян. Понимаю условность любых исторических аналогий, и все-таки: не напрашиваются ли они в данном случае?

— Да, напрашиваются. Удивительная вещь история. Каждое событие, любое общественное движение, отдельный человек — неповторимы. А тенденции и закономерности социально-политических процессов у разных народов общие. Согласен, аналогии в общественной жизни всегда относительно, а иногда и опасны, особенно при сравнении режимов, которые разделяют века. И, тем не менее, существуют некие принципы административной системы: доведенный до абсурда централизм; бездумный приказной стиль и насильственная дисциплина; попрание законности, свобод общества и личности; бездушный бюрократизм; пассивность «низов» и отсутствие политической инициативы с их стороны. Будущее всегда рождается из прошлого и настоящего. Новые поколения несут на себе отпечаток опыта своих предшественников. Режим авторитарной власти неоднократно повторял сам себя в истории. Многие его черты раскрылись в полной мере во Франции в период правления Людовика XIV. Личная власть и тогда была личной властью со всеми ее пороками и преступлениями. Даже строгий придворный этикет имел своей целью укрепление престижа короля.

Мы осмотрели спальню Людовика XIV, где в течение многих лет ежедневно — в 8 часов утра и около полуночи — свершались церемонии пробуждения короля и его отхода ко сну. Отсюда короткий путь и до «Галереи зеркал», или «Большой галереи», длиной в 75 метров и шириной в 10 метров, с 17 огромными окнами и панно из 400 зеркал. В них по вечерам отражались 3 тысячи свечей, зажигаемых во время торжественных событий, дворцовых праздников, приемов иностранных послов. Цель преследовалась одна и та же: возвеличивание монарха.

— Могущество и величие... Не считаете ли Вы, Альбер, что культ правителя, первобытное идолопоклонство — неизбежные спутники авторитарного режима?

— Разделяю эту точку зрения, Юрий. Для меня Людовик XIV существует в двух образах. Один — государственный деятель, занимающий прочное, на века, место в истории Франции и Европы. Другой — иконописный, культовый, материализованный в дворцах и памятниках, в мемуарах и романах, в картинах и медалях. Дома храню памятную медаль 1663 года — семейную реликвию, унаследованную от предков дворянского происхождения. Его Величество в образе Аполлона спускается прямо с небес. В правой руке у него рог изобилия, в левой — оливковая ветвь. На одной стороне медали надпись: «В какие счастливые времена мы живем», на другой: «Не многим равный». Посланец бога и сам полубог, принесший на Землю всеобщее благоденствие и

прочный мир! Образ, основанный на концепции божественного происхождения королевской власти, утверждала официальная пропаганда.

— Официальная пропаганда? Не модернизируете ли Вы прошлое, Альбер?

— Нисколько. Это емкое понятие вполне применимо к Франции второй половины XVII века. Короля уже при жизни делала святым церковь. Его воспевали романисты и газетчики. От его имени действовали министры и генералы, дипломаты и консулы. Архитекторы, скульпторы, живописцы прославляли короля, изображая его античным героем. Все средства активного воздействия на умы и души людей использовались для обоснования божественного происхождения Людовика XIV. В этом отношении властители последующих эпох, в принципе, не придумали ничего нового. Правда, в XX веке они поставили себе на службу современные средства массовой информации, обладающие такими пропагандистскими возможностями, о которых не мечтали триста лет назад.

— Бесспорно, Альбер, идолопоклонство присуще любому режиму личной власти. Черта неперемнная, но не главная. Главное — насилие. Государство Короля-Солнца было отнюдь не солнечным. Непослушание и вольнодумство — политическое и религиозное, — «оскорбление Величества» карались смертью, длительным, часто пожизненным тюремным заключением, каторгой и галерами. А сотни тысяч протестантов, убитых, насильственно обращенных в католичество, разоренных, вынужденных бросить имущество и покинуть Францию. А безжалостное подавление народных восстаний. Гильотину еще не придумали, но непокорных расстреливали, вешали, морили голодом.

Невеселый разговор. Мы продолжали гулять по Версалью. Каждый из нас много раз бывал в этом дворце. Но прекрасное всегда многогранно: неизменно открываешь что-то новое. На этот раз бросилось в глаза тесное переплетение в скульптуре и живописи тем войны и мира, оружия и дипломатии. Мир в Нимвегене (современный Неймеген), запечатленный кистью Лебрена на плафоне «Большой галереи». Вступление Людовика XIV в Дюнкерк, изображенное на гобелене в «Салоне Марса». Как известно, короли даже со шпагой хотят выглядеть миролюбивыми. Династия Бурбонов не была исключением. И в «Салоне мира» на картине Лемуана правнук Короля-Солнца — Людовик XV высокомерно дарует мир измученной войнами Европе.

— Гегемония Франции в Европе... Как Вы думаете, Альбер, ставила ли перед собой такую цель внешняя политика Людовика XIV?

— Об этом, несомненно, мечтали в Версале, вот здесь, в этих залах, по которым мы с вами ходим. Но планы как отдельных людей, так и государств, увы, часто выходят далеко за пределы возможного. И французская монархия три столетия назад не располагала необходимыми ресурсами: экономическими, финансовыми, людскими для господства на Европейском континенте. Пожалуй, император Наполеон Бонапарт впервые в новой истории Франции реально претендовал на роль европейского властителя. И его расчеты оказались построенными на песке. Могучая империя рухнула. Но предостережение истории сохранилось: авторитарная власть рождает агрессию.

— Это и моя точка зрения, Альбер. Сила и дипломатия, диктат и переговоры — вот вопросы, которые меня интересуют. Людовик XIV всегда отдавал предпочтение силе. Его армия была самой многочисленной в Европе. Она сражалась повсюду: на территории Священной Римской империи, Нидерландов, Италии, Испании и Португалии, даже в далекой Америке. Мир был лишь перемирием между вооруженными конфликтами. Войны разоряли Францию, обрекали ее народ на голод, лишения и вымирание. И, тем не менее, победоносную войну король предпочитал успешной дипломатии.

— Какую же роль, Юрий, играла, по вашему мнению, дипломатия Людовика XIV в его международной политике?

— Прежде всего, она не выполняла своей главной функции, не выступала в роли поборника прочного и длительного мирного порядка в Европе. Предвижу возражение: ваша постановка вопроса нереальна для эпохи, когда оружие часто было не только

решающим, но и единственным аргументом в межгосударственных спорах и конфликтах. Дипломаты короля готовили его войны, смягчали их последствия при неблагоприятном для Франции ходе военных действий, вели переговоры о союзных и мирных договорах, об условиях перемирий. Дипломатическая работа была основана не на строгом учете объективных факторов, интересов европейских государств, а на щедром субсидировании союзных армий, на организованной коррупции, на подкупе королей и принцев, князей и герцогов, членов их семей, министров и генералов, государственных чиновников и святых отцов. Ненадежные, грязные методы. Деньги: они приходят и исчезают. На подкупе, даже систематическом, надежные внешнеполитические союзы не построишь. Понял ли это Людовик XIV? Возможно, на исходе жизни, когда его солнце уже скрывалось за горизонтом.

Мой вежливый собеседник не прерывал явно затянувшийся монолог. Он выслушал меня до конца и спросил, намерен ли я рассказать, что представляла собой система «субсидий» иностранным государствам и их правительствам, как монархия безжалостно грабила французский народ.

— Так уж получилось, Юрий, что мои научные интересы «заставили» меня заниматься историей денег во Франции.

Деньги... деньги... деньги... С тех пор как появились денежные знаки в человеческом обществе, они были и остаются источником влияния и силы одних, пределом мечтаний — других, причиной горя и страданий — третьих. Деньги — одно из орудий государственной политики, как внутренней, так и внешней. И эпоха Людовика XIV подтверждает эту истину. Несколько слов о деньгах.

Основной денежной единицей при Людовике XIV являлся ливр или франк (официально франк заменил ливр в 1799 г.). Один ливр делился на 20 су, а су — на 12 денье. Серебряная монета — экю — равнялась трем и более ливрам. Золотой луидор был эквивалентен 24 ливрам. На территории Франции, Германии, Италии в обращении находилась испанская монета — пистоль, равная 10 и более ливрам. Между прочим, у Мольера маркизы считают пистоли, а не луидоры. Стоимость денег менялась в зависимости от конъюнктуры и устанавливалась государством.

Каковы были заработки людей из народа? В крупных городах — Париже, Лионе, Руане — большинство ремесленников — суконщики, обработчики шерсти, слесари получали от 15 до 30 су в день. На крупной мануфактуре в Сен-Гобене оплата квалифицированного рабочего колебалась от 310 до 620 ливров в год.

Естественно, что простой труженик стремился покупать продовольствие по самым низким ценам. На память помню данные, взятые из счетов больницы в Невере за 1694 год: хлеб (примерно 450 граммов) стоил 2—3 су; фунт говядины или пинта вина (0,93 литра) — 2—3 су; цыпленок — 15 су; фунт масла — 5—8 су. Больница платила за пару мужской обуви 3 ливра, детской — 14 су, за дюжину деревянных башмаков (сабо) — 25 су.

Рабочий, получавший ливр в день, считался обеспеченным человеком. Каким же безмерным было социальное неравенство во французском обществе, если стоимость бриллиантов, украшавших персону Людовика XIV во время официальных церемоний, составляла 16 миллионов ливров!

— А сколько же стоили государственной казне внешняя политика и дипломатия короля? Астрономических сумм! Знаете, Альбер, обобщающие данные отсутствуют и подсчитать их невозможно. Дипломатия и финансы тесно переплетались. Дипломаты занимались вопросами внешней торговли, колоний и даже пропаганды. Вот они — далекие, глубинные истоки современности, неизмеримо, разумеется, более сложной, чем дипломатическая история времен Людовика XIV.

1

Падение Никола Фуке

День 17 августа 1661 года был в окрестностях Парижа необычно жарким и душным. Раскаленная земля потрескивала как перезрелый арбуз в сильных крестьянских руках. Воздух застыл словно густая, обжигающая все живое масса.

Над дорогой, которая вела из королевского дворца в Фонтенбло, построенного в XVI веке в 65 километрах от столицы, клубилось черно-серое облако пыли. Ее подымали копыта сотен лошадей. Бесконечный кортеж выехал в самое жаркое время — в три часа после полудня. Окна раззолоченных карет с дворянскими гербами были закрыты. Придворные задыхались в застегнутых до шеи камзолах с накрахмаленными кружевами. Пот ручейками сбегал из-под пышных париков. Дамы в тяжелых парадных платьях, вышитых золотом и серебром, не находили спасения от пыли, грязи и едкого запаха лошадиного пота, вызывавшего приступы кашля. Карету короля, словно на крыльях, несла шестерка белых лошадей. С ним вместе находились королева-мать Анна Австрийская и брат герцог Филипп Орлеанский. Их сопровождала придворная знать. Охрана — вооруженные мушкетеры и гвардейцы — открывали процессию и замыкали ее.

Королевский кортеж растянулся на большое расстояние. Путь, однако, у него был недалеким: дворец Во-ле-Виконт в 45 километрах от Парижа, под Мелёном. Принадлежал он сюринтенданту финансов Никола Фуке. Визит Его Величества, сопровождаемого многочисленными придворными, был событием знаменательным, из ряда вон выходящим. В марте 1661 года после смерти кардинала Джулио Мазарини, первого министра Франции, 22-летний Людовик XIV начал свое личное правление, отказавшись от опеки матери. Поездка в Во-ле-Виконт — первая крупная публичная акция молодого монарха, имевшая для него особое значение. Почему?

Прежде чем ответить на этот вопрос, расскажем о хозяине дворца, в гости к которому и направлялся Людовик XIV со своим двором.

...Передо мной портрет человека в строгой черной одежде. Ничего лишнего, что говорило бы о власти и богатстве.

Черты лица своеобразны. Прямой, немного длинный галльский нос. Красивые глаза под изогнутыми бровями. Тонкие усы с опущенными вниз концами обрисовывают полные яркие губы. Бледные щеки. Большой лоб, полускрытый волосами, разделенными прямым пробором. Взгляд испытующий, острый, вонзается в собеседника и не выпускает его из поля зрения. Улыбка, выражающая пресыщенное разочарование, не сходит с губ.

Рука держит перо. Она гибкая, как у музыканта, привыкшего касаться нежных стоун скрипки или виолончели. А может быть, это рука опытного любовника, знающего толк в ласках. Замысел художника открывает простор для разных предположений. Изящество руки не обманывает: чувствуется, что она способна и уверенно подписать государственную бумагу, и крепко держать шпагу в бою.

Вглядываюсь в портрет. И одна мысль не выходит из головы. Этому человеку ведомо все человеческое: власть и падение, богатство и нищета, честность и интрига, любовь и измена, дружба и вражда. Кого же нарисовал Шарль Лебрен? Никола Фуке.

Отец Никола — Франсуа Фуке, судовладелец в Бретани, торговавший с колониями, имел большую семью: 16 детей, из которых выжили 12 (пополам — мальчики и девочки). Содержать такую семью нелегко во все времена. Непростым делом это было и для Франсуа, занимавшего с 1663 года скромный пост президента судебной палаты Арсенала — суда с широкой юрисдикцией.

Никола прошел долгий путь государственного чиновника. Советник в парламенте города Меца. Вначале простой армейский интендант, а затем интендант провинции Дофине по вопросам финансов и полиции. Он имел широкие связи, переписывался с кардиналом Ришелье и от него получил разрешение на освоение колоний — мыса Нор, Гвианы и Мадагаскара.

18 лет прослужил Никола кардиналу Мазарини. И когда кардинал после недолгого изгнания вернулся в Париж в феврале 1653 года, то назначил сразу двух сюринтендантов финансов: Фуке и Сервьена. Первый отвечал за доходы государства, второй — за

расходы. Именно Никола пользовался доверием банкиров Франции и других стран Европы и под свои личные обязательства получал огромные суммы¹.

Формально Фуке был подотчетен только королю, а фактически — Мазарини. Кардинал хищнически обогащался с помощью сюринтенданта и ко времени своей смерти обладал многомиллионным состоянием².

Фуке не только распоряжался финансами королевства, он занимал и высокий пост генерального прокурора парламента Парижа. После канцлера (главы судебного ведомства в стране) это была следующая по значению должность во французской администрации.

Задолго до начала личного правления Людовика XIV против Фуке выступили могучие силы. Прежде всего сам Мазарини. Лицемерный итальянец вел двойную игру. С одной стороны, он осыпал похвалами министра и с его помощью делал деньги, с другой — в беседах с доверенными людьми критиковал Фуке, смелого, преуспевающего, уверенного в себе. Кардинал не любил и побаивался сюринтенданта больше, чем известного своей подлостью канцлера Пьера Сегье; больше, чем сверхосторожного государственного секретаря по военным делам Мишеля ле Телье и изощренного в интригах государственного секретаря по иностранным делам Ломени де Бриена. По сведениям современников, не подтвержденным документами, кардинал незадолго до смерти рассказал Людовику о злоупотреблениях Фуке и даже подготовил записку по этому поводу.

Мазарини настраивал против Фуке и Анну Австрийскую. Но министр вел ее финансовые дела, снабжал деньгами и считал, что это дает ему право на поддержку королевы-матери. Сюринтендант ошибался. Он ошибся вдвойне, попытавшись объяснить с ней. В ходе беседы министр осмелился намекнуть Анне, что получал сведения интимного характера от ее придворных. Королева была оскорблена: самонадеянный делец не только знал ее долги, но и вторгся в сферу личных отношений.

Однако главным противником Фуке был Жан Батист Кольбер, занимавшийся вопросами промышленности, торговли, флота и видевший в сюринтенданте удачливого и опасного конкурента.

Умный, тонкий и наблюдательный Кольбер изо дня в день подбирал компрометирующие Фуке материалы, ждал своего звездного часа, чтобы нанести смертельный удар по беспечному противнику. Кольбер изучал кипучую деятельность финансового бога. Он даже тайно посетил Во-ле-Ви-конт. Однако Фуке до поры до времени оставался в безопасности. Как генеральный прокурор Парижского парламента, он был хранителем завещания Мазарини, состояние которого — 14 миллионов ливров, хранившихся в подвалах Венсенского замка, — после смерти кардинала принадлежало Людовику XIV. Даже для богатейших монархов Европы это была астрономическая сумма³.

В своей ненависти к Фуке Кольбер был не одинок. Он нашел союзника в лице генерального адвоката Талона. Это были два совершенно различных человека: изящество и неопрятность; богатство и скопидомство. Талон «носил поношенную, грязную одежду; жил скромной жизнью, с ничтожной женщиной, под надзором высокомерной и сварливой матери»⁴, — писал французский историк Лер.

Опасности таились для Фуке и в его собственной семье. Один из братьев сюринтенданта, Базиль, вел борьбу против благодетеля и опоры семьи. Базиль был человеком завистливым, озлобленным, недовольным всем на свете, и прежде всего своими доходами, которые он считал более чем скромными — 150 тысяч ливров в год. Разумеется, в сравнении с деньгами, которыми ворочал Никола, это была капля в море. Разумный человек оставил, бы цезарю — цезарево, не забывая о том, что всякое здание, в том числе и семейное, требует надежного фундамента. Увы, Базиль был слеп и глух к доводам разума. Однажды в январе 1661 года он встретил в Лувре Никола и стал публично обвинять брата в воровстве, в расходовании 30 миллионов ливров на строительство и в принуждении женщин (он бесцеремонно назвал их имена) к сожителю.

Но и на этом Базиль не остановился и все свои обвинения повторил Мазарини, Вот уж, поистине, избавь нас Бог от неразумных родственников! В начале личного правления Людовика XIV положение сюринтенданта казалось прочным. Он принимал участие в обсуждении международных дел. Король поручил финансисту ряд сложных дипломатических переговоров.

Фуке достиг соглашения о женитьбе английского короля Карла II Стюарта на португальской принцессе. Это означало, что Португалия займет антииспанскую позицию. Он обсуждал с англичанами вопрос о продаже Франции Дюнкерка.

Сюринтендант, умело используя деньги и искусство обращения с женщинами, добился, что польский король Ян Казимир (царствовал в 1648—1668 гг.) назвал своим преемником герцога Энгиенского, племянника Анны Австрийской. Фуке достиг своей цели с помощью польской королевы, француженки Марии Элеоноры Гонзаг, оказывавшей большое влияние на своего супруга.

Вел Фуке и переговоры о продлении франко-шведского союза, о подписании торгового договора с Голландией. Оба эти орешка разгрызть оказалось нелегко. Но финансист-дипломат показал себя человеком гибким и настойчивым. Это поняли и при дворе. "Распространились слухи, что молодой король назначит Фуке первым министром или канцлером. События, однако, приняли иной оборот.

Возможности талантливого финансиста казались неисчерпаемы. Он затыкал одну дыру в бюджете за другой. Только на первые шесть месяцев 1661 года требовалось 20 миллионов ливров. Огромная сумма! Но сюринтендант пользовался неограниченным кредитом банкиров.

Молодому королю и этих денег было мало. Он ревниво относился к доходам Фуке. Людовика XIV распял Филипп Орлеанский, неустанно твердивший: «Ваше Величество, станьте сюринтендантом финансов только на один год, и у вас будут деньги на строительство». И Людовик закрыл один из неконтролируемых каналов обогащения, которым, несомненно, пользовался Фуке. Он лишил сюринтенданта права подписи чеков для оплаты секретных государственных расходов. Фуке не сдержался и воскликнул: «Я теперь ничто»⁵. Он тут же понял свою ошибку и в ярости прикусил губу.

Над головой сюринтенданта сгущались тучи. Из разных источников поступали сведения о том, что Людовик намерен расправиться с ним. Но самоуверенный Фуке, человек, избалованный успехом у женщин и деньгами, авантюрист по природе, азартный игрок, игрок во всем, не обращал внимания на предостережения. Более того, он сам лишил себя правовой защиты. Высокий пост генерального прокурора Парижского парламента обеспечивал Фуке личную неприкосновенность. Король, похваливая сюринтенданта, советовал ему посвятить себя полностью государственным делам. Лесть сделала свое дело. Фуке продал должность прокурора за 1 миллион 400 тысяч ливров, из которых — наивность или ослепление? — миллион подарил королю, переправив деньги в одну из башен Венсенского замка. «Все идет хорошо. Он запутывает сам себя»⁶ — так оценил обстановку в беседе с Кольбером Людовик XIV.

Король ненавидел своего министра финансов. В этом чувстве слились воедино и политические, и личные мотивы. Людовик XIV жаждал абсолютной власти. Ему нужна была бесспорная демонстрация силы: полное сокрушение всемогущего Фуке. Сюринтендант не понял характера короля, самолюбивого, жаждущего славы и власти в непомерных размерах. Логика финансиста была простой: самовлюбленный юноша попытается взвалить на свои плечи непомерную тяжесть правления, неизбежно будет ею раздавлен и вскоре предпочтет государственным делам развлечения. Людовик действовал вопреки расчетам Фуке. Он решил доказать, что король все знает, все решает, а министры лишь исполняют его волю. Кольбер активно участвовал в осуществлении королевского замысла. Он предлагал готовые решения, авторство которых неизменно приписывалось королю.

Влияние и богатство Фуке, его известность, широкие связи во Франции да и в Европе мешали этим честолюбивым планам. У министра были свои люди при дворе, в финансовых, промышленных, административных кругах, в армии — повсюду, где правили деньги. И сюринтендант не скупился, щедро одаривал тех, кто был и мог быть ему полезен.

Впрочем, Людовик XIV хотел свести и личные счета с Фуке. Король был завистлив, мстителен и ревнив. Еще при жизни Мазарини, около 1659 года, Людовик, его мать и брат впервые посетили Во-ле-Виконт. Королевская семья прибыла без подготовки, так сказать, по-соседски. Хозяин радушно принял гостей. Размах и роскошь недостроенного дворца поразили Людовика, привыкшего слышать от властного кардинала только об очередных финансовых трудностях. Самолюбие монарха было уязвлено. Теперь его ненависть получила новую пищу.

А Фуке все более усложнял ситуацию. Он вторгся в святая святых: интимную жизнь короля. Людовик увлекся юной придворной Луизой де Лавальер. Девушка не отличалась ни особо привлекательной внешностью, ни знатным происхождением; не имела она и состояния. Но любовь слепа, и короли — не исключение.

Понимая, что Луиза, возможно, будет пользоваться политическим влиянием, Фуке, привыкший подкупать придворных дам, через доверенную особу предложил королевской фаворитке 200 тысяч франков. Оскорбленная женщина ответила, что никакие деньги не заставят ее сделать ложный шаг. Посредница почувствовала опасность. Ответ был необычен для двора, где продавалось и покупалось все. Сюринтенданту посоветовали опередить события, самому обвинить Луизу в вымогательстве. Фуке, подчинись своему необузданному темпераменту, поступил иначе. Встретив Луизу, он заговорил с ней о бесчисленных и неоценимых достоинствах Людовика XIV. Именно королю Луиза рассказала о беседе с сюринтендантом. Ревность Его Величества оказалась слепой и жестокой. «Непоправимая ошибка»⁷, — заметил историк Лер, оценивая поведение Фуке.

Действия Фуке затрагивали и другие болезненно-чувствительные струны короля. В сентябре 1658 года сюринтендант купил за 1 миллион 300 тысяч ливров остров Бель-Иль в Атлантическом океане. Эта бывшая монашеская обитель принадлежала семье кардинала Поля Реца, политика и писателя, одного из руководителей Фронды.

Примирение примирением, а крупная сделка с семьей Реца казалась окружению короля подозрительной. Правда, серьезных укреплений на острове не было. Стояла маленькая крепость, построенная на голландский манер: донжон и четыре башни, соединенные несколькими километрами укреплений. Уже полвека все оставалось без изменений. Сервьен предложил Мазарини приобрести остров.

Кардинал, с одной стороны, избегал столь очевидной авантюры, с другой — не хотел терять контроль над стратегическим пунктом, служившим рейдом для кораблей, следовавших из Америки. Мазарини решил проблему наилучшим для себя образом: Фуке купил остров «по приказу короля».

Итак, Людовика XIV раздражали богатство Фуке, его самомнение и необузданная гордыня, его надменный девиз: «Разве есть что-либо недоступное для меня?»⁸. Казалось, все на свете мог купить министр финансов, нанять лучших архитекторов, художников, оформителей, построить дворец, которому завидовали бы влиятельнейшие и богатейшие властители Европы. Именно так и увековечил себя Фуке. Он построил в своем владении Во-ле-Виконт дворец, способный поразить воображение самых тонких ценителей прекрасного и поднявший престиж хозяина на недостижимую высоту. Три окрестные деревни были разрушены, чтобы расширить строительную площадку. Для достижения своей цели финансист подобрал неповторимую «команду»: архитектор Луи Ливо, художник Шарль Лебрен, скульпторы Франсуа Жирардон и Франсуа Ангье, садовник Андре Ленотр. Сам Фуке, обладая изысканным вкусом, вникал во все детали архитектурного замысла, меблировки и внутренней отделки своего любимого детища.

Работы начались в 1656 году и продолжались около трех лет. До 18 тысяч человек трудились, не покладая рук. Здесь же Лебрен создал ателье по производству ковров, впоследствии превратившееся в королевскую мануфактуру гобеленов. Расходы были колоссальными. Они превысили 18 миллионов ливров (годовая зарплата 60 тыс. рабочих). Но в итоге Франция получила архитектурный и художественный шедевр общечеловеческого значения.

Космические крайности богатства! Они с безумной расточительностью проявились в Во-ле-Виконт, куда королевский кортеж прибыл в шесть часов вечера. Сделав полукруг, карета Людовика XIV остановилась у подъезда. Фуке открыл дверцу. Когда он со своим высоким гостем поднимался по ступенькам дворца, в глазах многих участников этой сцены застыл один и тот же вопрос: кто из двоих — монарх?

Сюринтендант хотел, чтобы праздник был незабываемым, превосходящим все, известные во Франции до него. Какое наивное безумство! Показать властелину, что его подданный безмерно богат и всемогущ. Вызвать зависть и ненависть у придворных, у всех титулованных особ, сплотить двор против себя. Такая близорукость означала, что для сюринтенданта праздник неизбежно превратится в трагедию.

Видимо, все это Фуке поймет позже. У него будет слишком много свободного времени — месяцы и годы — для раздумий. А пока он показывал гостям античные мраморные статуи, кариатиды в овальном салоне, картины Лебрена, на одной из которых была изображена Луиза де Лавальер, обитую парчой мебель, бесценные ковры.

Полны чудес были владения финансиста. Король и придворные в специальных колясках проехали по центральной аллее, по обеим сторонам которой сто фонтанов различной высоты образовали две прохладные водяные стены. С холма гостям открывалась панорама дворца с двумя симметричными крыльями, террасами, бассейнами, статуями, узорами из травы и цветов на фоне красного гравия. Видны были и каменные белки, играющие в лапах больших добродушных львов. Король и придворные хотели видеть все, даже огороды и апельсиновые деревья.

Затем началось пиршество. Гостей ожидали 80 накрытых столов и 30 буфетов с 6 тысячами тарелок и 400 блюдами из серебра. На столе Людовика XIV всеобщее внимание привлекал сервиз из массивного золота. Сервиз этот вызвал особое раздражение королевской семьи: ее золотая посуда была переплавлена для оплаты расходов на Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.) между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папой и Польшей) и антигабсбургской коалицией в составе протестантских князей, Франции, Швеции, Дании, которым оказывали содействие Англия, Голландия и Россия.

За столы сели сразу три тысячи человек. Всем нашлось место. Восторги не смолкали. Наоборот, они усилились, когда гости ознакомились с меню, составленным по лучшим образцам французского двора: фазаны, орталаны, перепелки, куропатки, суп из раков, запеченные паштеты, сладости, фрукты, вина из всех районов страны. Эта гастрономическая роскошь обошлась Фуке в непостижимую сумму — 120 тысяч ливров⁹. Солнце зашло. Посвежело. Все вернулись во дворец. Здесь состоялась лотерея. Наилучшая из возможных — беспроигрышная и с дорогими подарками: оружие, украшения, произведения искусства.

Программа праздника была, казалось, бесконечной. Спектакль Мольера в естественном зеленом театре. Грандиозный фейерверк. 400 ламп в форме лилий освещали аллею, по которым приглашенные вернулись во дворец для ужина. Только в два часа ночи Людовик XIV дал сигнал к отъезду. Кареты направились к большим узорчатым воротам. И вдруг крыша величественного здания словно взорвалась под ударами мощного ослепительного фейерверка. Лошади, запряженные в карету королевы, поднялись на дыбы. Их с трудом удержали. Небо раскололось над головами.

Взбешенный ослепительной роскошью праздника, король готов был арестовать сюринтенданта в его собственном доме. Мать удержала сына от безрассудного поступка.

Судьба Фуке была предрешена. Впоследствии Людовик XIV писал: «Недолго я находился в неведении его недобросовестности. Он не мог остановиться и продолжал свои непомерные расходы, строил укрепления, украшал дворцы, интриговал, передавал своим друзьям важные должности, покупаемые на мои средства, — и все это в надежде вскоре стать суверенным правителем государства»¹⁰.

События развивались в соответствии со сценарием Кольбера — главного заинтересованного лица. Он настойчиво и неторопливо убеждал короля, что «партия Фуке» — это «государство в государстве». Она враждебна королевской власти. А сам сюринтендант не чист на руку. Он преувеличивает расходы и скрывает доходы. При этом Кольбер умалчивал о том, что Фуке получил под свои личные гарантии для королевской казны 20 миллионов ливров и затем возместил их, разработал проекты финансовых реформ. В один ряд стройно выстраивались факты, свидетельствующие о недобросовестности сюринтенданта: огромные затраты на дворец в Во-ле-Виконт, дом в Сен-Манде (предместье Парижа), на строительство укреплений острова Бель-Иль.

Эпизод драмы свершился в Нанте. Людовик выехал туда из Фонтбло 27 августа 1661 года. Он прибыл в старинный замок герцогов Бретани через два с половиной дня, проделав немалое по тем временам расстояние в 350 километров. План ареста Фуке был разработан до деталей. Однако с присущим ему лицемерием Людовик предварительно решил выпотрошить «денежный мешок». По просьбе короля Фуке занял 200 тысяч ливров, нашел дополнительно 88 тысяч ливров на оплату расходов флота. Под давлением сюринтенданта дворянство Бретани подарило Людовику огромную сумму — 3 миллиона ливров. Но ничто уже не могло смягчить ненависть монарха. Операцией по «захвату» сюринтенданта руководил младший лейтенант первой роты мушкетеров Шарль де Ба Кастельмор, всемирно известный по романам Александра Дюма под именем д'Артаньяна (не следует путать с маршалом д'Артаньяном).

Три мушкетера! Кто в юности не увлекался их подвигами? Реальные ли это были люди или они — плод талантливой фантазии замечательного писателя? Да, французы с такими именами жили в свое время. Настоящее имя Атоса — Арманд де Сийер д'Атос д'Отовиль. Его отец — разбогатевший торговец, купивший дворянское звание. Атос умер в Париже в 1643 году. Портоса звали Исаак де Порто. Служил он в королевской гвардии и в роте мушкетеров. Дата смерти неизвестна. Аббат Арамис — в миру Анри Арамиц — был мушкетером под началом своего двоюродного брата Тревиля. Бог знает, когда он умер¹¹.

Письменные источники называют местом рождения Шарля д'Артаньяна замок Кастельмор. Какой уж там замок! Небольшой одноэтажный дом, много раз перестроенный. Богатства или даже достатка в нем никогда и не было. В конце 1644 года гасконец стал мушкетером. И с тех пор судьба постоянно сводила его с сильными мира сего. Ма-зарини давал мушкетеру ответственные поручения; во время Фронды д'Артаньян, например, поддерживал связи с командующими армиями, электорами (германские князья или епископы, избиравшие императора Священной Римской империи германской нации) Кёльна, Бонна.

Увы, солдатская жизнь никогда не была такой безоблачной и красивой, как представляют ее нам прославленные романисты. Даже немногочисленные мушкетеры — их вначале насчитывалось 100, а затем 150 — не имели своей формы и гарцевали на лошадях разного цвета. А каким мучением было стрелять из мушкета! Стрелок закладывал порох и пулю через ствол, зажигал фитиль. Мушкет, опирающийся на рогатину, он прислонял к щеке. Затем включал несложный механизм, опускавший фитиль на пороховой заряд.

В конце 60-х годов XVII века положение мушкетеров изменилось. Иногда сам король командовал ими. Появилась и красивая форма — лазурные плащи с серебряными крестами. И лошадей стали подбирать одной, серой масти. Отсюда и название, придуманное народом: «серые мушкетеры».

Судьба не подарила д'Артаньяну долголетия. Он погиб в июне 1673 года при осаде Маастрихта (центр провинции Лимбург в Нидерландах). Смерть была мгновенной. Пуля пробила горло. Мушкетеры, понеся большие потери, под градом пуль вынесли своего командира с поля боя. Как говорилось в «Дневнике осады Маастрихта», опубликованном в 1674 году, «д'Артаньян и слава лежат в одном гробу»¹².

В 1661 году до печального конца было еще далеко, а вот из мушкетера стать тюремщиком пришлось. 4 сентября Людовик XIV пригласил к себе д'Артаньяна и сначала устно, а затем письменно отдал приказ об аресте Фуке. «Сегодня утром сюринтендант пришел, как обычно, работать со мной, и я беседовал с ним то об одном, то о другом, делая вид, что ищу бумаги. Это продолжалось до тех пор, пока я не увидел через окно д'Артаньяна во дворе замка. Тогда я отпустил сюринтенданта»¹³, — сообщил Людовик в письме матери.

Трагические события в Нанте не были для Фуке неожиданными. Его давно предупреждали о том, что король намерен избавиться от своего министра финансов. Многие придворные не хотели исчезновения Фуке: он щедро разбрасывал деньги и раздавал должности. Некоторые опасались, что сюринтендант взбунтует соседние с Бель-Иль провинции — Нормандию и Бретань и дело дойдет до новой Фронды. Иными словами, расправа с Фуке была связана для Людовика с опасными осложнениями. «Из всех дел, которыми мне пришлось заниматься, арест сюринтенданта и суд над ним принесли мне самые большие огорчения и создали наибольшие трудности»¹⁴. Признание короля. Откровенное, правдивое.

Фуке был человеком самолюбивым и избалованным и, как ни странно, легкомысленным и доверчивым. Тревожные сигналы поступали к нему по разным каналам, прежде всего от придворных и администраторов. Накануне отъезда в Нант Фуке говорил государственному секретарю по иностранным делам Ломени де Бриену, что, по словам Анны Австрийской, король намерен захватить Бель-Иль. «Нант — Бель-Иль, Нант — Бель-Иль», — неоднократно повторял в ходе этой беседы сюринтендант.

В Нанте Бриен несколько раз посещал заболевшего и лежавшего в постели Фуке. Сюринтендант упорно считал, что арестуют не его, а Кольбера. Заблуждение было настолько непоколебимым, что Фуке распорядился привести в порядок тюремные помещения в замке Анжера. «Вас обманывают. Ваши друзья очень боятся за вас»¹⁵, — говорил Бриен своему упрямому другу.

До последнего мгновения у Фуке оставалась возможность избежать ареста. Отель де Руже, в котором министр жил в Нанте, подземным ходом сообщался с Луарой; у берега стояло готовое к отплытию судно. Но самонадеянный, верящий в счастливую звезду финансист не унился до бегства и жестоко поплатился за свое решение.

В день ареста сюринтенданта намечалась королевская охота. Заседание Государственного совета перенесли на более раннее время. А финансисту подготовили настоящую засаду. 40 мушкетеров на лошадях были готовы к атаке. Другие прогуливались по двору, расположились у выходов, ведущих из крепости. Вроде ничего необычного: так было всегда, когда Людовик отправлялся на охоту или прогулку. Д'Артаньян арестовал Фуке. Его посадили в карету вместе с четырьмя офицерами-мушкетерами. Вскоре к ним присоединились 100 человек охраны. Бывшего министра конвоировали как опаснейшего государственного преступника! А он оставался тем же самоуверенным человеком. Уже в пути Фуке написал коменданту Бель-Иль приказ о передаче острова королю. Он отдал этот документ д'Артаньяну, а тот переправил его Мишелю ле Телье. Опальный сюринтендант пожертвовал своим владением, на землю которого, кстати, его нога так ни разу и не ступила.

В тот же день, 5 сентября 1661 года, король объявил придворным об аресте Фуке. Воцарилось гробовое молчание. Только Юг де Лион, вскоре возглавивший дипломатическое ведомство, попросил разрешить жене опального министра разделить судьбу мужа, но получил категорический отказ. Мадам Фуке вынуждена была немедленно

уехать в Лимож. Детей (младшему было два месяца) отправили в Париж к бабушке. Пострадала вся семья сюринтенданта. Его братья, в том числе и озлобленный Базиль, лишились своих мест и были сосланы. После ареста в течение восьми месяцев Фуке тайно перевозили из тюрьмы в тюрьму: Нант, Анжер, Венсен. Бастилия была уже шестым местом заключения бывшего министра. Но к суду над ним начали готовиться без промедления. Уже 15 сентября 1661 года король создал специальный трибунал для расследования преступлений, совершенных в области финансов. Речь шла, таким образом, о гласном, большом и шумном политическом процессе. Обычно монарх пользовался иными, тайными и более надежными средствами. Он подписывал «летр де каше» — приказ об изгнании или заточении без суда и следствия. Свою подпись на документе ставил и государственный секретарь. О содержании бумаги, находившейся в конверте, узнать было невозможно, не сломав личной печати короля. Вначале «летр де каше» использовали для наказания придворных или министров, а затем и более широко — для заточения или ссылки любых неугодных властителю лиц. К Фуке этот испытанный метод Людовик XIV решил не применять, рассчитывая на угодничество суда. И просчитался¹⁶.

Со дня ареста сюринтенданта и до начала судебного процесса над ним прошло 38 месяцев. Кольбер принимал непосредственное и активное участие в подготовке суда над Фуке. Злоупотребляя служебным положением, он лично подбирал людей, знакомившихся с документами, с регистрами государственной казны. По указанию Кольбера мушкетеры пытались получить для публикации материалы, компрометирующие сюринтенданта. Но судебские чиновники сами отвезли досье в Фонтенбло королю, и Людовик через несколько дней вернул бумаги, кроме уничтоженных по его указанию писем, компрометировавших придворных дам. Люди Кольбера успели снять копии и распространить их с целью подогреть враждебные Фуке настроения.

Наибольшую опасность для Фуке представляла найденная в его доме в Сен-Манде, за зеркалом, рукопись (26 страниц), работу над которой он завершил в 1658 году. Это был «Проект восстания» против Мазарини. Сюринтендант писал о «злой воле» кардинала, его «абсолютной власти» над королем и королевой. Кардинал «убрал» бы и Фуке, но страшился его братьев, их друзей, их крепостей. «Итак, нужно всего бояться и все предвидеть»¹⁷, — говорилось в записке. Программа действий, намеченная Фуке, предусматривала укрепление островов Бель-Иль и Конкарно, отправку туда нескольких кораблей с людьми и снаряжением, покупку лошадей. Комендант Бель-Иль располагал для этого необходимыми деньгами. Десятки сторонников Фуке получили задания по снаряжению судов и солдат. Намечалось в момент выступления захватить влиятельных людей, например государственного секретаря по военным делам Мишеля ле Телье и других.

Фактически в проекте речь шла о гражданской войне с участием в ней населения близлежащих районов. По соседству с Бель-Иль находились вечно недовольные королевскими властями Нормандия и Бретань. Они тоже могли взбунтоваться.

Обнаружили в Сен-Манде и документы, разоблачавшие связи Фуке с особами прекрасного пола. Одна дама из окружения королевы получила в подарок 50 тысяч экю, другая — 30 тысяч и жемчуг, третья приобрела дом с помощью сюринтенданта финансов. Мужчины получали значительно большие суммы. За «полное взаимопонимание» Фуке заплатил герцогу Бранкасу 600 тысяч, герцогу Ришелье — 200 тысяч, маркизу Креки — 100 тысяч ливров. Финансист имел при дворе свою разведку и свою контрразведку. Он был в курсе всех придворных интриг.

16 ноября 1664 года генеральный прокурор обвинил Фуке в хищении государственных средств, в «оскорблении Величества» и потребовал для него смертной казни через повешение на площади перед Бастилией. Это был замысел короля. Он рассчитывал на безусловное послушание Правовой палаты — специально созданного чрезвычайного суда из 27 членов.

Кольбер и Людовик XIV оказывали неприкрытое давление на судей. 1 августа 1661 года наиболее влиятельные из них предстали перед королем, не скрывавшим политического смысла процесса. Председателя суда Ламуаньона, стремившегося к объективности, заменили канцлером Сегье, верным слугой короля и врагом Фуке. Но и Фуке не дремал. Готовясь к защите, он потребовал для изучения архивы — свыше 60 тысяч документов. Подсудимого защищали два адвоката. Они установили многочисленные факты нарушения законности: материалы следствия фальсифицировались; изымались одни документы и заменялись другими; подкупались свидетели; оказывалось давление на судей и адвокатов. Обвиняемый через друзей опубликовал материалы в свое оправдание, но власти захватили их в типографиях. Мари Мадлен, жена Фуке, находила новых издателей и новых читателей. В итоге репутации Кольбера и его «людей» был нанесен тяжелый удар.

Обстоятельной критике подверг судебный процесс над бывшим сюринтендантом писатель Поль Пелисон. Он написал «речь, обращенную к королю одним из его верных подданных по поводу процесса над Фуке». Аргументы? Судебные инстанции не имеют права заниматься делом министра финансов. Это юрисдикция монарха. Большинство судей заслуживало отзыва.

Как вел себя Фуке на суде? Он защищался умело и твердо, приводя в свое оправдание многочисленные документы. Их проверяли, обсуждали, снова проверяли, бесконечно спорили. «Враги (Фуке. — Ю. Б.) старались сделать веревку столь длинной, что она уже не могла удушить»¹⁸. Это замечание маршала Анри Тюренна правильно отражало обстановку.

Король и Кольбер рассчитывали, что Фуке приговорят к смертной казни за «оскорбление Величества», подготовку антигосударственного заговора. Фуке дал другое объяснение: он готовился защитить себя от Мазарини, а не от Его Величества. К тому же закон наказывал не за замысел, а за его осуществление.

Грозная тень Мазарини стояла за спиной Фуке. Как ни пытались избежать Людовик и Кольбер даже упоминания имени Мазарини, фактически судили покойного кардинала, а следовательно, королеву-мать и косвенно самого короля. Фуке обвинял Кольбера в исчезновении более чем 1200 писем Мазарини. Если бы Фуке располагал ими, суду стало бы ясно, что он действовал по указаниям кардинала или с его согласия, обогащая первого министра и не забывая о собственной выгоде. Бывший сюринтендант доказывал, что кардинал на свои личные расходы «заимствовал» из казенных денег от 18 до 20 миллионов ливров. Фуке обвиняли в том, что только за три года он истратил 23 миллиона. Подсудимый оспаривал эту цифру и доказывал, что источником его средств являлись деньги жены и личные доходы. Да и долги составляли 12 млн. ливров.

Сам же Фуке считал себя виноватым только в нарушении некоторых финансовых формальностей. Генеральный прокурор придерживался иного мнения. Он привел сведения о расходах Фуке. Так, в 1660 году содержание прислуги обошлось сюринтенданту в 371 тысячу ливров; придворная осведомительница мадам Дюплесси-Бельер получила от него 234 тысячи ливров. Оправдываясь, Фуке подсчитывал деньги, данные ему лично королем. Но арифметика подводила. Сюринтендант в общей сложности располагал 600 тысячами ливров дохода, а его расходы исчислялись миллионами. Многие растраты были бесспорными¹⁹.

Тем не менее первый докладчик на суде Ормессон главную ответственность за финансовые злоупотребления возложил на Мазарини. Он признал, что быстро нажитые состояния подозрительны в принципе, но отклонил обвинения Фуке в воровстве казенных денег, признав лишь наличие упущений в управлении финансами страны. Ормессон не нашел и оснований для обвинения подсудимого в тяжком преступлении — «оскорблении Величества».

Результаты голосования судей не отвечали надеждам короля и Кольбера: 9 голосов было подано за смертную казнь и 13 — за ссылку. Людовик XIV, по словам поэта Жана

Расина, в день объявления приговора сказал Луизе де Лавальер: «Если бы его приговорили к смертной казни, я бы дал ему умереть»²⁰. Казнить Фуке королю не удалось. Однако злопамятный Людовик нанес тяжелый удар бывшему министру финансов: он своей властью заменил ему ссылку пожизненным заключением. Редчайший случай, когда глава государства использовал гуманное право помилования для антигуманного акта — ужесточения наказания.

Наказал король не только Фуке. Ормессону, например, его беспристрастие дорого стоило. Он лишился интендантства и звания государственного советника. С некоторыми судьями поступили еще круче: их сослали. А осужденного отправили в долгий путь на франко-итальянскую границу — в крепость Пиньероль у подножия Альп в Северной Италии, которая перешла к Франции по договору 1631 года. Город нельзя было назвать ни французским, ни итальянским. Жители говорили на местном наречии. Проникнуть за городские стены было нелегко. Цитадель просто наглухо закрыли. Никто не мог переступить и порог камеры осужденного. Ему запретили не только переписываться, но и разговаривать с кем бы то ни было. Ни бумаги, ни перьев арестанту не давали. Обращаться он мог только к Богу во время мессы, проходившей не в часовне, а в комнате, примыкавшей к тюремной камере. Что поделаешь — приказ короля.

Роль королевского тюремщика превосходно исполнил д'Артаньян. Он заслужил высокую оценку Мишеля ле Телье. «Д'Артаньян выполнял свои функции по охране столь Пунктуально, что Фуке не получал никаких известий о том, что происходит в связи с ним»²¹, — писал государственный секретарь, выражая, несомненно, мнение короля. Иначе чем объяснить, что вскоре после осуждения Фуке д'Артаньян возглавил королевских мушкетеров? («Самая лучшая должность в королевстве»²², — заметил Колвбер.)

Прошло восемнадцать лет со дня ареста Фуке. И только в мае 1679 года его жена и дети получили разрешение на первое свидание в Пиньероле. Фуке оставалось жить несколько месяцев. В конце марта 1680 года он скончался. Правда, акта о его смерти не существует. Вскрытия тела не было. Гроб сразу запломбировали. Странные предосторожности. И в наши дни необычные обстоятельства смерти сюринтенданта питают легенду о мученике Никола Фуке, которого некоторые историки считают человеком в «железной маске»²³.

А каков приговор времени, приговор истории? Кто он — Никола Фуке? Невинная жертва королевского произвола? Да, жертва, но, увы, не невинная. Этот человек запускать обе руки в государственный карман. Так действовали при феодальном строе «финансовые боги» и до Фуке, и после него. Ответственность сюринтендант должен был поделить с фактическим главой государства — Мазарини. Отвечать пришлось одному Фуке. Но именно тень Мазарини спасла финансисту голову.

Приведем мнения ученых. Французский историк Пьер Клеман считает, что Фуке совершил государственное преступление²⁴. Безымянный автор предисловия к публикации писем, инструкций и записок Кольбера называет Фуке «бесстыдным взяточником», беззастенчиво грабившим казну²⁵. А денег сюринтенданту нужно было много, бесконечно много. Его обуревали две дорого стоившие страсти: дворцы и женщины. Трудно сказать, какой из этих стратегий он отдавал предпочтение, но обе, несомненно, требовали больших расходов.

Политическая дуэль с Кольбером закончилась поражением Фуке. «Кольбер показал себя значительно более сильным, чем Фуке. Он также ворует, но насколько более ловко, более тонко, более скрытно»²⁶, — пишет историк Мишель де Грес. Кольбер навсегда избавился от опасного конкурента и прочно занял место одого из главных должностных лиц в государстве.

Не слишком ли много внимания уделил автор трагической судьбе королевского министра финансов? Наверное, этот вопрос возникает у читателей. Да, внимание действительно большое. И, добавим, заслуженное. «Дело Фуке» явилось демонстрацией силы,

твердости молодого короля, его уверенности в себе, способствовало укреплению абсолютизма во Франции.

Правда, суд над Фуке вызвал глухое недовольство среди промышленников, финансистов, администраторов, некоторых аристократов. «Хотя ни одного слова по этому поводу не было произнесено, абсолютизма страшались. Многие не хотели допустить бесчестия обладателя должности, его разорения и даже смерти, потому что он кому-то не понравился. Сам не ведая того. Фуке стал рупором подпольной, но сильной оппозиции»²⁷. Эта оценка историка Жоржа Бордонов отражает те процессы, которые происходили во Франции в 60-х годах XVII века.

Король не собирался ни с кем делить власть: ни с новым кардиналом или первым министром, ни с матерью или другими кровными родственниками, ни со знатными аристократами, всегда готовыми ухватить самый большой кусок сладкого государственного пирога. Его Величество твердо и непреклонно решил стать самодержавным правителем Франции. Это первый урок «дела Фуке». Тонкая и всегда чреватая взрывами сфера финансов должна была находиться под постоянным королевским контролем. Беспощадное наказание — неизбежный удел каждого, кто запустит руку в казну. Отныне монарх решил не допускать, чтобы кто-либо, кроме него самого, распоряжался доходами и расходами государства. Да и сам пост всемогущего сюринтенданта финансов стал не нужен, более того, вреден. Таков второй урок «дела Фуке».

Общественное мнение — категория условная для XVII века и, тем не менее, реальная. Людовик рассчитывал взять его полностью под контроль. Переоценивая свое влияние на административную систему Франции, он решился на открытый процесс над бывшим министром. Но голову Фуке король не получил. Значит, следовало ограничить судебные, парламентские учреждения, поставить их под жесткий контроль надежных людей монарха. Вот и третий урок «дела Фуке».

И, наконец, расправа с сюринтендантом раскрыла значение политического наследия Ришелье и Мазарини для неограниченной королевской власти. Именно их идеи явились фундаментом здания абсолютной монархии, которое Людовик XIV перестроил по своему образу и подобию.

2

Наследие Ришелье и Мазарини

«Если Бог существует, то он этого человека наилучшим образом отблагодарит»¹. Кошунственная фраза! Самое удивительное, что произнес ее, имея в виду кардинала Ришелье, папа Урбан VIII. Шутка, конечно. Остроумный итальянец, восседавший на Святом престоле, любил пошутить.

Твердости духа и решительности Арману Жану дю Плес-си де Ришелье занимать не приходилось. Обстоятельства вынуждали. Сделать карьеру третьему сыну небогатого провинциального дворянина было трудно. Армана предназначали для военной службы. Но юноша увлекался теологией и в 23 года вместо своего брата Альфонса, принявшего монашеский постриг, стал епископом в Люсоне — небольшом городке в Вандее, в 448 километрах от Парижа. Люсон разрушили во время религиозных войн. Немногочисленное население жестоко страдало от болотной лихорадки. И молодой епископ, спасаясь от болезней, часто посещал свою обитель Куссей. Это не мешало Ришелье серьезно относиться к своим церковным обязанностям. Он восстановил собор. Не забывал о нуждах верующих. Держал в строгости духовенство. Особое внимание епископ — доктор Сорбонны — уделял теологии и истории. Он поддерживал полезные знакомства: с кардиналом Пьером Берюлем, одним из активных сторонников укрепления влияния католицизма во Франции; с отцом Жозефом (настоящее имя — Франсуа Леклерк дю Трамбле), известным под именем «серого преосвященства» — доверенного лица и советника Ришелье.

Но Люсон отталкивал честолюбивого молодого человека. Он писал, что это было «самое скверное епископство во всей Франции, самое грязное и самое неприятное»². Арман рвался на большую политическую арену. И он появился на ней 23 февраля 1615 года, когда его речь на заседании Генеральных штатов привлекла внимание Марии Медичи, матери Людовика XIII.

Вскоре королева-регентша назначила Ришелье духовником Анны Австрийской, жены Людовика XIII, а через некоторое время сделала его своим личным советником. В ноябре 1616 года Ришелье занял пост государственного секретаря по военным и иностранным делам. Недолго просидел епископ из Люсона в министерском кресле. Уже в следующем году он отправился вместе со своей благодетельницей в ссылку: неограниченному правлению Марии Медичи пришел конец — Людовик XIII подрос и намерен был править самостоятельно.

Три года продолжалась война между королевой-матерью и ее царствующим сыном. Примирил их епископ Люсонский. И Людовик XIII признает заслуги Ришелье. Епископ получает сан кардинала, а затем (в 1624 году) становится первым министром Франции.

На знаменитом портрете Филиппа де Шампеня мы видим кардинала Ришелье в мантии с красной шляпой в руке. Узкое бледное лицо выражает спокойствие и уверенность. Глаза холодные, жесткие. И вместе с тем во всей фигуре есть что-то женственное: тонкие руки с длинными пальцами, привыкшие к перу, а не к шпаге; покатые плечи, линию которых подчеркивает большой ослепительно белый воротник. На самом деле, разве не сочеталась в этом человеке мужская сила с женской гибкостью?

Сошлемся на свидетельство герцога Франсуа Ларошфуко. Он писал в своих мемуарах: «Кардинал Ришелье управлял государством и был обязан своим возвышением королеве-матери. Он обладал глубоким и пронизательным умом, жестким и трудным нравом; был либеральным, смелым в своих проектах, сдержанным в отношении себя лично. Он хотел утвердить власть короля и свою собственную власть, разгромив гугенотов и известные аристократические семьи королевства, а затем напасть на Австрийский дом и подорвать его мощь, столь опасную для Франции. Все, что не подчинялось его воле, вызывало его ненависть: он не знал границ как в возвышении своих ставленников, так и в уничтожении своих врагов»³. Добавим к этой характеристике, что в политической борьбе для Ришелье не существовало моральных принципов. Он без зазрения совести отправлял на эшафот или в тюрьму своих недавних друзей и сторонников и столь же просто заводил новых союзников.

Какое же наследие оставил неутомимый кардинал? Страну более населенную, чем Испания, Италия и Англия, вместе взятые. Регистры церковных приходов свидетельствовали о постоянном демографическом росте. Сельскохозяйственное производство находилось на подъеме. Увеличился выпуск шерстяных и полотняных тканей. Строительство в городах велось в соответствии с «французским стилем». Его образцы в Париже — дворцы в районе Маре и старая Королевская площадь. Казалось, что Франция была достаточно богатой, чтобы иметь союзников и их субсидировать, сражаться на нескольких фронтах, противостоя лучшим армиям Европы.

Но французской экономике были присущи свои слабости. Крестьяне применяли традиционные методы ведения хозяйства. Производительность труда была низкой. Французская металлургия казалась архаичной по сравнению с металлургией Англии. Франция располагала немногочисленным флотом. Банковской и биржевой систем фактически не существовало⁴.

Тучи в народном хозяйстве Франции сгустились после 1635 года, когда она открыто вступила в Тридцатилетнюю войну. В пограничных провинциях Пикардии, Шампани, Бургундии производство продовольствия резко сократилось. Цены на хлеб катастрофически росли. Бедняки тысячами умирали от голода. Именно на них обрушивались и военные тяготы, и страшные бедствия от эпидемий холеры, оспы, тифа.

Французской экономике не доставало динамизма, гибкости. Ощущалась нехватка драгоценных металлов. Их поступление сократилось в связи со свертыванием франко-испанской торговли. Уменьшился и экспорт текстильных изделий из Франции в европейские страны.

Правление Ришелье показало, что экономика страны нуждалась в модернизации, в «подтягивании» ее до уровня Англии и Голландии. Да и в этом случае возможности Франции оставались бы ограниченными, не отвечающими потребностям, порождаемым длительными войнами на нескольких фронтах.

Не в сфере экономики кардинал добился решающих успехов. «Главный итог государственной деятельности Ришелье, безусловно, состоит в утверждении абсолютизма во Франции. Именно он сумел глубоко и радикально перестроить сословную монархию в монархию абсолютную. Именно он подорвал политическую мощь аристократической оппозиции центральной (королевской) власти, добился существенных успехов в преодолении регионального сепаратизма и сословных партикуляризов, которым он противопоставил национальный и государственный интерес»⁵. Согласимся с этой оценкой историка П. П. Черкасова.

Первый министр активно и последовательно укреплял самодержавную власть короля. Он поддерживал дворян перед набиравшей экономическую силу буржуазией, пытался вовлечь их в торгово-экономическую деятельность. Согласно королевскому ордонансу, дворяне должны были заниматься внешней торговлей. Но аристократические предрассудки мешали этому. К тому же не дворяне, а выходцы из буржуазных семей предпочитали административные и финансовые должности, доходы от которых оказывались более значительными и устойчивыми, чем от коммерции.

Вместе с тем Ришелье явился провозвестником «концепции гражданского мира», гармонии интересов всех слоев общества, короля и народа. Но непременно при сохранении привилегий аристократии. Ришелье писал: «Ничем не следует пренебрегать во имя сохранения в собственности дворян имуществ, которые им оставили их отцы, и предоставления средств для приобретения новых»⁶. Цели кардинала, однако, состояли в том, чтобы заставить благородное сословие уважать и поддерживать абсолютную монархию, верой и правдой служить монарху, покончить с феодальной вольницей.

Дворяне, разделявшие взгляды Ришелье, получали его поддержку. В противном случае расправа была решительной. Летом 1626 года сводный брат короля Вандом, герцог Лонгвиль, маркиз Шале, герцогиня Шеврёз при поддержке Анны Австрийской организовали заговор против кардинала. Заговорщиков разоблачили. Шале, покинутый своими высокопоставленными друзьями, сложил голову на эшафоте. Такая же печальная судьба постигла аристократов графа де Монморанси-Бутевиля и графа де Шапелья, участвовавших в дуэли на Королевской площади в Париже, нарушив тем самым ордонанс Людовика XIII.

Серьезную угрозу для абсолютизма представляли влиятельные провинциальные правители-аристократы. В 1632 году герцог Монморанси, губернатор Лангедока, поднял антиправительственное восстание. Оно было разгромлено войсками короля. Мятежного герцога казнили в Тулузе. Затем были раскрыты заговоры графа Суассона, маркиза Сен-Мара, фаворита Людовика XIII, направленные против кардинала. Эти буйные головы мечтали о пересмотре политики Ришелье. Они поддерживали связи с Испанией, получали поддержку от членов королевской семьи и поэтому представляли угрозу для кардинала, особенно на фоне массовых народных волнений в стране. На протяжении 18-летнего правления Ришелье не было ни одного года, не отмеченного городскими или крестьянскими выступлениями, прежде всего против непосильных налогов.

Бесперебойное поступление налогов в казну обеспечивали провинциальные интенданты, назначаемые центральной властью из числа преданных ей чиновников. Власть интендантов укреплялась. Постепенно теряли свое значение прежние административные и судебные органы: провинциальные парламенты, финансовые и

судебные палаты, муниципальные власти, опиравшиеся в городах на местную милицию. Губернаторы нередко выполняли лишь представительские функции.

Родовое дворянство враждебно относилось к буржуазным «выскачкам», занимавшим посты судей и местных чиновников. Но принять решительные меры по вытеснению «плебеев» из системы государственного управления аристократия не могла. Все должности продавались, и никто не позволял себе даже поставить вопрос о ликвидации этого важного источника королевских доходов. Расчет ясен: тот, кто вкладывает деньги в определенный политический строй, не будет содействовать его разрушению. Разумный подход!

С чиновничеством кардинал вынужден был уживаться. А гугенотскую партию он твердо решил разгромить. Гугеноты, вдохновляемые герцогом Роаном, подняли восстание в Ларошели и Лангедоке. Ришелье осадил протестантскую столицу. 1 ноября 1628 года Людовик XIII вступил в разрушенный город, население которого тяжело пострадало от голода и болезней. Выиграв тяжелую войну с «неверными», король подтвердил Нантский эдикт 1598 года, предоставлявший свободу совести и вероисповедания, но не приложения к нему, дававшие протестантам политические и военные привилегии. Укрепления гугенотов были разрушены. Их ассамблеи запрещены. «Источники ереси и мятежа теперь уничтожены»⁷ — так писал кардинал королю.

Добившись успехов во внутренней политике, первый министр вплотную занялся международными делами. На первом месте в дипломатии Ришелье стояли государственные интересы. Им он отдавал предпочтение перед интересами династическими и религиозными. Кардинал боролся в союзе с германскими князьями-протестантами против гегемонии Испании и Австрии в Европе. Ришелье — сторонник абсолютизма — поддерживал тех германских правителей, которые выступали за ослабление власти императора. Таким образом, религиозные взгляды не оказывали решающего воздействия на деятельность Ришелье в сфере международной жизни. Говоря современным языком, кардинал, не выдвигая теоретических обоснований своих взглядов, на практике являлся сторонником деидеологизации межгосударственных отношений.

Политическое равновесие в Европе — вот цель Ришелье. На практике это означало активные действия во имя ослабления внешнеполитических позиций Испании и Священной Римской империи германской нации. Как добиться этого? Прежде всего, путем укрепления французских границ на востоке (как писал кардинал Людовику XIII, путь к Рейну проходил только через Лотарингию), на севере и на юге. Программа кардинала предусматривала завоевание Фландрии, поддержку Дании и Швеции, германских протестантских князей в их борьбе против императора, непосредственное участие французских войск в войне в Германии и с Испанией. В 1638 году под властью французов оказались Руссильон, юг Эльзаса и Каталония.

Важнейшая задача Ришелье состояла в том, чтобы ослабить Испанию, лишив ее владений в Италии. Кардинал понимал экономическое и военное значение Альп. Здесь пролегла дорога от Средиземного моря к центру Европы. За короткий период — с 1635 по 1642 год — Ришелье захватил часть Лотарингии и Эльзас, оккупировал в Северной Италии крепости Казаль и Пиньероль, поднял против испанцев Каталонию и Португалию. «Своей внешней политикой Ришелье положил конец католической империи Карла V и Филиппа II»⁸. Эти слова принадлежат известному французскому историку Эмилю Буржуа. С точки зрения кардинала, настоящий француз должен был ненавидеть испанцев. «Испания — вот враг»⁹, — утверждал Ришелье, считая, что австро-испанская коалиция повсюду угрожала Франции.

Отстаивая безопасность страны, кардинал выработал принципы национальной внешней политики. На первом плане — жизненные интересы государства, а не «аппетиты» королевской семьи. Безопасность — это категория неизмеримо более высокая, чем «величие».

Добавим также, что Ришелье положил начало французской колониальной политике. Она предусматривала создание сильного флота. «Не существует другого королевства, столь хорошо расположенного, как Франция, и столь богатого всеми необходимыми средствами, чтобы стать владычицей морей»¹⁰. Эти слова кардинала раскрывали его отношение к внешней торговле, которую он рассматривал как одно из условий богатства государства. При Ришелье возникли первые французские торговые компании, действовавшие в Канаде, Гвинее, на Антильских островах. Дипломатическими средствами кардинал стремился проложить дорогу французским купцам в Турцию, Иран, Россию.

Дипломатические методы и средства... Что понимал под этим Ришелье? В своем «Политическом завещании» он подчеркивал, что главное в дипломатии — переговоры. Их не следует прерывать ни в мирное время, ни в периоды военных действий. «Я осмелюсь дерзко сказать, что следует вести переговоры непрерывно, открыто и повсюду»¹¹. Развивая эту мысль, кардинал писал, что даже переговоры, не завершившиеся успехом, полезны как источник информации: тот, кто ведет их, «предупрежден обо всем, что происходит в мире»; надо «действовать повсюду — вблизи и вдали»¹².

Одна из важных тем переговоров — внешнеполитические союзы. Они могут быть различными: фамильные, между государствами, имеющими общие интересы. В случае опасности любые союзы законны, подчеркивал Ришелье. И если они заключены, то следует сохранять им верность. «Короли должны остерегаться договоров, которые они заключают; но когда дело сделано, договоры должны уважаться, как религия»¹³.

Ришелье умело подбирал и дипломатов, и администраторов, и военачальников. Это позволило ему почти два десятилетия управлять французским государством. Власть кардинала была жесткой. Внутри страны огнем и мечом, подкупом и обманом он пресек сепаратистские тенденции влиятельных аристократов, нанес тяжелые удары по гугенотской оппозиции, укрепил государственный аппарат абсолютной монархии.

В сфере международной жизни кардинал добился немалых успехов. Он создал систему французских союзов в Европе, ослабил позиции испанских и австрийских Габсбургов, обеспечил фактическую независимость отдельных германских княжеств, вел активную политику в Италии. Смерть Ришелье в 1642 году не изменила главных направлений французской внешней политики. Он вручил ее в руки «своему человеку» — Джулио Мазарини, который, не будучи духовным лицом, стал кардиналом по воле всемогущего первого министра.

Мазарини начал карьеру военным. В 28 лет он перешел на дипломатическую службу Ватикана. Вначале был назначен вице-легатом в Авиньоне, потом нунцием в Париже. По рекомендации умирающего Ришелье Людовик XIII сделал Мазарини главой правительства.

В 1643 году Людовик XIII скончался. Наследнику престола не было еще и пяти лет. Его мать Анна Австрийская, вопреки завещанию мужа, предусмотревшего создание регентского совета, стала единоличной правительницей страны. Фактическая власть перешла в руки ее фаворита Мазарини, ставленника Ришелье.

Непопулярность нового правителя Франции была редкой даже для государственного деятеля иностранного происхождения. И аристократы, и люди из народа презирали итальянца, осуждали его лицемерие и вероломство, ненасытное стяжательство. Бесчисленные племянницы и племянники кардинала, Манчини и Буффалини, разбогатели и вступили в браки с именитыми французскими аристократами. Изгнания фаворита требовали все: от принцев до плебеев. Но Мазарини пользовался могущественной поддержкой регентши, Анны Австрийской. Она помогла ему выдержать испытания политической борьбы. Кардинал одержал победу над противниками и благодаря таким своим личным качествам, как хладнокровие и умение путем переговоров добиваться компромиссов.

Мазарини оказался перед лицом экономического и финансового кризиса, явившегося следствием Тридцатилетней войны. Экономика страны была парализована в результате упадка внешней торговли и катастрофически низких урожаев, сокращения текстильного производства. В таких условиях Мазарини осуществил ряд непопулярных мер. Он ввел новые налоги, вызвавшие недовольство буржуазии, особенно парижской, обложил судейское чиновничество дополнительным сбором за наследование должностей. Это была последняя капля, переполнившая чашу общественного недовольства. Абсолютистский режим вступил в стадию острого кризиса, вошедшего в историю под названием Фронды. Ее первый этап начался в 1648 году. 13 мая Парижский парламент выдвинул программу, предусматривавшую отзыв интендантов, введение новых налогов только с согласия выборных учреждений, предъявление обвинений арестованному в течение суток, право наследования должностей и т. д. Эти требования получили широкую поддержку в стране. Движение, направленное против абсолютизма, стало народным. Крестьяне прекращали уплату налогов, отказывались от выполнения феодальных повинностей. Была возможность ограничиться умеренной реформой. Но королева и Мазарини решили иначе. Вольнодумцев-парламентариев арестовали. Сколько раз в истории государственные деятели совершали аналогичные ошибки, слепо веря во всемогущество кулака. И не считаешь! Результат неизменно был один и тот же: резкое обострение конфликтов. Так произошло и на этот раз. В Париже за одну ночь построили 1200 баррикад. Буржуа и бедняки плечом к плечу сражались с солдатами короля. Мазарини отступил. Многие требования Парижского парламента он принял.

Но гражданская война не прекратилась. В ночь с 5 на 6 января 1649 года король, его семья, придворные бежали в предместье столицы — Сен-Жермен-ан-Ле. Королевские войска под командованием Конде более трех месяцев сражались с парижанами. Среди населения города начался раскол. Беднота требовала расправы со спекулянтами, конфискации их имущества, а буржуа и чиновники боялись взбунтовавшегося народа. Масла в огонь подлило известие из Лондона о казни английского короля Карла I. Во Франции события могли пойти по английскому пути. Парижский парламент вступил в тайные переговоры с властями, и 11 марта 1649 года его председатель Моле подписал мирный договор, точнее — капитуляцию мятежного Парижа перед королем, регентшей и Мазарини. Двор торжественно въехал в столицу. Парламентская Фронда закончилась.

Но в истории Фронды рано еще ставить точку. В 1650 году начался ее новый этап — мятеж принцев. В его основе лежала борьба за власть между Мазарини и младшей ветвью Бурбонов: Конде и его братом Конти. Оба они были арестованы. Сторонники принцев сгруппировались в Аквитании и в районе Седана, но были разогнаны правительственными войсками. Конфликт закончился тем, что мятежных вельмож купили должностями губернаторов, богатыми пенсиями, титулами. Сами по себе события большого политического значения не имели. Суть не в них, в другом. Духовенство и дворянство выдвинули требования, многие из которых вскоре стали программными для Людовика XIV: отказ от «узурпации» власти короля первым министром; ограничение прав парламента; ограничение произвола откупщиков и других финансистов; сохранение доходов дворян; облегчение положения крестьянства в деревне за счет налогообложения торговцев и промышленников; ликвидация протестантизма во Франции; отказ от продажи должностей; создание такого Государственного совета, в котором были бы представлены все три сословия страны.

Речь шла, таким образом, о крупных реформах. Но ни дворянство, ни парламент не были в состоянии вести эффективную борьбу с монархией. Фронда принцев к 1653 году потерпела фиаско. Мазарини, в ходе политической борьбы дважды покидавший Париж и дважды в него возвращавшийся, укрепил свои позиции. В конечном счете итоги гражданской войны были печальными для Франции. Внешняя торговля дезорганизована. Флот уничтожен. Резко сократилось население в деревнях Иль-де-Франс, Шампани,

Пикардии, где свирепствовали голод и эпидемии. Через двадцать лет кровопускание пагубно скажется на рождаемости в стране¹⁴.

Внутренними делами кардинал занимался вынужденно, в силу необходимости. А вот внешняя политика являлась его любимым делом. Мазарини в совершенстве владел дипломатическим искусством. Живой, гибкий ум. Внешняя скромность, мягкость — столь отличные от жесткости и властности Ришелье. Кардинал предпочитал тишь кабинетов, избегал показываться на публике, был немногословен, готов был позволить говорить кому угодно и сколько угодно, лишь бы ему не мешали действовать.

Не только гибкость и реализм отличали Мазарини. Он не был лишен и дипломатической фантазии. Примеры? Приведем лишь один, но достаточно яркий. В апреле 1657 года скончался император Священной Римской империи германской нации Фердинанд III. Кардинал решил посадить на освободившийся трон «своего человека». Он предложил графа Нейбурга, затем электора Баварии. Безуспешные попытки! Тогда Мазарини сделал невероятный ход: он выдвинул кандидатуру юного французского короля, являвшегося по Вестфальскому миру германским принцем. Продвигая своего кандидата, кардинал не жалел денег: 60 тысяч экю получил электор Пфальца, 100 тысяч — электор Бранденбурга, по 20 тысяч экю — электоры Кельна и Трира. Но никто из «обласканных» Мазарини германских правителей не хотел видеть французского монарха на императорском престоле (хотя Людовик XIV лично пожаловал в Мец осенью 1657 года). Исход голосования был предрешен. Императором избрали представителя австрийских Габсбургов Леопольда I.

Два мирных договора — Вестфальский и Пиренейский — увенчали дипломатическую деятельность Ришелье и Мазарини. Вестфальский мирный договор 1648 года завершил общеевропейский конфликт — Тридцатилетнюю войну, которая с ожесточением велась на территории Германии и привела к большим жертвам и разрушениям. В Европе произошли территориальные изменения. Франция, в частности, окончательно присоединила к себе три лотарингских епископства — Туль, Мец и Верден, получила Эльзас (без Страсбурга). Политическая раздробленность Германии была закреплена. Обе ветви Габсбургов — испанская и австрийская — оказались ослабленными.

Пиренейский мир 1659 года завершил войну между Францией и Испанией. Французская территория значительно расширилась, хотя французы вернули Испании захваченные ими в ходе военных действий районы Каталонии, Франш-Конте и крепости в Нидерландах. К Франции отошли часть Фландрии с несколькими крепостями, основная территория графства Артуа, графство Руссильон. Новая франко-испанская граница проходила по Пиренеям. Испанцы отказались от притязаний на захваченные французами Эльзас и Брейзах, подтвердили права Людовика XIV на королевство Наварру. Мазарини подписался под обязательством не оказывать помощи Португалии, находившейся в состоянии войны с Испанией.

Династические связи закрепили новый этап во франко-испанских отношениях. Людовик XIV вступил в брак с испанской инфантой Марией Терезией. В брачном контракте имелось необычное условие, сыгравшее в дальнейшем большую роль в истории международных отношений в Европе. Приданое инфанты — 500 тысяч золотых экю — выплачивалось в точно установленные сроки — в течение полутора лет. Только при соблюдении этого требования Мария Терезия отказывалась от своих прав на испанский престол. Расчетливый кардинал был убежден: в разоренной Испании не найдется гигантской суммы и французская дипломатия сохранит полную свободу рук в испанских делах. Так оно и случилось в будущем.

Единую внешнюю политику проводили два разных человека: Мазарини и Ришелье. Силовые методы Ришелье Мазарини использовать не хотел. Хитрого итальянца — «чужака» — ненавидели во Франции. А как бы ни ругали Ришелье — он был «свой». Анна Австрийская всемерно поддерживала Мазарини. Но власть регентши была опорой

ненадежной. Да и сам кардинал являлся сторонником переговоров и компромиссов, а не насилия. Для него всегда худой мир был лучше доброй ссоры, хотя применения оружия ему избежать не удавалось. Мятежами были охвачены город Дижон, области Перигор, Нормандия.

Несмотря на различия, многое сближало двух святых отцов. Что именно? Преданность монархическому режиму, интересы которого они объявляли национальными, государственными. Признание привилегий аристократии, хотя и значительно урезанных. Общие принципы и цели внутренней и внешней политики. Ненасытная жажда богатства, особенно неумемная у Мазарини и реализованная им в различных формах собственности — недвижимом и движимом имуществе, предметах роскоши и искусства. Так, в инвентарном списке, составленном после смерти Мазарини, числилось 200 статуй, античных произведений из мрамора, 450 картин знаменитых мастеров, огромное количество драгоценных камней, 30 тысяч книг. Мазарини владел самыми красивыми бриллиантами в Европе. Часть его сокровищ стала достоянием короля, часть — семейства Манчини. Библиотеку получил основанный кардиналом коллеж Четырех Наций¹⁵.

Автор многотомной истории французской дипломатии Флассан пишет, что характер Мазарини был «соткан из честолюбия, жадности и хитрости; но так как последняя часто сопровождается неуверенностью, Мазарини был труслив. Зная слабость людей к богатству, он их тешил надеждами. Его сердце было холодным; оно не знало ни ненависти, ни дружбы, но кардинал проявлял эти качества в своих интересах и в целях своей политики. Неизменно спокойный, он, казалось, был далек от страстей, которые часто волнуют людей. Никто и никогда не мог у него вырвать ни тайну, ни нескромное слово. Он без зазрения совести нарушал свое слово частным лицам, но похвалялся верностью договорам, чтобы сгладить недоверие, которое в этом отношении вызывала Франция при правительстве Ришелье. Выжидание являлось методом, которому Мазарини оказывал предпочтение; и он этот метод успешно использовал как в государственных делах, так и при решении личных проблем, которые у него возникали. Мазарини развязывал узлы в политике неторопливо и осторожно, а Ришелье решал трудности ударом шпаги солдата или топора палача. Мазарини прикидывался уступчивым, чтобы надежнее обеспечить победу, а Ришелье бросал вызов штормам и бурям. Первый прекрасно знал дипломатическую кухню, второй ею часто пренебрегал, обуреваемый безмерной гордыней. Ришелье был дерзким интриганом. Мазарини — интриганом боязливым»¹⁶. К такому остроумному и в целом справедливому выводу пришел Флассан.

Итак, какое же наследие получил Людовик XIV от двух всемогущих кардиналов?

Мануфактуры во Франции по своей технической оснащенности отставали от английских и голландских. По уровню развития внешней торговли, военного и торгового флота Франция не могла конкурировать с Англией и Голландией. Трудное положение сложилось во всех сферах общественной жизни. Население страны страдало от быстрой смены коротких периодов относительной сытости многими годами голода и эпидемий, уносивших тысячи человеческих жизней. Финансовую систему страны подрывали растраты и злоупотребления.

В сфере внутренней политики воцарилось временное спокойствие. Фронда потерпела поражение. Режим абсолютной королевской власти окреп. Министры короля и он сам крепко держали бразды правления в своих руках. Интенданты на местах стали реальными правителями. И хотя народные волнения не прекращались, положение в стране было достаточно устойчивым. Людовик XIV использовал полученную им передышку для укрепления армии и строительства флота, установления строгого контроля над финансами. Фактически шла подготовка к новым кровопролитным и опустошительным войнам.

Правда, до новых битв было еще далеко — несколько лет. А пока французы жили в условиях, от которых, казалось, давно отвыкли, — в условиях мира и нерушимых границ.

Два мирных договора — Вестфальский и Пиренейский — укрепили позиции Франции в Европе.

Увы, совсем другие планы занимали молодого короля, получившего наконец в свои руки единоличную власть.

3

Человек или полубог?

Сам он верил в свое божественное происхождение. Но непорочного зачатия не было. Наследник французского престола появился на свет божий так же, как все без исключения люди на Земле. Родился он 5 сентября 1638 года во дворце Сен-Жермен-ан-Ле, расположенном в 6 километрах от Парижа. Его отец Людовик XIII умер, когда мальчику было пять лет. И с 14 мая 1643 года он — король Франции и Наварры.

Анна Австрийская, королева-мать, стремилась воспитать сына набожным, хотя сама никогда не приносила в жертву религиозным канонам свои страсти. Сама воспитанная при чопорном испанском дворе, она добивалась и от мальчика преклонения перед этикетом. Наставник юного Людовика Мазарини создал для себя особую должность сюринтенданта по воспитанию короля. Кардинал прошел жесткую школу Ватикана и, в совершенстве владея искусством интриги, преподавал «ремесло короля». Он учил юношу методам ведения государственных дел, дипломатических переговоров. Большое внимание Мазарини уделял урокам политической психологии, «человековедения». Он привил своему ученику вкус к скрытности, воспитал у него страсть к славе, веру в свою непогрешимость. Постепенно Людовик XIV терял чувство меры, вступал в противоречие со здравым смыслом, с реальными фактами и событиями политической жизни. Вместе с тем развивалась и такая отрицательная черта его характера, как злопамятность. Он не забывал измен, не прощал вольных и невольных оскорблений.

Военное воспитание юноши началось рано. В 20 лет он уже проводил много времени в войсках, следил за их операциями, вел переписку с генералами, обсуждал с ними планы боевых действий. Возможно, для монарха все это необходимо, хотя и недостаточно. Но учили Людовика, как он сам считал (правда, всегда говоря об этом с кокетством), плохо. Письма папы, написанные по латыни, он прочесть не мог, и ему готовили переводы. Только благодаря самому себе, говорил Людовик, «он с честью вышел из своей необразованности»¹.

Тем не менее король высоко ценил «школу Мазарини». В своих «Мемуарах» Людовик XIV пишет о министре, «которого он любил; оказавшем ему большие услуги». Кардинал не расставался с молодым человеком до последних дней своей жизни. За два дня до смерти, 7 марта 1661 года, он долго беседовал с Людовиком, излагая ему свое политическое кредо: сохранить церкви ее права и привилегии; облегчить народу бремя налогов; считать дворянство своей «правой рукой», не допуская его к политической власти; держать судейское сословие «в границах его обязанностей»².

Духовное и физическое начала гармонично сочетались в короле. Он был хорошо сложен и особенно гордился своими ногами, «самыми красивыми» в королевстве (они тщательно выписаны на знаменитом портрете Риго, находящемся в Лувре). Природное изящество сочеталось с величественной осанкой, спокойным взглядом, непоколебимой уверенностью в себе.

У Его Величества было завидное здоровье, редкое по тем трудным для жизни человека временам. Он стойко переносил не только многочисленные болезни, опасные эксперименты своих врачей, но и испытания бесконечными развлечениями, балами, охотой. Анализ любопытнейшего документа — «Рукописного дневника здоровья короля», который в течение многих лет исправно вели придворные врачи, — показывает, что сама природа вооружила Людовика XIV могучими защитными силами, способными противостоять безжалостной средневековой медицине. Для «лечения» короля врачи часто

прибегали к обильному кровопусканию, вскрывали даже вены на лбу. Как средство от всех болезней — подагры, головных болей, бессонницы, несварения желудка и даже насморка — королю прописывали слабительное. Назначали лекарства с самыми невероятными ингредиентами — от растертой в порошок гадюки до лошадиного навоза. Отсюда и тяжелые болезни: нарушение пищеварения, воспалительные процессы в кишечнике, фурункулез, головокружения. Придворные медики были скорее мучителями, чем целителями. Диву даешься, как мог Людовик выдерживать поистине варварские методы лечения. Придворный врач Валло справедливо писал о «героическом здоровье» короля³.

Здоровье Людовика было действительно «героическим». Он с детства страдал булимией (неутолимый голодом, вызывавшим невероятный аппетит). Анна Австрийская писала, что ее сын за обедом съедает четыре полных тарелки разных острых супов, целых фазана и пердрикса, тарелку салата, два больших куса ветчины, баранину в чесночном соусе, сладкое. К этой горе съестного ненасытный монарх добавлял фрукты и крутые яйца. И ел не только днем. Королевский врач Фагон рассказывал, что и по ночам Его Величество любил полакомиться холодной дичью и кровавым бараньим жарким⁴. Он глотал пищу большими кусками, не пережевывая. Просто не мог этого делать: у Людовика врачи неумело вырвали зубы верхней челюсти.

Итак, Людовик XIV был физически крепким. У него одни болезни из года в год словно уравнивали другие. И в 60 лет он ездил верхом и управлял каретой с четырьмя лошадьми, метко стрелял на охоте. А что представлял собой король как человек? Много разноречивых мнений высказано по этому поводу! Начнем с оценки современника, герцога Сен-Симона, блестящего мемуариста, долгое время жившего при дворе и оставившего после себя многотомные воспоминания, поражающие бесчисленным количеством событийных и биографических сведений, обилием деталей, меткостью оценок, тонким юмором, а иногда и злобным сарказмом.

Сен-Симон не любил Людовика XIV и весьма нелестно отзывался о его способностях и личных качествах. Король не получил философской и исторической подготовки, не изучал биографий государственных и общественных деятелей, не был сведущ в юриспруденции. «Ум короля, — замечает Сен-Симон, — был ниже среднего, не обладал большой способностью к совершенствованию». К восхвалению своей личности толкало Людовика и бесконечное тщеславие. «Похвала, скажем лучше — лесть, нравилась ему до такой степени, что он охотно принимал самую грубую, а самую низкую смаковал еще сильнее. Только таким способом можно было приблизиться к нему, и те, кого он любил, были обязаны этим удачному подлаживанию и неутомимости в лестии... Хитрость, низость, подбодрение, униженная поза, пресмыкательство, всего же лучше умение показать, будто кроме него ничего не существует, — только таким путем можно было ему понравиться. Стоило человеку хоть немного уклониться от этого пути, и возврата уже не было»⁵.

Приведем и слова человека, сыгравшего и в истории, и в политике, и в литературе несравненно более значительную роль, чем Сен-Симон, слова Вольтера. Он писал о Людовике XIV: «Время, придающее зрелость мнениям людей, наложило печать на его репутацию. Вопреки всему тому, что писали против него, его имя не произносят без уважения и вне связи с вечно памятным веком. Если рассматривают личную жизнь этого государя, то его видят, говоря по правде, чрезмерно переполненным своим величием, но приветливым; не допускающим участия своей матери в управлении, но выполняющим все обязанности сына и соблюдающим в отношении своей супруги все внешние признаки приличий; хорошим отцом, умелым правителем, всегда благопристойным на публике, трудолюбивым, безупречным в делах, думающим, легко говорящим, сочетающим любезность с достоинством»⁶.

Итак, хороший сын и отец, трудолюбивый, исполнительный, благопристойный, любезный монарх. Не правда ли, букет добродетелей?

А вот оценка великого политика и полководца Наполеона Бонапарта. В своем далеком заточении на острове Святой Елены он размышлял о многом; для этого у него было достаточно свободного времени. Из поля зрения свергнутого императора не выпала и фигура Короля-Солнца. Наполеон говорил: «Людовик XIV был великим королем: это он возвел Францию в ранг первых наций Европы; это он впервые (во французской истории. — Ю. Б.) имел 400 тысяч человек под ружьем и сто кораблей на море; он присоединил к Франции Франш-Конте, Руссильон, Фландрию; он посадил одного из своих детей на трон Испании... Какой король Франции со времени Карла Великого может сравниться с Людовиком во всех отношениях?»⁷.

Противоположной точки зрения придерживался Уинстон Черчилль, британский премьер-министр времен второй мировой войны. Он писал: «На протяжении всей своей жизни Людовик XIV был чумой и проклятьем для Европы. Никогда еще самый злобный враг человеческой свободы не ставил такую западную цивилизации. Ненасытная жажда захватов, безжалостная вера, непомерное тщеславие были подкреплены железом и огнем. Внешний лоск и хорошие манеры, пышный церемониал и отработанный этикет лишь подчеркивали низость его образа жизни. Большого уважения заслуживают варвары-завоеватели, чем этот денди на высоких каблуках со своим огромным париком, спесиво разгуливающий между склоненными в реверансах любовницами и приветствующими его священнослужителями»⁸.

Для полноты картины приведем высказывания историков. Прежде всего, французских. Жорж Дюби считал, что Людовик XIV последовательно, скрупулезно и настойчиво занимался «ремеслом» короля. Он, замечает Дюби, обладал «врожденной гордыней, безмерной злопамятностью, эгоизмом — глубоким и откровенно выражаемым; и, наконец, большой чувственностью»⁹. Более жесткой позиции придерживается Пьер Губер. По его мнению, король воплощал в себе «воинствующий, нетерпимый и кровавый деспотизм», и поэтому не случайно Бурбоны в качестве достойного подражания примера называли не Людовика, а «добротного короля Генриха» (имеется в виду Генрих IV. — Ю. Б.)¹⁰. И наконец, точка зрения известного русского историка А. Н. Савина: «Если сопоставить с мемуарами известные нам документы более достоверного характера, то придется признать, что Людовик XIV был человеком средним»¹¹.

Широкая гамма мнений и оценок! Пришла пора и автору книги определить свою позицию.

Увы, государственные деятели не столь часто бывают талантливыми людьми. У многих трудно, а иногда и просто невозможно отличить собственные мысли и дела от чужих. Высокий пост придает ореол величия. Но разве кто-нибудь посчитал, сколько людей безвольных, недобросовестных и преступных, невежественных, и некультурных оказывались волей судеб восседающими на тронах?

Людовик XIV обладал противоречивым характером. Трудолюбие, решимость и твердость в осуществлении принятых решений сочетались с непоколебимым упрямством. Король ценил людей образованных и талантливых. Однако ближайших сотрудников подбирал, соблюдая одно неперемное условие: они ни в чем не должны были затмевать Короля-Солнце. Необычайные самомнение и властолюбие, отсутствие чувства справедливости. И вместе с тем сдержанность, уравновешенность, вежливость. Король кланялся даже горничным. Правда, говорили, что один раз он ударил палкой лакея, который на его глазах положил в карманы сладости, приготовленные для придворных. Разумеется, после этого Его Величество немедленно направился к своему духовнику для покаяния.

Эгоизм, точнее — эгоцентризм, был ведущим качеством Людовика XIV, фундаментом его мировоззрения, жизни и деятельности. Эгоизм определял каждый поступок короля, от малого до большого. «Король никого не любит и не считается ни с кем, кроме самого себя, и сам для себя является последней целью существования»¹². Слова Сен-Симона. Их подтверждают свидетельства и других современников. Так, будучи

холодным, бессердечным человеком, вечно занятым самим собой, Людовик в день смерти своего брата насвистывал какую-то арию, требовал от служащих улыбок и веселых лиц. Он испытывал теплые чувства к жене своего внука герцогине Бургундской, но заставлял ее, больную, вставать с постели и участвовать в придворных праздниках.

Королевское бессердечие не имело границ, нередко переходя в произвол и жестокость. Своенравный монарх позволял себе и авантюрные выходки. По его приказу, например, был арестован и заключен в тюрьму Венсенского замка герцог Мекленбургский, приехавший в Париж развлечься от трудов ратных. Вины перед Людовиком у немецкого гостя не было. Но он нарушил обязательства перед союзником Франции — Данией — и понес наказание, просидев в холодной тюремной башне три месяца. «Это означало, что король занимался не политикой, а выполнял жандармские функции в Европе». Замечание французского историка Руссе, с которым трудно не согласиться.

Впрочем, герцог Мекленбургский отделался легким испугом. А вот оскорбление Величества наказывалось жестоко. У женщины на строительных работах в Версале погиб сын. Она кричала Людовику: «Развратник, тиран». Ошеломленный самодержец спросил, знает ли она, с кем говорит? И получил утвердительный ответ. Женщину высекли и посадили в сумасшедший дом. Мужчине, публично обругавшему короля, отрезали язык и послали на галеры¹³.

Однажды на Гревской площади повесили переплетчика и наборщика. На всеобщее обозрение выставили сделанную ими гравюру. На ней был изображен памятник Людовику XIV на площади Побед. Победенных врагов заменили статуи четырех женщин, держащих в руках концы цепей, которыми был закован король. Два человека поплатились жизнью за невинную шутку.

Лицемерие всегда было присуще королю. Он призывал единственного сына к супружеской верности, считая ее желательной, но вместе с тем и невозможной ввиду множества искушений, перед которыми трудно устоять. Список королевских фавориток — длинный, причем некоторые из них пребывали в этом «звании» долгие годы. Увлечение женской красотой, по мнению Людовика XIV, не должно сводить монарха с пути служения государственным интересам. К тому же, чем выше и недоступнее будет обожаемый государь, тем сильнее будут у ошарашенной им женщины чувства любви и привязанности. Согласимся с Флассаном, писавшим, что «пылкие страсти» толкали Людовика к женщинам, к роскоши праздников и представлений, к помпезности и особенно к завоеваниям, которые он считал «развлечением короля».

Иными словами, монарх был весьма далек от строгой христианской морали. Но он компенсировал свои грехи религиозным рвением. За всю свою жизнь Людовик XIV один раз пропустил мессу, да и то в армии, во время похода. Он усердно посещал церковь, редко нарушал посты, особенно Рождественский и Великий. В церкви вел себя благочестиво. Исповедовался пять раз в году, возложив на себя цепь ордена Святого духа и облачившись в мантию. Каялся — и опять грешил!

Грешная жизнь короля и его семьи стоила дорого французскому народу. «Вас подняли до неба..., сделав бедной всю Францию, чтобы ввести при дворе чудовищную и неискоренимую роскошь. Ваше имя сделали ненавистным, а всю французскую нацию нестерпимой для наших соседей»¹⁴. Эти слова были написаны известным религиозным писателем епископом Франсуа Фенелоном.

«Чудовищная и неискоренимая роскошь». В одном лишь 1685 году король купил бриллиантов на 2 миллиона ливров. Расплачиваться пришлось военному флоту Франции: его бюджет урезали на 4 миллиона ливров. В это же время вышла замуж побочная дочь короля мадемуазель Нант. Любящий отец порадовал молодых супругов щедрыми дарами: миллион ливров наличными, драгоценности стоимостью в 100 тысяч экю, 100 тысяч ливров ежегодной пенсии. Щедрость, не знающая границ!

Людовик оплачивал расходы сына (ежемесячно 50 тыс. ливров на одни развлечения), внуков, брата и других членов семьи, свои собственные «карточные» утехы, фантастические проигрыши жены и фавориток. В апреле 1684 года, например, он заплатил проигранные королевой 100 000 экю.

Даже верноподданный Кольбер неоднократно писал королю, что расходы на дворцы, на содержание конюшен, на парады, на армию были чрезмерными. В 1666 году генеральный контролер финансов говорил Людовику XIV, что обед стоимостью в 3 тысячи ливров расточителен. Существуют другие, более необходимые расходы. Кольбер готов был, например, затратить миллионы на «завоевание» Польши во имя французских интересов.

И аристократам жизнь при дворе стоила безумно дорого. Огромных расходов требовали официальные торжества. В конце 1697 года состоялась свадьба герцога Бургундского. За приготовлениями к ней лично следил король. И придворные не жалели денег. Сен-Симон рассказывает, что он вместе с женой и братом истратили 20 тысяч ливров. Дамы лихорадочно шили новые наряды. На украшение юбок у некоторых модниц пошло до двух килограммов золота. В день свадьбы все словно сошло с ума. Парикмахеров не хватало. Цены на их услуги достигли 200 ливров в час.

Зрелище было великолепным. «В большой галерее Версальского дворца зажгли тысячи огней. Они отражались в зеркалах..., в бриллиантах кавалеров и дам. Было светлее, чем днем. Было точно во сне, точно в заколдованном царстве»¹⁵ — так, захлебываясь от восторга, сообщал о свадьбе представитель Венеции во Франции.

Праздники были частыми и разорительными. Приведем один пример. Под предлогом обучения военному искусству своего внука герцога Бургундского (в действительности это была демонстрация военной силы после тяжелой войны с Аугсбургской лигой) король в 1698 году собрал в Компьене (82 км от Парижа) целую армию — 60 тысяч человек. Двор прибыл на неделю. Это был парад роскоши. Даже младшие офицеры покупали себе дорогие мундиры. Полковники и капитаны угощали всех желающих. Командующий войсками маршал Буф-фле содержал 72 повара и 340 человек прислуги. Мясо, дичь, рыбу привозили из разных районов страны и из-за границы. Даже питьевую воду доставляли издалека. 14 возчиков снабжали Компьен фруктами и овощами из Парижа. Каждый день за столом выпивали по 600 бутылок вина, а в присутствии короля — до 1000.

Людовик пришел на помощь своим поистратившимся офицерам и генералам: он роздал им 700 тысяч ливров. В общей сложности расходы на «компьенское сидение» составили фантастическую сумму — 16 миллионов ливров.

Двору Людовика XIV были присущи все пороки французской и европейской аристократии. Увлечение азартными играми трудно назвать иначе, чем безумие. Проигрывали не только имена и состояния — саму жизнь. Другое зло — алкоголь, истреблявший и мужчин, и женщин. Герцогини пьянствовали в обществе своих лакеев. Принцы крови проводили ночи в парижских кабаках и утром возвращались пьяные в Версаль. Придворные дамы вели себя так вольно, что молодые люди отзывались о них с презрением. В «моде» был гомосексуализм. Дурной пример подавал брат короля — герцог Орлеанский. Ярко накрашенный, в «мушках», обвешанный драгоценностями, он бросал нежные взгляды на молодых мужчин — предметы своей любви. В это извращенное «братство» входили племянники Конде, сын Кольбера, кузен Лувуа, родственники Рошефуко и Тюрена, граф Вермандуа, внебрачный сын короля. Процветал и женский порок — лесбиянство. Придворные рассказывали, что герцогиня Дюра готова была отдать все свое состояние, чтобы провести одну только ночь с дочерью короля — 15-летней принцессой де Конти. Но сама принцесса отдавала предпочтение королевским гвардейцам

¹⁶.

Вопреки нравам двора, Людовик подчеркивал свою скромность. Прежде всего в одежде. Он предпочитал различные оттенки неяркого коричневого цвета. Иногда вся

отделка — одна золотая пуговица. Носил суконный или атласный камзол. Драгоценностями были украшены только пряжки башмаков, подвязки и шляпа с испанскими кружевами и белым пером. По торжественным случаям, например на свадьбы, Людовик XIV надевал под кафтан длинную голубую орденскую ленту с драгоценными камнями стоимостью 8—10 миллионов ливров.

До переезда в Версаль король жил чаще всего в Париже. Город в те времена был грязным, с непереносимыми запахами. Летом людей одолевала черная пыль. Вдоль улиц текли зловонные ручьи. Повозки и кареты создавали в столице пробки. Бродяги и нищие составляли до 7 процентов населения. Днем и ночью «работали» воры и убийцы.

Непривлекательным был и Лувр. Эта старая крепость Филиппа Августа и Карла V, от которой сохранились две башни и толстые стены, представляла собой беспорядочное скопление зданий, в значительной части ветхих или недостроенных, безвкусно расположенных. Двор Лувра был завален мусором; на месте колоннады находилась грязная улочка, спускавшаяся к Сене. По берегу реки большая галерея соединяла Лувр с Тюильри. Внутри обоих зданий имелось несколько красивых помещений, но и они были темными, неудобными.

Постоянного местопребывания длительное время у Людовика не было. Король и его двор часто разъезжали. Обозы растягивались на километры. С собой везли мебель, ковры, белье, посуду. В 1670 году, например, придворные побывали даже во дворце Шамбор, одном из шедевров эпохи Ренессанса, расположенном в 165 километрах от Парижа¹⁷. Но предпочитал Его Величество дворец в Сен-Жермен-ан-Ле. Время от времени он жил и работал в Венсене, Фонтенбло, Лувре, Тюильри.

Страсть к славе и к увековечиванию своей персоны была у Людовика XIV всепоглощающей, В июне 1662 года он выбрал эмблемой солнце. Свое величие король хотел выразить в монументальной архитектуре. На протяжении полувека был создан архитектурный ансамбль — Версальский дворец — одно из бессмертных чудес французской и мировой культуры. Дворец грандиозен по своим размерам: 1252 комнаты с каминами и 600 комнат без каминов. В приемных залах могли разместиться от 4 до 5 тысяч человек одновременно¹⁸. Строительство потребовало огромных расходов (60 миллионов ливров) и привлечения ежедневно целой армии рабочих — до 22 тысяч человек (плюс 6 тыс. лошадей).

Король и двор переехали в недостроенный дворец в 1682 году. В покоях еще не просохла позолота. В знаменитой версальской галерее не был настлан пол. Придворные жили среди каменщиков и художников. Король никого от себя не отпускал — ни друзей, ни врагов. Так было спокойнее. Волнения и тревоги времен Фронды не исчезли из его памяти.

Обстановка в Версале была напряженной. Станным образом сочетались труд министров и азартные игры, набожность и распутство, роскошь и грязь. Коридоры и лестницы регулярно приходилось убирать. Бонтан, верный лакей Людовика XIV, возглавлял очистку помещений не только от нечистот, но и от воров, мошенников. Наследника престола — дофина — обворовывали дважды. Герцогиню Бургундскую воры не пощадили в день свадьбы.

Здесь, в Версале, 300 лет назад свершался культ короля-полубога. И творили его прежде всего придворные. Если королевский этикет до Людовика XIV отличался простотой, то при новом властителе все изменилось. Король словно перестал быть земным существом. Приблизиться и тем более обратиться к нему стало делом трудным, часто просто невозможным. Дворец превратился в святилище, место божественной литургии. Опьяненный собственным величием и необузданной гордыней, Людовик XIV каждое мгновение своей жизни соизмерял со сложнейшим церемониалом. В его осуществлении особое положение занимали фавориты. Это маркиз Данжо, который в течение многих лет ежедневно описывал в своем дневнике события, происходившие при

дворе. Герцог Ларошфуко, «управляющий» королевским гардеробом, за 40 лет службы только 16 раз не был свидетелем пробуждения монарха.

Преданность верноподданных иногда принимала болезненные формы. Современники рассказывают такую невероятную историю. Герцог Лафайяд купил в церкви Пети-Пер склеп с целью прорыть подземный ход к основанию памятника Людовику XIV, сооруженного, кстати, на средства того же аристократа. Зачем? Герцог хотел, чтобы его похоронили «под королевскими ножками»¹⁹. Фанатиков-самоубийц было, разумеется, немного.

Весь придворный этикет пронизывала вера в божественную исключительность монарха. Как подавали, например, говядину Его Величеству? Процессию возглавляли два гвардейца. За ними шли придворные. Они несли блюдо с мясом. Замыкали шествие еще два гвардейца. «Грубо ошибаются те, которые воображают, что это простая церемония. Народы, над которыми мы царствуем, не умея проникнуть в суть дела, судят обыкновенно, по внешности, и большей частью соразмеряют свои уважение и послушание с местом и рангом... Нельзя, не нанося вреда государственному телу, лишить его главу мельчайших признаков его превосходства, отличающего его от других членов»²⁰. Чьи это слова? Самого Людовика XIV. Относились они к французской монархии, но объективно раскрывали суть любого церемониала, неизбежно порождаемого культом личности. Это путь к обожествлению вознесшегося над народом правителя. Каждый жест короля, каждый его шаг был регламентирован. Он жил по жесточайшему расписанию. «Жизнь — спектакль, бесконечно повторяемый по часам, дням, сезонам»²¹. Меткая оценка историка Мишеля де Грес.

Заметки библиотекаря Версаля Ашила Тафанеля, озаглавленные «Один день Людовика XIV», рассказывают об этикете, имевшем своей целью убедить народ в божественном происхождении королевской власти. Культ Юпитера едва ли выдержит сравнение с культом Людовика XIV. Все, что было связано с его жизнью, должно было служить одной цели: утверждению величия и исключительности монарха. Целая армия слуг окружала его, ловила взгляды и угадывала желания, освобождала от малейших забот. Вся церемония ежедневно соблюдалась с точностью хорошего часового механизма.

...Утро. Его величество еще в постели. Но коридоры уже заполнены пестрой толпой. У каждого свое место, свои функции. Иногда они очень просты: открыть дверь, склониться в реверансе, сказать несколько слов. Строжайшая иерархия людей и действий. Парикмахеры, часовщики, придворные, отвечающие за состояние гардероба. Один — завязывает галстук, другой — держит пальто и трость, третий — ухаживает за собачками, четвертый — хранит мячи для игры, пятый — подает полотенце после ванны. 198 человек обслуживали Людовика.

Наступает час подъема, накануне установленный королем. Входят члены королевской семьи, «дети Франции». Начинается церемония вставания. На руки Его Величества падает несколько капель спирта. Они стекают в тарелку из позолоченного серебра. Людовику дают чашу со святой водой. Он выбирает парик, надевает халат и садится в кресло. Придворные разных рангов, сменяя друг друга, проходят через спальню. Король в это время продолжает свой туалет. Два пажа снимают ему туфли, два других — ночную рубашку. Взамен приносят рубашку из белой тафты. Ее вручают монарху «дети и внуки Франции» — поручение считается очень ответственным. Туалет заканчивается. Король молится в алькове. Теперь считается, что он встал. В это время Людовик принимает решения, сообщает о назначениях и распределяет награды, присваивает воинские звания. Затем он присутствует на мессе, а потом направляется на заседание Государственного совета. После Совета, к 13 часам, два служителя приносят в комнату Людовика накрытый стол (обедал король в одиночестве). Во время еды ему читают документы. После обеда он гуляет в саду или выезжает на охоту.

Суббота целиком посвящена рассмотрению письменных заявлений. Были и устные обращения. Однажды офицер попросил короля наградить его крестом Святого Людовика.

Король заметил, что он уже дал просителю пенсию. Офицер все же предпочел бы орден. «На самом деле я тоже так считаю», — заметил Людовик. Свидетелем этой сцены был один из дальних родственников короля. Он не удержался от смеха, явно неуместного. Людовик пригласил к себе юношу и сказал: «Мой племянник, прошу Вас не смеяться, когда я говорю такие вещи»²².

Ежедневно около трех часов дня король совещался с министрами. После этого он переодевался (церемония была проще, скромнее, чем утром). Начинался вечерний прием. В 22 часа Людовик ужинал. Попасть на королевскую трапезу было трудно. Из духовных лиц этой чести удостоивались кардиналы и епископы. За обедом все, кроме монарха, сидели в шляпах. Шляпу снимал тот, с кем разговаривал король. Если принц крови обращался к дворянину, последний прикладывал руку к шляпе. В кресле сидел только король. Все остальные, включая дофина, сидели на стульях.

В 23 часа Людовик направлялся к фаворитке, которая в данное время пользовалась его вниманием. Очень поздно свершалась церемония отхода ко сну. Ночь венценосный супруг, как истинный христианин и моралист, непременно проводил в постели законной супруги.

Какие сны снились Его Величеству? Можно только предполагать, что и по ночам короля не покидали гордые мысли о его историческом предназначении отца Франции и умиротворителя Европы.

4

«Франция — это я»

Так высокомерно говорил о своей особе Людовик XIV. Французские историки не сомневаются в том, что именно ему принадлежат эти слова. Правда, более известно другое приписываемое королю изречение, получившее поистине мировую известность: «Государство — это я!». Выдумка или правда? Существуют и сторонники, и противники достоверности амбициозной фразы.

Об этом рассказывал мне известный историк Морис Бомон, ныне покойный. Бомон, член французской Академии, занимал почетный пост хранителя дворца-музея в Шан-тийи, в 42 километрах от Парижа. Вспоминаю, как трудно было оторвать взор от ажурного здания, от его изящного шпиля, устремляющегося ввысь. Прозрачный в теплый летний день воздух словно сливается с нежной голубой гладью небольшого озера, посередине которого и находится этот дворец — памятник эпохи Короля-Солнца. О Людовике XIV, точнее — о его политических взглядах, или, как говорят в наши дни, концепции, и шел разговор с Бомоном.

... Необычную сцену можно было увидеть в один из вечеров 1714 года в кабинете короля в Версале. Маршал Ноай доставал из ящиков бумаги и сжигал их одну за другой. Уже была уничтожена часть документов, затрагивающих репутации отдельных лиц. «Бумажная инквизиция» быстро продвигалась вперед. Столь быстро, что маршал с трудом упробил короля отдать ему оставшиеся рукописи. В 1749 году Ноай передал их в Королевскую библиотеку. Так дошли до нас дневники Людовика XIV, которые с начала 1666 года он вел сам, день за днем записывая свои мысли на листках бумаги. Иногда диктовал секретарям. Искусные люди: они владели даже почерком короля.

Итак, концепция. Ее исходный принцип — божественное происхождение короля. Бог поставил монарха выше простых смертных, выше повседневных забот, мелочной игры страстей. Его удел — высокая политика. Государь проницателен: он обладает даром предугадывать мысли своих подданных, знает, чего они хотят. Высшая королевская страсть — жажда славы. Свою личную славу Людовик XIV отождествлял со славой государства и народа. Сила власти, мощь государства — фундамент величия монарха. «Монархи, рожденные для господства и распоряжения всем, никогда не должны стыдиться-

ся стать рабами славы. Это — благо, которого надо жаждать постоянно и страстно»¹. Такова идейная основа абсолютистской концепции, совпадающая с догматами католической церкви. Отсюда и обоснование абсолютизма. Людовик XIV писал: «Франция есть монархия: король представляет в ней всю нацию, и пред королем каждый — только частный человек. Поэтому вся власть, вся сила сосредоточена в руках короля, и в королевстве не может существовать иной власти, кроме той, которая установлена им»².

Суть этих взглядов понимали и многие современники той далекой эпохи. «Вздохи порабощенной Франции» — так называлась работа публициста Жюрье, появившаяся в 1691 году. Автор писал, что «король занял место государства: теперь это служба королю, интерес короля, сохранение провинций и имений короля. Король — все, а государство — ничто, и это не слова и термины только, но действительные вещи: при дворе Франции не знают иного интереса, кроме личного интереса короля; это идол, которому все приносится в жертву»³.

Сферы деятельности государя и его подданных должны быть разделены. Король обязан заботиться об общественном благе, не жертвуя государственными интересами ради своих страстей, не ущемляя права своих подданных. Однако при всех условиях монарх неприкосновенен. «Каким плохим не был бы принц, мятеж его подданных преступен»⁴. Это слова Жака Боссюэ, одного из самых известных католических писателей и ораторов XVII века, епископа города Мо.

Властвовать должен только король. У аристократии стыд — результат низости, а страх — трусости. Но существует нечто худшее, чем претензии дворянства. Особенно плох режим демократии, в условиях которой чернь участвует в государственной жизни. Поэтому такой печальной и была судьба Карла I Стюарта.

Разумеется, монарху следует хорошо относиться к дворянам, особенно к военным. Однако делать своими помощниками людей знатного происхождения не следует. «В моих видах не было брать в министры выдающихся по своему общественному положению людей, ибо первым делом нужно было дать понять публике по самому званию, из которых я их брал, что моим намерением отнюдь не было делиться с ними властью»⁵, — писал Людовик XIV.

В соответствии с его взглядами члены королевской семьи стоят выше самых знаменитых дворянских родов, но и они не могут быть равными Его Величеству. Людовик XIV демонстрировал это неоднократно. Когда, например, герцог Филипп Орлеанский просил разрешить его жене сидеть в присутствии короля на скамье со спинкой, ему было отказано, хотя и «с грустью».

Король предпочитал возвышать лиц незнатного происхождения, занимающих «правильную позицию»: именно король, а не Кольбер укрепил финансы государства; именно король, а не ле Телье преобразовал армию и сделал ее грозной силой.

Королевский деспотизм был совершенно бесконтрольным. Людовик говорил Кольберу: «Я Вам это приказываю, и Ваше дело — исполнять»⁶. Правда, столь категорично он высказывался редко, предпочитая свою любимую отговорку: «Посмотрим».

И в жизненно важной для государства сфере финансов был один полновластный хозяин — Людовик XIV. Он признавал три финансовые категории: деньги короля; деньги государственной казны; деньги, милостиво оставленные королем в кошельке его подданных. Король имел якобы право пользоваться всем национальным достоянием. Не следует и разграничивать собственность властителя и его подданных. Вымысел? Нет, при Кольбере вполне серьезно обсуждался вопрос о вступлении Людовика XIV во владение всеми землями Франции, превращении их в королевское владение с правом сдачи в аренду независимо от давности собственности, наследственных и иных прав. Затмение государственных умов, забывших о Фронде? Или желание раба выслужиться перед господином? Возможно, то и другое вместе.

Иными словами, для Людовика XIV не существовали права человека. Он признавал всемогущество монарха. «Короли — абсолютные властители. И они, естественно, полностью и свободно распоряжаются всем имуществом, как светским, так и церковным, используя его как мудрые эконоы, то есть в соответствии с нуждами государства»⁷.

Один французский дипломат в беседе с английским коллегой, сославшись на этот «принцип» Людовика, доказывал правоту короля Франции. Ответ англичанина был кратким и резким: «Неужели Вы учились государственному праву в Турции?». Право при дворе султана Людовик XIV, разумеется, не изучал. Но его концепция власти была по своей сути авторитарной. Абсолютизм везде и всегда абсолютизм, режим по существу и по форме глубоко антинародный.

Политические взгляды сложились у Людовика XIV еще в юности. Сложились они прежде всего под влиянием Мазарини. Свою роль сыграл и двор с его безмерной лестью и лицемерным преклонением перед королевской властью.

Вместе с тем и сам юный правитель сумел разобраться в опыте предшественников на престоле, понять причины их слабостей. Он терпеливо ждал своего часа.

И этот час пришел после смерти Мазарини, 9 марта 1661 года. Уже на следующий день Государственный совет собрался в полном составе. Людовик XIV вошел, снял шляпу в знак приветствия и снова надел ее. Продолжая стоять, он обратился к канцлеру Сегье со следующими словами: «Я собрал вас с моими министрами и государственными секретарями, чтобы сказать вам, что до настоящего времени я соизволил предоставлять управление моими делами покойному господину кардиналу. Пришло время мне самому управлять. Вы будете помогать мне своими советами, когда я вас об этом попрошу». И продолжал: «У меня будут другие, чем у покойного господина кардинала, принципы управления моим государством, моими финансами, ведения внешнеполитических переговоров»⁸.

Распуская Совет, Людовик заявил его членам, что он их «созовет, когда потребуется узнать их мнение». Обещание так и не было выполнено: король подобрал себе новых сотрудников. Из их числа исчезли духовные лица — кардиналы и епископы. Тени Ришелье и Мазарини пугали молодого самодержца. Он создал деловой, полностью подконтрольный ему триумvirат в составе Мишеля ле Телье, Жана Батиста Кольбера и Юга де Лиона, то есть канцлера, генерального контролера финансов и государственного секретаря по иностранным делам. Это было реальное правительство. Анна Австрийская уже не принимала участия в обсуждении государственных дел. Сын освободился от опеки и Мазарини, и матери. Все было сделано быстро и вместе с тем решительно. Молодой король давно вынашивал план государственного переворота.

Да, фактически это был переворот. Все решения по крупным вопросам принимал сам король. Уже на упоминавшемся заседании Совета в марте 1661 года Людовик XIV заявил: «Я хочу, чтобы мне сообщали все, начиная от дипломатической переписки и кончая последней жалобой»⁹. Этим словам придворные вначале не придали серьезного значения. И напрасно! Король не только читал документы, но и обсуждал их с группой способных сотрудников, которых в начале своего личного правления сплотил вокруг себя. Людовика, писал Сен-Симон, считали «великим, богатым, победителем, вершителем судеб Европы, все боялись его и преклонялись перед ним до тех пор, пока живы были его министры и полководцы, которые действительно заслужили это имя»¹⁰.

А как изменилось положение после смерти Кольбера и государственного секретаря по военным делам Лувуа, ведущих военачальников Тюренна и Конде? Сен-Симон так отвечает на этот вопрос: «Извне его (Людовика XIV. — Ю. Б.) теснили раздраженные враги, которые глумились над его бессилием, видя, что ему нет спасения, и поносили его прошлую славу, — он остался без помощи, без министров, после того как стал назначать их по своему вкусу и прихоти, полагая в роковой своей гордыне, будто сам может создать их»¹¹.

Да, гордыня ослепляла французского монарха. Правда, в начале своего личного правления 22-летний Людовик был осмотрителен и осторожен. Он прислушивался к мнению своих ближайших советников.

Известный русский историк Н. И. Кареев писал, что «при Людовике XIV Франция была самым могущественным и влиятельным государством, и ее правительственная система сделалась во многих странах предметом подражания»¹². Каким же был механизм принятия политических решений при Людовике XIV?

Первостепенную роль играл Государственный совет. На нем обсуждались важнейшие проблемы внутренней и внешней политики, войны и мира. До смерти Мазарини Совет был многочисленным. В 1653 году, например, в него кроме Людовика и Анны Австрийской входили 23 человека: дядя короля, принцы крови, кардинал, видные аристократы, канцлер, два сюринтенданта финансов, государственные секретари, маршалы. Работали стоя, чтобы избежать споров «о месте».

В период личного правления Людовика состав Совета менялся, не превышая шести членов, но неизменно соблюдалось правило, сформулированное самим королем: «Никогда не допускать в Совет ни одно духовное лицо, и особенно кардиналов». Исключения не делалось ни для кого, даже для кардиналов Бонзи и Фарбен-Жансона, к которым король относился с уважением. Новыми членами Совета становились новые министры или члены королевской семьи, ранее не принимавшие участия в решении государственных вопросов (дофин, внуки короля герцоги Бургундский и Берри или такие близкие к монарху люди, как герцог Бовилье, маршал Вилеруа).

Созывались — особенно в первые годы самостоятельного правления Людовика XIV — и внеочередные заседания Совета в связи с особыми обстоятельствами: войнами с иностранными государствами, дипломатическими конфликтами. В этих случаях состав Совета расширялся. В заседаниях принимали участие Анна Австрийская, Мария Терезия, принцы крови, маршалы Тюренн и Конде, герцоги, маркизы. Но итоги обсуждения имели чисто консультативное значение. Последнее слово всегда оставалось за королем, принимавшим окончательное решение.

Людовик редко отсутствовал на заседаниях Совета. Если это и случалось, то причины непременно были уважительными: религиозные праздники, болезнь. При приступах ревматизма или подагры король проводил заседания, сидя или лежа в постели. Собирались в Версале или Трианоне, в Фонтенбло или в Сен-Жермен-ан-Ле, в Марли или в Медоне (у дофина). Везде кабинеты короля были смежными с залом заседаний Совета.

Утром в Версале после церемониала пробуждения и утренних аудиенций Людовик говорил: «На Совет». Придворные повторяли его слова. Все участники заседания направлялись в зал. Король занимал место у большого стола; по левую руку от него сидел дофин, по правую — государственный секретарь по иностранным делам, читавший документы и проекты писем, которые после утверждения направлялись за рубеж. Работали до 12—13 часов. Если дел было много, собирались и во второй половине дня. Записи велись только в 1661 году. Потом, к великому сожалению историков, от ведения протоколов отказались. Государственный совет регулярно собирался по средам, четвергам и воскресеньям.

Распорядок дня Людовик XIV установил раз и навсегда, до конца жизни. Даже в день смерти жены внука — герцогини Бургундской король провел заседание Совета, перенеся его на несколько часов.

Финансовый совет, созданный после ареста Фуке, 15 сентября 1661 года, играл большую роль в системе государственных учреждений. Он заседал в присутствии короля два раза в неделю. Совет определял бюджет государства, устанавливал размеры налогов и их распределение, утверждал финансовую отчетность. Этот орган, стоявший над генеральным контролером финансов, был призван бдительно следить за его деятельностью.

Совет депеш собирался раз в две недели. По мнению историка Пьера Гаксота, он представлял собой коллегиальное министерство внутренних дел. Государственные секре-

тари выступали с сообщениями о положении дел в тех провинциях, за управление которыми они несли ответственность (кроме своих основных обязанностей). Заседания были формальными: все вопросы предварительно рассматривались королем.

Упомянем также Совет сторон, или Частный совет. Он объединял до 30 государственных советников, интендантов. Заседания вел канцлер. Рядом с ним всегда стояло пустое кресло короля. Совет сторон являлся высшей административной инстанцией, наподобие Государственного совета и кассационного суда в современной Франции.

По пятницам заседал Совет по вопросам совести, настоящее министерство культов. На его заседаниях присутствовал король, претендовавший на роль религиозного лидера Франции и Европы.

Вся система высших государственных учреждений действовала без сбоев, с точностью хорошо отрегулированного часового механизма. У пульта управления стоял король. Говорил он мало. Принятые решения проводил в жизнь твердо. К плохим советам относился не критически. И если принимал их, то свою точку зрения пересматривал мучительно. Высказывать мнение по крупным проблемам не торопился. Сам писать не любил, предпочитая перо чиновников.

Однако у министров был свой надежный и испытанный способ сохранения власти: они топили монарха в бумажном море, из которого выплыть собственными силами ему не удавалось. В итоге статистика генерального контролера финансов показывала, например, что в среднем из 30 его предложений только одно отклонялось королем. Людовик подписывал и все расходные документы. На бумагах, оформлявших затраты на так называемые «секретные дела», всегда стояла резолюция короля: «Использование означенной суммы мне известно». На счетах до 300 ливров Людовик писал: «Одобрено» — и ставил свою подпись. Небольшие расходы требовали пометки: «Оплатить». Докладывал генеральный контролер королю стоя, формулируя при этом свое мнение. И в этой же позе записывал высочайшее решение.

Услуги близких к королю людей ценились высоко. За пожизненное звание государственного секретаря герцог Бовилье, фаворит короля, получал 20 тысяч ливров в год, за должность председателя Финансового совета — 18 тысяч, как губернатор Гавра — 36 тысяч, как первый дворянин королевских апартаментов — 14 тысяч ливров. Итого: 88 тысяч ливров в год. Эта сумма равнялась зарплате квалифицированного рабочего за четверть века напряженного труда.

Государственные секретари при Людовике XIV были людьми богатыми. Источников доходов у них имелось несколько: официальное жалованье, королевские подарки, выплаты от выборных учреждений провинций и Парижа. В особом положении находился государственный контролер финансов. Он получал от налоговых откупщиков 500 тысяч ливров ежегодно и раз в шесть лет при возобновлении их права на сбор налогов — еще 300 тысяч ливров. Не забывал король и семьи своих министров. Он давал их дочерям при замужестве 200 тысяч франков одновременно или пенсию в 10 тысяч франков.

Итак, полновластный король. А члены его семьи находились в зависимости — и политической, и материальной, и моральной — от самодержца. Однако не следует недооценивать влияния родственников Людовика XIV на государственные дела. Формы этого влияния были различными: назначения и перемещения государственных чиновников всех рангов, дипломатов, придворных; командные посты в армии; участие в дипломатических переговорах и т. д.

У Марии Терезии было шесть детей, но выжил только один — дофин, наследник престола (его называли Монсеньор). Это был толстый человек, с красным лицом, склонный к обжорству, как и другие члены королевской семьи. Страстный любитель лошадей, собак и охоты. Жена — баварка с резкими чертами лица, крупным носом. Говорила по-

французски с акцентом; интересовалась искусством, считая это хорошим тоном. У них родились три сына: герцоги Бургундский, Анжуйский и Берри.

Вездесущий и всезнающий Сен-Симон резко отрицательно отзывался о дофине: личность без вкуса, без рассудка, без познаний, без какой-либо любознательности. По словам Сен-Симона, «решительно все — природная застенчивость, тяжелый гнет воспитания, полное невежество и недостаток просвещения — содействовало тому, что он вечно трепетал перед королем, а тот, со своей стороны, ничего не упускал для того, чтобы поддержать и продлить этот страх на всю его жизнь»¹³. От дел дофин был далек, хотя и присутствовал на заседаниях Государственного совета. Министры, маршалы и генералы перед ним не отчитывались.

Однако известны и другие оценки современников. Утверждали, что дофин был образован и не так глуп, как многие думали. Он лишь казался тупым от лени и прослыл молчаливником из-за упрямства. Спорить трудно: имеются доводы и «за», и «против». Бесспорно лишь, что когда 15 апреля 1711 года дофин умер, то это печальное событие не вызвало при дворе особых сожалений. Более того, последовали оскорбительные для королевской семьи события. Для оплаты долгов Монсеньера в Марли устроили своего рода аукцион. «Ничто и никогда, возможно, не было столь непристойным, как эта продажа драгоценностей»¹⁴, — писал Сен-Симон, не преминув заметить, что принцы и принцессы безмятежно развлекались в течение нескольких часов, забыв о траурных приличиях.

Кроме дофина заметной фигурой при дворе был брат короля герцог Филипп Орлеанский (его называли Месье). Маленького роста, с большим животом, он ходил на сверхвысоких каблуках. Носил гигантские парики с лентами, чтобы казаться повыше. Герцог красился, пудрился и душился, как девица; был увешан драгоценностями. И по отношению к нему Сен-Симон безжалостен. Он писал: «Не было человека более дряблого телом и духом, более слабого, робкого, легко обманываемого и подчиняющегося чужому влиянию; его презирали его любимцы и часто грубо обходились с ним; суетливый, неспособный хранить тайну, подозрительный, недоверчивый, он сеял сплетни среди двора, чтобы ссорить людей, разузнавать, что ему было нужно, а часто просто для забавы, и передавал наговоры от одного к другому»¹⁵.

Заметного влияния на государственную деятельность Филипп Орлеанский не оказывал. Правда, к нему обращались за консультациями по вопросам церемониала: его считали знатоком в этой области. Вместе с тем Филипп командовал гвардией и частями наемных швейцарцев.

Активное участие в дипломатических делах принимала первая жена герцога Орлеанского Генриетта Стюарт. Она умерла в 1671 году. В семье остались две дочери. Старшая стала королевой Испании, младшая — герцогиней Савойской. Вторая жена Филиппа Орлеанского — дочь электора Пфальца Элизабета-Шарлотта была в курсе всех дел при королевском дворе. К ее мнению прислушивались министры и государственные секретари. Она обладала тонким, проницательным умом и отличалась самокритичностью. О себе Элизабета-Шарлотта писала с иронией: «У меня чудовищно толстая талия. Я квадратная. У меня красная кожа с желтыми пятнами. Мои волосы стали совсем седыми. Мой нос и обе щеки совершенно пестрые в результате оспы. У меня большой рот, испорченные зубы. Таков портрет моего красивого лица»¹⁶. Убийственная самооценка. Герцогиня целыми днями просиживала у себя в кабинете за письмами родственникам, знакомым, составившими тома любопытнейших документов эпохи. Для эпистолярного творчества у нее было более чем достаточно свободного времени. Филипп Орлеанский умер в 1701 году.

Людовик XIV и его министры хорошо усвоили уроки Фронды и поэтому лишили реальной власти губернаторов провинций и городов. Местные правители своих войск больше не имели и жили под недремлющим оком короля, при его дворе. Они сохранили почетные, престижные должности, но фактически стали безвластными.

Вместо губернаторов 25 административно-территориальными областями страны (женералите) управляли королевские чиновники — интенданты. Из государственной казны они получали жалованье (вначале 14, а затем 18 тыс. ливров в год). Поклонялись одному Богу — королю, а подчинялись Кольберу.

Главные обязанности интендантов — налоговые. Но вмешивались они и в хозяйственную жизнь провинции, интересовались состоянием урожая, почв, развитием торговли, промышленности, содействовали набору рекрутов. Интенданты стали «руками, глазами и ушами государевыми» на всей территории Франции.

Абсолютизм не уживался с муниципальными свободами. И они были ограничены. Людовик XIV отменил выборность мэров. Деньги, правда, могли изменить положение: города имели право выкупить разрешение на избрание своих должностных лиц. Все продавалось и покупалось во французском королевстве! В том числе и парламентские должности. Только значение их упало, так как права парламентов были урезаны. Начиная с декабря 1665 года они уже не могли обсуждать королевские эдикты и регистрировали их без голосования. Парламентскую самостоятельность ограничила и система кодексов, определивших важнейшие правовые нормы: гражданский, уголовный, морской, колониальный, торговый, ордонанс по вопросам вод и лесов. Появился и полицейский контроль над судебной деятельностью. В 1667 году была учреждена должность генерального комиссара полиции. В царствование Людовика XIV ее занимали два человека: Никола де ла Рени и маркиз Аржансон.

...Окинем взглядом нарисованную в настоящей главе картину. Перед нами один из многих известных истории вариантов административной системы управления. На вершине пирамиды — абсолютный монарх, с одной стороны, создающий законы, с другой — по своему произволу нарушающий их. Король-самодержец. Члены его семьи, министры, государственные секретари, аристократы, военные руководители, придворные лишь исполняют монаршью волю. Интенданты и другие чиновники всех рангов обирают народ, занимаются финансовыми и другими махинациями, наживаются на продаже должностей, наборе рекрутов, снабжении армии.

Это один полюс. Полюс богатства, роскоши, власти. На полюсе нищеты, бесправия — миллионы крестьян, ремесленников, рабочих мануфактур, горожан. Их давило тяжелое налоговое бремя. Король, дворянство и церковь взвалили на плечи крестьянства многочисленные феодальные повинности. Год на год не походил. Урожайный сменялся неурожайным. Мирные периоды, увы, никогда не являвшиеся продолжительными, нормализовали обстановку в стране, но, как правило, ненадолго. Очередной вооруженный конфликт (а их было много при Людовике XIV) неизбежно нарушал экономическое и финансовое равновесие во французском обществе, разжигал социальные кризисы, потрясавшие фундамент королевства и само его здание.

Основанная на догматах католицизма, формула «Франция — это я» обожествляла королевскую власть. Но вместе с тем она была и одним из источников политической, идейной и нравственной слабости монархии, ее ошибок и иллюзий во всех сферах общественной жизни. Абсолютизм накладывал тяжелый отпечаток не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику страны.

5

Внешняя политика: принципы и беспринципность

В октябре 1989 года в гостинице «Пульман» в Париже на бульваре Сен-Жак я встретил своих хороших знакомых, ученых-международников Альбера Коти и Франсуа Труа. Мы познакомились несколько лет назад на Всемирном конгрессе историков в Штутгарте и теперь решили провести вечер за дружеской беседой.

Говорили о многом, но прежде всего на профессиональные темы. Еще в Штутгарте сказал Альберу и Франсуа, что после публикации книги о Талейране займусь дипломатией Людовика XIV. «Ждем Вашего отчета», — шутливо заметил Коти.

Коллеги попросили дать им «научное интервью». Форма показалась мне необычной и интересной. Последовали вопросы.

— Можно ли говорить о внешнеполитической концепции Людовика XIV? Не является ли сама постановка такого вопроса модернизацией истории? — начал Франсуа.

— Готов Вам ответить. Рукопись со мной, и я буду прибегать к тексту. Ни король, ни его министры не использовали термин «концепция». Отсутствует у них и обобщающее изложение взглядов на внешнюю политику и дипломатию. Тем не менее анализ дипломатических документов позволяет говорить о системе взглядов, подходов и оценок, которую можно назвать, если хотите, концепцией.

Суть ее в следующем. Мир — временное состояние общества. Это лишь интервал — более или менее большой — между войнами. Сила — единственное надежное средство решения межгосударственных конфликтов. Цель войны — завоевание новых территорий. По словам Людовика XIV, «самое приятное, самое достойное из занятий, существующих для государя»¹.

Подлинные внешнеполитические интересы прикрывались словесной шелухой: король «дал мир Европе»; «он хочет спокойствия и благоденствия для христианства». Если обратиться к истории возникновения внешнеполитических стереотипов, прославляющих что угодно, кроме правды, то у современной дипломатии богатейшее наследие французского королевства.

И Ришелье, и Мазарини, и Людовик XIV признавали справедливую войну, хотя и ее цель — завоевание. Существовало даже понятие «право на завоевание». Аргументация короля и его дипломатов была, казалось, неисчерпаемой. Аннексию Лотарингии называли «конфискацией владения вассала в наказание за его измену». Присоединение к Франции пограничных земель на основе незаконных решений местных парламентов объявляли «восстановлением исторической справедливости».

Войны были столь частыми, что отношения между воюющими государствами не претерпевали коренных изменений. Как писал историк Пикаве, «нормальная жизнь нарушалась, но не разрушалась»². Многие французы после объявления войны на родину не возвращались. Даже почтовые связи между воюющими сторонами не всегда прерывались. Подданные неприятеля в течение определенного времени свободно распоряжались своим имуществом. Французские порты надолго не закрывались. Иностранцы могли получить от короля грамоты, запрещающие их захват. Поддерживались родственные отношения между монархами. Они и в военное время сообщали друг другу о браках, рождениях и смертях. Воевали по-рыцарски, вежливо, как на средневековых турнирах!

Разумеется, король и его дипломаты неустанно твердили о преимуществах мира. «Всегда предпочитайте мир сомнительным событиям войны и помните, мой сын, что самая блестящая победа всегда стоит слишком дорого, так как за нее приходится платить кровью своих подданных». Это напутствие Людовика XIV наследнику престола. На самом деле король не верил в действенность международных соглашений. «Ни религиозный пафос договоров, ни вера в данное слово не достаточно сильны, чтобы удержать тех, кто по природе своей недобросовестен»³. Нельзя терять бдительность и предаваться пацифистским настроениям; всегда следует быть настороже. Такова логика короля.

Переговоры Людовик XIV считал важнейшим элементом дипломатии. «Свободно обсуждать все важные события и получать советы от различных людей вовсе не означает, как полагают дураки, проявление слабости или зависимости, а скорее осторожности и основательности»⁴. Формулируя этот принцип, он считал, что даже от безнадежных переговоров не следует отказываться. И они могут дать выигрыш «времени». «Тот, кто хочет идти слишком быстро, может сделать ложный шаг. Совсем неважно когда, а важно, на каких условиях завершатся переговоры. Лучше закончить дело позже, чем в спешке

испортить его. Ведь часто случается так, что мы тормозим своим нетерпением то, что хотели бы ускорить»⁵. Этому принципа король придерживался всегда.

Переговоры велись и во время войн. Французская дипломатия неизменно стремилась разобщить противников Франции, перетянуть некоторых из них на свою сторону. К секретным встречам прибегали не только дипломаты, но и духовные лица, банкиры и торговцы. Король считал, что лучше всего «вести переговоры через посредников или путем взаимных визитов... Такая манера обсуждения более полезна для продвижения дел, чем публичные ассамблеи»⁶. Это верно. Международные конгрессы в те времена являлись местом скорее встреч для дипломатов, чем достижения соглашений. Часто неэффективными оказывались и действия официальных посредников, которых выбирали в столицах невоюющих государств.

Я говорил долго. И, видимо, терпение моих собеседников иссякло.

— Простите, Юрий, перебыю Вас. — Слово «захватил» Франсуа. — Мне кажется, что дипломатия Людовика XIV имела излюбленные методы. Свои карты французы никогда сразу не раскрывали. Предложения придерживали. Внимательно изучали взгляды другой стороны, сохраняя максимальную свободу действий. При подготовке мирных договоров предлагали несколько вариантов, на выбор. Если позиции Франции казались достаточно прочными, их прямолинейно подкрепляли ультиматумом. Перемирий избегали. Людовик XIV считал, что «военные действия никогда не мешали началу и прогрессу переговоров о соглашении, если государи, как и мы, искренне желали достичь такой цели»⁷.

На каких языках вели переговоры? На латыни и на французском, уже в конце XVII века широко применявшемся на переговорах и в дипломатической переписке. Послы и посланники короля, как правило, не знали языков стран Северной Европы, а тем более Востока. Кольбер создал школу переводчиков для посольств и консульств, но удовлетворить потребности дипломатической практики она не могла. Некоторые молодые люди изучали языки Востока на средства марсельских властей и торговцев.

При европейских дворах французский язык был в почете. Этому способствовали династические браки. Электоры Бранденбурга, Майнца, архиепископ Трева вели переписку с Версалем на французском языке. На французском готовилась и корреспонденция Людовика XIV. Но в Польше и в некоторых германских государствах использовали латынь.

В разговор вступил Альбер. Он обратился ко мне с вопросом:

— Как относилась французская дипломатия к внешнеполитическим союзам?

— Заключение оборонительных и наступательных союзов являлось важнейшей целью королевской дипломатии. Казалось, Франция от Балтики до Босфора была надежно защищена. Ее бастионами должны были служить, по замыслам министров Людовика XIV, Швеция, Польша, мятежная Венгрия, восставшая против австрийского господства, и Турция. Но какими иллюзорными были эти надежды! Шведы без усталости требовали денег и грозили перейти из одного лагеря в другой. Многочисленные и дорогостоящие попытки Людовика XIV посадить «своего человека» на польский престол не увенчались успехом. Он бросил венгров на произвол судьбы, когда счел для себя выгодным мир с Леопольдом I. Французская политика в отношении Османской империи также была противоречивой и нестабильной. Король постоянно колебался между желанием быть лидером католицизма, организатором крестового похода против турок и стремлением использовать султана в борьбе с императором. Людовик был верным католиком. Он восстанавливал на завоеванных французскими войсками территориях католический культ, что отнюдь не мешало ему считать участие Франции в антитурецкой лиге европейских государств менее важным делом, чем, например, жесткое отстаивание привилегий французских послов в Ватикане. Идеи величия — династического, политического, военного, — глубоко укоренившиеся в сознании Людовика XIV, мешали ему трезво определять место отдельных государств в системе международных отношений в Европе. Он недооценивал

финансовые возможности Голландии, силу английского протестантизма. Не видел зарождения идей германского единства. Король не оказывал систематической и энергичной поддержки Кольберу в его морской и колониальной политике. Крепости во Фландрии волновали Его Величество больше, чем судьба Канады и Луизианы, вместе взятых.

Мания величия проявлялась и в том, что Людовик XIV считал себя главной политической фигурой в Европе. Аргументы? Франция была в конце XVII века самым крупным по числу жителей европейским государством: 21 миллион. (В России — 16 млн., в Италии — 15, в Германии — 11, в Польше — 9, в Испании — 7,2, в Англии — 5,5, в Соединенных провинциях — 1,9, в Португалии — 1,7 млн. Всего Европа насчитывала в то время 120 млн. жителей⁸.)

Свое королевство Людовик рассматривал — и не без оснований — как более развитое в экономическом отношении, чем соседние страны. Его безмерную гордыню питали и другие соображения. Если императора Священной Римской империи германской нации короновал папа, то французский король царствовал по наследству. К тому же император управлял лишь частью бывшей империи Карла Великого. И уж если Людовик XIV ни в чем не уступал папе и императору, то тем более он стоял выше других коронованных особ в Европе.

В Версале считали, что у Людовика XIV были и другие преимущества перед монархами европейских стран. Власть короля ограничивали: в Англии — парламент, в Швеции — аристократия, в Польше — сейм и вечно бунтующее дворянство. Швейцарией и Соединенными провинциями управляли аристократы. У Людовика XIV этих ограничений не существовало. У других — пусть они сохраняются! И когда французский посол в Варшаве поддержал идеи абсолютизма в Польше, из Версаля ему решительно возразили: режим неограниченной королевской власти у поляков может стать слишком самостоятельным и менее зависимым от Франции. Да и к тому же французской дипломатии не следует вмешиваться во внутренние дела иностранного государства. Лицемерие, достойное Игнатия Лойолы!

— Вы вспомнили великого иезуита, — бросил реплику Альбер. — А я невольно думаю о том, как много печальных и даже трагических примеров иностранного вмешательства во внутренние дела народов дает нам история. Людовик XIV поддерживал противников императора. Его агенты, соря деньгами, финансировали антигабсбургские войны в Венгрии, в Трансильвании. Лидера венгерского освободительного движения Ференца Ракоци с почетом принимали в Версале. Французы оказывали помощь сицилийцам в их борьбе против Империи. Предавая интересы католичества, Людовик уклонялся от участия в крестовом походе против турок, хотя они грозили Европе порабощением. Свои династические интересы король ставил выше общеевропейских.

Узкопрагматический подход приносил Людовику XIV временные выгоды, позволял маневрировать в политике так, как это было выгодно, не считаясь с принципами католицизма. Король, например, оказывал подчеркнутое внимание послам протестантских государств — Англии, Бранденбурга, Дании, Голландии. Неслыханное дело: они получали специальные разрешения на покупку мяса в дни поста. Ни один католик не имел права заходить в протестантские часовни при посольствах.

Иными словами, король сохранял верность политике Ришелье, искавшего поддержки у протестантов Швеции и Германии. Мазарини сотрудничал с Кромвелем, Людовик XIV — со швейцарскими кантонами — как католическими, так и протестантскими. Когда в 1663 году в Лондоне распространились слухи, что французские войска намерены подвергнуть осаде Женеву, бастион кальвинизма, Людовик поручил своему послу в английской столице Комменгу выступить с опровержением. В Версале считали, что на карту были поставлены внешнеполитические интересы Франции. Отношения между католическими и протестантскими кантонами и без того были напряженными. А французской дипломатии нужна была единая Швейцария.

Религиозная политика Людовика XIV была противоречивой, нереалистической. Она порождала в Европе конфликтные ситуации, наносившие ущерб интересам Франции. С одной стороны, внутри страны король проявлял жестокость, доходящую до абсолютной нетерпимости в вопросах веры, с другой — вынужден был считаться с протестантскими государствами. Это был заколдованный круг.

— Вы правы, Альбер. Беспринципность была присуща как теории, так и практике королевской дипломатии. Ее методы были далеки от цивилизованных норм, уже в те времена утверждавшихся, хотя и с большим трудом, в международном праве.

На протяжении долгого царствования Людовика XIV подписанные его представителями международные обязательства нарушались неоднократно. Святость договоров попиралась. Так, 9 марта 1685 года Людовик XIV приказал своему послу в Турине немедленно денонсировать договор с герцогом Савойским, хотя до истечения срока его действия оставалось еще четыре года. Причина? В Версале считали, что герцог не лоялен, предаст интересы Франции. Лишившись французских субсидий, савойский правитель нашел выход. Он уволил 2 тысячи пехотинцев и 800 кавалеристов. Расходная часть бюджета герцогства была сокращена⁹.

Итак, принципы и беспринципность, переговоры и войны, величие и бессилие короля, расчеты и просчеты его дипломатов. А создавало ли внутреннее положение страны благоприятные предпосылки для ее дипломатической деятельности?

Людовик XIV нарисовал в своих «Мемуарах» противоречивую картину состояния французского общества. Он писал, что «беспорядок царил повсюду»; финансы были «истощены до такой степени, что едва удавалось находить необходимые ресурсы»; сохранялось «неистовство дуэлей», «наиболее трудным делом было реформировать» судебное ведомство¹⁰.

Да, денег в королевской казне на государственные расходы не хватало. И чиновники не справлялись со своими обязанностями, особенно на местах. И дуэли не прекращались. И судебная реформа назрела. И спокойствия в королевстве не было. Народные волнения в первые годы личного правления Людовика XIV потрясли страну. Они неизменно подавлялись военной силой. В районе Булонэ (нынешний департамент Падде-Кале) в 1662 году население выступило против налогов. 400 крестьян отправили на галеры. Прошло несколько лет, и народное восстание охватило район Виварэ (в наши дни — департамент Ардеш). Возглавил восставших дворянин, бывший офицер Антуан дю Рур. Расправа была беспощадной. Мушкетеры д'Артаньяна вместе с солдатами трех пехотных полков — всего 5 тысяч человек — повесили 100 мятежников, 600 — сослали на галеры. Дю Рура казнили. Труп рассекли на куски и выставили у ворот города Обенас (529 км от Парижа)¹¹.

Ограниченные, локальные народные волнения серьезной угрозы для абсолютистского режима не представляли. Войн молодой монарх в течение десяти лет не вел. Пушки на границах молчали. Хорошее время для дипломатии.

Как оценивал Людовик XIV международное положение Франции в 1661 году? В своих «Мемуарах» он писал: «Испания — не только без финансов, но и без влияния, неспособная ни к какому большому усилию ни в сфере денег, ни в сфере людей, занятая войной с Португалией»; Англия «склоняется к Франции»; Дания «думает только о мире»; «со стороны императора нет никакой опасности», а германские князья «живут в обстановке постоянного недоверия». Не выпали из поля зрения короля и голландцы. «В моей дружбе они видели свою главную поддержку», — замечал Людовик.

В Италии шла острая борьба французов с австрийцами и испанцами. Франция поддерживала дружественные отношения с крупными итальянскими государствами. Людовик писал: Савойя, «управляемая моей тетей, относилась ко мне очень благосклонно»; «Венеция, занятая войной с Турцией, заботливо сохраняла союз со мной»; «герцог Тосканы снова объединился со мной благодаря женитьбе его сына на принцессе из моей семьи»; Парма. Модена, Мантуя «были моими друзьями и союзниками»¹².

— Хотел бы сказать несколько слов по поводу этой идиллической картины, — прервал молчание Франсуа. — Испания... Она переживала глубокий, безысходный, казалось, социально-экономический кризис, и ее международные позиции были ослаблены. Но гигантская империя сохранялась. В ее состав входили кроме Испании также север Италии, бывшее Миланское герцогство, Тоскана, Неаполь, Сицилия, Сардиния, испанские Нидерланды, фантастические колониальные владения: часть Вест-Индии (Куба, восточная половина Сан-Доминго); почти вся Южная Америка (кроме захваченной португальцами Бразилии), Центральная Америка (исключая Мосkitный берег и Гондурас). Да и в Северной Америке испанцы владели Мексикой, Флоридой и Западной Луизианой. В юго-восточной Азии им принадлежали Филиппины.

Но это был колосс на глиняных ногах. И трудно согласиться с тем, что Испания являлась для французского монарха врагом номер один. Угрозу, более серьезную для Людовика, представляла Священная Римская империя германской нации, хотя Вестфальский мир 1648 года закрепил ее раздробленность. Это был конгломерат 300 светских и духовных княжеств, городов и владений 1500 рейнских рыцарей. В центре внимания французской дипломатии находились наиболее крупные государства: на северо-востоке и в центре Германии — Бранденбург, Саксония и Мекленбург; на западе — Гессен, Ганновер и Брауншвейг; на юге и юго-востоке — Вюртемберг, Бавария, Австрия. Политическим влиянием в Европе пользовались архиепископы Майнца, Трира, Кёльна, Зальцбурга. Император фактически сохранял лишь свой титул и право присвоения дворянских званий. Реальной власти он не имел.

Позиции Франции как гаранта Вестфальского мира были в Германии прочными. Она имела своего постоянного представителя при имперском рейхстаге в Регенсбурге (Бавария). Рейнская лига, созданная в 1658 году по инициативе Мазарини и электора Майнца, объединила ряд германских государств и стала орудием французской дипломатии в ее борьбе с австрийскими Габсбургами и Голландией. У Людовика XIV были все основания считать Рейнскую лигу «полезной в Германии». Правда, это дорого стоило. Пришлось королю оплачивать содержание 10 тысяч солдат лиги, в их числе 2500 французов. Но власть Франции в Эльзасе окрепла; она присоединила в 1681 году Страсбург и установила контроль над левым берегом Рейна. Что ж, игра стоила свеч! Ваше мнение, Юрий?

— А на самом деле, стоила ли? Отвечала ли такая политика национальным интересам Франции? Приведу слова русского историка Кареева: «В отдельных случаях войны Людовика XIV могли вытекать из того или другого понимания интересов государства, даже, пожалуй, совпадать с ними, но общая основа его внешней политики была порождением психологии абсолютизма, в котором интересы самой власти объединялись не столько с интересами нации, сколько с интересами династии»¹³.

Вот два примера, один из которых подтверждает, а другой опровергает совпадение в политике Людовика XIV национальных и монархических интересов.

Пример первый. Одна из задач французской дипломатии состояла в укреплении внешней безопасности страны. На востоке граница проходила по Вогезам на большом расстоянии от Парижа. На севере единственная оборонительная линия шла по реке Сомма. На ее берегах было построено несколько крепостей. Надежные границы отвечали интересам не только династии Бурбонов, но и нации в целом.

Другой пример. Серьезную угрозу для Европы представляла Турция. Ее войска оккупировали весь Балканский полуостров до Саввы и Дуная. В вассальной зависимости от султана находились Трансильвания, Молдавское княжество, Крымское ханство. Буда на Дунае являлась столицей турецких владений. Отсюда рукой подать до Вены: несколько дней марша. Турция располагала сильным флотом в Средиземном море. Ее войска осаждали Крит, а пираты захватывали корабли европейцев.

И, тем не менее, Франция Людовика XIV активного участия в борьбе с турецким нашествием не принимала, даже когда войска султана стояли под стенами австрийской

столицы. Королевская дипломатия упрямо вдохновлялась иллюзией союза с Портой и желала поражения императору. Это ли не полное пренебрежение национальными интересами в угоду династическим?

И в заключение позвольте мне определить основные цели внешней политики и дипломатии Людовика XIV:

Во-первых, утверждение французской гегемонии в Европе путем ослабления двух ветвей Габсбургов — австрийской и испанской, связанных фамильными узами, и вытеснения их из Италии.

Во-вторых, союзы Франции со Швецией, Польшей, Турцией, Англией, германскими князьями, направленные против Испании, Голландии и императора.

В-третьих, захват испанских Нидерландов; присоединение к Франции земель и городов на ее северных, восточных и южных границах.

В-четвертых, укрепление границ королевства путем строительства крепостей и оборонительных линий.

В-пятых, раздел испанской империи и, при благоприятных условиях, французский принц на престоле Испании.

В-шестых, борьба с Ватиканом за влияние в католическом мире и полное подчинение галликанской церкви Людовику XIV.

В-седьмых, укрепление влияния Франции в ее колониальных владениях.

Сложнейшие задачи! Осуществляя их, Людовик XIV опирался на созданный им механизм дипломатии.

6

Дипломатическая служба Его Величества

Людовик XIV, пустившись в 1661 году в самостоятельное плавание по бурному морю власти, решил затмить пышные празднества, 40 лет назад прославившие брачный союз его родителей во Франции и в Европе. Он стремился обманчивым блеском роскоши подкрепить свой дипломатический и военный престиж. Этого «принципа» король твердо придерживался в течение всего своего царствования.

...5 июня 1662 года праздник Карусель (турнир всадников, состязавшихся в искусстве верховой езды) привлек в Париже большое количество зрителей — французов и иностранцев. Людовик, одетый как римский император, излучал золотое и серебряное сияние. 44 бриллиантовые розы, соединенные бриллиантовыми застежками, образовали нечто вроде косынки вокруг шеи. Три длинные ленты, каждая из 120 бриллиантовых роз, падали с плеч. Серебряный шлем с золотой листвой украшали драгоценные камни. Сверкали ботинки из серебряной парчи, расшитые золотом. Бриллиантов, украшавших римский меч, было так много, что с трудом можно было различить его золотую основу. Попону коня, седло всадника украшали бриллиантовые звезды.

Цель праздника — прославление перед всей Европой французской монархии. Императоры пяти частей света собрались вокруг маленького дофина. Сам Людовик XIV выступал в роли наследника Карла Великого — властителя Европы. Честолюбивые замыслы юного короля были очевидными. Да он и не пытался скрыть их, выбрав в качестве эмблемы вечное светило — солнце.

Выбор был неслучайным. Солнце не гаснет. Оно светит и греет, пробиваясь лучами сквозь тучи, дожди и снега. Восход приносит людям день и трудовые заботы, закат сулит развлечения и отдых. Солнце — символ силы. Свое могущество Людовик XIV стремился укрепить всеми доступными ему средствами. На одном из первых мест стояла дипломатия.

Король находился на вершине дипломатической лестницы. Какие качества отличали его как дипломата? Историк Пикаве считал, что король не имел «общего «великого замысла», но обладал выдержкой и способностью к постоянному контролю;

ему были присущи заблуждения или, если хотите, ошибки, но не слабости. Таковы характерные черты Людовика XIV, лучше подготовленного к руководству внешней политикой, чем к внутреннему управлению, пониманию экономических или социальных проблем»¹.

Уже в молодости король не только играл «в солдатики», но и знакомился с донесениями послов. И за рабочим столом, как и в походной палатке, он хотел все решать сам и чтобы все непременно были оповещены об этом. Министры, хорошо зная тщеславие монарха, всегда подчеркивали, что по внешнеполитическим вопросам все решения принимает лично Его Величество.

В действительности Людовик XIV прислушивался к советам дипломатов, военных и фаворитов. Он считал необходимым «открытыми глазами смотреть повсюду, в любое время знать новости, поступающие со всех сторон, тайны всех дворов, настроения и слабости иностранных государей и министров»². Что ж, королю не откажешь в понимании задач дипломатии.

Тем не менее Людовик XIV не являлся ни знатоком международных отношений, ни мастером дипломатического искусства, хотя и располагал обширной информацией. Самостоятельно работать он не любил, охотнее воспринимал мысли своих сотрудников. Крупные международные проблемы изучал долго, всесторонне, если острая необходимость не требовала быстрого принятия решений. Секреты охраняли тщательно, особенно если они касались лично короля и его ближайшего окружения. В тайне от Совета, от государственных секретарей и послов Его Величество лично вел переговоры, например, по острейшим вопросам раздела испанского наследства, о взаимоотношениях Франции с Португалией, Савойей, Мантуей.

Людовик не любил размышлять в одиночестве. Он думал в присутствии своих подданных. Думал, но мало говорил, особенно когда принимал иностранных послов. В этих случаях король был сдержан, лаконичен. Конкретные просьбы и предложения иностранных представителей он адресовал государственному секретарю. Король, как писал Сен-Симон, «заранее знал предмет аудиенции, отвечал вежливо, никогда не углубляясь в суть дела и тем более не беря на себя обязательств».

Однако осторожность и сдержанность имели свои пределы. В период франко-голландского конфликта Людовик XIV в беседах с послом Голландии, например, повышал тон. Он явно изображал гнев, когда посол Лотарингии говорил об ее оккупации французами и настаивал на переговорах или когда отчитывал посла Венеции за ее происпанскую и антифранцузскую позицию. Нередко король настаивал на том, чтобы иностранные дипломаты обращались лично к нему.

Особое значение имели секретные приемы в покоях монарха. Для них отводился краткий промежуток времени между его пробуждением и мессой. Глава дипломатического ведомства присутствовал на аудиенциях. Известны случаи, правда редкие, когда посол беседовал с королем с глазу на глаз. Иногда тайные свидания проходили в дворцах Сен-Жермен-ан-Ле, в Фонтенбло, в Марли.

Аудиенции были и формой наблюдения за деятельностью дипломатической службы. Королевский контроль в сфере внешней политики стал тотальным, хотя и не всегда эффективным. В начале своего личного правления король особенно ревностно следил за тем, чтобы деятельность послов была ему известна. С самостоятельностью французских дипломатов, существовавшей при Мазарини, было покончено. Ужесточился королевский надзор за дипломатической корреспонденцией.

Достоверность и еще раз достоверность. Такое требование предъявлял Людовик к своим представителям. «Старайтесь давать мне совершенно точный отчет о ваших аудиенциях у короля и королевы Польши; отмечайте даже выражения, которые они использовали в своих ответах, и не беспокойтесь, что отчет, который вы мне даете о их поведении — и общественном, и личном, и семейном, — вам покажется слишком

многословным; часто отдельные подробности могут облегчить мне понимание вещей значительных»³, — писал король своему послу в Варшаве маркизу Бетюну.

Принадлежат ли эти слова самому Людовику? Не следует преувеличивать дипломатические способности короля. Он обладал удивительной, доведенной многолетним опытом до совершенства, способностью выдавать чужие мысли за свои, внимательно выслушивать своих сотрудников и затем приписывать себе их предложения. Это, разумеется, отнюдь не худшая черта посредственных, но обладающих чувством реальности и неукротимым стремлением к самоутверждению государственных деятелей во всех странах мира.

Упрямый, тщеславный Людовик XIV не лишен был здравого смысла. Он умел выслушивать и ценить мнения тех способных и опытных людей, которые возглавляли дипломатическое ведомство Франции.

Внешнеполитические документы готовил государственный секретарь (по-современному: министр иностранных дел). Если король назначал кого-либо из своих дипломатов на эту должность, то счастливый избранник выкупал ее. Так обязаны были поступать все государственные чиновники.

Функции главы дипломатической службы были многоплановыми и сложными. Он принимал послов, беседовал с секретными представителями великих мира сего, с князьями и герцогами, путешествующими инкогнито. Как правило, присутствовал на встречах короля с иностранными дипломатами. Вел обширную переписку, требующую постоянного внимания, напряжения всех умственных и физических сил. Среди документов первостепенное место занимали инструкции французским послам и посланникам за рубежом. На их содержание накладывала, несомненно, отпечаток личность государственного секретаря. Однако писались они по традиционной схеме. Во введении указывались причины, по которым король выбрал своим представителем именно данного человека. Кратко освещалась дипломатическая ситуация в стране его пребывания, рассматривались вопросы этикета, чтобы при любых обстоятельствах посол «не терял лица». Давались (после 1679 г.) краткие психологические портреты правителя иностранного государства, его министров и фаворитов, кардиналов, известных аристократов, описывались их достоинства и слабости с учетом возможности подкупа, говорилось об отношении этих людей к Франции и ее внешней политике. Особое место отводилось роли женщин: королевы, фавориток монарха, придворных дам. Картину двора дополняли, особенно когда речь, например, шла об Испании, характеристикой государственных учреждений и методов ведения переговоров. Были и общие для всех инструкций параграфы о шифре, требованиях, предъявляемых к переписке с королем, о подготовке послом отчета о его миссии⁴.

Свои особенности имела инструкция послу в Ватикане. В ней подчеркивалось значение дипломатического поста при Святом Престоле и неизменно говорилось о том, что только имярек (перечислялись все титулы, звания и заслуги нового посла короля) способен справиться со столь ответственными задачами. Дипломат должен был хорошо знать людей, с которыми ему предстояло сотрудничать. Поэтому приводились подробные сведения о папе, кардиналах, других влиятельных в Ватикане лицах. Оценки были краткими, но выразительными. О папе Иннокентии XII, например, говорилось, что «у него мягкий нрав», «благородные и вежливые манеры»⁵. Святой отец, правда, имел крупный и, увы, непоправимый недостаток: ему было 84 года. Поэтому послу не следовало брать долговременные обязательства. Ему предписывалось быть щедрым на похвалу и лесть: все возрасты им подвластны.

Наряду с общими указаниями для посла непременно готовилась специальная инструкция на случай выборов нового папы. Задача представителя Людовика XIV состояла в том, чтобы обеспечить единство действий приехавших из Франции кардиналов с кардиналом, ведущим в Ватикане французские дела; позаботиться о получении важных постов при новом папе лицами, благожелательно относящимися к Франции. Иногда

приводился список возможных кандидатов на посты государственных секретарей Ватикана с пометками: «желателен»; «сомнителен»; «нежелателен».

Обязанности государственного секретаря не ограничивались дипломатической работой. В его ведении находился также ряд провинций страны. У Юга де Лиона, например, это были: Шампань, Прованс, Бретань, Берри, Беарн, три епископства — Мец, Туль и Верден. К делам внешнеполитическим добавлялись вопросы экономики, права, местного самоуправления, образования, рекрутского набора, финансов и налогов. Забот много! К тому же три месяца в году государственный секретарь по иностранным делам отвечал за отправку всех официальных писем. Иногда он выполнял функции сюринтенданта почт. Эта дополнительная обязанность имела свои плюсы и минусы. С одной стороны, она позволяла без затрат получать важнейшую информацию, с другой — создавала новые административные трудности.

Практическая дипломатия находилась в руках государственного секретаря. Но он не имел права ставить свою подпись под документами, не получив согласия короля. Без высочайшего соизволения канцлер не мог скрепить государственной властью решение министра.

В разных формах и различными способами, но неизменно Людовик XIV подчеркивал, что он, и только он, держит в своих руках все нити дипломатии. Правда, даже находясь вдали от Парижа и Версаля, он поддерживал связь с государственным секретарем по иностранным делам, регулярно получал от него записки с выдержками из донесений послов, отдельные документы, сведения о беседах с иностранными дипломатами. Король отвечал сам или через доверенных лиц. Иногда он возвращал материалы со своими пометками на полях. Но такие случаи были редкими. Как правило, Людовик пытался лично решать все, вплоть до организации фейерверка по случаю вступления на престол нового папы.

И, тем не менее, руководители дипломатической службы играли заметную роль во внешней политике Франции. Их было несколько при Людовике XIV. До Мазарини пост государственного секретаря по иностранным делам занимал граф Ломени де Бриен. Он, писал Людовик XIV, «был стар, самоуверен и обычно не думал о делах в соответствии с мнением короля и разумом». В 1662 году де Бриена сменил Юг де Лион — опытный дипломат, работавший в Италии, Германии, Испании, в северных странах. Он принимал активное участие в сложной и длительной подготовке Пиренейского мира. Людовик считал Лиона знатоком европейской политики. Король писал: «Ни одного из моих подданных не использовали чаще и с большим успехом на переговорах с иностранцами»⁶. Высокая оценка! Но, будучи непоколебимо убежденным в собственной гениальности, король критиковал государственного секретаря: «Лион — способный человек, правда, не лишенный недостатков»⁷.

С недостатками или без них, но Лион, в отличие от многих министров, готовил документы сам. Его слог вызывал противоречивые оценки. По мнению Бриена, например, Лион «писал легко, но недостаточно вежливо». Летописец французской дипломатии Пикаве утверждал, что «переписка Лиона несколько озадачивала: она была то тяжелой и запутывающей, то живой и остроумной. Встречались географические ошибки»⁸. Главное — Лион успешно решал основные задачи дипломатической службы. Они состояли в том, чтобы «разъяснить иностранным государствам мысли и намерения короля»; быть единственным ведомством, имеющим право «писать иностранным принцам и министрам»; посылать «инструкции и приказы» монарха; вести переговоры о мирных договорах, союзах, торговле.

После смерти Лиона в 1671 году за кресло государственного секретаря началась жестокая борьба между кланами Кольбера и Телье. Король остановил свой выбор на опытном дипломате, представлявшем интересы генерального контролера финансов, — маркизе де Помпоне. На протяжении своей карьеры он был послом в Дании, Голландии, Швеции. Это был не чиновник, а герой салонов, человек света — изысканный, галантный,

остроумный. Несмотря на тяжкий порок — бедность, от которой постоянно страдал Помпон, парижское общество восхищалось им. Людовик XIV ценил Помпона как опытного дипломата, но считал, что он был лишен «величия».

Иная оценка у Сен-Симона. По его мнению, Помпон «обладал дипломатическим искусством, ловкостью, особым талантом использовать свои преимущества при ведении переговоров. Тонкий и гибкий, но без хитрости, он умел достигать своей цели, не раздражая; мягкость и терпение, с которыми он вел дела, очаровывали, и в то же время ничто не могло поколебать его твердости и, когда нужно было, надменности, с которыми он отстаивал интересы государства и величие короны»⁹. Помпон прекрасно разбирался в европейских международных отношениях. На заседаниях Совета государственный секретарь всегда решительно отстаивал свои предложения.

В конечном счете Помпон поплатился за независимое поведение. Повод нашелся. Избалованный двором, глава дипломатического ведомства нередко пренебрегал своими обязанностями ради личных интересов. Этим воспользовался Лувау, сын Мишеля ле Телье.

Король с нетерпением ждал гонца из Мюнхена со свадебным контрактом дофина. Бавария являлась одним из немногих надежных и долговременных союзников Франции, и франко-баварский династический брак был очень нужен Людовику. Помпон получил донесение из Мюнхена, но отложил его расшифровку и с гостями отправился в свое имение.

Одновременно и к Лувау поступили сведения об успешном завершении брачных переговоров в Мюнхене, о чем он сообщил королю. Людовик не скрывал своего недовольства Помпоном. История завершилась уходом главы дипломатического ведомства. «Я много лет страдал от его слабости, его упрямства, его нерадивости. Наконец, стало необходимым, чтобы я приказал ему уйти в отставку, так как все, что проходило через него, теряло величие и силу, которые следует иметь, выполняя приказы отнюдь не несчастного короля Франции»¹⁰, — писал Людовик XIV. Однако Помпон сохранил свои титулы и звания и получил пенсию в 20 тысяч ливров.

Жан Батист Кольбер потирал руки: Лувау не удалось назначить своего человека на важный государственный пост. Помпона заменил брат Кольбера — Круасси. До назначения государственным секретарем по иностранным делам он был послом при императоре, при папе, в Лондоне. Подпись Круасси стояла под мирным договором, заключенным в Экс-ла-Шапели (Ахен) в 1668 году, завершившим франко-голландскую войну (о ней еще пойдет речь в книге). Он вел тайные переговоры с Карлом II Стюартом. В декабре 1679 года в Мюнхене он подписал брачный контракт дофина и дочери электора Баварии.

Новый государственный секретарь был резок, нетерпим, лишен гибкости и тонкости, необходимых дипломату. «Жесткая и неумелая дипломатия Круасси»¹¹. Такова оценка историка Руссе. По словам Флассана, средства, используемые Круасси, «не всегда были достойны уважения»; ему не было знакомо «искусство осторожности, и он слишком верил, что сила может обойтись без политики»¹². (С его согласия адмирал Дюкен бомбил Геную и французские войска аннексировали Страсбург.)

У Круасси были и сильные стороны. Он, например, внес ряд важных новшеств в дипломатическую работу. В начале личного правления Людовика XIV все министры принимали послов. При Круасси положение изменилось. Аудиенции иностранным представителям давал уже только он один. В ходе бесед дипломаты вручали записки, меморандумы. Государственный секретарь делал пометки на полях, указывал дату новой встречи и, если в этом была необходимость, давал задания своим сотрудникам. Он всегда хорошо знал позицию «владыки» и поэтому часто сам в ходе беседы давал ответы иностранцам, иногда позволяя себе отнюдь не дипломатические выходки. Круасси ссорился с папским нунцием, грубовато дискутировал с послом Венеции. Но при решении сложных

вопросов глава дипломатического ведомства не торопился. Он проявлял «мудрую медлительность».

Продолжая дело, начатое Ришелье, Круасси стремился навести порядок в хранении дипломатических документов. До него бумаги оставались у государственных секретарей, послов, попадали и к частным лицам. Круасси собрал документы, находившиеся в разных местах. В обязательном порядке послы и посланники короля после возвращения в Париж обязаны были сдавать свою переписку. Продажа государственных бумаг, широко практиковавшаяся ранее дипломатическими чиновниками, стала занятием весьма опасным. Известен случай, когда переписчик Ла Поз, продававший документы иностранцам, был в 1664 году повешен.

Увы, не только второстепенных служащих неумело подбирали в дипломатическом ведомстве. Круасси ошибался и в очень близких к нему людях, например в Бержери — бывшем генеральном адвокате парламента Меца. Государственный секретарь целыми днями диктовал служебные документы своему сотруднику. Бержери не менял в записанных им текстах ни единого слова. Но он выдавал важнейшие документы за свои, всегда сохраняя при этом неприступно-мудрый вид и не вдаваясь ни в какие объяснения. В итоге многие считали Бержери человеком большого государственного ума. Так, видимо, всегда напускную важность и напыщенность, многозначительное молчание принимали и принимают за проявления таланта.

Круасси подготовил себе надежную смену в лице собственного сына — маркиза де Торси. Более 20 лет, до смерти Людовика XIV, возглавлял он дипломатическую службу. Дожил Торси до глубокой старости — 80 лет.

Фредерик Массон, блестящий французский ученый, писал, что ни у одного министра не было «более точного понимания потребностей и интересов Франции, большей ясности в изложении идей, более высокого полета разума, более широких взглядов». Знаменитый историк восхищался способностями и патриотизмом Торси — человека «образованнейшего, искреннейшего, честнейшего, просвещеннейшего, самого благородного патриота из всех, кто жил, возможно, во Франции в эту эпоху»¹³. Оценки необычные. Подкрепляя их, Массон делает такой вывод: «Говорили, что в последние годы царствования Людовик XIV окружил себя только неспособными фаворитами. Признаем, что было по меньшей мере одно исключение — человек, которому король поручил ведение своих иностранных дел»¹⁴.

Торси, безусловно, был хорошо подготовлен к профессии дипломата. Отец позаботился об этом. Уже в 8 лет мальчик писал по-латыни. 16-летний юноша изучал старые внешнеполитические документы — источник мудрости, опыта переговоров. Торси рано начал принимать участие в дипломатической работе. В 19 лет он выезжал в Португалию, чтобы поздравить нового короля со вступлением на престол, а в 20 лет — в Копенгаген для выражения соболезнований по поводу смерти королевы-матери.

Четыре месяца он провел в Мадриде, интенсивно занимаясь дипломатической корреспонденцией. Подготовленные Торси документы отличала важная особенность: в них уделялось много места описанию личных качеств государственных деятелей, особенностей характера и поведения короля и королевы Испании, министров, членов Государственного совета.

С дипломатическими миссиями Торси находился не только в Испании, но и в Копенгагене, Стокгольме, Вене, Мюнхене, Венеции, Риме, Гамбурге, Берлине, Регенсбурге, Неаполе, Лондоне. В ходе переговоров в европейских столицах он приобрел огромный опыт. Помогали ему и советы отца, рекомендовавшего читать работы по истории, не пренебрегать географией, правом, законами и обычаями; беседовать с коллегами о том, что узнал во время поездок по Европе; уделять особое внимание изучению латыни и немецкого языка; вести дипломатическую работу в соответствии с намерениями короля.

В 1692—1696 годах Торси работал под руководством Круасси, а затем в течение трех лет — под контролем Помпона, которого Людовик XIV вновь приобщил к делам дипломатического ведомства, хотя на пост государственного секретаря его не вернул.

Какое место занимал Торси в истории французской дипломатии? При нем фактически сложился аппарат ведомства по иностранным делам, хотя и с немногочисленным штатом дипломатов, шифровальщиков, переводчиков, архивистов. За рубежом были аккредитованы послы и посланники, действовали официальные резиденты и секретные агенты. Правда, свое жалование они получали не всегда регулярно и иногда становились банкротами, не выдерживали бремени расходов. Но уже можно говорить о первой в Европе сложившейся дипломатической службе. Дипломатов готовило специальное учебное заведение — «Политическая академия», созданная Торси. Каждый студент получал стипендию в тысячу ливров. В период правления Торси численность дипломатического персонала выросла. Появились новые секретари, шифровальщики, переводчики, хотя постоянная переводческая служба еще не сложилась. Возникло и нечто вроде бюро печати с информационными функциями. Первые попытки систематизации внешнеполитического архива относятся к 1710—1711 годам, к концу царствования Людовика XIV.

Торси стремился и технически облегчить дипломатическую работу. Он добивался, чтобы донесения французских дипломатов расшифровывались немедленно после их поступления в Париж. Сделать это было трудно. Положение осложнялось, когда шифровались большие по объему приложения. Но, тем не менее, при Торси шифровальная служба стала более оперативной и ответственной.

Торси был самым способным министром Людовика XIV после того, как из жизни ушли Кольбер и Лувуа. Известный французский историк Гастон Зеллер считал этих государственных деятелей «подлинными вдохновителями внешней политики в первый период царствования Людовика XIV»¹⁵. Влияние генерального контролера финансов на иностранные дела возросло после того, как в 1669 году в его подчинение перешли флот, внешняя торговля, консульская служба. Нельзя было, например, подписать торговый договор или назначить посла, не выяснив мнение Кольбера.

Особенно ревностно относился к международным делам Лувуа. Для этого имелись и объективные причины. Судьбы войны и мира всегда в значительной мере зависели от деятельности военного и иностранного ведомств. К тому же в ведении Лувуа находились пограничные с Германией провинции, в которых часто возникали трудности политического и дипломатического характера. Он располагал постоянной информацией по международным делам, так как имел разветвленную сеть секретных агентов, от которых сведения поступали быстрее, чем по официальным каналам. «Вкус» к международным проблемам у Лувуа усилился после того, как в течение нескольких месяцев — после смерти Лиона и до приезда Помпона из Швеции — он исполнял обязанности главы французской дипломатии¹⁶.

Итак, механизм принятия дипломатических решений и их претворения в жизнь функционировал без серьезных сбоев. Всю практическую работу вел государственный секретарь по иностранным делам. Он готовил документы, вел переговоры с иностранными представителями, руководил деятельностью зарубежной службы. При Людовике XIV большой самостоятельностью обладал Торси, отличавшийся гибкостью ума и твердостью характера — качествами, совершенно необходимыми для сотрудничества с послами и посланниками Его Величества в странах, близких и далеких от Франции.

Предлагаемые главой дипломатии проекты договоров, соглашений, инструкций, писем за рубеж обсуждались на заседаниях Государственного совета. Мнения высказывались свободно, достаточно откровенно. Дискуссии нередко были острыми и длительными. Рассматривались различные варианты отношений Франции с другими странами, судьбы ее оборонительных и наступательных союзов, перспективы войны и мира. Совет являлся консультативным органом. Его рекомендации не имели обязательной силы для короля,

обладавшего правом окончательного приговора. Людовик XIV, подводя итоги обсуждения, проявлял реализм и здравый смысл, но тщеславие, самомнение, мания величия нередко заводили его в политические тупики. Короля это не пугало: ведь он нес ответственность только перед Богом.

7

Послы, тайные агенты и деньги

К концу царствования Людовика XIV французская дипломатия насчитывала 15 послов, 15 посланников, 2 резидентов (постоянно находившихся в иностранном государстве дипломатов, более низкого ранга, чем посланники). Чрезвычайные посол или посланник отличались от обычных тем, что их миссия была временной. Послы обычно назначались в европейские столицы «первого ранга» (Лондон, Мадрид). Однако в Вене, например, французского короля представлял посланник в знак протеста против особых почестей, которые в австрийской столице оказывали послу Испании. Чрезвычайные посланники были аккредитованы при небольших дворах, в частности германских. Титул «полномочный» применялся к посланникам, принимавшим участие в работе различных конференций, имперского сейма.

Дипломатические представители короля — послы или посланники — постоянно находились в Риме, Турине, Венеции, Константинополе, Гааге, Лондоне, Мадриде, Лисабоне, Копенгагене, Солотурне (Швейцария), Вене. При герцоге Вюртембергском, электорах Баварии, Пфальца, Майнца, при имперском сейме, в Генуе, в Мантуе Людовика XIV представляли посланники. Французские резиденты находились в Гамбурге, в Женеве.

Большинство высших дипломатических постов занимали государственные чиновники — «дворяне мантии» и генералы — «дворяне шпаги». Лица духовного звания — кардиналы, епископы, аббаты, имевшие ранг не послов, а только посланников (такова была воля Людовика XIV, на всю жизнь напуганного всевластием Ришелье и Мазарини), защищали интересы короля в Польше, Савойе, Венеции, Риме, Мадриде. На дипломатической службе их насчитывалось меньше, чем выходцев из судейского сословия (чиновники парламентов Парижа, Руана, Гренобля и других крупных городов). При дворе презирали дипломатов из среды чиновничества.

Посол представлял не Францию, а ее короля. Дипломатия была личной. Требования к послу предъявлялись высокие. Учитывались прежняя карьера, специальные знания (в особенности знание страны пребывания), владение иностранными языками, политический опыт, интеллект. Но и самые блестящие способности не гарантировали длительного срока пребывания в должности (в среднем — до трех лет, а иногда и всего несколько месяцев). Карьера маршала Вилара, трижды занимавшего пост посла в Мадриде, была исключительной.

Высокая должность посла всегда была и остается почетной. И, тем не менее, трудности дипломатической службы были столь большими, что многих она не привлекала. «Всегда не хватало послов; не было желающих выехать с посольством, так как большинство из тех, кто был на посольской работе, не получили никакой другой награды, кроме печальной судьбы оказаться разоренными»¹. Дипломатическая служба была для многих послов и посланников невыносимо тяжелой в материальном плане.

В общем, все упиралось в деньги. Денег послам Людовика XIV хронически не хватало. В 1685 году в одном из самых дорогих городов Европы — Риме посол получал 72 тысячи ливров, в Лондоне — 48 тысяч, в Гааге, Мадриде, Лисабоне, Копенгагене — 36 тысяч, в Турине, Венеции, Солотурне — 24 тысячи ливров. Жалованье чрезвычайных посланников составляло от 24 до 12 тысяч. Резидент в Гамбурге довольствовался 8 тысячами, в Женеве — 6 тысячами ливров в год².

Послу при его назначении выплачивалось пособие на устройство в стране пребывания. Давались деньги в связи с трауром при иностранном дворе, праздничными

событиями (во Франции, например, рождение или свадьба члена королевской семьи), на строительство католической часовни в протестантском государстве. Многие дипломаты вынуждены были тратить и личные деньги. Круасси, например, за время своей дипломатической карьеры истратил в посольствах 700 тысяч ливров — половину состояния жены³.

Жалованье дипломатам выплачивали с большим запозданием, иногда только по личному приказу короля. Даже богатые дипломаты нередко разорялись и требовали отзыва. Без банковских кредитов послы жить и работать за границей не могли, хотя некоторые из них, как, например, посол в Константинополе, получали субсидии от французских торговцев в Марселе и в Леванте, которым они оказывали содействие в ведении коммерческих дел.

Посол назначен. Казалось, главная задача решена. Но трудно было подобрать персонал. Ранга дипломатического секретаря официально не существовало. Торси настаивал на введении этой должности. Однако король соглашался платить только тысячу ливров в год дипломату такого ранга. Большинство из них так и канули в безвестность.

Если дипломатов в посольствах было немного, то прислуга насчитывала несколько десятков человек (повара, конюхи, горничные, музыканты, лакеи, портные). Содержали их дипломатические представители короля за счет собственных средств. Добавим к этому расходы на перевозку багажа. Так, один из французских послов вез в Константинополь 60 ящиков с мебелью, 300 килограммов посуды, вышитые золотом ткани, бархат, сатин, тонкие сукна для султана⁴.

Персонал набран. Многочисленные тюки собраны и погружены. Пора в путь. Само передвижение послов, особенно в северных странах, было долгим и утомительным. Посол в Гааге Аво писал: «Невозможно представить, что мы вынесли в течение трех дней. Погода улучшилась: снег растаял, и дорога покрылась водой, которая ночью замерзала, превращаясь в гололед толщиной в фут. Карета поднималась до середины горы и падала, увлекая за собой шесть лошадей... На протяжении всей дороги мы не имели ни вина, пригодного для питья, ни капли хорошей воды, а только отвратительное пиво и хлеб, который крестьяне в Швеции пекут раз в году и подвешивают его на потолке»⁵.

В странах с умеренным и теплым климатом путешествие посла было не столь опасным и утомительным, но и к нему готовились долго и тщательно. Со времени, например, назначения дипломатического представителя короля в Рим и до его приезда в вечный город проходило четыре-пять месяцев. В течение этого времени подыскивали дворец. Задача состояла в том, чтобы заплатить не слишком дорого, но получить помещение не хуже, чем у других (имелся в виду прежде всего посол Испании). Закупали мебель, карету, ковры, ткани. Протокольной службе Ватикана заранее сообщали состав свиты посла, количество его багажа.

Посол отплывал из Марселя в порт Чивитавеккья. Когда появлялись королевские галеры, раздавался артиллерийский салют и галеры папы плыли навстречу. На суше посла ждали офицеры двора Ватикана. Рассказывали, что в 1662 году офицеры прибыли в Чивитавеккья слишком рано. Коротая время, они пили и ели без меры. Каждый день несколько слуг папы отдавали Богу душу, убитые пьянством и обжорством. Итальянцы шутили: «Если бы французы задержались в пути, то пришлось бы посылать гонцов в Ватикан за подкреплением».

В 10—15 километрах от Рима посла встречали итальянские аристократы. Посол, не выходя из кареты, отвечал на приветствия. В случае участия во встрече нескольких кардиналов посол садился в карету старейшего, а затем по дороге несколько раз пересаживался, соблюдая принцип старшинства среди встречавших его священнослужителей. Кортёж производил величественное впечатление. Посла Креки в 1662 году сопровождали 150 экипажей. В его карету было впряжено восемь лошадей. Свита насчитывала около ста человек⁶.

У французских дипломатов по различным мотивам — политическим, протокольным и другим — часто возникали конфликты в иностранных государствах. Так, в октябре 1661 года во время церемонии торжественного въезда посла Швеции в английскую столицу «группа каналий» (слова Людовика XIV), нанятых испанским послом Ватевилем, остановила карету французского посла Эстрада и убила его лошадей. В драке пятеро французов погибли, тридцать получили ранения. Испанцы не потеряли ни одного человека. Посла Людовика XIV в Лондоне оскорбили. Эта новость стала известна Ломени де Бриену в 11 часов вечера. Король ужинал. Он чуть не опрокинул стул, когда государственный секретарь сообщил о случившемся. Людовик, ознакомившись с донесением Эстрада, распорядился выслать из Парижа испанского посла. Правителю испанских Нидерландов запретили проезд через французскую территорию. Были прерваны испано-французские торговые связи. Послу Людовика XIV в Мадриде Жоржу Обюссону де ла Фейад было поручено добиться «примерного наказания» Ватевилля и официальных заверений в том, что дипломатические представители Испании не позволят себе впредь ничего подобного. Со своей стороны Эстрад, потребовав от английского короля наказания виновных, покинул Лондон.

Ватевилля из Англии отозвали. Личный представитель короля Испании прибыл в Париж и публично, в присутствии всего дипломатического корпуса и двора, принес Людовику извинения. Филипп IV предписал всем своим дипломатам при любых обстоятельствах уступать первое место французским представителям. «Я не знаю, произошло ли со времени возникновения монархии что-либо более блистательное для нее»⁷. В таких напыщенных выражениях Людовик XIV подвел итоги своей первой «битвы» за престиж династии Бурбонов и свой лично.

В Версале не забыли увековечить триумф короля. Специально выпустили медаль: Людовик XIV стоит на ступеньках трона, намного ниже — испанский посол в позе приносящего извинения.

Уже в то время личность и жилище посла были неприкосновенны. Исключительными правами (иммунитетом) пользовались не только дипломаты, но и их слуги. А право убежища предоставлялось всем, находящимся на территории посольского квартала. Здесь даже убийца мог укрыться от полицейского преследования. Права преступника были защищены. А вот положение жены посла не было определено. Однако в Польше маркиза Бетюн некоторое время выполняла посольские функции своего отсутствующего мужа. И в Константинополе после смерти посла Гийерага его жена до приезда нового королевского представителя занималась дипломатической работой.

И все-таки даже неприкосновенность не обеспечивала дипломатам надежных гарантий безопасности. Посла могли ограбить и даже убить в дороге. Иногда он становился жертвой народных волнений. Играли роль и национальные особенности стран, где закон попирался. У Турции посол по воле — точнее, по произволу — султана и визиря мог оказаться в известной своим суровым режимом тюрьме — Семибашенном замке.

Иногда послу приходилось выезжать в районы боевых действий. Короля Швеции посол находил только в военном лагере, в Польше или Пруссии, иногда в Померании. Карл XII принимал дипломатов в окопах. «Послать человека в окопы или с посольством к Карлу XII — почти одно и то же. Король часами беседовал с Круасси в самых открытых местах, в то время как бомбы убивали людей рядом с ними и за ними. Король, казалось, не замечал опасности, а посол не хотел, чтобы его заподозрили в стремлении найти более подходящее место для разговоров о делах»⁸, — писал Вольтер.

Для встреч со шведским королем нужны были деньги, большие деньги. Посол Людовика XIV в Стокгольме Фукьер в своих письмах жаловался, что когда он со своими людьми следовал за шведскими войсками, то 30 лошадей ему не хватало. Он получал 36 тысяч ливров. Называя эту сумму, Фукьер с иронией писал: «Я буду платить величием моего господина»⁹.

Как готовили официального представителя Людовика XIV к выполнению его, миссии?

Посол получал письмо, скрепленное печатью короля и подписанное государственным секретарем по иностранным делам. Это была своего рода верительная грамота. Она вручалась на первой же аудиенции главе иностранного государства. Бывали случаи, когда готовили несколько официальных писем, адресованных разным лицам. В 1693 году французский посол в Варшаве имел верительные грамоты не только к королю, но и к нескольким политическим деятелям этой страны. Почему? В Версале стремились объединить все польские силы, способные поддержать политику Людовика XIV.

Приехав в страну назначения, посол прежде всего ознакомился с обстановкой, изучал протокольные вопросы, которым придавалось первостепенное значение. В некоторых посольствах имелись специальные церемониймейстеры, например в Ватикане.

В Национальной библиотеке в Париже хранится рукопись, переплетенная в красный сафьян с гербом Людовика XIV, озаглавленная: «Записка для послов, направляемых королем в Рим». Автор — Ла Бюиссьер — долгое время работал с Югом де Лионом. С 1664 года он занимал пост церемониймейстера французского посольства при Святом Престоле. Его обязанности состояли в том, чтобы определить порядок движения кортежей, рекомендовать послу, как вести себя в различных обстоятельствах: приветствовать или не приветствовать того или иного деятеля; идти пешком или ехать в карете; спускаться на несколько ступенек или до конца лестницы. Бюиссьер, говоря современным языком, выполнял функции шефа протокольной службы¹⁰.

Строжайшее соблюдение церемониала имело особое значение при общении посла с монархами. Правда, встречи представителей Людовика XIV с главами иностранных государств были редкими. Менее редкими, правда, чем в Мадриде, где король годами не принимал французского посла. Испанский комиссар — государственный советник выступал в роли посредника между представителем короля Франции и первым министром Испании. Такое «посредничество» существовало в большинстве крупных европейских государств. В Австрии специальная комиссия, состоявшая из нескольких дипломатов — советников и секретарей, вела дела с французским послом. В Голландии встречались с послом комиссары по секретным поручениям. Только в Англии посол Людовика вел переговоры с королем и имел беседы с наиболее влиятельными членами палаты общин.

Разумеется, у многих французских дипломатов были широкие связи не только в правительственных кругах, но и среди писателей, ученых, деловых людей. Своей информацией французские дипломаты обменивались друг с другом. В 1681 году Вилар из Вены переписывался, например, со своими коллегами — послами в Лондоне, Гааге, при имперском сейме в Регенсбурге и германских дворах.

Информация... Как относились к ней в далекие времена Людовика XIV? Точность, правдивость и оперативность. Эти требования предъявлялись к посольским донесениям триста лет назад так же, как и сегодня. Во все эпохи объективность информации ценилась высоко. И в инструкции послу подчеркивалось, что его главная задача — «ничего не добавлять к правде, сообщать слово в слово обо всем, что было сказано как с одной стороны, так и с другой на совещаниях с государем и его министрами»¹¹.

Документы французской дипломатии были на вес золота в европейских странах. Поэтому, естественно, сохранению тайны придавалось первостепенное значение. Донесения шифровались и обязательно переписывались в нескольких экземплярах. Искусство шифра достигло высокого развития. Переписка Людовика XIV с маршалом Катина была, например, расшифрована только в конце XIX века¹².

У каждого посла был свой личный шифр. Для доставки писем использовали не только сотрудников посольства, но и посредничество банкиров, торговцев. Весьма ненадежный способ. Корреспонденцию похищали. Задерживали гонцов. В Савойе, в Польше местные власти досматривали почту. Польский король Ян Собеский,

ознакомившись с несколькими перехваченными бумагами Людовика XIV, доступными для прочтения, принял жесткое решение: отозвал своего представителя из Франции.

Все на свете, увы, имеет начало и конец. Для посла завершить свою миссию означало покинуть страну пребывания. А эта задача нередко оказывалась более сложной, чем въезд посла Людовика XIV в европейскую столицу. Прежде всего начинали беспокоиться кредиторы посла. В Гааге, например, чтобы предупредить заинтересованных лиц об отъезде иностранного дипломата, били в барабаны. И все-таки денежные расчеты, какими бы тяжкими они ни были, это еще полбеды. Беда была в другом. Нередко речь шла о жизни и свободе дипломатов. В 1689 году французский посланник в Вене Люзиньян был арестован вместе со своими сотрудниками по обвинению в отклонении от дороги, указанной в паспорте. Но Людовик XIV успел принять меры. Он заранее посадил в Бастилию всех немцев, находившихся в Париже. В 1702 году, в связи с войной за испанское наследство, по приказу польского короля был арестован французский посланник Эрон. Во Франции немедленно начали преследовать поляков и саксонцев. Око за око, зуб за зуб!

Завершая миссию, посол обязан был представить отчет о своей деятельности: французская дипломатия переняла опыт венецианцев. И король, и государственный секретарь строго следили за выполнением этого требования. В отчете следовало сообщить «обо всем, что происходило в тех местах, где посланник исполнял свои обязанности»¹³. Отчет являлся не только источником сведений для короля, но и материалом для подготовки инструкций новому послу. Это был своего рода «государственный экзамен» для вернувшегося из-за рубежа дипломата. Если Людовик не принял его после завершения миссии — беда для неудачника. Он попадал в опалу.

Какие требования предъявляли в Париже к представителям иностранных государств? Согласие на назначение посла у Людовика XIV запрашивали только один раз и в весьма своеобразной форме. Так, папа в 1700 году представил королю на выбор список из пяти кандидатов на пост нунция в Версале. В итоге ситуация во взаимоотношениях двух владык — светского и духовного — разрядилась, но все же оставалась напряженной. Людовик опасался вмешательства Святого Престола во внутренние дела Франции, а папа не хотел, чтобы его посол был близок с королем. В этом случае «заблудшую овцу» ждала в Риме опала. А вот список из нескольких претендентов устраивал обе стороны.

Если запрос агремана еще не вошел в дипломатический обиход, то и к требованию отзыва посла французская дипломатия прибегала редко. Наиболее известный случай произошел в 1685 году. Английский посол Уильям Трембол, злоупотребляя своим положением, пытался вмешиваться во внутренние дела Франции. По требованию Людовика XIV его отозвали. Во всех случаях король предпочитал сдержанных, осторожных и услужливых дипломатов. Поэтому он ценил посланника Бранденбурга Спанхейма, обладавшего этими качествами.

Во Франции были представлены послами Испания, Англия, Голландия, Дания, Венеция, Савойя; посланниками — император, Швеция, Португалия, германские и итальянские князья и герцоги; резидентами — Флоренция и Пфальц; агентами — дипломатами низшего ранга — Польша, Бранденбург, Веймар, Трир. В военное время число иностранных дипломатов во Франции сокращалось.

Право торжественного въезда во французскую столицу предоставлялось только послам. Переговоры об условиях этой церемонии начинались сразу после прибытия главы посольства во Францию. Шли горячие дискуссии, в ходе которых обе стороны, размахивая текстами договоров, взывали к прецедентам. Предусматривались малейшие детали. Каждая имела значение.

Для посла предусматривались два въезда: сначала в Париж, а на следующий день — в Версаль. Посла встречал принц крови (это считалось особенно почетным) или маршал Франции. Особые знаки внимания оказывались представителям Англии и Испании. Празднично украшенные кареты с лакеями в расшитых ливреях делали круг по

Королевской площади и затем направлялись во дворец чрезвычайных послов на улице Турнон, 10.

У этого здания необычная история. Оно принадлежало Кончино Кончини, итальянскому авантюристу, родившемуся во Флоренции, которого Мария Медичи, супруга Генриха IV (после его смерти королева-регентша), сделала маршалом и первым министром. На этом посту в полную силу проявились два незavidных качества Кончини: жадность и бездарность. Людовик XIII приказал арестовать Кончини. Он оказал сопротивление и был убит капитаном королевской гвардии Витри. В помещении фаворита нашли ценностей более чем на 4 миллиона ливров. После гибели Кончини в 1621 году Людовик XIII купил дворец на улице Турнон, который до 1748 года и являлся резиденцией иностранных послов¹⁴.

Из бывшего дворца Кончини посол в сопровождении принца крови направлялся в Версаль, где его встречали королевские гвардейцы. Дипломат по «лестнице послов» (ныне не существует) направлялся в кабинет короля. Подавалось угощение. Затем кортеж возвращался в Париж.

Иностранные представители пользовались во Франции дипломатическим иммунитетом, таможенными льготами. Им разрешалось строить часовни для культа — католического или протестантского. И, тем не менее, дипломаты были недовольны то одним, то другим. Дело иногда доходило до курьезов. В 1698 году Людовик XIV направился в город Компьен. В таких случаях его обычно сопровождал дипломатический корпус. На этот раз перед выездом послы потребовали, чтобы на дверях предоставляемых им помещений значилось: «Для господина посла». Король не удовлетворил эту просьбу. Обиженные дипломаты отказались от участия в поездке.

Трудно сказать, какие чувства обуревали иностранных представителей — печаль или ликование. Дело в том, что послов разоряли длительные переезды и утомительные праздники. После смерти во Франции испанского посла герцога Альбы король Испании выплачивал его долги, а вдова покойного до полной расплаты с кредиторами оставалась на французской земле.

Дипломатическая служба играла важную роль во французской внешней политике. Но она была не единственным орудием воздействия на международную жизнь в Европе. Король и его министры активно использовали многочисленных секретных агентов, завербованных как во Франции, так и в других европейских государствах. В Испании в 1691 году француз Бландиньер активно собирал шпионские сведения, выступал в роли советника и информатора посла. Француженка маркиза Подана содержала в Мадриде политический салон, который посещали иностранные дипломаты, в том числе и французский посол. Испанцы выслали ее в 1698 году за шпионаж. Активными агентами являлись торговец из Байоны Пьер Дагер, швейцарец Франсуа Молло, коммерсант из Роттердама Энекен, врач Эльветен и другие.

Одним из наиболее опытных французских секретных агентов был Жан Эро де Гурвиль, начавший свою карьеру скромным слугой у аббата Рошефуко. Гурвиль принимал участие во Фронде и даже пытался, хотя и неудачно, освободить заключенного в Венсенском замке принца Конде. Гурвиль был знаком с Мазарини и Фуке. Он не отрекся от бывшего сюринтенданта финансов после его ареста, осуждения и заключения в Пиньероле. Семья Фуке получила от Гурвиля 100 тысяч ливров на ведение процесса, на оплату адвокатов.

Гурвиль оставил потомкам свои «Мемуары» — записки секретного агента, «человека короля». Он сотрудничал со многими влиятельными людьми: принцем Конде, герцогом Бурбонским, генералом-протестантом, впоследствии — маршалом Шомбергом. С секретным агентом советовались как по внутренним, так и по внешнеполитическим вопросам.

Свою первую миссию Гурвиль осуществил в Германии в 1668 году. Он получил от главы дипломатического ведомства Лиона инструкции для переговоров с герцогом Бра-

уншвейгским: в Париже вели дипломатическую подготовку к войне с Голландией, но торопиться не хотели. Изучив обстановку, Лион сообщил Гурвилю, что «дело еще недостаточно созрело»¹⁵.

Из Германии судьба перебросила тайного агента на юг. Испания привлекала к себе внимание короля и его министров. Долгий разговор состоялся у Лиона с Гурвилем. В ноябре 1669 года агент прибыл в Мадрид. Можно лишь удивляться его способности в кратчайшие сроки устанавливать доверительные связи. Гурвиль встретился со многими влиятельными в Испании людьми, и в их числе с архиепископом Толедо кардиналом Арагоном.

Гурвиль подготовил обстоятельную записку о финансовом положении «обезлюдевшей» Испании (рекрутов испанцы вынуждены были вербовать в Милане, Неаполе, Сицилии, Нидерландах). Бюджет страны был напряженным, хотя из своих колоний испанцы получали до 60 миллионов ливров. Война с Португалией требовала больших расходов. Золота и серебра не хватало. Выпустили на 6—7 миллионов медных денег, «заработав» такой жульнической операцией 24—25 миллионов. В Каталонии «облегченные» монеты не приняли. Недовольство в стране нарастало и в связи с другими финансовыми операциями правительства. Ввели платную марку на официальных бумагах, что дало 2 миллиона ливров, систему разрешений на употребление в пищу в постные дни ног и голов животных (налоговый сбор — 2 млн.). Один из важных для королевской дипломатии выводов Гурвиля состоял в том, что Испания была не в состоянии охранять и содержать свои владения в Нидерландах¹⁶.

Обширная справка, направленная в Париж Гурвилем, получила высокую оценку Лиона. Государственного секретаря интересовали не только данные об экономике и финансах Испании, но — и это главное — перспективы усиления французского влияния в этой стране. Секретный агент назвал возможную кандидатуру на испанский престол после смерти Карла II — герцога Анжуйского, внука Людовика XIV. Гурвиль вступил в переговоры с испанскими аристократами, придворными, способными «придать всему этому делу движение». Епископ Тулузский Бонзи, посол в Мадриде, сообщил в Париж, что «по недавним заявлениям Гурвиля все гранды Испании хотели бы признать герцога Анжуйского своим королем».

Гурвиль был человеком инициативным и ловким. Он присмотрелся к француженке-торговке, продававшей испанским дамам товары из Парижа, и предложил ей «соблазнить» подарками жену одного испанского министра. Министр был стар, его супруга — молода и привлекательна. Сделка состоялась, и важные сведения стали поступать к Гурвилю. Но он уже вызвал подозрения и вынужден был покинуть Испанию.

Деятельность Гурвиля интересовала не только Лиона. Она привлекала внимание и Лувуа. Секретный агент в беседе с государственным секретарем по военным делам сообщил, что крепость Пампилона (главный город провинции Наварра) «ничего не стоила». Для ее осады, по мнению Гурвиля, достаточно было 18 тысяч пехотинцев и 6 тысяч кавалеристов. Взятие крепости открыло бы дорогу французам к сердцу Испании — ее столице. На Мадрид, по его мнению, можно было вести наступление с 3—4 тысячами кавалеристов. Этого достаточно. Испанская армия насчитывала 2—3 тысячи пехотинцев. Если к тому же португальский король устроит небольшую военную демонстрацию на границе, то испанцы будут вынуждены послать туда свою армию. Лувуа внимательно слушал Гурвиля, посматривая на географическую карту.

Гурвиль побывал в Париже и у других министров. Встречался секретный агент даже с Кольбером, который задал Гурвилю много вопросов по экономике, внешней торговле и финансам Испании¹⁷.

Кроме Гурвиля активную роль в осуществлении «испанской политики» Людовика XIV сыграл другой секретный агент — иезуит Антуан Вержюс, направленный в Мадрид во второй половине 80-х годов в связи со скорой, как считали в Версале, смертью короля Испании и неизбежным разделом его наследства. Задача состояла в том, чтобы создать в

Мадриде «французскую партию». Король возлагал на Вержюса большие надежды. Он писал послу в испанской столице маркизу Фокьеру, что Вержюс — человек «ловкий, способный давать хорошие советы» и вести себя так. «чтобы никто не мог проникнуть в цели его миссии»¹⁸. Агенту поручалось установить связи с главным инквизитором, с генералами монашеских орденов, с влиятельными духовными лицами, вступить с ними в тайную переписку, убедить их, что, если король-француз придет к власти в Испании, все привилегии испанской светской и церковной знати сохранятся. В инструкции Людовика агенту подчеркивалось, что ему, иезуиту, «будет значительно легче тайно встречаться и вести секретные переговоры, чем послу»¹⁹.

Разумеется, из Версаля обещали послать деньги в Мадрид. Вержюсу поручалось их использовать по указаниям посла, организовать встречи с профранцузски настроенными политиками и выработать совместную программу действий. О намерениях короля Вержюса информировали через правителя Байонны, с которым иезуиту и следовало вести переписку.

Услугами секретных агентов постоянно пользовалась французская дипломатия. В 1669 году к Карлу II Стюарту Лион направил аббата Пренани, астролога, искателя «философского камня», чтобы «незримыми цепями» приковать короля Англии к французскому монарху. Наивная попытка ничего, разумеется, не дала. Аббат вскоре вернулся во Францию. Представителей мужской ветви династии Стюартов интересовали не изыскания астрологов, а деньги и женщины. Однажды Карла II познакомили с очаровательной бретонкой — белолицей и полногрудой мадемуазель де Керуаль. Вскоре она стала герцогиней Портсмутской, фавориткой короля, оказывавшей влияние на британскую внешнюю политику. Французские послы Куртен и Барийон следовали ее советам. После возвращения де Керуаль во Францию ее не забыли и в Версале²⁰.

В последние годы царствования Людовика XIV французская шпионская сеть существовала почти при всех европейских дворах. По платежным бумагам дипломатического ведомства без особого труда можно составить списки тайных агентов. Осведомители работали не только на французскую дипломатию, но и на военное ведомство. У Лувуа повсюду имелись шпионы, сообщавшие не только военные, но и политические сведения. Он широко пользовался услугами почтовой дирекции Франции, вскрывавшей письма, санкционировал нападения на курьеров. Одного из них, по приказу Лувуа, «ограбили» в Страсбурге, для правдоподобия прихватив и деньги. Разбойные нападения иногда давали французской дипломатии неожиданные преимущества. Так, в 1688 году правитель Бранденбурга заявил представителю Людовика XIV, что он не вел никаких антифранцузских переговоров с архиепископом Майнца и его министрами. Тогда Лион послал в Берлин копию соглашения, направленного против Франции, собственноручно подписанного двумя владыками — светским и духовным — и скрепленного их печатями. Не трудно представить себе трагикомическую сцену «представления» прусскому монарху бесспорного документа.

Было бы наивным полагать, что дипломатической и военной разведкой занимались только французы. Шпионаж существовал повсюду в Европе. В Испании перехватывали депеши французского посла Эмбрана. Послы Людовика XIV в Лондоне постоянно жаловались на нарушения тайны корреспонденции. Прусский посланник в Париже покупал копии секретнейших французских документов. Все продавалось, покупалось или захватывалось силой. Право же, великий политик и дипломат Шарль Морис Талейран только довел до совершенства методы своих многочисленных предшественников!

Дипломатия и деньги. Многогранная проблема. Ее иногда называют вечной. Точнее: не вечная, вековая. Несомненно, в различные эпохи истории человечества денежные знаки использовались и используются для достижения внешнеполитических и дипломатических целей.

Автор уже не раз упоминал о деньгах. Больших деньгах: на содержание короля и его министров, на содержание послов и посольств, на выплаты тайным агентам. Но одна

из самых расточительных статей государственных расходов еще не была названа. Систематический подкуп монархов и их министров, маршалов и генералов, кардиналов и епископов Людовик XIV считал универсальным средством «завоевания» союзников.

Такое финансовое бремя, тяжелое, как неподъемная, многопудовая гиря, могла взвалить на свои плечи только страна с хорошо отлаженным механизмом систематического ограбления собственного народа. Взвесить это бремя трудно, а может быть, и невозможно. Одно очевидно: «политика коррупции» не давала Людовику XIV желаемых результатов. В конечном счете большинство союзников покидало короля в годину испытаний. А те из них (немногочисленные), кто сохранял верность союзам, были слишком слабыми, чтобы склонить чашу весов в пользу Франции.

В своих «Мемуарах» Людовик XIV писал, что «многим депутатам в Голландии он платил пенсии»; давал значительные суммы польским магнатам; субсидировал ирландцев, чтобы они «побуждали католиков к мятежу против англичан». 100 тысяч экю получил король Дании за участие в борьбе против Англии. Вниманием Людовика не была обойдена и датская королева: дорогое бриллиантовое кольцо ласкало ее шею. Бесценные подарки из Версаля получили электор Бранденбурга и королева Швеции. С этой страной дипломаты Людовика XIV неоднократно подписывали договоры о союзе и военном сотрудничестве. За счет французского бюджета содержалась шведская армия в 16 тысяч человек, находившаяся в Германии.

«Я не жалею денег для важных дел и главным образом с целью увеличить число моих друзей и уменьшить число моих врагов», — откровенно говорил Людовик XIV. Развивая свою мысль, он подчеркивал: «Часто случается, что небольшие суммы, истраченные своевременно и разумно, избавляют государства от расходов и потерь несравненно более значительных»²¹.

«Небольшие суммы»? Бюджет Франции за 1672 год предусматривал следующие выплаты: английскому королю — 3 миллиона ливров, германским князьям — 2468 тысяч ливров, Швеции — 1200 тысяч, швейцарской лиге — 200 тысяч, на содержание французских посольств — 400 тысяч ливров. Общая сумма расходов государства составляла 71 миллион 339 тысяч ливров. Из них на внешние цели приходилось около 10 %²². Сумма по тем временам гигантская.

Расходы на внешнюю политику определялись международной ситуацией, задачами французской дипломатии, а также субъективными моментами: целями короля и его ближайшего окружения. Многие годы с поразительным упорством Людовик XIV финансировал представителей династии Стюартов. С 1681 по 1684 год Карл II получил из французской казны 5 миллионов ливров. Якову II после его вступления на трон заплатили 500 тысяч ливров, которые он принял от посла Барийона «со слезами на глазах» и тут же, не теряя ни минуты, запросил дополнительно 400 тысяч (и получил их!). Золотой поток не иссякал. А серьезных преимуществ французская дипломатия не получала. В чем же был «корень зла»? Людовик XIV, его министры и дипломаты недооценивали силу парламента и протестантской церкви в Англии и в то же время переоценивали возможности католицизма в стране с прочными антикатолическими традициями.

Словно ненасытное чудовище поглощал французские деньги великий электор Бранденбурга. За двадцать лет, с 1668 по 1688 год, он получил из французского бюджета на содержание своих войск 4 миллиона ливров. Регулярно выплачивались взятки прусским министрам, влиятельным придворным. Деньги проваливались как в бездонную бочку! Фридрих Вильгельм неоднократно предавал Людовика XIV, а со второй половины 80-х годов полностью и окончательно перешел в лагерь противников Франции.

Французские деньги получали в Германии многие светские и духовные государи. Первое место среди них занимала Бавария, правитель которой начиная с 1670 года ежегодно пополнял свою казну 500 тысячами немецких флоринов. По данным бюджета на 1682 год, Людовик XIV выплачивал электору Кёльна ежегодно 100 тысяч ливров на содержание войск и 60 тысяч — на личные расходы, электору Майнца — 60 тысяч ливров,

епископу Мюнстера — 90 тысяч ливров в год. На содержании у французов находился герцог Ганновера. На севере Европы союзником Франции была Швеция. С 1661 года шведский король получал от Людовика XIV 600 тысяч ливров ежегодно. Потом наступил период охлаждения, завершившийся в 1671 году. Начало нового этапа сотрудничества обошлось Франции в 400 тысяч ливров. Затем шведы в течение семи лет получали еще по 600 тысяч ливров ежегодно. Это была последняя вспышка дорогостоящей «любви» к шведскому королевству, которую французской дипломатии уже больше так и не удалось возродить на протяжении последних полутора десятилетий царствования Людовика XIV.

Субсидии выплачивались с помощью банкиров. Среди них особым доверием в Версале пользовались братья Формой. Старший — Пьер — жил в Париже. По поручениям короля банкир Самюэль Бернар действовал в Швейцарии и Польше. Вместе с финансистами из Данцига он вел денежные дела принца Конти.

Деньги из государственного бюджета Людовик XIV, его министры и дипломаты тратили не только на подкуп союзников и подготовку войн, но и на прославление внешней политики Франции. Информационно-пропагандистская функция французской дипломатии зародилась при Ришелье, активно прибегавшего к услугам писателей и газетчиков. При великом кардинале распространение в Европе возвеличивавших короля и его политику публикаций было скорее роскошью, а при Людовике XIV — необходимостью. Короля больно ранили иронически-злые антифранцузские памфлеты, издававшиеся в Голландии, других европейских странах. Ответные французские материалы распространялись в Европе с большим трудом. В 1674 году Помпону сообщили из Германии, что «не найдется ни одного человека, который даже за 10 000 эку захотел бы напечатать в пользу Франции десять строк на каком бы то ни было языке»²³.

Среди французской читающей публики были известны такие, например, издания, как «Газет» Теофраста Рендо. Газетчики получали информацию от государственного секретаря по иностранным делам и его сотрудников. Масштабы и глубина их идейного воздействия были, разумеется, ограниченными. Население городов и деревень страны оставалось вне политики.

И, тем не менее, тогдашняя печать, несмотря на ее скромные возможности, усердно возвеличивала короля, его дипломатию и армию. Международный престиж своей особы и своего королевства Людовик XIV рассматривал как постоянно действующий фактор укрепления абсолютизма внутри страны и его влияния на европейской арене. Ради этих целей он не жалел денег.

8

Мудрый Кольбер

«Не в моих интересах было брать на службу наиболее именитых подданных. Прежде всего следовало утвердить мою собственную репутацию»¹. Эти слова Людовика XIV вполне применимы к Кольберу — «финансовому богу» первого двадцатилетия личного правления короля.

Да, Жан Батист Кольбер не мог похвастать знаменитой родословной. Придворные и чиновники его не любили, в лучшем случае относились снисходительно. Сомневались даже в его благородном происхождении, хотя в «Словаре дворянства» главу семьи — Никола Кольбера именовали «сеньором Вандьер» (по названию поместья Кольберов). Сомнения никогда не оставляли и самого Жана Батиста. Отец, поколачивая своего сына каминными щипцами, — он частенько проделывал эту несложную операцию — приговаривал: «Мерзавец, ты только маленький буржуа, и если мы обманываем общество, то я хочу, чтобы ты по крайней мере знал, что ты собой представляешь»².

Родился Кольбер в Реймсе в 1619 году. Учили его иезуиты. Затем юноша пробовал свои силы в торговле, на работе в банке. Счастье ему улыбнулось, и он попал в бюро государственного секретаря по военным делам ле Телье. Мнение о молодом человеке

сложилось самое положительное, и в 1649 году он становится интендантом у самого кардинала Мазарини, расшатанные денежные дела которого привел в порядок с умопомрачительной быстротой.

Мазарини видел в Кольбере своего человека. «Я принимаю участие во всем, что Вас касается, как если бы речь шла о моих собственных интересах». Отнесемся с доверием к этим словам кардинала. Ведь с помощью таких своих верных слуг, как Фуке и Кольбер, Мазарини стал богатейшим человеком страны. Кардинал — а он, как первый министр, не имел права заниматься спекулятивными операциями — взял в свои руки доходнейшее дело — снабжение армии. Правда, перед смертью Мазарини решил замолотить грехи: он завещал Людовику XIV свое состояние, втайне надеясь, что монарх не примет дара. Сделав широкий жест, расчетливый итальянец воскликнул: «О, моя бедная семья, у нее не будет даже хлеба!»³. Страхи были напрасными. Наследники получили богатства покойного.

Мазарини не только доверил Кольберу исполнение своего завещания, он рекомендовал его Людовику. У финансиста и монарха оказался общий враг — Фуке, суд над которым сблизил короля и его нового министра. Кольбер быстро продвигался по лестнице власти. Он получал одно назначение за другим: генеральный контролер финансов; сюрин-тендант искусств и мануфактур; государственный секретарь по вопросам флота, торговли и дома короля. В руки неизвестного дворянина из Реймса перешло, кроме армии, управление всей Францией, включая духовенство.

Политическое влияние министра возросло. При его участии готовились все важнейшие документы внутренней и внешней политики Франции. Только выяснив мнение генерального контролера финансов, Людовик XIV назначал высокопоставленных чиновников: губернаторов провинций и колониальных администраторов, интендантов и послов.

Свою власть Кольбер сознавал в полной мере. Министр был всегда спокоен и уверен в себе. Внешне холодный и бесстрастный, он больше слушал, чем говорил. Угрюмо-сосредоточенное лицо, на котором выделялись густые брови и суровые глаза. Глубокие морщины врезались в лоб. Казалось, напряженные мысли никогда не покидали министра. Видимо, так оно и было. И летом, и зимой Кольбер начинал работать в 7 часов утра. Его трудовой день продолжался 15—16 часов. Тратить время на встречи и беседы с людьми, в том числе и влиятельными, он не любил. Дело доходило до смешного. Мемуаристы рассказывают, например, что однажды придворная дама просила Людовика XIV помочь ей встретиться с Кольбером.

Министра отличали не только фантастическое трудолюбие, но и способность принимать решения на основе обширной информации, получаемой из разных источников. Он умело использовал статистику, документальные материалы, донесения интендантов, дипломатическую переписку.

Был ли богат человек, собиравший, считавший и тративший деньги всего королевства? Да, Кольбер был богат. Его состояние превышало 10 миллионов ливров. Одни земельные владения оценивались в 1400 тысяч ливров. Честным ли путем было нажито это богатство? По тем временам оно имело законные источники, известные Людовику XIV. По крайней мере, историки не располагают документами, которые позволили бы поставить Кольбера в один ряд с Фуке.

Не только власть и деньги составляли силу Кольбера. Семейные связи роднили его с аристократией. Три дочери министра вышли замуж за герцогов Шеврез, Бовилье, Мортемар. Каждая получила приданное в 400 тысяч ливров. Старший сын маркиз Сеньоле был государственным чиновником и дипломатом, второй сын — архиепископом Руана. Три других сына Кольбера погибли в боях. Не были обделены судьбой и братья всесильного министра. Один из них — Круасси, посол и затем государственный секретарь по иностранным делам; второй — Молеврие, генерал-лейтенант; третий — епископ Монпелье.

Особенно много внимания Кольбер уделял старшему сыну — Сеньоле. Он был с ним суров и требователен. Указывал, что читать. Выговаривал за плохо написанное письмо, за опоздание на несколько минут. Отец отправил сына на стажировку к знакомому интенданту в Рошфоре, посылал в поездки по европейским странам. Из Голландии Сеньоле привез сведения об организации адмиралтейства, о флоте, арсеналах, численности тяжелых орудий.

По инициативе отца Сеньоле посетил Геную, Флоренцию, Рим, Неаполь, Равенну, Фаянцу, Римини, Венецию, Милан, Мантую, Турин. Подробный план поездки был составлен Кольбером. Он рекомендовал сыну в каждом из итальянских государств познакомиться с дворянскими семьями, близкими к местным властям, с должностными лицами и их функциями. Сеньоле поручалось разобраться в механизме принятия политических решений, ответить на многочисленные вопросы: кто вносит предложения, как принимаются законы, решаются вопросы войны и мира, споры между итальянскими государствами: какие из них независимы, какие находятся под влиянием Святого Престола или императора, в чем особенности союзных отношений между итальянскими дворами. Кольбер ждал от сына обстоятельных ответов на многие вопросы, включая требования этикета, значение обычаев, традиций.

Сеньоле имел два рекомендательных письма королевы: к вице-королю Неаполя и к губернатору Милана, открывших у многие двери. Молодой дипломат встречался с папой его родственниками, с французскими кардиналами в Ватикане. По совету отца Сеньоле следовало «самому говорить мало и дать возможность много говорить другим».

И еще одну интересную задачу поставил Кольбер перед Сеньоле: ознакомиться с итальянской архитектурой, скульптурой, живописью. Он думал о сыне, который «в один прекрасный день будет способен выполнять обязанности сюринтенданта по вопросам строительства». Далеко вперед смотрел министр Людовика XIV⁴. С согласия короля Сеньоле принимал участие в повседневной работе отца.

Хотя Кольбер — глава семейного клана и Кольбер-администратор были, разумеется, неотделимы друг от друга, государственные дела всегда были у него на первом месте. Он верой и правдой служил своему господину, который понимал и ценил это. По словам Людовика XIV, он «оказывал все возможное доверие» Кольберу⁵. Министр этого заслуживал.

Споры о жизни и деятельности Кольбера не прекращаются вот уже более трех столетий. Одни считают министра финансовым и экономическим гением, другие — тупым администратором, жрецом протекционизма. Истина где-то посередине, между двумя крайними точками зрения. Бесспорно, Кольбер был выдающимся государственным деятелем своей эпохи. Сменив Фуке на посту главы финансового ведомства, он занялся прежде всего поисками новых источников доходов и уменьшения государственного долга, равновесия бюджета. Финансист стремился расширить круг налогоплательщиков, увеличить поступления от королевских владений, лишить привилегий многочисленных дворян-самозванцев, вопреки законам королевства присваивавших себе дворянские звания.

Разумеется, главным источником пополнения бюджета являлась эксплуатация 15 миллионов крестьян. Уровень их жизни был низким, смертность — высокой. Во Франции из 100 новорожденных 25 умирали до одного года, 25 не доживали до 20 лет, 25 человек смерть уносила в возрасте от 20 до 45 лет и только 10 доживали до шестидесяти.

Таковы были неизбежные следствия недостаточного питания, неблагоустроенного жилья, непосильного труда. Маршал Вобан, крупнейший военный строитель, специально изучавший социально-экономические проблемы страны, писал, что в 1698 году одну десятую часть населения страны составляли нищие, пять десятых не были в состоянии подать милостыню, три десятых увязли в долгах и в судебных исках, и только одна десятая являлась обеспеченной (дворяне, духовенство, военные, судейские чиновники, крупные торговцы)⁶.

Крестьяне разорялись, так как в 60-х годах цены на зерно были очень низкими (как при правлении Генриха IV). А французские торговцы наживались на вывозе зерна в Испанию. Но вскоре обстановка изменилась. В 70-х годах в связи с плохими урожаями цены на зерно выросли, а зарплата не менялась. Не успевали хоронить покойников. В 1685—1689 годах урожаи опять стали обильными и цены на хлеб и зерно упали. Рекорд дешевизны был установлен в 1688 году.

Откуда было брать деньги крестьянину? Он и его семья постоянно недоедали, жили в трудных условиях. Окна в домах бедняков не имели стекол. Мебель, даже простая, была редкостью. Вместо шкафов использовали сундуки. Спали на общих кроватях. Употребляли в пищу много хлеба. Его пекли сразу не менее чем на неделю.

Голод был частым гостем в деревне. Крестьяне ели траву, каштаны, корни деревьев. Они не давали увозить хлеб из амбаров для армии. Грабили склады с мукой и зерном. Народные волнения вызывались также непосильными налогами, которые из года в год возрастали. «Сбор налогов с каждым днем становится все затруднительнее. Бедствия делают население в некоторых районах таким буйным, что сборщики налогов не желают работать. Они боятся крестьян, опасаются за свою жизнь. Я решил воспользоваться военной силой. Сюда как раз прислан на постой драгунский полк»⁷, — писал в 1696 году генеральному контролеру финансов интендант из Монтабана. Но произошло непредвиденное: офицеры отказались применять силу против мирных жителей.

Кольбер отдавал себе отчет в том, что репрессиями и узаконенным грабежом нельзя подчинить крестьянство. Поэтому в 1663 году были объявлены неприкосновенными скот, орудия сельскохозяйственного производства. Принимались меры для его развития: закупали испанских баранов; распространяли высокосортные семена; поощряли посевы таких технических культур, как лен, конопля, табак; сажали тутовые деревья; строили новые конные заводы в Нормандии и Пуату. Была создана лесная администрация, которая начала свою деятельность с учета и описи всех лесов в стране.

Крестьяне-налогоплательщики являлись фундаментом финансовой системы абсолютизма. Но в ней не было четкости и слаженности. Ее разъедала коррупция. И Кольбер объявил войну расхитителям. Чрезвычайный суд рассматривал финансовые злоупотребления, совершенные на протяжении нескольких десятилетий. В тюрьме оказались многие интенданты, финансисты. Одного из них — Дюмона повесили перед Бастилией. Такая же участь постигла и сборщика налогов в Орлеане.

В общей сложности 500 человек понесли наказание. Некоторые из них внесли в казну по 2—3 миллиона ливров. В итоге Кольбер собрал богатый «урожай» в 110 миллионов ливров — сумму, равную доходам государственной казны за полтора года (стоимость двух Версале). Часть этих денег — минимум 15—16 процентов — получали доносчики, разоблачавшие владельцев нечестно нажитых состояний.

Обворовывали государство и самозванные дворяне, не платившие сословного налога — талья. Сословные привилегии они присваивали себе, например в связи с выполнением совершенно незначительных официальных — иными словами, привилегированных — функций (сбор соляной подати и др.). И на самозванцев повел наступление Кольбер. В 1664 году он провел «переаттестацию» дворянства. Были аннулированы все дворянские грамоты, выданные после 1634 года. Самозванцы внесли в казну 2 миллиона ливров штрафов. Они стали постоянными платильщиками тальи. Общая численность дворянства сократилась на 40 процентов.

Однако главными расхитителями государственных средств являлись Людовик XIV и его семья. Словно ненасытные чудовища пожирали они несметные богатства. Чего стоили одни королевские дворцы! С 1661 по 1710 год затраты на их строительство составили: в Версале и его окрестностях — 117 миллионов ливров, в Фонтенбло — 2,8 миллиона, в Лувре и Тюильри — 10,6 миллиона, в Шамборе — 1,2 миллиона ливров. Королевская площадь у дворца Вандом стоила 2 миллиона. А лошади Его Величества?

Две конюшни короля обошлись более чем в 3 миллиона ливров. А 512 слуг королевы? На их содержание казна выплачивала 466 тысяч ливров. Дорогие подарки, стоившие непостижимых денег, редчайшие драгоценности, роскошные праздники, пиры и приемы, пожизненные пенсии придворным и администраторам, военным. Да разве можно хотя бы просто перечислить тайные и явные каналы, по которым, совершенно бесконтрольно, по воле короля, растекались народные деньги?

Проявляя личную смелость, Кольбер говорил и писал Людовику XIV, что из года в год растут королевские расходы на питание, лошадей, прислугу, на многочисленные празднества. Министр подчеркивал, что в прошлом короли избегали «расходов, не являвшихся необходимыми». Кольбер продолжал: «Ваше Величество тратит 200 тысяч пистолей наличными на поездку в Версаль, 13 тысяч на игру свою и королевы в карты, 50 тысяч ливров на трапезы»⁸.

Увы, финансовая дисциплина была незнакома Его Величеству. Однако Кольбер пытался придать видимость законности оформлению государственных расходов. Счет подписывал государственный секретарь, по ведомству которого тратились деньги. Затем требовалась виза генерального контролера финансов, определявшего источник ассигнований. Если речь шла о выплате более чем 300 ливров, Людовик делал пометку: «Хорошо» — и ставил свою подпись. Однако король часто лично проверял сведения о доходах и расходах, хотя специалистом в этой области считал только Кольбера. Людовик говорил своему министру: «Вы знаете, что в вопросах финансов я одобряю все, что Вы делаете, и, по-моему, делаете хорошо»⁹.

Генеральному контролеру приходилось закрывать одну брешь за другой. Фантазия его была неистощимой. При нем подорожали должности секретарей короля, нотариусов, прокуроров, казначеев. Повысили налоговый сбор со строящихся в Париже домов. Почтовый тариф увеличили с 2 до 5 су. Сдача в аренду почтового ведомства сразу же дала доход в 1200 тысяч ливров. Табачная монополия приносила казне 1600 тысяч ливров¹⁰. Возросли доходы от королевских лесов, от соляной пошлины. Ввели продажу муниципальных должностей (мэров, офицеров милиции), гербов для лиц, не являвшихся дворянами. Взималась такса с приобретаемых духовенством имуществ. В общей сложности чрезвычайные меры, осуществленные Кольбером, в 70-е годы дали 150 миллионов ливров дополнительных доходов. Государственные расходы снизились более чем в два раза. Бюджет был уравновешен, но всего лишь на несколько лет. Людовика XIV считали самым богатым монархом в Европе.

Несколько лет Кольберу удавалось сводить концы с концами без дефицита бюджета. Войны пожирала и средства, и людей. Основной сословный налог — талья — в конце правления Мазарини давал 40 миллионов, ко времени смерти Кольбера — 35 миллионов ливров. Пополнялась казна в значительной мере за счет налогового обложения продовольствия, соли, напитков. Поступления от этих статей в начале деятельности Кольбера на посту генерального контролера финансов составляли 5 миллионов ливров, в конце — 20 миллионов¹¹.

Стабильность ливра являлась одной из целей политики генерального контролера. И ему удалось на время добиться устойчивости французской валюты. Было запрещено использование мелких медных монет — иностранных и выпускавшихся на присоединенных к Франции территориях (Оранж, Авиньон, Траву — столица княжества Домб в Бургундии). В этих городах были закрыты монетные дворы. Сурово наказывали фальшивомонетчиков.

После смерти Кольбера наступил конец денежной стабильности. Рубеж — 1689 год, когда были сделаны первые попытки введения бумажных денег. Циркулировали в стране и ассигнации государственных ведомств, хотя их использование было ограниченным. Государство прибегало к займам. Но остановить процесс инфляции было невозможно. Не позволяли дорогостоящие войны. В итоге в 1715 году, ко времени смерти Людовика XIV, стоимость ливра упала с 8,33 грамма чистого серебра до 5,33 грамма.

Кольберу не удалось избежать денежного дефицита. Уже в год его смерти для равновесия бюджета не хватало 6 миллионов ливров. Трудно представить иное — благоприятное для королевства положение в финансовой сфере. Ведь Людовик XIV и его министр пытались примирить непримиримое: огромные, все возрастающие расходы на дипломатию и войны с развитием промышленности и сельского хозяйства Франции. Финансы любой страны неотделимы от ее экономики. Они взаимосвязаны, как внутренние органы в живом организме. Кольбер понимал это. Был ли у него свой план организации промышленного производства во Франции? Несомненно. План предусматривал создание мануфактур короля (например, по производству гобеленов) и поддержку частных предприятий в различных формах: государственные субсидии; освобождение от уплаты налогов; предоставление монопольных прав на изготовление и продажу товаров. Оба типа мануфактур — королевские и частные — ориентировались на рынок предметов роскоши: ковров, дорогих тканей, хрусталя, парфюмерии. Качество экспортных изделий поддерживалось строжайшей регламентацией технологического процесса, инспекторским надзором и суровыми санкциями против нарушителей регламентов. Жесткая дисциплина, навязанная фабрикантам и рабочим, позволяла сократить дорогостоящий импорт.

Регламенты обязывали фабрикантов выпускать ткани определенной ширины, длины, окраски. Таможенные тарифы ограничивали или закрывали доступ в страну иностранным товарам, способным конкурировать с национальной продукцией.

Высокое качество товаров генеральный контролер финансов обеспечивал принудительными мерами. Французский историк Буасонад называл Кольбера «маньяком регламентации». Например, «генеральный регламент» устанавливал производственные требования к сукну. Готовили регламент долго — семь лет. И, тем не менее, в 1681 году дополнили новыми правилами. Инструкции были подробными. Например, в регламенте для фабрики в Амьене насчитывалось 248 статей. Главная цель состояла в том, чтобы гарантировать покупателю высокое качество изделия, его соответствие установленным образцам, изготовленным на лучших машинах.

С 1666 по 1683 год были приняты 44 регламента и инструкции. Их жесткость вызывала возражения и протесты как промышленников, так и рабочих. Повсюду требовали реформ, либерализации законодательства и административных правил. Кольбер стоял на своем. Он требовал «пунктуального выполнения» регламентов и наказания их нарушителей.

В Париже активно поддерживали репрессивные меры на местах. Так, в 1670 году интендант Тура решил вывешивать на позорном столбе кусок ткани, выработанной с нарушением официальных норм, и при этом указывать фамилию виновного. Кольберу идея понравилась. По его предложению был принят королевский ордонанс, установивший наказания для «нечестных» фабрикантов, торговцев и рабочих: при первом нарушении регламента ткань с дефектами и табличка с именем ее владельца вывешивались на позорном столбе; при повторении «злонамеренных действий» выносилось публичное порицание нарушителю порядка; в третий раз жертву на два часа приковывали железным ошейником к позорному столбу, а запасы ткани конфисковывали. «Драконовское законодательство»¹², — замечает Пьер Клеман.

Главное бесспорно: мануфактуры, опекаемые Кольбером, освободились от ремесленных форм средневекового контроля, получили кредиты и налоговые льготы, законодательные и административные привилегии. Они занимали монопольное положение на рынке. Жесткая правительственная регламентация способствовала улучшению качества продукции.

Однако оценка деятельности Кольбера в исторической литературе неоднозначна. Н. И. Кареев, например, считает, что «Кольбер был только один из многих: он не был ни единственным представителем такой политики, которую даже окрестили названием «кольбертизм», ни ее инициатором, хотя только что приведенное название и

оправдывалось той широтой захвата, той неустанной энергией, той последовательной систематичностью, которые проявились во всей экономической политике знаменитого министра Людовика XIV»¹³.

Сам Н. И. Кареев употребляет термин «кольбертизм», хотя и утверждает, что Кольбер не являлся единственным инициатором политики, носившей его имя. Вместе с тем русский историк отмечает энергию, последовательность генерального контролера финансов в осуществлении идей, размах деятельности. Суть «кольбертизма» сводилась к укреплению финансовой системы страны, развитию производства на передовой для того времени технологической основе, к государственному регулированию экономики и торговли, к протекционизму — поддержке французских промышленников и коммерсантов, защите внутреннего рынка Франции от иностранной конкуренции.

Просчетов у генерального контролера было много. Всю хозяйственную жизнь страны он загнал в капкан мелочной регламентации. Промышленность ориентировалась не на массовых, а на избранных аристократических покупателей. Но не в этом суть экономических и финансовых трудностей королевства. Одна из главных причин — узость внутреннего рынка Франции, объясняемая бедностью крестьянства, доходы которого во времена Кольбера катастрофически упали. Сложилась и неблагоприятная для Европы международная деловая конъюнктура, особенностями которой являлись упадок производства и низкие цены. И в этих сложных условиях генеральный контролер уделял постоянное внимание развитию внешней торговли Франции, для которой, по его мнению, главную опасность представляла Голландия. В Гааге, в свою очередь, опасались и серьезной конкуренции со стороны созданных Кольбером торговых компаний.

В 1664 году начали действовать компании Восточной Индии (территория современной Индонезии) с исключительным правом торговли на гигантских просторах от мыса Доброй Надежды до пролива Магеллана и Западной Индии (так назвал Христофор Колумб Америку), осуществлявшей коммерческие связи между Нантом, Сен-Мало, Бордо и Сенегалом, островами Гаити, Сент-Кристофер, Гваделупа, Мартиника. Объекты коммерции были весьма различными — от негров-рабов до сахара¹⁴.

Торговым компаниям уделяли большое внимание в Версале. Король, королева, принцы участвовали в их финансировании. Но дворяне относились к новшествам с недоверием. Их не соблазняли ни перспективы больших доходов, ни подвиги миссионеров, обращавших местное население в католическую веру.

Торговые компании, основанные Кольбером, не принесли ему славы. Компания Западной Индии прекратила свое существование уже в 1674 году. Компания Восточной Индии отказалась от торговли с Цейлоном, Мадагаскаром и в 1682 году от своих монопольных прав. Были распущены и компании Севера и Леванта.

Два десятилетия просуществовала компания Сенегала, возникшая в 1673 году. Она получила право монопольной торговли неграми на африканском побережье, покупая рабов по 13 ливров «за голову».

Однако ни одна из компаний, созданных Кольбером, не добилась стабильности и эффективности. Администраторы некоторых из них встали на путь мошенничества, преследуя только одну цель — скорейшее обогащение. В марте 1672 года в письме директору компании Леванта Кольбер выражал изумление в связи с тем, что она отправила в Португалию парчу с фальшивой золотой и серебряной отделкой. И даже возмущение португальцев генеральный прокурор считал не самой худшей неприятностью для французских коммерсантов, стремившихся закрепиться на рынках Турции. Он писал: «Если компания позволит себе подобные проделки с турками, она рискует получить самые жестокие оскорбления, каким только они подвергают христиан»¹⁵.

История с парчой не являлась исключением. Компании злоупотребляли своим монопольным положением. Они занимались контрабандой, нарушали правила производства товаров. Это было неизбежным: жесткое регулирование деятельности мануфактур подавляло самостоятельность предпринимателей. К концу жизни Кольбер

понял это. Государственный совет 6 января 1682 года разрешил свободную торговлю в Восточной Индии при условии, что частные лица будут перевозить свои товары на кораблях компании и продавать их в ее магазинах.

В целом эксперимент с созданием новых торговых компаний Кольберу не удался. Seriously потеснить голландцев в сфере международной торговли французские компании не смогли. Но там, где не преуспели коммерсанты, обогащались рыцари морского разбоя. В 80-е годы в пору процветания вступил город пиратов Сен-Мало. Он стал первым портом Франции, одним из крупнейших в мире. Две тысячи кораблей ежегодно заходили в Сен-Мало. Они прибывали из Европы и Америки, Гренландии и Новой Земли. Состояние многих судовладельцев измерялось миллионом и более ливров¹⁶.

Вся история пьяного от богатства Сен-Мало свидетельствовала о том, что без мощного военного и торгового флота Франции не удастся потеснить англичан и голландцев в сфере международной торговли. Кольбер знал это. Его можно назвать отцом французского флота. Если при Ришелье насчитывалось 80 парусных судов и 20 галер, а в период правления Мазарини только 2—3 корабля и 6 галер находились на плаву, то благодаря политике генерального контролера финансов положение быстро изменилось. К 1 января 1667 года у Франции имелось 270 кораблей и 30 галер. Число моряков составляло 52 тысячи человек. На содержание флота расходовалось 10 миллионов ливров.

Вновь созданный военный флот остро нуждался в офицерах и матросах. Их набирали во всех приморских районах, где переписали 200 тысяч моряков. Они были обязаны служить на флоте один год из каждых трех или четырех лет (в разных провинциях — разные сроки). Офицеры и матросы проходили специальную подготовку. В 1669 году Кольбер открыл в Сен-Мало специальную школу, в которой обучали гидрографии, артиллерийскому делу, мореходству. Школы гидрографии и стрельбы появились в Дьеппе, Гавре, Бордо, Марселе, офицерские академии — в Тулоне, Рошфоре, Бресте¹⁷.

На галерах три четверти гребцов составляли каторжники, остальные — рабы (их «поставляли» мальтийские рыцари). Кольбер настойчиво искал все новых отверженных. В письме от 11 апреля 1685 года он, например, просил главу судебной власти в Дижоне заменять осужденным смертную казнь работой на галерах. Аналогичные призывы из Парижа шли и по другим адресам. В итоге с мая 1685 года по февраль 1690 года в Марсель прибыли 5178 каторжников. Из них 39 процентов — дезертиры из сухопутных войск, 38 процентов — уголовники¹⁸. За несколько лет более половины погибли от каторжного труда, непосильной тяжести цепей, от эпидемий. Однако, вопреки распространенному мнению, галеры были не самым худшим местом на земле. В Марселе — на суше, в арсеналах и в порту — люди тысячами умирали от истощения, голода, болезней.

Флот обживался на земле. Велось большое строительство в портах. В Бресте 30 новых трехэтажных зданий предназначались под склады для продовольствия, снаряжения, инструмента, канатов. На мельницах мололи зерно, в кузницах ковали якоря, в мастерских делали пушки. Бурно развивались порты Тулона, Дюнкерка, Рошфора, Гавра, Лорьена.

Несмотря на большие финансовые и материальные затраты, политика развития морских сил Франции проводилась непоследовательно. Эта оценка в полной мере относится и к торговому судоходству, хотя по инициативе Кольбера затрачивались крупные средства на строительство торгового флота. К 1689 году Франция имела 219 торговых судов. Немного. 18 тысяч кораблей насчитывал флот Голландии¹⁹.

Для развития французской внешней торговли Кольбер стремился использовать не только флот, но и консульскую службу. Должность консула продавалась. Цена колебалась в зависимости от района, города, страны. В Смирне или Алеппо (Хaleb в Сирии) надо было платить 24 тысячи ливров в год, в Александрии — 12 тысяч. Консулы являлись торговыми агентами. Особенно многочисленными и активными они были в районе Средиземноморья.

Консульской службе Кольбер уделял постоянное внимание. Он отчетливо видел ее недостатки. Так, в декабре 1664 года в одном из официальных документов, исходящих от генерального контролера, указывалось, что консулы в Леванте не выполняли свои обязанности. Они злоупотребляли властью, устанавливали коммерческие связи на свой страх и риск, поручали консульские функции случайным людям, не заботясь о том, справятся ли они с порученным делом. Под предлогом уплаты штрафов туркам консулы брали с каждого судна сбор в 2—3 тысячи пиастров. Всем французским консулам в Леванте поручалось немедленно вернуться к месту службы, в течение шести месяцев направить Кольберу отчеты о своей деятельности, отказаться от личного участия в торговле, от получения взяток в форме неофициальных сборов. Через несколько лет генеральный контролер направил всем консульским чиновникам циркуляр, в котором перечислял сведения, интересовавшие финансовое ведомство: описание товаров, как местных, так и привозимых по суше и по морю; число кораблей, используемых для доставки грузов; получаемые судовладельцами прибыли. От консулов Кольбер требовал информации о состоянии международных отношений в регионе.

Генерального контролера интересовали сведения и по конкретным торговым вопросам, затрагивавшим французские интересы. Из Франции и Италии, например, вывозились монеты стоимостью 5 су, которые в Турции использовали как украшения, и поэтому платили за них высокую цену. Этим воспользовались фальшивомонетчики. В их руках монеты, экспортируемые в Османскую империю, делались «легче» и в итоге теряли до одной пятой стоимости. Кольбер требовал от консулов информировать его о средствах борьбы с мошенниками, в результате действий которых Франция терпела финансовые потери.

Не только консульские, но и дипломатические вопросы входили в компетенцию Кольбера. Именно генеральный контролер «делал деньги», которые Людовик XIV тратил на временную и долговременную оплату внешнеполитических союзов, услуг монархов и их доверенных лиц, кардиналов и епископов, тайных агентов. А головы от этих безумных расходов болели не у короля и его фаворитов, а у Кольбера и его сотрудников. Вместе с тем министр финансов лично вел ответственные переговоры, участвовал в назначении послов, подготовке для них инструкций, в выработке внешней политики страны.

Главным противником Франции Кольбер считал Соединенные провинции. При любой возможности он стремился ущемить их интересы. В 1664 году генеральный контролер ввел тарифы, вызвавшие в Голландии негодование. Через три года — новое повышение таможенных ставок, предусматривавшее удвоение сборов с ввозимых в страну импортных товаров. С целью ослабить монополию голландцев на вывоз из Франции продовольствия, в том числе сахара, Кольбер стремился создать благоприятные условия для торговли датчан, шведов, португальцев. А в Голландии запретили ввоз из Франции пищевых продуктов и вин. Это была настоящая экономическая война, вступившая в противоречие с союзными отношениями между двумя странами.

Четыре года Кольбер вел переговоры с послом Соединенных провинций о заключении франко-голландского наступательного и оборонительного союза, направленного против Англии. В конечном счете политические интересы стран взяли верх над их разногласиями. Союзный договор был подписан 27 апреля 1662 года. Он дал Голландии и материальные выгоды. Голландцы платили пошлину в 50 су за тоно (2,83 м) один раз — при выходе корабля из французского порта. Расходы судовладельцев сократились вдвое, а для тех, кто импортировал французскую соль, — на три четверти. Обмен ратификационными грамотами франко-голландского договора состоялся в конце 1663 года. Вскоре и началась битва таможенных тарифов.

Это были первые, но не последние дипломатические переговоры, которые вел генеральный контролер. Внешняя политика постоянно привлекала его внимание. Иначе и не могло быть: она дорого стоила, а финансы находились в руках Кольбера.

При Кольбере торгово-экономические вопросы вошли в сферу деятельности дипломатической службы. Ее генеральный контролер считал важнейшим каналом торгово-экономической информации и поэтому поддерживал постоянные связи с французскими посольствами в Англии, Дании, Голландии, Испании, Венеции. Он писал своему брату Круасси в Лондон: «Не забывайте интересоваться всем, что касается потребления в Англии наших вин, продовольствия, промышленных изделий, и информируйте об этом самым тщательным и самым секретным образом»²⁰.

В итоге при Кольбере французским дипломатам приходилось систематически заниматься торговыми отношениями, главным образом со странами Европы. Инструкции они получали от короля. 6 апреля 1680 года Людовик XIV в письме послу в Стокгольме Фукьеру поставил ряд отнюдь не дипломатических вопросов: какова стоимость соли в Швеции и Португалии? Смогут ли французы продавать ее по высокой цене? Возможно ли содействие шведского короля в экспорте французских вин в его страну? Цель состояла в том, чтобы потеснить голландцев и англичан на рынках севера Европы. Швеция не являлась единственным примером. Повсюду французская дипломатия поддерживала коммерсантов Франции.

Для Кольбера внешняя торговля и консульская служба, созданный по его инициативе военный и коммерческий флот, торговые компании и конторы, дипломатическая деятельность — все эти инструменты государства служили созданию и укреплению колониальной империи Франции. Применимо ли понятие «колониальная империя» к эпохе Людовика XIV? Да, хотя с оговорками. Географическая карта заморских владений Англии, Испании, Голландии, Франции постоянно перекраивалась в результате бесконечных войн. Освоение природных богатств колоний являлось еще делом будущего. Эмиграция из Европы была ограниченной, затрудненной бескрайними расстояниями океанских просторов, отделявших Америку, Антильские острова от метрополии.

Кольбер высоко оценивал значение заморских владений. «Что может быть более великим и более полезным, чем колония? Разве не с ее помощью, скорее чем каким-либо иным путем, можно в условиях справедливости расширяться и усилиться?»²¹, — писал генеральный контролер, обосновывая свои подходы к колониальной политике.

В Северной Америке шла острейшая борьба за господство между Англией и Францией. Французы владели на Американском континенте огромными территориями. Новая Франция при Людовике XIV включала в свой состав территорию двух провинций на побережье Атлантического океана, в наши дни входящих в состав Канады, — Новую Шотландию и Новый Брауншвейг. Присоединил эти территории Робер Кавалье, руанский коммерсант. 12 мая 1678 года он получил от Кольбера официальные документы на управление колонией и через два месяца отплыл из Ларошели с 30 своими людьми, оружием, снаряжением, продовольствием.

Закрепляя свои приобретения, Кавалье построил форты на озерах Онтарио и Мичиган, на Миссисипи. В бассейне этой могучей реки он основал колонию Луизиану (в честь Людовика XIV) общей площадью свыше 4 миллионов квадратных миль (сухопутная миля — 1,6 км). 9 апреля 1682 года был оформлен акт на владение французским королем этими необозримыми просторами.

Как управлялись французские колонии в Америке? Кольбер создал систему администрации на местах во главе с губернаторами. Королевский губернатор назначал и смещал всех чиновников, командовал войсками, вел переговоры с иностранными представителями. Находившиеся в его подчинении интенданты занимались экономическими, полицейскими, правовыми, финансовыми вопросами. По мере падения влияния Кольбера при дворе снижалась и эффективность созданной им управленческой структуры. Губернаторам платили мало — 1800—2000 ливров в год. Более трех-четырёх лет никто из них не засиживался на своем посту²².

Но недремлющий Кольбер видел все издали. Вот пример. В 1672 году губернатором Новой Франции был назначен граф Фронтенак. Он создал Генеральные

штаты (делегаты духовенства, дворянства, третьего сословия) для принятия присяги в верности королю. Кольбер дезавуировал действия Фронтенака. Он писал ему: «Вы должны очень редко (точнее говоря, никогда) прибегать к этой форме представительства жителей Канады»²³.

Население Новой Франции было малочисленным: 7833 француза в 1675 году. Генерального контролера беспокоило такое положение. Были приняты меры по стимулированию эмиграции в колонии, повышению рождаемости. Каждый юноша в день свадьбы получал от короля 20 ливров. А холостяки платили большой налог. Семья с 10 детьми имела пособие в 300 ливров, с 12 — 400 ливров в год. Поощрялись даже браки французов с индианками. Кольбер писал губернатору, что король будет оценивать его деятельность по числу работников, «которых он привлечет»²⁴.

Кольбер занимался и проблемами экономического развития французских владений в Америке. По его инициативе компания Западной Индии распространила свою деятельность на Новую Францию. Она содействовала торговле, поиску железной руды, меди, строительству верфей, рыболовству. Англичане монополизировали ловлю трески у берегов Новой Земли (остров у устья реки Сен-Лоран; в наши дни одна из провинций Канады). В связи с этим между Англией и Францией возникали острые конфликты.

Неутомимый Кольбер не щадил себя. Он умер в 1683 году в возрасте 64 лет. Расстались навсегда король и его подданный отнюдь не наилучшим образом. Людовик XIV направил умирающему Кольберу личное письмо, но министр, неизменно послушный монаршей воле, на краю могилы взбунтовался. Он отказался читать высочайшее послание, сказав: «Я не хочу слышать о короле; пусть по крайней мере сейчас он оставит меня в покое»²⁵.

Казалось, что смерть Кольбера не особенно взволновала Людовика XIV, значительно позже оценившего всю тяжесть утраты. Зато придворные вздохнули с облегчением. Ликовал клан военного министра Лувуа, считавшего, что наконец-то пришло время его бесконтрольной власти.

9

«Железный министр» Лувуа

Так называли при дворе Людовика XIV маркиза де Лувуа, государственного секретаря по военным делам, самого известного представителя могущественной семьи ле Телье.

Может ли одна семья управлять армией большого европейского государства в течение почти полувека? Да, известны такие случаи. Один — история клана Мишеля ле Телье, королевского прокурора в Париже, назначенного Мазарини в 1643 году государственным секретарем по военным делам. Наследником отца и стал его сын маркиз Лувуа. До 1667 года оба ставили свои подписи под официальными документами. А затем в течение 24 лет Лувуа сосредоточил в своих руках огромную власть. Он занимал посты государственного секретаря по военным делам, сюринтенданта строительства, генерального интенданта фортификаций и конных заводов, канцлера ордена Святого духа, великого викария ордена Святого Лазаря, руководителя почтового ведомства. «Лувуа правил как первый министр и, не будучи первым министром, ниспроверг всех других, вел короля куда и как хотел и стал настоящим властителем»¹, — писал Сен-Симон. А вот как характеризует министра историк Руссе: «Гений Лувуа — в его воле... Он не любил ни болтунов, ни назойливых людей, ни фантазеров и оказывал им плохой прием; но деловых людей всегда выслушивал»².

Эти оценки, несомненно, грешат преувеличением. Лувуа не удалось устранить Кольбера. Естественно, что двум таким лидерам, каждый из которых претендовал на первое место во французской администрации, трудно было найти общий язык. Это были

соперники во всем, открыто ненавидевшие друг друга. Каждый стоял во главе семейного клана. У каждого были свои друзья и свои враги. Но в борьбе за влияние, власть и деньги нетерпеливый Лувуа значительно чаще, чем Кольбер, допускал деловые и психологические просчеты.

У семейства Кольбера и его сторонников государственный секретарь по военным делам не вызывал симпатий. Начнем с того, что всех, кто имел дело с Лувуа, отталкивал его внешний облик. Это был грузный человек с широким, полным, всегда красным лицом, которое отнюдь не украшал тяжелый двойной подбородок. Суровый взгляд пугал и настораживал. Министра отличали грубость и резкость с подчиненными. Он был жесток, любые средства использовал для достижения своих целей: незаконные поборы, попрание религиозных чувств, грабительские контрибуции, пожары и насилия в захваченных французскими войсками городах и районах. На совести Лувуа — грабежи в Голландии в 1672—1673 годах, разрушение немецких городов в 1689 году, пожар в Льеже в 1691 году. Сам себя государственный секретарь считал сторонником «крайних мер»³.

Дадим слово Сен-Симону. Он считал Лувуа «всемогущим» и вместе с тем противоречивым. Для одних он являлся «самым надежным, самым пылким другом», для других — «самым опасным врагом, с которым особенно трудно было достигнуть примирения»⁴. Окончательный приговор Сен-Симона суров: министр «стал несчастьем для своей родины». И прозорливый герцог, оставивший нам столь богатое эпистолярное наследство, заключает: «Итак, честолюбию Лувуа Франция обязана своими непрерывными войнами, своей плачевной репутацией в вопросах веры договорам, потерей флота и торговли, начавших столь успешно развиваться, чудовищной численностью войск, опустошивших Европу, которая, чтобы не быть затопленной, оказалась вынужденной подражать французскому примеру и объединиться — организованно и на длительный срок — против Франции»⁵.

Может быть, оценка Сен-Симона даже слишком сурова. Ведь Лувуа, как другие государственные секретари, обладая огромной властью, оставался исполнителем воли Людовика XIV. Но фактически министр нередко навязывал королю важнейшие политические и военные решения. Поэтому будем справедливы и разделим пополам их историческую ответственность.

Какой бы ни была суровой критика современников в адрес Лувуа, она не умаляет его административных талантов и поистине «кольберовского» трудолюбия. Тот же Сен-Симон называл Лувуа «в своем роде самым великим человеком среди всех известных на протяжении многих веков»⁶. Он был неутомим в работе: писал и диктовал до 70 писем в день, лично готовил планы боевых кампаний, часто даже не согласовывая их с командующими армиями, вел с ними огромную переписку, утверждал иногда даже отдельные перемещения войск, решал конкретные вопросы их снабжения и размещения.

Академик Камил Руссе посвятил жизни и деятельности Лувуа трехтомное исследование, рассказывающее «о его великих делах и совершенных им крупных ошибках»⁷. Ученый тщательно изучил рукописное наследие военного министра. Оно колоссально. За тридцатилетие — с 1661 по 1691 год — его письма составили 900 томов.

Перемены в военном деле, связанные с именем Лувуа, огромны. Для их осуществления честолюбивому государственному секретарю прежде всего было необходимо сосредоточить власть в армии в своих руках. Решение этой задачи требовало дипломатического искусства, и немалого. Для начала надо было отодвинуть на задний план маршала Анри Тюренна, прославившегося победами в Италии, Германии, нанесшего поражение Конде в период Фронды. Именно Тюренн готовил планы военных кампаний и руководил войсками. С целью ослабить позиции маршала в армии Лувуа уговаривал короля подписывать боевые приказы, написанные вдали от поля боя, в тиши дворцов чиновниками военного ведомства. Вместе с тем государственный секретарь сохранил за собой право информировать Людовика о донесениях генералов, а затем сам направлял им

бумаги. В итоге личная власть Лувуа усилилась. Однако он нередко использовал ее во вред военно-стратегическим интересам Франции.

Именно Лувуа, доведя централизацию в военном деле до абсурда, управлял войсками и их операциями из своего кабинета. Порочный метод, привившийся, как известно, не только во Франции. Далек от идеала были и его принципы подбора офицерских кадров. Государственный секретарь избегал инициативных, беспокойных людей и предпочитал услужливых, льстивых, обладающих одним лишь достоинством — умением покорно внимать военному министру — человеку «высокомерному, резкому, грубому в манерах»⁸.

Используя свое положение, Лувуа показывал личную власть даже самым именитым потомственным дворянам. Вначале «по мелочам». Так, к герцогам по традиции обращались «монсеньор» (как и к принцам, кардиналам, даже к наследнику престола). Государственный секретарь свои письма к герцогам начинал обращением «месье» (просто господин). Зная решительность Лувуа, аристократы его побаивались и в борьбу с ним не вступали. Примеру Лувуа последовали Кольбер, а затем и другие государственные секретари. Престижу герцогов был нанесен удар⁹.

Власть военного министра усилилась после упразднения должности генерал-полковника пехоты — самого высокопоставленного командира в войсках, после того как в 1627 году Ришелье ликвидировал пост коннетабля — главнокомандующего армией. Генерал-полковнику в каждом полку принадлежала первая рота. Другие высшие военные посты (командующий кавалерией, командующий артиллерией) сохранились. Командующий артиллерией занимал в вооруженных силах Франции особое положение. Он входил в число высших должностных лиц королевства — офицеров короны — наряду с канцлером, маршалами и имел особые права: мог, например, в крепости или городе, подвергшихся артиллерийской атаке, конфисковать все предметы из меди и железа — от колоколов до домашней утвари.

У Лувуа были свои верные люди среди высшего командного состава армии. К их числу принадлежал, например, Франсуа Анри Люксембург, один из учеников принца Конде. Люксембурга отличали личное мужество, презрение к опасности. Вместе с тем это был человек беспринципный, продажный, готовый на все ради удовлетворения-своего честолюбия. Маршала всегда раздирали противоречия. С одной стороны, его переполняла гордость за свое происхождение и положение, с другой — он заискивал перед министрами, фаворитами и фаворитками короля. Лувуа и Люксембурга связывали общие интересы. И вместе с тем потомственный аристократ презирал дворянина-провинциала, а самодовольный мещанин во дворянстве платил чванливому маршалу той же монетой.

Человеком Лувуа был и маршал Юксель. Он избегал опрометчивых, поспешных действий и умело пользовался таким сильным оружием, как молчание. Всегда насупленное, хмурое лицо маршала выглядывало из-под огромного парика. Улыбался маршал редко, опасаясь, как считали при дворе, показаться простолюдином. И действительно, по словам Сен-Симона, это была хитрая улыбка «большого и толстого торговца быками»¹⁰.

Как и Юксель, маршал Аркур пользовался поддержкой и Лувуа, и влиятельных придворных дам. Именно это обстоятельство было определяющим для его карьеры, так как маршал «обладал всеми талантами, кроме военного»¹¹. Главная его цель состояла в том, чтобы стать герцогом.

Доверием всемогущего военного министра пользовался и Тессе, получивший звание маршала в 1692 году, уже после смерти Лувуа. Вплоть до этой печальной даты он ни разу не выстрелил из мушкета. Но Тессе обладал качествами опытного придворного. Хитрый, обходительный, неизменно вежливый, он в совершенстве владел правилами поведения большого света.

Что же представляла собой армия Франции в начале 60-х годов, после смерти Мазарини?

Войска комплектовались на добровольных началах. Всеобщей воинской повинности не существовало. Вербовщики, спаивая и подкупая молодых людей, добивались от них письменного согласия на службу в армии. В период войны комплектовали части, которые в мирное время распускались. Большинство солдат составляли французы, но имелось и много иностранцев. Постой армии оплачивали владельцы недвижимого имущества в городах и деревнях.

Армия являлась частным предприятием, собственностью «дворянства шпаги». Она не принадлежала ни монарху, ни государству. Посты полковников и капитанов продавались, и аристократы, соперничая друг с другом, не хотели считаться ни с Богом, ни с чертом, ни с их заместителями на грешной земле. Существовал постоянный рынок военных должностей. Начиналась война — они «в цене», военные действия прекращались — военных увольняли. Немногие войсковые части, главным образом прославившиеся в боях, сохранялись. Только они и составляли постоянную армию.

Государственная казна брала на себя лишь часть расходов по содержанию армии; львиную долю оплачивали офицеры. Отсюда и право собственности полковников на их полки, капитанов — на их роты. Офицеры сами набирали солдат, экипировали их, кормили, приобретали и содержали лошадей, расплачивались из своего кармана за одежду, оружие, продовольствие. Солдаты, многие обманом завербованные на военную службу, часто голодали и занимались воровством, грабежами, мародерством¹².

Капитан вербовал определенное число людей. Новобранцам нерегулярно и с большим опозданием выплачивалось жалованье. Минимальный срок службы солдата составлял 4 года. После этого он мог завербоваться снова.

За каждого рекрута-пехотинца капитан получал от короля 10 экю, кавалериста — 50 экю. Пехотный капитан получал 75 ливров в месяц в мирное время и в полтора раза больше — в военное. Из жалованья каждого своего подчиненного капитан мог удерживать несколько су в день для оплаты расходов по уходу за оружием, обувью, одеждой. Если в роте насчитывалось 50 человек, капитан получал единовременно 3 солдатских оклада, 60 человек — 5 окладов. Повинность несло население тех мест, где размещались войсковые части. Кроме ночлега, места у очага деревня обязана была выплачивать по 5 ливров на содержание каждой роты.

Солдат селили у местных жителей. Они предоставляли жилье, посуду, соль квартирантам. Города, откупаясь от тяжелой повинности, снимали для войск помещения. Их называли казармами. Начиная с 1670 года с целью выколачивания тальи и наказания строптивых в частных домах селили драгун — конных пехотинцев. Грубая солдатня быстро вынуждала самых упорных идти на уступки, платить налоги.

Итак, что же изменилось в армии Франции в период правления Лувуа?

В XVII веке в европейских государствах в мирное время стремились до минимума сократить численность войск. Возникла угроза войны — срочно набирали наемников и призывали дворян. Людовик XIV и его военный министр нарушили эту традицию. После подписания в 1668 году мирного договора в Ахене, завершившего франко-испанскую войну из-за испанских Нидерландов, во французской армии осталось 50 тысяч пехотинцев и 15 тысяч кавалеристов. Через десять лет эти цифры удвоились. Содержание столь многочисленной армии обходилось дорого. Но Людовик XIV, как в будущем Наполеон, всегда располагал опытными войсками, готовыми немедленно приступить к боевым действиям. Большое преимущество перед неподготовленными к войне соседями!

Армия превратилась в единое целое, подчиненное центральной власти. Была введена новая должность — бригадный генерал — в пехоте и кавалерии. Это дисциплинировало полковников, ограничило их свободу управления войсками в военное время, нередко граничащую с произволом. Возникла служба инспекторов, следивших за состоянием и дисциплиной в воинских частях. Их доклады представлялись вначале Лувуа, а затем королю.

«Дисциплина была абсолютной как в дипломатии, так и в армии Людовика XIV»¹³. Порядок в армии поддерживали различными средствами, в том числе и фиксированным жалованьем, установленным Лувуа: пехотинцу выплачивали 5 су в день, кавалеристу — 15 су. Но и в те времена существовала система «приписок». С целью получения дополнительных денег из казны составлялись фальшивые списки с «мертвыми душами». А на смотрах появлялись на короткое время подкупленные лжесолдаты (пас-воланы). Власти вели беспощадную борьбу с этими «пришельцами», прибегая к варварским методам устрашения. Виновных в обмане секли плетью, проводили сквозь строй. Затем ввели клеймение: палач раскаленным железом выжигал лилию на щеке или на лбу пас-волана, осмелившегося нанести ущерб интересам короля и его армии. Но и этого Лувуа казалось мало. Установили смертную казнь для пас-воланов, замененную через несколько лет снова клеймением и отрезанием носа.

Средневековые нравы! Но не они определяли положение в армии. В ее организации произошли глубокие перемены. Появились полки драгун (конных пехотинцев), артиллерийские полки, части гранатометчиков и стрелков. Создавался инженерный корпус. Были построены госпитали, казармы (в Париже, Версале, Лилле, Меце), арсеналы (в Дуэ, Меце, Страсбурге), склады продовольствия и фуража.

Во французской армии вводилась и форма. Вводилась постепенно, по воле полковников и капитанов и для начала в наемных иностранных частях. Но с 1672 года военная форма существует официально, хотя единообразие в одежде утверждалось с немалыми трудностями.

Иным было отношение к оружию. Офицеры строго выполняли правила, устанавливавшие длину шпаги и пики, калибр мушкета, форму и размеры портупей и патронташа. Четверть века вели между собой борьбу сторонники и противники использования ружья во французской армии, пока спор не был решен Вобаном (военным инженером, генеральным комиссаром фортификаций): он придумал штык, заменивший сразу и мушкет, и пику. Только в 1670 году королевский ордонанс установил, что в каждой роте четыре стрелка должны иметь ружья. До этого, если ружья обнаруживали в пехотных частях, их немедленно уничтожали и заменяли мушкетами. Ружья имели привилегированные войска: мушкетеры короля, гренадеры, драгуны. Первый стрелковый полк появился только в 1671 году¹⁴.

В последние годы своей жизни Лувуа завершил перевооружение войск. В 1690 году имелось 107 рот карабинеров-солдат, вооруженных коротким ружьем с нарезным стволом. Всего их насчитывалось свыше 3 тысяч. В периоды военных действий формировали объединенную бригаду карабинеров.

В начале XVIII века в армии Франции полностью исчезли мушкеты и пики.

Имя Лувуа связано не только с перевооружением французской армии. Он стоял у истоков всеобщей воинской повинности в стране.

В 1688 году королевский ордонанс обязал интендантов набирать мужчин в возрасте от 20 до 40 лет для службы в милиции (местные воинские формирования, создаваемые коммунами для оказания помощи регулярной армии). Каждый церковный приход за свой счет одевал и вооружал трех солдат, выплачивал им ко 2 су в день. Командовали милицейскими частями офицеры короля. Обучение военному делу проходило по воскресеньям и праздникам. 50 человек — рота, 18—20 — полк. За короткий срок сформировали 30 полков. Срок службы для милиционеров, установленный в два года, практически доходил до четырех лет. Спасались от воинской повинности всеми доступными способами: женились, уходили в монастыри. Иногда новобранцев приводили в кандалах.

На протяжении 1704—1712 годов все милицейские части влились в регулярные войска. Сделали это самым простым способом: добавили по одному батальону в каждом пехотном полку и по одному эскадрону в каждом кавалерийском полку. Число солдат в пехотной роте возросло до 60 человек.

Так зарождалась национальная армия, формируемая на основе всеобщей воинской повинности.

При Лувуа во Франции насчитывалось 200 тысяч дворян. Из них 20 тысяч находились на военной службе. Офицерский корпус более чем на три четверти состоял из дворян. Они имели право носить шпагу везде, даже в кабинете короля, владеть любым количеством оружия. Иногда это были настоящие арсеналы.

Изменился и порядок прохождения военной службы дворянами. Каждый из них, кроме принцев крови, начинал со скромной должности курсанта (кадета), а затем командовал ротой кавалеристов или становился лейтенантом. Государственный секретарь лично устанавливал «цены» на командные должности. Кавалерийский полк стоил 22 500 ливров, рота — 12 тысяч ливров. В «престижных» войсках выплачивали суммы более крупные. Гвардейская рота обходилась в 80 тысяч ливров. Правда, в этом случае у командира открывалась перспектива быстрого получения звания полковника. Принимал такие решения Людовик XIV, хотя Лувуа был противником ускоренного продвижения королевских фаворитов по служебной лестнице.

Происхождение перестало быть решающим критерием при получении воинских постов и званий. В табели о рангах, принятой по инициативе Лувуа в 1675 году, предусматривалось, что среди равных по званию офицеров старшим являлся тот, у кого за плечами более длительный срок службы. Старшинство стало для высших должностей в армии основой продвижения по служебной лестнице. Это одна из наиболее революционных мер, осуществленных Лувуа. По рыцарским законам средневековья был нанесен сокрушительный удар¹⁵.

Итак, открылась новая страница в истории французской армии. В значительной мере благодаря усилиям Лувуа она на протяжении почти трех десятилетий была самой крупной военной силой в Европе. Огневая мощь французских войск возросла в связи с использованием патронов и гранат. Из ружья уже можно было выстрелить один раз в минуту. Стреляли залпами. Боевые порядки размещались в глубину. Солдаты осуществляли сложные маневры. Настало время первенства пехоты. В ее составе драгуны получили возможность быстро перемещаться верхом.

Возникли новые рода войск (артиллерийские, саперные, инженерные), специальные службы (интендантская, медицинская). Модернизации армии содействовали выдающиеся военачальники — Тюренн, Люксембург, Вилар. Талантливым военным строителем был Вобан. Воздвигнутые под его руководством на границах Франции крепости защищали страну от внезапного вторжения, вынуждали противника к долгим и изнурительным осадам.

Война, мир и дипломатия всегда тесно взаимосвязаны. Дипломатия по природе своей призвана служить мирным отношениям между народами, сохранять и укреплять их. Но, увы, как часто в истории дипломаты прокладывали путь к истребительным конфликтам, а затем, нередко на руинах войны, строили хрупкое здание временного затишья в межгосударственных отношениях. Иными словами, функции дипломатической службы неоднозначны. «При Мазарини дипломатия играла первостепенную роль, а война приходила лишь после нее и являлась вспомогательным средством. Людовик XIV перевернул эту последовательность. Вначале он вел войну, а дипломатия прокладывала войне дорогу и закрепляла в договорах сводки завоеваний»¹⁶. Справедливая оценка Камила Руссе! Он подтверждает ее, анализируя роль Лувуа во внешней политике и дипломатии Франции. Государственный секретарь, по словам ученого, «создал в противовес обычной дипломатии конкурирующую с ней военную дипломатию». Это была мечта Лувуа. Он осуществил ее с согласия и при потворстве Людовика XIV, который фактически стал соучастником маневров министра.

Дела дипломатические всегда интересовали Лувуа. Это естественно. Ведомства по иностранным и военным делам не могут не сотрудничать в хорошо налаженном государственном аппарате. К тому же министр занимался не только делами военными. В его

ведении находились пограничные районы, где непосредственно затрагивались международные интересы французского королевства и его соседей. От интендантов и военных, от своих людей во французских посольствах, от многочисленных секретных агентов Лувуа систематически получал информацию.

Военная разведка активно содействовала набору иностранцев для французской армии. «Солдаты фортуны» представляли собой большую силу. В одном только 1672 году Лувуа сформировал за рубежом несколько полков — шотландский, английский, немецкий, испанский, два ирландских. Солдат вербовали в Парме, Лукке, Модене, Флоренции. Набранный в короткие сроки итальянский полк насчитывал 3 тысячи солдат. В 1700 году Франция имела под ружьем 360 тысяч человек, из которых 60 тысяч составляли иностранные солдаты¹⁷. Людовик XIV высоко оценивал их боевые качества. Когда однажды его поздравляли с успехами французской армии, он ответил: «Скажите лучше — армии Франции».

Своих агентов военный министр умело использовал и для закупок военных материалов в других странах, даже в тех, против которых готовились военные действия. Доверенные лица Лувуа накануне войны с Голландией, приобрели в этой стране 100 тысяч фунтов пороха, 160 тысяч фунтов селитры, 200 тысяч фунтов свинца, 200 тысяч фунтов серы.

Лувуа всегда интересовала дипломатия. Он участвовал в переговорах с англичанами о выкупе у них Дюнкерка в 1663 году. После смерти Юга де Лиона 1 сентября 1671 года Лувуа исполнял обязанности государственного секретаря по иностранным делам. Как пишет Руссе, «дипломатия в это время была лишь орудием войны»¹⁸.

...В 1672 году французская армия под командованием Тюренна и Конде вторглась в Голландию. 22 июня голландцы прорвали плотины. Вода затопила обширную территорию, и французские войска вынуждены были отступить. В этот же день послы Голландии прибыли в Версаль для переговоров. Лувуа вел их вместе с Помпоном. Они начались 29 июня. Голландцы соглашались на большие уступки. Они отдавали Франции Маастрихт — часть епископства Льеж на Мозеле, весь Брабант, северная часть которого с 1609 года принадлежала Испании, всю голландскую Фландрию, крепости на Рейне. Иными словами, Соединенные провинции сохраняли только свою собственную территорию да к тому же соглашались выплатить французам 10 миллионов ливров компенсации. Генрих IV, Ришелье и Маза-рини даже мечтать не могли о подобных условиях.

Мир по всем законам Божьим и человеческим следовал подписывать немедленно. Так бы, видимо, и поступил государственный деятель-реалист, не ослепленный честолюбием и гордыней. Но Лувуа хотел не ослабить, а уничтожить Голландию. Он потребовал дополнительно еще Нимвеген, южную часть провинции Гельдерланд и другие территории, а также 24 миллиона ливров контрибуции. Эти требования были чрезмерными. Однако грозный министр пошел дальше. Он настаивал — последняя капля в чаше гнева голландских дипломатов — на свободе католического вероисповедания на всей территории Соединенных провинций. Министр хотел унижить соседнюю республику и требовал, чтобы в Голландии была выпущена золотая медаль в знак благодарности французскому королю за заключение мира.

Унизительные, неприемлемые для суверенного государства условия! Переговоры были прерваны. Они явились одной из причин могучей вспышки народного гнева. Республика в Голландии свергнута. К власти пришел Вильгельм III Оранский (штатгальтер — правитель — Нидерландов, король Англии с 1689 года) — непримиримый враг Людовика XIV. Ответственность за провал франко-голландских переговоров нес Лувуа. Лично для него ситуация стала катастрофической. «Никогда на протяжении всей долгой карьеры Лувуа его судьба не подвергалась столь серьезной угрозе»¹⁹, — справедливо замечает Руссе. Спас сына отец. Он сумел ослабить удары,

наносимые по Лувуа его самым опасным врагом — Тюренном, которого поддерживал Кольбер. Канцлер обратился за помощью к Конде, восстановив его против Тюренна. Конде не поддержал атаку на военного министра, и тот сохранил свое кресло.

Тяжелый урок не отрезвил Лувуа. Он продолжал вмешиваться в дипломатические переговоры. Поддерживал прямые контакты, минуя короля и государственного секретаря по иностранным делам, с французскими дипломатами в иностранных государствах, в частности с послом в Лондоне Куртеном.

Война шла между двумя союзами: Франции и Швеции, с одной стороны, и Голландии, Испании, империи Габсбургов, Бранденбурга и Дании — с другой. При таком соотношении сил позиция Англии имела первостепенное значение для Людовика XIV. В январе 1677 года Лувуа неоднократно предлагал Куртеному добиться перемирия с англичанами на два-три года, подписать с ними на выгодных для Англии условиях навигационный договор. Министр подчеркивал: «Используя разумные мотивы и деньги, иногда можно добиться от людей весьма многого»²⁰. И денег министр не жалел. Куртеном получил крупные суммы для подкупа членов палаты общин. Сначала 100 тысяч ливров, затем еще 200 тысяч.

Располагая столь мощными средствами для поддержки союзников, посол, тем не менее, был настроен пессимистически. «Англичане нас ненавидят», — писал он Лувуа. И, подтверждая свою мысль, замечал: «Англичане продадут все вплоть до последней рубашки [именно такое выражение они употребляют] для войны с Францией во имя сохранения Голландии»²¹.

Как, увы, часто бывает в отношениях между друзьями, именно Лувуа сыграл роковую роль в судьбе Куртенома. Посол был небогат. Королевских денег на расходы ему не хватало. И он настойчиво просил о прибавке к жалованью, намекая, что если не получит ее, то готов отказаться от обременительных дипломатических обязанностей. Куртеном полагал, что его хитрость принесет плоды и он добьется желаемого результата. События пошли по иному, непредвиденному послом пути: его отставка была принята. Потрясенный Куртеном обратился за помощью к Лувуа. И уже 21 мая получил ответ министра в духе его представления о дружеском долге: «Вы просили об отставке, и я, как всегда, одним из первых Вам поверил»²².

Тактика мирных переговоров у Лувуа была своя, особая. Камил Руссе так характеризует ее: «Завоевать мир, наступая, а не покупать его отступлением — такова была возрожденная политика прежнего Рима, которую Лувуа представлял Людовику XIV как наиболее быстро дающую результаты, наиболее эффективную и наиболее престижную»²³.

И Лувуа наступал. Новый посол в Лондоне Барийон 16 февраля 1678 года получил от государственного секретаря указание: «Помешать английскому парламенту договориться с королем Великобритании о войне с Францией». Лувуа считал необходимым выиграть хотя бы 12—15 дней. Дело было срочное: от участия или неучастия Англии в военных действиях зависел их исход.

Карл II фактически был на содержании у Людовика XIV, регулярно получал огромные суммы из французской казны. Зная об антивоенных настроениях в парламенте, он попросил ассигнования на вооружение 90 кораблей и 40 тысяч человек. Король рассчитывал, что депутаты отклонят его просьбу. Так и произошло. В нескольких письмах Людовику и Лувуа — 10, 17, 19 февраля — Барийон сообщал, что Карл II не объявит Франции войну до 10 марта, если ему будет одновременно выплачено еще 6 миллионов ливров. За эту сумму и был куплен английский нейтралитет. Этот шаг вызвал презрительное замечание с совершенно неожиданной стороны — со стороны первого министра Англии. Он с редкой для английских государственных деятелей откровенностью заявил Барийону: «Если бы Кромвель был во главе нации, король Франции пользовался бы большим уважением»²⁴. Глава британского правительства не скрывал, что считал недостойным двух великих стран их сотрудничество, основанное на подкупе.

Но для Людовика XIV и его военного министра никакие моральные аргументы не являлись препятствием для осуществления агрессивных, захватнических замыслов. Пример — политика «воссоединений» (от французского слова «реюньон»), одним из инициаторов которой был Лувуа. Идея казалась простой и эффективной. Специально созданные Объединительные палаты в парламентах Меца, Безан-сона и других городов изучали старые договоры Франции с ее соседями и устанавливали «зависимости» тех или иных чужеземных районов, городов, селений от уступленных некогда французам земель. Затем владельцев «спорных» территорий приглашали для защиты своих прав. Они либо не являлись по вызову, либо требовали различного рода компенсаций. В итоге французы мирным путем прихватили полунемецкое графство Монбельяр, герцогство Цвейбрюкен в Пфальце, являвшееся собственностью шведского короля, и другие территории. Некоторые из французских приобретений находились в нескольких километрах от германских городов Кобленца и Майнца.

Волна протестов прокатилась по империи Габсбургов. И Людовик XIV вынужден был отказаться от разбойничьих методов решения территориальных вопросов. Правда, ненадолго. В 1687—1688 годах французские войска по приказу Лувуа огнем и мечом прошли по городам и деревням Пфальца, расположенного по левому берегу Рейна, на север от Эльзаса. «Вопреки нашим собственным интересам и военным соображениям были сожжены большие города: Вормс, Спейер, Гейдельберг, много других, менее значительных, самые богатые и самые лучшие районы в мире. В своих опасных намерениях мы дошли до того, что запретили сеять по обе стороны Мааса»²⁵, — писал герцог Вилар, маршал Франции.

Одной из основных черт Лувуа была жестокость. Именно по его приказам французские войска бесчинствовали на германской земле, опустошали города и деревни, расправлялись с населением. Эти злодеяния восстановили против Франции всю Европу. А Лувуа требовал все новых репрессий. Он, например, настойчиво предлагал королю сжечь Трир. Дважды получив отказ, он на третий раз заявил Людовику, что отдал приказ об уничтожении города. Разгневанный монарх с каминными щипцами в руках бросился на своего министра, под страхом смерти требуя от него немедленно остановить очередную кровавую расправу. Правда, Лувуа еще не успел привести свое жестокое намерение в исполнение: гонец ждал сигнала, чтобы отправиться с приказом министра в путь. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения монарха. Некоторые французские историки утверждают, что в тот самый день, когда 50-летний Лувуа скоропостижно скончался, был заготовлен королевский приказ о его аресте и заточении в Бастилию.

Вначале Лувуа похоронили в Доме инвалидов. Но, видимо, Людовик XIV и его окружение сочли это место слишком престижным для министра, и в январе 1699 года гроб перенесли в мавзолей в церкви капуцинов на Вандомской площади. Церковь впоследствии разрушили, чтобы проложить дорогу по улице Мира. Останки покойного предали земле в церкви при больнице Тонер в Париже. Здесь же находится памятник — фигура спящего Лувуа из белого мрамора. Стоя на коленях, молится женщина, подняв глаза к небу. Это жена Лувуа Анна де Сувре. У основания — две бронзовые фигуры: Мудрость и Бдительность. Обладал ли военный министр Людовика XIV этими необходимыми для государственного деятеля качествами? Увы, далеко не в полной мере.

10

Права королевы

«Никогда, возможно, небо не соединяло в одной женщине столько добродетелей, более высокого происхождения, больше нежности к своим детям, больше любви и уважения к своему мужу»¹. С трудом верится, что эти слова были написаны человеком, для которого измены законной супруге в течение многих лет были нормой поведения, — Людовиком XIV.

Король восхищался законной супругой... История знала немного подобных примеров. И правда, королева заслуживала доброго слова, что в истории случалось не так часто. Молчаливая, сдержанная, не склонная к интригам, воспитанная в строгих правилах испанского двора, она не доставляла забот ни своему мужу, ни придворным. Наоборот, королева была «kozyрной картой» в большой династической игре. Испанский двор не выполнил одного из важнейших условий ее брачного контракта: не выплатил Франции 500 тысяч экю за отказ Марии Терезии от ее наследственных прав на корону Испании. Кроме, того, кортесы должны были дать согласие на отречение королевы от престола. Но они даже не обсуждали этот вопрос.

Отец Марии Терезии — испанский король Филипп IV умер в 1665 году. К этому времени Соединенные провинции северных Нидерландов (главная из них — Голландия) существовали как независимое государство с площадью в 25 тысяч квадратных километров и населением, не превышавшим 2 миллионов человек. В состав южных провинций Нидерландов, оставшихся под властью Испании, входили Фландрия, впоследствии — Бельгия (города Брюссель, Рент, Брюгге, Куртрэ, Лилль, Дуэ, Сент-Омер, Турне) и провинция Брабант.

У Филиппа IV остались дочь от первого брака — Мария Терезия и сын от второго брака — Карл II. Кто лее должен был унаследовать престол? Ответ дали французские юристы и дипломаты. Это были люди опытные и изобретательные. Они установили, что, согласно обычаям, существовавшим в провинциях Намюр и Брабант, дети от первого брака, независимо от их пола, получали полностью или частично имущество родителей, без учета интересов наследников от последующих браков (так называемое деволуционное — наследственное — право). В Париже игнорировали, правда, важнейшее обстоятельство: это право применялось только в отношении простого люда. Оно не распространялось на знать, а тем более на коронованных особ. Тем не менее Людовик XIV от имени своей жены потребовал основную часть провинций Брабант и Эно, треть Франш-Конте и четверть Люксембурга.

Сомнительные правовые доводы подхватила королевская пропаганда. Появились на немецком и латинском языках памфлеты французского резидента в Страсбурге Фришмана, доказывавшие, что отказ Марии Терезии от испанского трона не имел законной силы. Получил широкое распространение и знаменитый памфлет «Договор о правах королевы», приписываемый либо одному из секретарей Тюренна, либо Антуану Билену, адвокату Парижского парламента, связанному с Кольбером. При участии государственного секретаря по иностранным делам Лиона памфлет перевели на несколько языков — испанский, немецкий, латынь. Его посылали правителям европейских государств, получавшим деньги от Людовика XIV. От них ждали благоприятных отзывов².

Разумеется, даже самые умные и тонкие памфлетисты не могут решить политических проблем. Они лишь готовят для этого идейную почву. Определяют развитие международных событий дипломатия и сила. Как правило, и то, и другое вместе. Как пишет историк Жорж Дюби, «Юг де Лион блестяще руководил дипломатической подготовкой» войны за испанские провинции в Нидерландах³. Излагая программу действий государственного секретаря, Камил Руссе утверждает, что в 1666 году «французская дипломатия была одновременно смелой и осторожной, настойчивой и дружественной. Она удивляла императора, подкупала Германию, усыпляла Испанию, обманывала Голландию и восстанавливала отношения с Англией, несмотря на военные действия»⁴. Это явное преувеличение.

Бесспорно, что дипломатическая подготовка деволуционной войны (1667—1668 гг.) явилась самой яркой страницей в биографии Лиона. Яркой не по конечным — более чем скромным — результатам, а по проявленному талантливому дипломатом искусству переговоров, его гибкости, настойчивости, упорству, изобретательности. Сизифов труд, но, увы, не с блестящими итогами.

Неутомимый поиск союзов. В этом суть дипломатии Лиона, стремившегося обречь Испанию и Голландию на международную изоляцию, вовлечь в борьбу с ними возможно большее число европейских государств. Беда государственного секретаря состояла в том, что он, как и Людовик XIV, слепо верил во всемогущую силу денег и династических связей и явно недооценивал важнейшие факторы международных отношений — экономические, торговые, национальные, религиозные, колониальные. Это не мешало Лиону энергично вести дипломатическую работу в разных странах — в Германии и Испании, в Англии и Италии, в Швеции и Португалии.

Первая крупная внешнеполитическая проблема, которой пришлось заниматься Людовику XIV после смерти Мазарини, — помощь Португалии в ее борьбе с Испанией за независимость. Португальский представитель, приехавший в Париж, просил денег и солдат. Вопрос обсуждали на заседании Государственного совета. Дело было сложным: вмешательство в испано-португальский конфликт запрещалось условиями Пиренейского мирного договора 1659 года, завершившего войну между Францией и Испанией. Но Фуке, ле Телье, Лион и Тюренн считали, что Франция не связана этим дипломатическим документом, так как 24 его статьи не были выполнены испанским королем. Решили тайно послать в Лисабон Фридриха Шомберга (опытного военачальника, немца по происхождению, впоследствии маршала Франции) во главе 80 офицеров, 400 кавалеристов и солдат⁵.

Обстановка изменилась в 1661 году, когда Карл II Стюарт женился на принцессе из династии Браганса, правившей в Португалии с 1640 года, и решил освободиться от опеки Испании. Под командой Шомберга против испанцев сражалась 4-тысячная армия, щедро оплачиваемая французскими деньгами. Людовик XIV ассигновал английскому королю на его португальское «предприятие» 200 тысяч экю.

Французская дипломатия активно использовала Португалию в антииспанской игре. В ее ходе использовались все средства, в том числе и династические браки. По воле Людовика XIV дочь герцога Савойского Луиза была выдана замуж за португальского короля Альфонса VI, человека, по словам Флассана, «с грубым характером и слабым умом»⁶. Свадьба состоялась 27 июня 1666 года на корабле в порту Ларошели.

Брак оказался несчастливым. Альфонс — с детства физический и моральный калека, был неспособен ни к супружеской жизни, ни к управлению государством. Но в Париже надеялись хозяйничать в Португалии от имени молодой королевы. Эти расчеты оказались построенными на песке.

Прошло всего несколько месяцев после «морской свадьбы». 21 ноября Луиза появилась в монастыре Эсперанс и заявила, что во дворец больше не вернется. Луиза поручила сказать королю, что не является его женой: ведь она осталась такой же, какой была до замужества. Бог свидетель. Королева просила супруга вернуть ее имущество и разрешить выехать во Францию. Альфонс немедленно приехал в монастырь, но его не впустили, сказав, что ключи от монастырских ворот у Луизы. Приехал и брат короля дон Педро в сопровождении свиты. Он просил Альфонса, отвергавшего обвинения жены, не применять силу и вернуться во дворец. На следующий день король согласился и на развод, и на участие брата в управлении государственными делами. Дворцовый переворот прошел спокойно, без кровопролития.

Двор в Париже был охвачен паникой: французское влияние в Португалии под угрозой. Людовик XIV поручил епископу Эстре, венчавшему Луизу, подготовить прошение о разводе с Альфонсом VI и добиться разрешения папы — исключительного по законам католической церкви — на брак с доном Педро. Но в Ватикан французская дипломатия не решилась обратиться. Королева и дон Педро просили церковный суд в Лисабоне аннулировать брак в силу несостоятельности супруга. Альфонс VI подписал необходимое признание. Вопреки строгим правилам — без врачебного осмотра королевы — судьи расторгли брачный союз.

Дальнейшее ведение дела Людовик XIV поручил кардиналу Вандому. С его согласия состоялась помолвка и свадьба Луизы и дона Педро. Прерогативы Святого Престола были грубейшим образом нарушены. Французский посол в Риме не одобрял такие действия. Но ему пришлось вступить в переговоры с папой Клементом IX. Посол по поручению короля предложил аббатства, земли, деньги. Папа прочел бумагу и тут же молча вернул ее. И никаких комментариев!

Луиза уже ждала ребенка, а в Риме ее «дело» еще рассматривала конгрегация (собрание высших духовных лиц). Нemoщность Альфонса VI была подтверждена. И в Ватикане дали согласие на создание новой королевской семьи⁷.

Дона Педро государственные дела не интересовали. Он предпочитал умственным заботам любовные утехы. Как это часто бывает, они не довели Педро до добра. Король заболел венерической болезнью и заразил королеву. Знали ли об этом в Париже? Известно лишь, что Людовик XIV сохранил теплые чувства к герцогине Савойской, посылал ей деньги. Цель французской дипломатии была достигнута: позиции испанской партии в Португалии оказались подорванными. В марте 1667 года был подписан франко-португальский оборонительный и наступательный союз. В конце следующего года Испания признала независимость Португалии.

Итак, испанцы потерпели поражение в «собственной крепости» — на Пиренейском полуострове. Но они рассчитывали на помощь австрийских Габсбургов, которые к своей наследственной короне присоединили корону императора. До Наполеона Бонапарта говорили в Европе: «император», не добавляя слова «Священной Римской империи германской нации». Один император и один папа.

Тревожная обстановка в Европе способствовала (хотя и временному, неустойчивому) улучшению франко-австрийских отношений. Война Австрии с Турцией началась весной 1663 года. Турки и татары захватили долину Дуная, Венгрию, Моравию и Силезию. Двор Леопольда I бежал из Вены. Рейнская лига предоставила ему 24 тысячи солдат, и Людовик XIV (как граф Эльзасский) — 6 тысяч. Турецкие войска потерпели поражение 1 августа 1664 года в битве при Сен-Готарде.

Отношения Франции с императором были восстановлены. В том же 1664 году в Вену прибыл французский посол Жак Бретель де Гремонвиль. Он находился в австрийской столице восемь лет. «Это сближение являлось лишь новой фазой соперничества двух домов»⁸ — так оценил ситуацию известный французский историк Альбер Сорель. С точки зрения перспективы эта оценка правильная. Но вместе с тем австро-французское сотрудничество получило неожиданное развитие. Людовик XIV писал: «Вскоре после того, как я заявил о своей решимости установить мир, император, убежденный в моей доброй воле, начал переговоры о возможном договоре по разделу Испании, от которого он до этого отказывался, и дело было наконец завершено»⁹.

Согласно договору, тайно подписанному 19 января 1668 года, за спиной здравствовавшего короля Карла II Леопольд I получал Испанию, Балеарские и Канарские острова, герцогство Милан, Сардинию, испанские укрепления в Тоскане, владения в Америке. К французскому королевству должны были отойти южные провинции Нидерландов, Франш-Конте, Наварра, Неаполь и Сицилия, испанские укрепления в Африке и на Филиппинах.

Таким образом, французская дипломатия имела в своем активе, говоря словами историка Пикаве, «бесполезные шедевры». В реальность франко-австрийского договора не верил никто из его инициаторов и составителей. «Переговоры, которые я веду, — настоящая итальянская комедия»¹⁰, — писал Гремонвиль. Действительно, комедия! В тексте договора ни словом не упоминалось о главном условии раздела — смерти короля Испании. Агрессивные цели были прикрыты рассуждениями о бренности человеческого существования.

Для Гремонвиля комедия едва не обернулась трагедией, Поздно вечером на улице (посол имел при себе проект договора о разделе) его ранили вооруженные испанцы. В

Париже всполошились и послали в Вену офицера и двух солдат, вернувшихся со всеми материалами переговоров. Но каждая сторона сохранила свой экземпляр подписанного текста.

Договор хранился в величайшей тайне. О нем знали в Вене император и два его министра, в Париже — король, Лион, Кольбер, ле Телье. Новоявленные союзники опасались распространения слухов в Мадриде. Страшились и реакции протестантских держав. Но опасения и страхи оказались напрасными. Уже в 1669 году австрийцы фактически отказались от еще «свеженьких» договоренностей.

Да, австро-французские документы были подписаны. Однако настоящее сотрудничество между Австрией и Францией не наладилось. Слишком глубокие противоречия разделяли две страны. Поэтому в Германии Людовик XIV опирался на Рейнскую лигу. Ежегодно начиная с 1658 года в ее кассу Франция платила 96 тысяч ливров на закупки снаряжения и продовольствия. Французская дипломатия подписала соглашения с правителями Мекленбурга, Баварии, Саксонии, Бранденбурга, Трира, Ганновера, Майнца, Оснабрюка. Они были различными по своему содержанию: союз или нейтралитет, но с одним неременным условием — совместная борьба против сотрудничества императора с испанскими Габсбургами. Все соглашения предусматривали крупные французские ассигнования, безвозмездные, разумеется, главным образом на содержание, вооружение и снабжение войск германских князей. Правда, деньги Людовик платил нерегулярно, с большими опозданиями. Это одна из причин, в силу которых противоречия между отдельными германскими правителями, их опасения французской гегемонии в Европе, соблазнительные финансовые предложения противников Франции делали свое дело: временные и неустойчивые профранцузские союзы быстро распадались.

Курфюрст Бранденбургский, он же великий электор Фридрих Вильгельм возглавил список коронованных особ, систематически получавших французские деньги. В 1664 и 1666 годах дважды Людовик XIV щедро оплачивал союз с Фридрихом Вильгельмом. В 1669 году электор обещал военную помощь Франции против Испании в обмен на территорию провинции Гельдерланд. Но уже в 1672 году Бранденбург вступил в союз с голландцами за 600 тысяч флоринов. И это было не последнее звено в цепи бранденбургских измен. Войска Пруссии участвовали в боевых действиях в долине Рейна. Однако в 1673 году они оставили поле боя за 800 тысяч ливров, выплаченных французами¹¹. Что и говорить, «славная» история бесконечных измен!

Пример Бранденбурга был не единственным. С первых же месяцев своего личного правления Людовик XIV первостепенное внимание уделял отношениям со Швецией — «первым другом и главным союзником Франции»¹². С сентября 1661 года по декабрь 1662 года (всего лишь за 16 месяцев!) было подписано три франко-шведских договора, главным образом в связи с французскими притязаниями на польский трон. Стоили эти «бумаги» непомерно дорого: золотой дождь пролился на шведского короля Карла XI. Общие финансовые обязательства французов перед Швецией (от единовременных до долгосрочных) составили 2,5 миллиона экю¹³.

Однако практические результаты оказались для Парижа ничтожными. К франко-датскому военному союзу Швеция не примкнула. Во франко-голландском конфликте она заняла позицию нейтралитета. Фактически династический брак представлял собой неравный союз, в котором одна из сторон — Франция — заботливо ухаживала за другой, задаривала ее бесконечными субсидиями, а другая — Швеция — многократно нарушала соглашения, неизменно сохраняя верность только собственным интересам.

Шведские государственные деятели охотно брали взятки и не торопились выполнять свои обязательства. «Эти господа, получив деньги, с нетерпением ждут новой возможности их приобретения»¹⁴. К этим словам французского посла в Стокгольме можно лишь добавить, что Карл XI и его окружение легко меняли своих кредиторов в зависимости от размеров предлагаемых ими субсидий. В 1667 году шведы сражались

вместе с голландцами и испанцами против французов, а уже в 1672 году на стороне Франции против Голландии.

В Париже считали дипломатическую подготовку к войне за испанские Нидерланды законченной. «Изгнание испанцев из Фландрии было всегда, с того времени как они ею владеют, целью королей — моих предшественников — и моей»¹⁵, — писал Людовик XIV. Планы Лувуа шли значительно дальше. С присущей ему прямоотой и грубостью он заявил: «Единственная возможность для завоевания испанских Нидерландов состоит в том, чтобы унижить голландцев, их уничтожить, если это будет возможно»¹⁶. Военный министр сделал необходимые, по его мнению, приготовления. Он снарядил армию в 72 тысячи человек.

По темпам средневековья франко-испанская (деволюционная) война, начавшаяся 8 мая 1667 года, была молниеносной. Расчеты Лувуа оказались правильными. В военном отношении южные провинции Нидерландов были беззащитными. Своей армии они не имели, а испанский флот находился в таком плачевном состоянии, что для него было непосильной задачей перевезти по морю подкрепления. Войска Тюренна вторглись во Фландрию. Конде оккупировал Франш-Конте. Однако произошло непредвиденное Людовиком XIV и его министрами. Неожиданно и коренным образом изменилась дипломатическая ситуация. Голландцы, напуганные реальной опасностью непосредственного соседства с агрессивной Францией, протянули руку помощи своим вековым врагам — испанцам, создали антифранцузскую коалицию в составе Голландии, Англии и Швеции. Людовику XIV пришлось поспешно отступить. 2 мая 1668 года в Ахене был подписан франко-испанский мирный договор.

«Права королевы» французам удалось отстоять лишь частично. Они довольствовались 11 городами — Шарлеруа, Дуэ, Лилль, Куртрэ, Армантьер, Оденард и другие. Пришлось вернуть испанцам Франш-Конте.

Результаты не оправдали гигантских усилий дипломатии и армии Франции. Она не получила испанских Нидерландов. Союзы с европейскими государствами оказались непрочными. Астрономические денежные суммы французы выбросили на ветер. Но Людовик XIV не думал отказываться от своих захватнических устремлений. Необходимо было, однако, внести серьезные коррективы в планы королевской дипломатии. Какие именно?

Сотрудничество с Англией выдвинулось на первый план французской внешней политики. А это означало перестройку всей деятельности дипломатической службы Франции.

11

«Странные переговоры» герцогини Орлеанской

«Самыми странными в современной дипломатии»¹ назвал историк Флассан тайные переговоры, которые длительное время вела герцогиня Орлеанская Генриетта, выступившая в необычной роли посредницы между Людовиком XIV и Карлом II Стюартом. Цель переговоров была далеко идущей: военно-политический союз между Францией и Англией.

Генриетта родилась в 1644 году. Ее отца английского короля Карла I казнили через пять лет после появления на свет младшей дочери. В семнадцатилетнем возрасте Генриетту выдали замуж за брата Людовика XIV герцога Филиппа Орлеанского. Генриетта не отвечала вкусам Людовика. Он говорил Филиппу: «Брат мой, вы женились на костях святых праведников»². Грубоватая мужская оценка не мешала Его Величеству покровительствовать молодой женщине и испытывать к ней симпатию.

Ненадолго оставим Генриетту и вернемся к начальному периоду личного правления Людовика XIV. Внимательный читатель, возможно, задался вопросом: не

забыл ли Юг де Лион об Англии? Конечно, не забыл. Роль ее была велика в европейской политике.

После реставрации династии Стюартов внешняя политика Карла II была противоречивой. В протестантской стране он пытался править в обход парламента, опираясь на поддержку Франции и католической церкви. Министрам Его Величества приходилось лавировать. Они постоянно пытались примирить непримиримое.

Сам же Карл II — человек тщеславный, погрязший в любовных интригах, не понимал реального положения ни в собственной стране, ни в Европе. Одна забота его никогда, казалось, не покидала: деньги. Их было много и вместе с тем всегда мало. Английский монарх, не умевший и не хотевший жить по средствам, постоянно нуждался в злате. Он решил продать порт Дюнкерк, захваченный англичанами при Оливере Кромвеле, и для переговоров послал в Париж своего дипломата Монтегю, которому его миссия принесла высокий титул герцога³.

В октябре 1662 года был подписан англо-французский договор о продаже Франции Дюнкерка и Мардика с укреплениями за 5 миллионов ливров. Через несколько месяцев, 2 декабря, Людовик XIV торжественно въехал в «свой» город.

Деньги уплачены, деньги получены... Но даже поток золота не смог бы заполнить глубокую пропасть, пролежавшую между двумя государствами. В 1662 году Франция подписала с Голландией договор об оборонительном и наступательном союзе. А англо-голландские отношения в первой половине XVII века оставались напряженными во всех важнейших сферах международной жизни — торговой, финансовой, военной, морской, колониальной. Все отчетливее вырисовывалась мрачная перспектива войны между двумя морскими державами. В то же время министры Людовика XIV Лион, Кольбер, Лувуа понимали неизбежность вооруженного конфликта между Францией и Голландией из-за испанских Нидерландов и поэтому искали сотрудничества с Англией.

«Главным посредником между дворами Англии и Франции была хорошенькая, грациозная и умная герцогиня Орлеанская Генриетта, сестра Карла II, свояченица Людовика XIV, в равной мере любимая обоими»⁴, — пишет английский историк Маколей. Принцесса в роли дипломата проявила твердый характер. Она потребовала полного устранения Лувуа от переговоров и участия в них Тюренна. Причины? Генриетта не доверяла Лувуа, а маршала считала безупречно честным человеком. Требования энергичной герцогини были удовлетворены. В сближении двух соседних государств она сыграла более заметную роль, чем их официальные представители в Париже и в Лондоне.

Посол Людовика XIV в Лондоне граф Комменж был капризным, раздражительным человеком. Мнение свое высказывать не любил. Целиком поглощенный личными делами, он мог не явиться на назначенное им же деловое свидание. Неудивительно, что Комменж не приобрел друзей при английском дворе.

Посол Карла II в Париже лорд Холлис, напыщенный и высокомерный, скорее был склонен к раздорам, чем к соглашениям. Он выражал недовольство Лионом, якобы не именовавшим посла «Ваше превосходительство». На самом деле именно государственный секретарь не пользовался взаимностью со стороны английского дипломата. Впрочем, так же, как и канцлер Сегье. Он обратился к Холлису со словами «Ваше превосходительство», а услышал в ответ: «Вы»⁵. Недружественная атмосфера для переговоров!

Между тем англо-голландский конфликт обострялся, и в Лондоне все настойчивее стремились к сближению с французами. «Никто больше, чем я, не желает установления тесной дружбы с королем Франции»⁶, — писал Карл II сестре 28 декабря 1663 года. Он хотел, чтобы Генриетта начала переговоры о союзном договоре между двумя странами, который исключал бы вмешательство французской армии в конфликт между Англией и Голландией.

В Лондоне не скупилась на добрые слова и горячие пожелания. «Я не знаю, кто более способен установить добрую связь и дружбу... Я рад узнать Ваше мнение и получить Ваши советы»⁷. Но Карла II интересуют не только советы из Парижа. Король горит

нетерпением, надеется, что Людовик XIV откажется от своих обязательств в отношении Голландии. Генриетта настроена более сдержанно. Она советует брату проявлять умеренность, сообщает, что в Лондон выехал протестант маркиз дю Рювиньи, которому поручено ознакомиться с положением в Англии, но не связывать себя какими-либо обязательствами. Герцогиня Орлеанская рекомендовала Рювиньи как «очень честного человека» и советовала брату в письме от 24 ноября 1664 года: «Не теряйте времени и получите от короля (Людовика XIV. — Ю. Б.) обещание, что он не будет помогать голландцам»⁸.

Карл II был заинтересован в заключении политического соглашения. Французская дипломатия не торопилась. Она выдвинула на первый план вопросы торгового сотрудничества. А в Лондоне хотели поскорее перескочить через этот этап. «Я горячо желаю заключения торгового договора, чтобы мы могли приступить к договору о тесном союзе, которого я жду с большим нетерпением... Я убежден, что каждая из наших стран найдет в этом договоре свою выгоду. Я считаю, что моя дружба есть и будет во многих отношениях более важной для Франции, чем дружба голландцев»⁹. Необычная для короля настойчивость. Но уж очень нуждался Стюарт во французском содействии или, по крайней мере, нейтралитете.

В Лондоне рассчитывали на помощь Генриетты в качестве не только дипломата, но и «идейной» защитницы английских позиций. 26 декабря 1664 года Карл писал сестре, что посылает ей печатные материалы, свидетельствующие о том, что именно Голландия являлась агрессором, нарушающим мир. Предполагалось эти сведения противопоставить заявлениям голландского посла в Париже, естественно, в черном свете представлявшего политику Англии.

Карл II в письме сестре от 5 января 1665 года доказывал, что франко-голландский договор не обязывал Францию прийти на помощь Голландии в случае начала военных действий. Но Людовика XIV трудно было убедить в том, что не отвечало его интересам. Король не хотел осложнять отношений ни с Испанией, ни с Англией, ни с Голландией. Ситуация в Европе изменилась, и от французской дипломатии требовалась особая осторожность. Филипп IV умер, и в соответствии с деволуционным правом встал вопрос о наследстве Марии Терезии.

Пришла очередь Людовика XIV беспокоиться о позиции Англии. В начале апреля 1665 года из Парижа в помощь Ком-менжу направили еще двух французских дипломатов — Берне и Куртена. Они привезли послание Генриетты, в котором герцогиня сообщала, что, вероятно, вскоре французские войска будут во Фландрии. Она ставила вопрос «о тайном заключении договора» (англо-французского). Но взаимопонимания у сторон не было. Министры в Лондоне ревниво относились к французским притязаниям на испанские Нидерланды. Карл II Стюарт разделял тревогу своего окружения.

Англо-голландская война, начавшаяся в марте 1665 года, шла с переменным успехом. 3 июня 1666 года у берегов Англии четыре часа продолжался жестокий морской бой. Голландцы потеряли 7 тысяч человек и 18 судов, англичане — 600 человек. «Этот большой успех ни в коей мере не меняет мои намерения в отношении Франции. Вы можете в этом заверить моего брата короля, и этр будет его ошибкой, если мы не станем самыми добрыми друзьями»¹⁰, — слова Карла II, раскрывающие его цели.

Английский демарш не имел продолжения. В Лондоне было не до переговоров. Страшное бедствие — чума обрушилась на город. Только во второй половине сентября погибли 8252 человека. Люди тысячами бежали из столицы. Некому было хоронить мертвых. Только в конце декабря 1666 года жизнь в Лондоне нормализовалась.

Даже чума не привела к окончанию военных действий. Поэтому английская дипломатия стремилась обеспечить нейтралитет Франции. Но в Париже не хотели связывать себя формальными обязательствами. Карл II выражал недовольство. Он писал Генриетте, что поведение Франции «двусмысленное», хотя английская сторона делала «настойчивые авансы» с целью заключить «договор и создать союз с Францией, более

тесный, чем когда-либо ранее»¹¹. Французские представители в Лондоне предлагали англичанам только свое посредничество и к тому же постоянно ссылались на договор, связывавший Людовика XIV с Голландией.

Карл II не скрывал раздражения. Говорят, писал он сестре, что «послы останутся здесь только до того момента, когда Франция договорится с голландцами об условиях, на которых она окажет им помощь. Если это соглашение состоится, то у меня возникнет необходимость стать на сторону Испании. И позвольте мне сказать Вам, что по правилам ведения дел в этом мире лучшими друзьями являются те, кто нуждается в нас, а не те, благоденствие которых позволяет им верить, что мы в них нуждаемся». Написав эти слова, Карл II, видимо, решил, что даже для конфиденциального письма они слишком резки. И добавил: «Тем не менее рано отчаиваться в возможности прийти к соглашению между нами. Даже если его не удастся достигнуть достаточно быстро, Вам всегда следует этому содействовать»¹².

Разрыв между двумя монархами приобретал все более зримые очертания. Всеми силами Генриетта Орлеанская стремилась предотвратить нежелательное развитие событий. В Лондоне герцогиня поддерживала деловые отношения с графом Арлингтоном, государственным министром, оказывавшим большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. В Париже беседовала с министрами, с самим королем, подыскивая приемлемые условия соглашения. Но переговоры не продвигались вперед. Людовик XIV сообщил Карлу II, что если в ближайшее время между Англией и Голландией не установятся мирные отношения, Франция будет вынуждена выступить против англичан. В декабре 1665 года французские представители из Лондона вернулись в Париж.

У французской дипломатии фактически не было выбора. Людовик и его окружение предвидели неизбежный и близкий конфликт Франции с Испанией. В таких условиях следовало сохранять верность союзным отношениям с Соединенными провинциями. Заигрывание с англичанами становилось опасным. И в январе 1666 года Франция объявила войну Англии. Командующий французской эскадрой герцог Бофор получил приказ направиться в Ла-Манш с 20 кораблями для соединения с голландским флотом. Адмирал знал, что ему не следует торопиться. Он «задержался» у берегов Португалии, и только через семь месяцев эскадра прибыла в Ларошель, а затем появилась в Ла-Манше. И здесь сама природа пришла на помощь французскому флоту: 3 сентября началась жестокая буря. Бофор со своей эскадрой нашел пристанище в Дьеппе, а затем — в Бресте. А буря все неистовствовала. Так без единого выстрела завершилась бутафорская демонстрация французского флота у берегов Англии, истинный смысл которой хорошо понимали и в Лондоне, и в Гааге.

Логика событий неумолима. Острие французской шпаги уже было направлено в другую сторону. Неутомимый Лувуа заканчивал приготовления к захвату испанских Нидерландов. Задача французской дипломатии состояла в том, чтобы как можно скорее прекратить «странную войну» с Англией. Переписка между двумя монархами, временно прерванная, возобновилась. Возобновилась в глубокой тайне даже от министров Людовика XIV. Письма поступали к Генриетте Орлеанской в город Коломб на Сене, недалеко от Парижа. Договорились, что Карл II получит Антильские острова, а Людовик XIV — Акадию (в настоящее время провинции Канады — Новая Шотландия и Новый Брауншвейг) и обязательство Англии не оказывать помощь Испании. Секретное англо-французское соглашение было подписано 11 мая 1667 года, и сразу после этого 50-тысячная армия во главе с Тюренном выступила к границам Фландрии.

«Странная война» закончилась в июле 1667 года мирным договором, подписанным в Бреде (город в Брабанте). Французы вернули англичанам острова Сент-Кристофер, Антигуа и Монтсеррат. Опять «распределяли» чужие земли, на этот раз в Америке. Вечная проблема англо-французских отношений, сколько раз доходивших до конфликтов из-за раздела колониальных владений. И все-таки значение мира в Бреде заключалось в

ином: «противоестественный» франко-голландский союз уступал место сотрудничеству Людовика XIV со Стюартами,

Как часто бывает в истории, на ход общественных событий иногда оказывают воздействие (не будем его, разумеется, преувеличивать) людские эмоции, и прежде всего любовь и ревность. Вмешались чувства и на этот раз. Филипп Орлеанский не был посвящен в тайную дипломатическую деятельность своей жены. Поэтому к ее встречам с герцогом Монмсутом (незаконным сыном Карла II), дважды приезжавшим в Париж для ведения переговоров, Филипп относился «с беспокойством» и устраивал «тягостные сцены». Монмут пользовался успехом у женщин, и тревога неуверенного в себе супруга вполне объяснима.

Ревность мужа мешала деловым беседам Генриетты с Монмутом. Но это не более чем исторический курьез. Главное — изменилась международная ситуация. Теперь Людовик XIV выступал в роли просителя. Приближалась война Франции с Испанией. Французская дипломатия не щадила усилий, добиваясь союза со Стюартом. В Париже не жалели денег на подкуп фавориток и фаворитов английского короля. Сам он, словно повторяя действия Лиона в период англо-голландской войны, занимал двусмысленную позицию. В июле 1668 года Карл II писал сестре, что готов «вступить с Францией в союз более тесный, чем раньше». И в то же время он выражал опасения в связи с французскими завоеваниями во Фландрии и Франш-Конте, созданием французского флота, стремлением Людовика XIV превратить свою страну в крупную торговую и морскую державу. А это, замечал английский монарх 2 сентября 1668 года, «повод для недоверия; мы можем иметь вес только благодаря нашей торговле и нашей силе на море; поэтому каждый шаг Франции по этому пути все более возбуждает ревность между двумя нациями и в любом случае представляет собой серьезную помеху для нашей полноценной дружбы»; в итоге Англия не сможет вступить в союз с Францией «до тех пор, пока торговля, определяющая крупные и главные интересы английской нации, не будет гарантирована»¹³. Начинать, с точки зрения Карла II, следовало с подписания англо-французского торгового договора. Но английский король не хотел, чтобы к подготовке этого документа был привлечен французский посол в Лондоне Кольбер де Круасси, которого Карл II не любил за высокомерие и отсутствие аристократической элегантности. 6 июня король писал Генриетте, что он против участия посла в «большом деле» и хотел бы видеть на его месте «человека более способного»¹⁴.

Круг людей, посвященных в секретные переговоры о военно-политическом союзе между Англией и Францией, был предельно узкий. Карл II настаивал на соблюдении строжайшей тайны. Он просил сестру писать только ему и направил ей специальный шифр. Даже к герцогу Букингемскому, доверенному человеку Карла II, который всегда был в курсе важнейших дипломатических переговоров, Генриетта должна была обращаться как можно реже. Правда, герцог получал сведения о секретной переписке между Парижем и Лондоном по «своим каналам»: от придворной дамы герцогини Орлеанской, подслушивавшей ее разговоры. Увы, секретность далеко не всегда удавалось соблюдать в Париже.

Переговоры приближались к завершению. Карл II и его брат герцог Йоркский просили, чтобы Генриетта приехала в Англию. Представился и удобный повод. В мае 1670 года Людовик XIV решил посетить Фландрию. А уж оттуда рукой подать до Британских островов. Но ревнивый Филипп Орлеанский не хотел отпускать жену. Королю пришлось с ним объясниться. Аргументы были выдвинуты «высокие»: поездка герцогини нужна королевству; в Англии ее примут на самом высоком уровне. И, тем не менее, подозрительный супруг поставил свои условия. Он требовал, чтобы Генриетта оставалась в Дувре (не посещая Лондон) не более трех дней и после этого немедленно возвратилась домой.

Поездка Генриетты Орлеанской была обставлена с помпой. Она выехала из Дюнкерка 24 мая 1670 года. Свита состояла из 237 человек. От Людовика на расходы

герцогиня получила 200 тысяч эю. Вот только в сроки, установленные ревнивцем-мужем, ей не удалось уложиться. Переговоры потребовали дополнительно еще 10 дней. Завершились они подписанием 1 июня 1670 года англо-французского договора в Дувре. Карл II получил 2 миллиона ливров на военные расходы, Людовик XIV сохранил верность мирному договору с Испанией, подписанному в Ахене, а Карл II не порывал со своими союзниками. Англия обязалась объявить войну Соединенным провинциям и выставить 6 тысяч солдат и 50 военных кораблей. Объединенным англо-французским флотом должен был командовать герцог Йоркский. Карл II решил сделать публичное заявление о своей приверженности католицизму.

«Без прямого вмешательства юной принцессы дело, несомненно, тянулось бы еще долго, и, возможно, время и обстоятельства расстроили бы планы Людовика. Это был триумф Генриетты, сумевшей преодолеть все препятствия»¹⁵, — это оценка французского историка де Байона. Не преувеличивает ли он заслуги герцогини? Возможно. Конечно, политические соображения имели решающее значение. Но в дипломатии личность играет немалую роль. И в данном случае Генриетта содействовала доверию и взаимопониманию между королями, хотя и участвовала в «черном деле»: ее брат втайне от своих подданных предал протестантскую религию и в буквальном смысле слова продался иностранному монарху, поставил торговлю и промышленность Англии в неблагоприятные условия. Английская буржуазия вынуждена была терпеть высокие французские тарифы и мириться с французской конкуренцией в самой Англии и в ее колониях. Вот уж поистине: все могут короли!

Карл II был доволен своей сестрой. Он подарил ей крупную сумму (8 тыс. пистолей) и попросил оставить ему в качестве сувенира только «одну драгоценность»: очаровательную бретонку мадемуазель де Керуаль, придворную герцогини. Генриетта, возразила, сказав, что девушку ей доверили родители и она должна выехать во Францию. Но... позже девушка вернется в Лондон. Так и произошло. Керуаль стала фавориткой короля, герцогиней Портсмутской.

Поездка в Англию для Генриетты Орлеанской оказалась последней. Едва вернувшись во Францию в 1670 году, она скончалась от холеры. Молодой женщине было 26 лет от роду. 1 июля ее сердце в ящичке из позолоченного серебра в сопровождении многочисленной свиты перевезли в Валь-де-Грас — монастырь в Париже на улице Сен-Жак. 4 июля в полночь факельная процессия доставила тело умершей в церковь Сен-Дени. Похороны состоялись 21 августа.

Судьбы человеческие... Как часто бывают они трагическими. Многие уходят в мир иной, едва расправив крылья для полета, но так и не взлетев. А жизнь народов и человечества в целом продолжается.

Продолжалось и тайное англо-французское сотрудничество. Не существует, однако, ничего тайного, что не стало бы явным. Неожиданно, казалось, вспыхнувшее пылкое влечение двух монархов, разделенных узким проливом, не прошло бесследно для внутренней политики Карла II. В Англии была опубликована королевская «Декларация веротерпимости», провозглашавшая равенство политических прав католиков и сторонников англиканской церкви. Это было грубое 'нарушение конституции: король поставил себя над парламентом и законами страны.

Оппозиция ответила ударом на удар. Акт, принятый парламентом в 1673 году, требовал при поступлении на государственную службу принесения присяги по англиканскому обряду. Доступ католикам в правительственный аппарат был закрыт. Даже герцог Йоркский Яков, наследник престола, сохранивший верность католической религии, был вынужден покинуть пост лорда адмиралтейства и на время уехать из Англии.

Договор, подписанный Генриеттой Орлеанской в Дувре, явился важным, но не единственным звеном в цепи соглашений, заключенных французской дипломатией в связи с подготовкой к новой, второй англо-голландской войне. Франция получила содействие не

только Англии, но и Швеции, электоров Кёльна и Мюнстера, обеспечила нейтралитет императора и империи Габсбургов.

Не только в дипломатическом, но и в военном плане Людовик XIV считал себя подготовленным к общеевропейскому конфликту. Французская армия представляла собой внушительную силу: 117 тысяч пехотинцев и 25 тысяч кавалеристов. Объединенный флот насчитывал 70 английских и 30 французских кораблей. Войска располагали 150 тысячами гранат, 600 бомбами, 62 тысячами ядер, 97 орудиями¹⁶. Среди солдат было много иностранцев: пять полков из Савойи, 20 тысяч человек из Швейцарии, полк из Италии и полк корсиканцев, 20 тысяч солдат из Кёльна и Мюнстера, английские полки. Настоящая европейская армия!

Этой армии противостояла могучая антифранцузская коалиция, созданная Вильгельмом Оранским, штатгальтером (правителем) Нидерландов. В 22 года это уже был талантливый и энергичный государственный деятель. Сильный характер и несгибаемая воля помогли ему преодолевать тяжелые болезни, физическую немощь.

...У него был вид тяжелобольного человека. Печальное лицо с большим неправильной формы носом. Высокий лоб. Бледные щеки, изборожденные морщинами. Задумчивый, строгий, даже жесткий взгляд. Казалось, вся его боль сосредоточилась в глазах. Вильгельм III страдал неизлечимым в то время недугом — туберкулезом. Скорее всего он заболел еще в детстве. Это было детство падшего принца, изгнанного с родины. Мальчику исполнилось 10 лет, когда французские войска заняли его родной город Оранж в Провансе и снесли городские укрепления. Повзрослев, он стал лидером влиятельной, но отброшенной от власти партии. Наследником надежд больших, но сомнительных. За ним всегда внимательно следили и враги, и друзья. Он всего боялся, окруженный предателями и лжецами. Отсюда и скрытность, молчаливость. Иногда защитный покров спадал, и принц впадал в ярость, выдававшую неукротимость характера. В своих привязанностях Вильгельм был столь же необуздан, как и в гневе. Друзей у него было немного, но служили они ему верой и правдой.

Революция 1672 года в Голландской республике сделала Вильгельма Оранского королем без короны, дала ему всю полноту политической и военной власти. Он знал, что придворные французского короля умирали от смеха, когда Генеральные штаты (парламент) назначили «неопытного ветрогона», или, как говорил Людовик XIV, «маленького сеньора из Бреды», генералиссимусом¹⁷.

Династический брак укрепил позиции Вильгельма III. В 1677 году, заигрывая с протестантами, Яков II Стюарт отдал правителю Нидерландов руку своей племянницы Марии. Брак без любви, по расчету. Мария открыла мужу дорогу к трону в Лондоне.

Но не жажда власти жила в груди Вильгельма Оранского. Он был убежденным кальвинистом. Патриотизм и религиозный фанатизм вдохновляли его всю жизнь, до последнего вздоха. «Это был руководитель, не гениальный, но твердый и настойчивый, не знающий страха и уныния, с глубокими знаниями, умеющий объединить умы, способный задумать великие дела и их безжалостно осуществить. Вильгельм предстал перед Европой как вождь, чье предназначение — руководство антифранцузскими коалициями»¹⁸. Оценка французского академика Гаксотта. Немногословная и точная.

Вильгельм Оранский — непримиримый враг Людовика XIV — готов был вести с ним войну до последнего солдата. «Это дуэль двух людей, двух типов политических принципов, двух религий», — писал историк Эмиль Буржуа. Добавим, что противостояли друг другу и два различных подхода к внешней политике и дипломатии.

Людовик XIV полагался на силу денег, на финансовую зависимость европейских монархов и князей от Франции. Вместе с тем он учитывал глубинные интересы отдельных европейских стран, существовавшие между ними противоречия, запугивал их угрозой французской гегемонии в Европе. Вильгельму Оранскому удалось создать антифранцузскую коалицию в составе Голландии, Испании, Дании, Империи, Лотарингии,

германских княжеств. Правитель Нидерландов искусно подогревал тревогу протестантского населения Англии, опасавшегося реставрации католицизма в стране.

Карл II Стюарт вынужден был в 1674 году заключить мир с голландцами. За ним последовали епископ Мюнстера и архиепископ Кёльна. Они объявили о своем нейтралитете. Враждебную Франции позицию заняли Бранденбург и Брауншвейг. Сейм в Регенсбурге от имени Священной Римской империи германской нации объявил войну французскому королевству. На стороне Франции оставалась только Швеция. Но в 1675 году по военной репутации шведов был нанесен удар: они потерпели поражение в битве с прусскими войсками при Фербелине, небольшом селении к северо-западу от Берлина. Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский, захватил Померанию. Датчане вошли в Швецию с севера и юга. Шведский флот был разгромлен. На помощь шведскому королю пришел Людовик XIV. Он добился от Бранденбурга и Дании приемлемых для шведов мирных условий.

Армии и флоту Франции пришлось сражаться на многих фронтах: в Голландии, на Верхнем и Нижнем Рейне, в Средиземном море. Тяжелое положение! Правда, глубокие противоречия ослабляли коалицию, созданную Вильгельмом Оранским.

Империя Габсбургов была разобщена. Губернатор испанских Нидерландов не подчинялся штатгальтеру. Императора Леопольда I больше волновала борьба с мятежными венграми, чем с французским королем.

Война затягивалась. Оба враждующих лагеря наращивали силы. Руководители ни одного из них не могли рассчитывать на решающие военные успехи, тем более в короткие сроки. Поэтому дипломаты не прекращали свою работу.

Уже через четыре месяца после начала франко-голландской войны открылся конгресс в Кёльне, продолжавшийся весь 1673 год. Делегаты не торопились прийти к соглашению. Несколько месяцев потребовалось им для согласования отдельных статей прелиминариев (предварительного мирного договора). Время было занято приемами, балами и спектаклями. Имперцы искали подходящий предлог, чтобы прервать переговоры до тех пор, пока не станет более определенной военной ситуация.

Кто ищет — тот находит. Леопольд I и его министры были возмущены поведением электора Кёльна князя Вильгельма Фюрстенберга, активного защитника французских интересов. 14 февраля 1674 года электора похитили прямо на улице родного города, хотя его экипаж охраняла вооруженная свита. Драку развязали австрийские офицеры. Фюрстенберг пытался бежать, но его задержали и вывезли из Кёльна в неизвестном направлении. Все французские послы были информированы о бандитском нападении. Людовик XIV отозвал своих представителей с конгресса, и он закрылся.

Боевые действия продолжались. Но в апреле 1675 года Голландия запросила условия мира. Через несколько дней Лувуа дал ответ. Он требовал: от Голландии — уступки Маастрихта (город на Мозеле в провинции Лимбург на северо-востоке Бельгии), возобновления договоров о союзе и торговле; от Испании — признания всех французских завоеваний без каких-либо обменов крепостями; от Империи — возврата захваченных австрийцами в Кёльне 50 тысяч экю, освобождения Вильгельма Фюрстенберга, заключения в короткие сроки мира между Францией и Соединенными провинциями, не созывая европейского конгресса. Эти условия, замечает Руссе, были выдвинуты министром, «более привыкшим проводить военные операции, чем терпеливо распутывать тонкие нити дипломатических интриг»¹⁹. И на этот раз беспощаден был к врагам Лувуа.

Долго спорили о месте переговоров. Называли Кёльн, Гамбург, Льеж, Ахен. Англичане настояли на Нимвегене.

Делегаты собирались неторопливо. Недовольные французы грозили отъездом. Для этого имелись основания: конференция смогла приступить к работе только в 1677 году, когда она стала нужна Вильгельму Оранскому, потерпевшему поражение в Касселе, на севере Франции, в 29 километрах от Дюнкерка. Французы заняли Валансьен, Камбре, Сент-Омер, успешно вели боевые действия на Рейне. Теперь и голландцы стремились к

миру. В Мадриде боялись, что его условия будут неблагоприятными для Испании, и занимали выжидательную позицию. Лишь Вильгельм Оранский сохранял присутствие духа и подбадривал своих союзников.

Новая расстановка сил ускорила переговоры. В 1678—1679 годах в Нимвегене были подписаны шесть мирных договоров: франко-голландский, франко-испанский, франко-имперский, франко-датский, шведско-голландский, договор Бранденбурга с Францией и Швецией. Французское преобладание в Европе было закреплено, хотя и ценой взаимных уступок. К Голландии вернулись захваченные французами территории с городом Маастрихт, Людовик XIV отменил таможенный тариф 1667 года, подрывавший голландскую торговлю. Испания получила бельгийские города и крепости, отторгнутые по Ахейскому мирному договору, герцогство и город Лимбург, Пучсерду в Каталонии. Франция лишилась права иметь свой гарнизон в Филипсбурге на Рейне.

А что же получил Людовик XIV? Провинцию Франш-Конте со столицей в Безансоне; крепости в испанских Нидерландах; старый Брейсгау и Фрейбург в Рейнской области. Гвиана и Сенегал были признаны колониальными владениями Франции. Позаботилась французская дипломатия и о союзниках — шведах. К ним вернулись часть Померании и устья Одера, земли в Скании и на побережье Балтийского моря.

Победа, победа... Не полная, конечно. Но бывают ли одни лишь успехи в политике и на войне? Министры и двор Людовика XIV ликовали. Французское королевство стало самым сильным и влиятельным в Европе. Слава Короля-Солнца находилась в зените. Но разве не прав был мудрец, сказавший: чем выше поднялся человек, тем сильнее разбивается он при падении?

12

Посол Аво действует

В один из летних вечеров 1679 года посол Его Величества Людовика XIV в Гааге граф Аво находился в плохом расположении духа. Опытному дипломату, умевшему анализировать события, трудно было признаться самому себе в том, что он считает бесплодным и дорогостоящим англофранцузское сотрудничество и не видит смысла во франко-голландской конфронтации (кстати говоря, Аво не одинок в такой оценке — современный французский историк Анри Карре считает войну Франции с Голландией «фатальным заблуждением», «самой роковой» из всех ошибок Людовика XIV, опрокинувшей систему союзов с протестантскими государствами, созданную Генрихом IV и Ришелье)¹.

Но Аво был не из числа упрямцев, готовых разбить лоб об стену, чтобы доказать собственную правоту. Он еще раз (трудно сказать — в какой по счету!) определил для себя задачи дипломатической работы: знание страны и людей; игра на противоречиях между республиканцами и Вильгельмом Оранским; создание препятствий на пути англо-голландского сближения (задача трудная, учитывая семейные узы, связывавшие штатгальтера с династией Стюартов); курс на военно-политический союз с Англией.

Аво изучал внутреннее положение в Соединенных провинциях, знал настроение различных групп населения. По его мнению, после подписания мира в Нимвегене в составе Генеральных штатов имелось несколько группировок: партия Оранского, в которую кроме 5—6 человек входили люди, «поднятые им из пыли» забвения и заинтересованные в зависимости правительства от штатгальтера; республиканская партия братьев Вит — правителей Голландии, свергнутых и убитых в 1672 году; лица, не входившие в эту партию и, тем не менее, лишённые власти (их было немного, но они представляли «лучшие семьи» страны); республиканцы, оставшиеся в правительстве после переворота или включенные в его состав Вильгельмом Оранским (добрых чувств к республиканскому строю эти политические перебежчики не испытывали, но сохраняли скрытность, осторожность и действовали только под давлением очевидной

необходимости). Интересы торговли сближали их со штатгальтером. А Франция, с которой республиканцы хотели бы объединиться, отнимала у них доходы.

Перед послом была поставлена сложная задача: поддерживать отношения с республиканцами с целью отдалить Вильгельма Оранского от государственных деятелей Голландии. После официального представления штатгальтеру Аво не следовало встречаться ни с Вильгельмом, ни с близкими к нему людьми. «Моя задача очень трудная, возможно, нереальная», — замечал дипломат. Он писал: «Будучи таким образом исключенным из всяких связей, я оказался в сложном положении, так как нелегко в условиях республики быть хорошо информированным о том, что в ней происходит»². Завуалированный упрек звучал в этих словах: король лишил своего посла возможности широкого общения, без которого дипломатическая работа затруднена или даже невозможна.

Но, тем не менее, Аво использовал существенные разногласия между республиканцами, желавшими сохранения мира и даже сближения с Францией, и Вильгельмом Оранским, который выступал за союз Соединенных провинций с Англией, создание мощной антифранцузской коалиции. В своих письмах в Париж в июле и в сентябре 1679 года Аво сообщал о секретных переговорах доверенных лиц штатгальтера с депутатами Генеральных штатов, с придворными о заключении англо-голландского союза. Они продолжались три месяца, но не дали результатов. Об этой тайной дипломатии французскому послу сообщил человек компетентный — видный республиканец полковник Сидней, за свою откровенность впоследствии поплатившийся головой.

Посол был решителен и смел. 5 октября 1679 года он сообщил Людовику XIV, что задумал «экстраординарный шаг», не имеющий прецедентов: решил встретиться со всеми депутатами 18 голландских городов, приехавшими на заседание Генеральных штатов, и выступить против замышлявшегося англо-голландского договора, разъяснить позицию Франции. Рискованный поступок посла вызвал недовольство штатгальтера и пенсионария (высшее должностное лицо в Республике Соединенных провинций) Гаспера Фагеля, публично назвавшего действия Аво беспрецедентными. Но и это не смутило дипломата. Он рассылал письма профранцузски настроенным правителям Амстердама, их друзьям, раскрывая опасность для Голландии союза с англичанами. У Аво были копии двух проектов (один с пометками самого Фагеля) создания лиги, направленной «против Франции, но под предлогом сохранения гарантийных актов» (речь шла о гарантиях мира в Нимвегене). Со своей стороны, посол предлагал Фагелю возобновить союзные отношения между двумя странами³.

По просьбе Аво в две провинции, не зависевшие от Вильгельма Оранского, — Гронинген и Фрисландию выехал верный послу депутат и привез решения в пользу франко-голландского союза. А пять провинций, находившихся под контролем штатгальтера, заняли враждебную Франции позицию. Примирить различные подходы не удалось. Причин было много, но одна из наиболее существенных — гонения на французских протестантов. «Итак, религия — одно из главных средств, которые использует принц Оранский»⁴, — писал Аво. Он подчеркивал, например, что эдикт Людовика XIV от 17 июня 1681 года, направленный против гугенотов, был переведен на фламандский язык и вызвал возмущение даже у друзей Франции. Аво, тем не менее, решил, используя содействие губернаторов, с которыми поддерживал деловые связи, создать профранцузскую коалицию провинций Гронингена, Фрисландии и Голландии⁵.

Сведения, поступившие в Версаль из Гааги, затрагивали важные аспекты внешней политики Соединенных провинций. Посол сообщал о переговорах голландцев с Бранденбургом, о встречах Вильгельма Оранского с герцогом Монмоутом. Людовик XIV получил копии инструкций для переговоров голландских дипломатов в Англии, Испании, текст англо-испанского договора, подписанного в Лондоне. Против политики штатгальтера посол восстановил правителей Амстердама, и Вильгельм Оранский оказался

перед лицом двух провинций, «решительно враждебных обмену ратификационными грамотами» англо-голландского договора. На протяжении восьми недель Фогель четырежды ставил перед Генеральными штатами вопрос о ратификации. Безрезультатно. Тогда пенсионарий, вопреки закону, провел нужное ему решение голосами депутатов только пяти провинций.

Тревожных фактов у Аво накапливалось все больше: принудительная, под давлением Вильгельма Оранского ратификация договора между Швецией и Голландией, определявшего размеры взаимной помощи войсками; 200 тысяч экю получил от голландцев герцог Ганновера; вместо 8 тысяч штатгальтер направил испанцам 14 тысяч человек и готовил набор еще 16 тысяч солдат. При этом Вильгельм Оранский не считался с мнением Генеральных штатов и сам определял перемещения войск в республике. Посол через своих друзей давил на влиятельных лиц в Амстердаме, чтобы они не соглашались с воинственными предложениями штатгальтера. Аво знал даже о том, что говорилось в кабинете голландского правителя. «Мне стали известны многие тайные действия принца Оранского, которые не оставляют никаких сомнений в том, что его цель — использовать время для приведения союзников в состояние боевой готовности и вместе с тем для поиска повода, позволяющего нарушить мир»⁶. Это отрывок из письма Аво, датированного 22 апреля 1682 года. К тому времени, когда оно было написано, политика Людовика XIV уже привела к обострению межгосударственных противоречий в Европе. Аво находился в Гааге как раз в период между войной и миром, когда насильственное «воссоединение» с Францией земель иностранных государств вызвало резко негативную реакцию в Европе. Протесты сыпались со всех сторон. Особенно негодовали короли Швеции и Испании. Французский посол сообщал из Регенсбурга об «отчаянии» и «ярости» сейма. Эти чувства усилились в Империи в 1681 году после оккупации французскими войсками без малейшего правового основания Страсбурга — вольного имперского города. Французы не получили отпора. Одна из причин — турки под стенами Вены. Только в Мадриде проявили неслыханную дерзость и в 1683 году объявили войну Франции. Но испанская армия была слишком слабой. Французские войска заняли Каталонию, ряд городов в Голландии, Люксембурге. Лувуа требовал безжалостного отношения к противнику, разрушения городов и сел. Такие же методы он применял и для расправы с Генуэзской республикой.

В Генуе строили для испанцев четыре галеры. Французский посланник Пиду де Сент-Олон заявил, что их выход в море в Версале расценят как враждебные Франции действия. Генуэзцы не испугались. Галеры они все-таки спустили на воду. Пиду де Сент-Олон уехал из Генуи⁷.

15 мая 1684 года Франция объявила войну Генуэзской республике. Через четыре дня корабли французской эскадры начали обстрел города, продолжавшийся 10 дней. 14 тысяч бомб упали на Геную, разрушив значительную часть ее строений. «По-видимому, столь суровое наказание научит генуэзцев мудрости и внушит страх всем принцам, имеющим крупные города на берегу моря»⁸. Слова Лувуа. Увы, применение силы он всю жизнь считал наиболее эффективным методом воздействия на международные отношения.

Городской совет Генуи послал в Версаль четырех своих членов для публичных извинений. Галеры, явившиеся причиной конфликта, были переданы французам. Однако мирный договор стороны подписали только 12 февраля 1685 года.

Во франко-испанской войне голландцы взяли на себя роль посредников. Переговоры не потребовали длительного времени, и 15 августа 1684 года в Регенсбурге (Бавария) представители Франции, Испании и Империи подписали перемирие на 20 лет. Французская дипломатия с полным основанием записала в свой актив это соглашение. Оно сохраняло за Францией все территории, «воссоединенные» с ней до 1 августа 1681 года; Страсбург и расположенный с противоположной стороны Рейна порт Кель;

Люксембург, Бомон, Бувин (в районе Динана). Людовик XIV получил разрушенные Куртрэ и Диксмюд в Западной Фландрии.

Иллюзорное перемирие, закрепившее временное равновесие сил. И только. Это прекрасно понимали и в Версале, и в Мадриде, и в Вене, и в Лондоне, и в Гааге. Никто и не думал устанавливать новые границы в соответствии с договоренностями в Регенсбурге. Король Франции стремился сохранить полную свободу рук для очередных военных авантур. Император Леопольд I и Вильгельм Оранский также рассматривали сложившуюся ситуацию как временную, неустойчивую.

И, тем не менее, 1684 год — «кульминация европейской политики Людовика XIV»⁹. Согласимся с этой оценкой историка Жоржа Дюби, члена Академии наук Франции. Французское королевство достигло своих максимальных размеров. Некоторые «воссоединенные» земли находились в нескольких километрах от Кобленца и Майнца. За исключением этих двух германских городов, Франция, располагавшая могучими крепостями, фактически господствовала над всем рейнским районом. Перемирие в Регенсбурге означало не более чем передышку, таившую новые кризисы и взрывы.

Разумеется, общая политическая ситуация в Европе отрицательно сказалась на франко-голландских отношениях. Но главным источником напряженности в Европе были преследования во Франции инакомыслящих — гугенотов. Ежедневно достоянием гласности становились все новые их жалобы, обращения к европейским монархам. Антифранцузские страсти в Соединенных провинциях искусно разжигались Вильгельмом Оранским и его окружением. Они предпринимали и ответные действия. В декабре 1682 года Фагель предложил Генеральным штатам организовать сбор пожертвований в помощь протестантам-эмигрантам из Франции. Такое решение было немедленно принято. Осложняли ли демонстрации «политического милосердия» и без того напряженные франко-голландские отношения? Безусловно.

Можно лишь удивляться личной смелости Аво, который в таких условиях выступил на заседании Генеральных штатов с изложением плана нормализации франко-испанских отношений. Людовик XIV предлагал прибегнуть к арбитражу английского короля. Он настаивал на присоединении к Франции Люксембурга (в любом состоянии — неопаленного войной или разрушенного). В Версале считали возможными и другие территориальные компенсации, например в Каталонии или Наварре¹⁰. Речь посла с изложением столь откровенно агрессивных намерений вызвала раздражение депутатов. Задача Аво была не из приятных.

Франко-испанские отношения Аво обсуждал и на личных встречах с правителями Амстердама. Он сообщил в Версаль (письмо от 31 декабря 1683 г.), что была достигнута договоренность по следующим вопросам: амстердамцы не дадут согласия на новый рекрутский набор, намечавшийся Вильгельмом Оранским; они будут добиваться от Испании соглашения с Францией; Людовик XIV обязуется не нападать на испанские Нидерланды. Через шесть дней (невероятные для тех времен темпы) из Версаля сообщили, что результаты переговоров посла в Амстердаме одобрены королем¹¹.

Известно, что инициатива наказуема. Мы, к сожалению, привыкли к этому. Но было бы наивным полагать, что открытие столь замечательного принципа является достижением современной эпохи. Отнюдь. Смелых и изобретательных людей во все времена стремились осудить и наказать. Пример — Аво.

16 февраля 1684 года в одиннадцать часов утра Вильгельм Оранский неожиданно прибыл на заседание Генеральных штатов. Его поведение было совершенно необычным. Он приказал закрыть все двери. Никто не мог ни войти, ни выйти из зала, где собрались парламентарии. Затем он потребовал от членов парламента и даже от привратников дать клятву, что они сохраняют в тайне все, что услышат. Штатгальтер сообщил, что прибыл в качестве правителя (такое сообщение было сделано им впервые со времени назначения), чтобы сделать важное заявление. По его словам, среди присутствовавших имелись подозрительные лица. Он потребовал, чтобы они покинули зал. Вильгельм Оранский

назвал городского голову Амстердама и одного из амстердамских пенсионариев. Они вышли в соседнюю комнату. Обстановка для политического спектакля была подготовлена.

Мастерски выдержав паузу, штатгальтер заявил, что оба названных им представителя Амстердама находились в преступном сговоре с французским послом. После этого он прочитал перехваченные за пять недель до этого и почти полностью расшифрованные письма Аво. Фагель их критически прокомментировал. Началось обсуждение. Представители семи городов высказались за заключение в тюрьму двух депутатов Амстердама и предание их суду. Обвиняемые вошли в зал и подтвердили, что они были у Аво, но не по решению городских властей, а по собственной инициативе. Штатгальтер настаивал на наказании амстердамцев, как преступников; но они перешли в наступление и обвинили Вильгельма Оранского в провоцировании войны между Испанией и Францией, в отправке войск на испанские территории. Спорили долго. Решили собраться на следующий день утром, а бумаги парламентариев — их переписку, различные документы — опечатать. Дело принимало нежелательный оборот для всех делегатов Генеральных штатов от 18 городов. Они собирались не менее четырех раз в год, не считая чрезвычайных заседаний. Бумаг скапливалось много, и в таких неожиданных обстоятельствах кто мог сообразить, не было ли среди них компрометирующих, опасных?

В полночь депутаты Амстердама тайно уехали в родной город. Всю ночь они провели в пути. Прибыли домой рано утром и сразу собрали городской совет. Решили послать письма и в другие города страны с целью рассказать о провокационном поведении Вильгельма Оранского. Началась политическая битва.

Сторонники Оранского твердили: амстердамцы продались Людовику XIV, а мудрый и бдительный штатгальтер раскрыл их заговор. Захваченные письма Аво распечатали на голландском, французском и немецком языках. Со своей стороны, посол короля направил объяснительную записку Генеральным штатам и сделал многочисленные поправки к переводам своих донесений. Не молчали и амстердамцы. Они опубликовали содержание переговоров с Аво, высказали критические замечания в адрес Вильгельма Оранского. В Гаагу делегаты Амстердама не поехали. Стали достоянием гласности и прения на заседании Генеральных штатов 16 февраля. Контрудар: том материалов против амстердамцев, подготовленный и опубликованный в кратчайшие сроки. Они ответили «по-своему»: судебный исполнитель сжег провокационное издание¹².

Несомненно, провокация была задумана Вильгельмом Оранским и его людьми с размахом. Удалась ли она? Трудно дать однозначный ответ. Профранцузские круги в Амстердаме были ослаблены. Расслоение общественного мнения в Соединенных провинциях усилилось. У штатгальтера появились новые возможности для набора солдат, военных приготовлений. Вместе с тем амстердамцы показали себя сторонниками мира и равноправных переговоров. Мира, переговоров хотели и в Версале, временно, разумеется, пока не собрались с силами.

Людовик XIV писал своему послу в Гааге, что он должен поддерживать «господ из Амстердама», так как их намерения совпадали с интересами королевства. Аво поручалось выразить удовлетворение «мудростью и твердостью» амстердамцев, стремившихся сохранить мир. Король не постеснялся сформулировать их задачи: «свалить» Фагеля и ограничить власть Вильгельма Оранского. За столь решительные действия предлагалась и высокая награда: содействие торговле во Франции амстердамских коммерсантов.

В Амстердаме новости из Версаля были встречены городским советом с энтузиазмом. Пенсионарий Хоп от имени правителей города поблагодарил короля за его обещания. Получив эти сведения, Людовик XIV сделал еще один шаг к сближению с оппозицией Вильгельму Оранскому: 3 августа 1684 года он предложил, чтобы Аво или Хоп (уже в качестве нового посла Соединенных провинций в Париже!) подготовили программу развития франко-голландских торговых отношений¹³.

Итак, действия Аво получили высочайшее одобрение. Человек энергичный и смелый, он вступил в очередные, весьма опасные переговоры, фактически равнозначные вмешательству во внутренние дела иностранного государства. Основная цель посла: заключение франко-голландского союза, но не со штатгальтером, а с республиканским режимом. Своим амстердамским друзьям Аво предложил восстановить республиканские органы власти в провинциях Оверэйсел, Гальдерн, Утрехт, Голландия. Голландцы должны стать «хозяевами своего правительства», а для этого необходимо вывести из его состава Фагеля. И в этом деле «господа из Амстердама» получают «полную поддержку» со стороны Франции. Фактически Аво задумал государственный переворот¹⁴.

Но не следует обвинять посла в отсутствии реализма. Он отдавал себе отчет в тех препятствиях, которые неизбежно встанут на пути осуществления плана. Среди четырех правителей Амстердама первым бургомистром являлся Ван-Бунинг, «абсолютно враждебный союзу с Францией». Он противостоял в городском совете 17 остальным членам. И все-таки Ван-Бунинг сорвал восстановление республиканских правительств в Утрехте и в нескольких других провинциях, не допустил обсуждения этого вопроса Генеральными штатами.

Позиции амстердамской оппозиции Аво считал слабыми. В ее рядах начался раскол. Хоп сблизился с Ван-Бунингом. «Недостаток мужества проявлялся и у других», — писал Аво. И продолжал, что в случае заключения союза между Карлом II Стюартом и Вильгельмом III Оранским немногие влиятельные лица в Амстердаме окажут им сопротивление. Людовик XIV считал, что его посол должен был всеми доступными средствами помешать заключению союзного договора между Англией и Голландией. Переговоры шли уже давно. О них говорилось в секретных донесениях послов Генеральных штатов, копии которых Аво направил в Версаль и французскому послу в Лондоне Барийону. Сам Аво постоянно, настойчиво раскрывал правителям Амстердама те бесчисленные опасности, которые таились для них в англо-голландском сотрудничестве.

Вильгельм Оранский проявлял удивительное терпение. Видимо, он считал несвоевременным объявление персоной нон грата французского посла, открыто нарушавшего общепринятые дипломатические нормы. Но, тем не менее, штатгальтер заявил, что его друзья не должны проявлять в отношении Аво хотя бы «малейшую вежливость». Придворные, государственные чиновники немедленно отвернулись от посла. Открыто встречались с ним только амстердамцы: торговые интересы слишком тесно связывали их с Францией¹⁵.

Изменилась и обстановка в Англии. В 1685 году умер Карл II. Людовик XIV был должен ему 1335 тысяч ливров. Всего покойный монарх получил за три последних года своей жизни 5 миллионов ливров. Его наследник Яков II встал на тот же преступный путь коррупции. По словам английского историка Маколея, новый король был рабом Франции, но рабом недовольным¹⁶. Тем не менее уже через год деньги сделали свое дело: был подписан англо-французский договор о взаимном нейтралитете в Америке.

В Версале опасались перемен во внешней политике Якова II. «Всегда наблюдайте за намерениями короля в отношении принца Оранского, знайте, ведутся ли переговоры о новом союзе между королем и Генеральными штатами»¹⁷. Это письмо Людовика, датированное августом 1685 года, определяло тактику французского посла в Лондоне Барийона.

Карл II стремился успокоить французский двор. Он неоднократно беседовал с Барийоном, говорил послу: «Я хочу думать только о том, чтобы утвердить мою власть и обеспечить безопасность для католической религии. Не следует таким образом полагать, что я осуществлю какие-либо меры, способные нарушить покой христианства и помешать успеху моих намерений»¹⁸.

Как же укреплял Яков II позиции католицизма в Англии? Он назначил на командные посты в армии офицеров-католиков и изгнал многих офицеров-протестантов. Управляя протестантской страной, король принимал иезуитов и даже папского нунция,

публично призывал английских солдат к отказу от протестантской веры и переходу в католичество, сажал в тюрьмы протестантских епископов, уволил епископа Лондона. Фактически Яков II выступал в незавидной роли слуги Людовика XIV, получающего от него жалованье.

Однако в Версале политикой английского короля были недовольны. В письме Людовика XIV послу в Лондоне отмечалось, что попытки двора Якова II «ниспровергнуть все законы Англии с целью добиться поставленной задачи трудно осуществимы»¹⁹. Необычный для французской дипломатии подход! Видимо, ее многочисленные просчеты на этот раз вынуждали мыслить трезво.

Любая попытка перемен в «треугольнике» Англия — Франция — Соединенные провинции немедленно сказывалась на каждой из сторон. Напряженность во франко-голландских отношениях резко возросла осенью 1685 года в связи с отменой Людовиком XIV Нантского эдикта (подробно об этом рассказывается в следующей главе) и преследованиями во Франции протестантов. Фогель выступил по этому вопросу на заседании Генеральных штатов. Он обрушился на французские власти, не выполнявшие условия торгового договора, в соответствии с которым голландцы, даже в случае войны, могли в течение девяти месяцев решать вопросы продажи своего имущества и возвращения на родину.

Широкое распространение в Голландии получило письмо амстердамцев, торговавших с Францией, адресованное бургомистрам Амстердама. Авторы сообщали не только о преследованиях французов-протестантов, но и о притеснениях голландских граждан и членов их семей, родившихся в Нидерландах. От уехавших из Франции требовали, чтобы они вернулись в течение нескольких дней под угрозами штрафа в 3 тысячи ливров, разрушения дома, конфискации имущества.

Обстановка в Соединенных провинциях накалилась. Аво сообщал, что притеснения гугенотов во Франции вынуждали бургомистров Амстердама «примириться с принцем Оранским». Ряды голландских сторонников Франции быстро таяли. Они боялись, что их объявят «друзьями французов», и поэтому избегали контактов с послом. Однако влиятельные амстердамцы встретились в декабре 1685 года с Аво. Они заявили, что гонения на гугенотов изменили многое. Политическая обстановка в Нидерландах стала неблагоприятной для Франции.

Сложившиеся условия умело использовали штатгальтер и его окружение. Они не только возбуждали у местного населения неприязнь ко всему французскому. Вильгельм Оранский брал к себе на службу офицеров-гугенотов. Он установил им высокие оклады: 1800 ливров в год — полковнику, 1300 — подполковнику, 1100 ливров — майору, 900 ливров — капитану, 500 ливров — лейтенанту. (5 голландских ливров были равны 6 французским.) Каковы цели «благотворительной кампании» штатгальтера? Ответ на этот вопрос дает текст присяги французских офицеров, поступивших на голландскую службу. Присяга обязывала сражаться повсюду, куда бы ни послало командование, и против любого противника без исключения²⁰.

А противник Вильгельма Оранского вырисовывался все более определенно — Яков II. Аво своевременно начал подавать сигналы тревоги. «В Англии заснули»²¹, — писал посол Людовику XIV 20 августа 1688 года. 2 сентября он подвел итоги своих наблюдений: «Состояние умов в настоящее время таково, что большая часть населения провинции Голландии хочет войны. Одни потому, что они за принца Оранского, другие — по религиозным причинам, третьи — в силу своих торговых интересов». Сообщив эти сведения из Гааги Барийону, Людовик XIV считал, что действия флота и войск Оранского против Англии «означали нарушение мира и открытый разрыв» с Францией²².

Тревожные ноты звучали и в других письмах, направленных из Версаля в Лондон в сентябре 1688 года. Король подчеркивал, что двор Карла II словно не ощущал нависшей над ним опасности. Не слепы и не глухи ли министры британского монарха? Ведь Вильгельм Оранский решил вступить на землю Англии с находившимися у него на

службе английскими солдатами и со своим гвардейским полком под лозунгами защиты протестантской религии, законов и конституции страны. Людовик повторил предостережения: в Лондоне впали в «своего рода летаргию», там «рассматривают как химеру самый опасный заговор, о котором когда-либо шла речь»²³.

Аво почти ежедневно сообщал королю, Круасси, Лувуа, Барийону все новые тревожные сведения. Информация была подробной. Построен лагерь для 20 тысяч человек. Штатгальтер намерен набрать дополнительно 7 тысяч солдат, 9 тысяч матросов. Он уже оплатил наемников: 12 тысяч брандербуржцев, 6 тысяч саксонцев. К выходу в море готовились все новые корабли. Посол приводил данные о численности моряков, их вооружении, снаряжении, запасах продовольствия. 14 сентября 1688 года Аво сообщил: у штатгальтера 70 военных кораблей и 500 различных вспомогательных судов. Через четыре дня он писал, что «принято решение высадить десант в Англии с личным участием принца Оранского». Названо было и время вторжения — октябрь 1688 года. Посол предложил ввести французские войска в Соединенные провинции. Он считал, что перед объединенным англо-французским флотом штатгальтер не осмелится «осуществить свое предприятие»²⁴.

Странные, труднообъяснимые отношения существовали между королями Англии и Франции. Людовик XIV решил объединить два своих флота: океанский и средиземноморский и послать их на помощь англичанам. Яков II ответил, что не нуждается в содействии. Противоречия нарастали. 9 сентября Людовик XIV заявил, что первый же пушечный выстрел голландцев по англичанам он будет рассматривать как враждебный в отношении Франции акт и немедленно объявит войну Соединенным провинциям²⁵.

Казалось, решительная французская позиция была спасительной для Великобритании. Но Яков II и его министры думали иначе. Одновременно и в Лондоне, и в Гааге заявление Людовика XIV было дезавуировано. Более того, английского посла отозвали из Парижа и арестовали. Через несколько дней после этого события французские войска атаковали город Филипсбург в Баден-Вюртемберге, важный стратегический пункт, находившийся на севере от Карлсруэ. Какова же была реакция британского монарха? Он заявил, что перемирие, подписанное в 1684 году в Регенсбурге, нарушено и Англия готова объединиться с Соединенными провинциями и Испанией, чтобы выполнить их общие обязательства перед Европой. Поведение союзника или — в лучшем случае — нейтрала? Нет, скорее противника.

В Лондоне не хотели сражаться. Наоборот, усиленно искали соглашения с Вильгельмом Оранским. 3 октября Яков II сообщил в Гаагу, что он не имеет союзных отношений с Людовиком XIV и предлагает голландцам «вступить в тесный союз», действуя совместно и решительно, вплоть до немедленного объявления войны Франции. Английский посол в Гааге созвал делегатов Генеральных штатов и предложил им создать лигу для совместных военных действий против французов. «Такие методы английского короля вызывают и сожаление, и негодование. Впрочем, они не остановят предприятие принца Оранского»²⁶. Справедливая оценка Аво.

Выбора у французской дипломатии фактически не было. Франция не объявила войну Соединенным провинциям. Однако пресловутую галльскую гордость пришлось спрятать в карман. Самолюбивый Людовик XIV в своем письме в Лондон сделал приписку, из которой следовало, что Яков II (несмотря на колебания и нелояльные в отношении Франции действия) мог рассчитывать на помощь французских кораблей, находившихся в наиболее близких к Англии портах. В Версале были реалистами: престиж престижем, а интересы интересами.

В Лондоне и на этот раз пренебрегли возможностью реальной помощи со стороны Франции. Более того, 7 октября Яков II обратился к Людовику с просьбой прекратить какие-либо действия против Голландии. Вместе с тем он просил 300 тысяч ливров для покрытия расходов на оборону. Невероятно, но деньги французы дали. Последовала новая просьба. И опять в Версале раскошелились.

1 ноября Людовик XIV предложил атаковать Вильгельма Оранского «как можно скорее, чтобы не дать ему времени для привлечения на свою сторону народа и армии (в Англии, разумеется. — Ю. Б)». Яков II находился в состоянии болезненной, пагубной нерешительности. Он упорно, словно убеждая самого себя, вновь и вновь ставил вопрос: готовы ли французы объявить войну голландцам? Ответ Людовика XIV не вызывал сомнений: «Я это сделаю немедленно». Но, увы, не хватало главного — готовности самих англичан к боевым действиям. «Удивительно, что в то время, когда Генеральные штаты готовят свои корабли, свои войска, свои пушки и снаряжение, чтобы напасть на короля Англии, он все еще не осмеливается объявить им войну, считая голландцев сумасшедшими»²⁷. Эта политика самоубийства не имела никаких разумных оправданий.

...В начале ноября 1688 года Вильгельм Оранский высадился со своими войсками в Торбее — одной из гаваней в юго-западной Англии. Среди 15 200 солдат были голландцы, немцы, итальянцы, французы-протестанты (556 пехотных офицеров и 180 кавалеристов). 8 ноября армия штатгальтера вошла в город Экзетер и оттуда двинулась на Лондон.

Государственный переворот был бескровным. Королевские войска не оказали никакого сопротивления вторжению. Главнокомандующий Джон Черчилль (впоследствии герцог Мальборо), министры, члены королевской семьи перешли на сторону Вильгельма Оранского. Вначале он был провозглашен регентом королевства, а в конце января 1689 года парламент — конвент, специально созданный для замещения «вакантной» верховной власти, — избрал Вильгельма III Оранского вместе с его женой Марией II Стюарт на престол Великобритании.

Яков II потерял все. Армия и нация отвернулись от короля-католика, лишённого государственной мудрости и воинского таланта. Королева бежала из Лондона ночью с 19 на 20 декабря, Яков II — через день, 21-го. Его задержали, вернули в столицу, но Вильгельм Оранский разрешил ему покинуть пределы Англии. Опрометчивый шаг? Нет, с арестом свергнутого короля, по всей вероятности, было бы больше трудностей и неприятностей. Казни королей и царей никому, нигде и никогда не давали ни политического выигрыша, ни моральных преимуществ.

Французский двор встретил короля, лишившегося трона, как родного. Он получил от Людовика 50 тысяч экю единовременно и по 50 тысяч франков ежемесячно. В чем не откажешь французскому монарху, так это в политической твердолобости. Он все еще рассчитывал использовать ограниченного и безвольного Якова II в своих интересах. Это стоило дорого. И как покажут дальнейшие события, деньги на содержание свергнутой королевской семьи были истрачены французской казной бесполезно.

Всегда ли хороша твердость во взглядах? Она полезна только в том случае, если не превращается в самонадеянное и бессмысленное упрямство. Именно таким упрямством и отличался Людовик XIV. В феврале 1689 года он отправил из Сен-Жермен-ан-Ле Якова II в Брест, откуда французская эскадра направилась в Ирландию. Советником у экс-монарха, представлявшим одновременно и Лувуа, и Круасси, был Аво. Он распоряжался деньгами. Расходы предстояли огромные. 40—50 тысяч человек, именуемых ирландской армией, представляли собой голодную, полуголодную, разутую толпу фанатично настроенных людей, потрясавших палками вместо ружий. Аво и французские генералы советовали Якову II оставить 20 тысяч пехотинцев, 3 тысячи кавалеристов, 2 тысячи драгун, а всех остальных отправить по домам. Свергнутый король не принял разумное предложение. И вместо армии получил несколько банд без опыта, без выучки, без оружия. «Он старается утаить от самого себя все, что может доставить ему огорчение»²⁸. Меткое замечание Аво. Разве с такими настроениями можно выиграть войну?

Активных военных действий Яков II так и не предпринял. «Потеря времени будет стоить ему Ирландии, и это после того, как благодаря своим собственным ошибкам он уже потерял Англию и Шотландию». Так оценил ситуацию Лувуа, которому не откажешь в реализме и знании военного дела.

Поражение экспедиции, не имевшей энергичного и способного лидера, стало неизбежным. Яков II не обладал ни властью, ни авторитетом. Аво писал Людовику XIV: «Король Англии (посол сохранял почтительность к экс-монарху. — Ю. Б.) больше не пользуется любовью народа Ирландии, еще недавно готового всем пожертвовать ради него. И я осмелюсь сказать Вашему Величеству, что он столь мало уважаем всеми своими приближенными, что только собственные интересы вынуждают их действовать»²⁹.

«Смертный приговор» бесхарактерному и неумному человеку. Судья — Аво. Дата документа — 19 августа 1689 года.

И опять возвращение короля-неудачника — на этот раз окончательное — в неизменно гостеприимный дворец Сен-Жермен-ан-Ле.

13

«Ошибка века»

Так оценил писатель и критик Шарль Сент-Бёф отмену Людовиком XIV одним росчерком пера 18 октября 1685 года Нантского эдикта его деда — Генриха IV.

...Вспоминаю, как стоял во дворе крепости Нанта перед мемориальной доской, напоминавшей об историческом дне, когда король, трагически погибший от кинжала убийцы, предоставил гугенотам свободу вероисповедания и богослужения на всей территории Франции (кроме Парижа и некоторых других городов). Закончились кровавые религиозные войны, продолжавшиеся 32 года.

От Генриха IV протестанты получили и политические права. Наравне с католиками они могли занимать государственные должности. Не запрещалось им иметь свои войска. В руках «еретиков» оставалось около 200 замков и крепостей. Считали, что вулкан религиозных страстей угас. Так лишь казалось. В глубине он продолжал бурлить. Притеснения протестантской церкви не прекращались во Франции. Ересь неоднократно осуждалась Людовиком XIV. Уже на своей коронации он говорил о необходимости ее «выкорчевать». Такие заявления не помешали королю в 1661 году подтвердить Нантский эдикт. Это был тактический шаг с целью усыпить общественное мнение в протестантском мире. В своих «Мемуарах» Людовик XIV откровенно писал: «Я поставил себе задачу упразднить Нантский эдикт, чтобы оставить протестантам как можно меньше прав»¹.

Король ставил вопрос: что нужно сделать, чтобы уменьшить число гугенотов во Франции? И отвечал: «Не оказывать на них совершенно никакого давления новыми строгостями, сохранять те права, которые они получили при предшествующих царствованиях. Но в то же время не предоставлять им ничего сверх этого и осуществлять их права в самых узких рамках, разрешенных правосудием и приличиями»². Король работал на историю. Но на практике он ушел от своих принципов.

Уже в августе 1662 года Государственный совет запретил похороны протестантов при дневном свете. В погребении «еретика», если публичное протестантское богослужение в данном районе было разрешено, могли участвовать не более 30 человек, включая семью усопшего. Дети — девочки с 12 лет и мальчики с 14 — могли обратиться к властям, даже против воли родителей, с просьбой о переходе в католичество. Протестантские школы открывались только там, где проводились публичные службы. Программа обучения скромно предусматривала чтение, письмо, счет. В школе преподавал один учитель, независимо от числа учеников.

Особенно преследовали власти пасторов. Их наказывали большими штрафами и даже изгоняли из страны. Пастор не имел права служить в одном приходе более трех лет и мог проводить богослужения только при наличии не менее 10 протестантских семей. Если священник благословлял смешанный брак, то храм разрушали. Браки протестантов с католиками запрещались. Их детей объявляли незаконнорожденными и лишали права наследования.

После завершения переговоров в Нимвегене наступила почти десятилетняя мирная передышка, позволившая Людовику XIV и его министрам вплотную заняться религиозными делами. Результаты оказались впечатляющими. С 1679 по 1685 год во Франции приняли 85 постановлений, дискриминирующих протестантов. Их богослужения власти не запретили, но разрушали церкви, изгоняли протестантов с государственной службы, ввели для них многочисленные профессиональные запреты. Канцлер ле Телье настоял, например, на том, чтобы Кольбер отстранил гугенотов от работы в финансовом ведомстве³.

Уже немного времени оставалось до подписания королем рокового документа. Но все новые удары, один тяжелее другого, наносились по невинным людям. Протестантам запретили занимать должности при дворе, выполнять обязанности судей, прокуроров, нотариусов, судебных исполнителей, адвокатов, врачей, наборщиков, книготорговцев.

И, тем не менее, решающая схватка для абсолютистского режима представляла огромные трудности. Идейные противники у католической церкви были многочисленными. К началу царствования Людовика XIV во Франции насчитывалось 1—1,5 миллиона гугенотов. Они имели 630 церквей, в которых служили 736 пасторов⁴. Есть и другие, несколько отличные цифры. Впрочем, это естественно: слишком уж несовершенна статистика XVII века. Согласно сведениям, приведенным А. Н. Савиным, гугенотов во Франции насчитывалось 1—2 миллиона человек, а обратились в католичество — 750 тысяч — 1 миллион⁵. Это, несомненно, завышенные официальные данные: чиновники выслуживались перед королем и его министрами. К сожалению, проверить статистические материалы эпохи практически невозможно.

Где расселились протестанты? В Нормандии проживали около 60 тысяч человек, в таких областях, как Сентонж (юг департамента Альп-Маритим) — 100 тысяч, Пуату — 90 тысяч, в Гиене — 100 тысяч, в Лангедоке — 88 тысяч, в Виваре (современный департамент Ардеш) — 48 тысяч, в Дофине — 83 тысячи. Католическое население относилось к протестантам враждебно. Для простого католика протестант был еретиком: он не признавал святых, их образы и реликвии; заменил святую мессу на латыни богослужением на простонародном языке. К «идейным» разногласиям примешивались и острые мотивы социального неравенства. На юге, например, нередко протестанты были богатыми людьми, а католики — бедными⁶.

Итак, и с политической, и с социальной, и с территориально-географической точек зрения новая религиозная война с гугенотами отнюдь не могла рассматриваться в Версале как молниеносный крестовый поход.

По каким же мотивам Людовик XIV решил на отмену Нантского эдикта? Одна вера, один закон, один король. Вот в чем суть безжалостной войны против гугенотов. Ее главная цель — укрепление абсолютистского государства, личной власти монарха, попытавшегося использовать в своих целях благоприятную международную обстановку. На пагубный путь уничтожения «ереси» короля толкали духовенство, значительная часть дворянства. Влияние — постоянное и упорное — на него оказывал духовник-иезуит. Людовик испытывал болезненное недоверие к протестантским приходам, как к маленьким мятежным республикам.

Во Франции с 1598 года существование двух религий освящал закон. Подобного положения не было ни в одной европейской стране. Ассамблеи французского духовенства, собиравшиеся один раз в пять лет, выступали против «свободы совести» и протестантских церквей — «очагов сатаны». Эти церковные форумы и выдвинули программу борьбы против «ереси»: запрет гугенотам занимать общественные должности; разрушение вновь построенных церквей; закрытие больниц и коллежей, содержавшихся на средства протестантов и руководимых ими; ограничение преподавания в школах чтением, письмом и счетом; признание смешанных браков недействительными; уплата пасторами тальи; лишение еретиков права держать гостиницы, таверны⁷.

После подписания мира в Нимвегене католические круги во Франции сочли путь к ликвидации протестантизма в стране открытым. А в 1682 году ассамблея французского

духовенства направила протестантам «Пасторское предостережение»: «Вас ждут беды несравненно более ужасные и пагубные, чем все те, которые вы уже навлекли на себя до сих пор вашим бунтом и расколом церкви»⁸. Слова — не добрых слуг господ, а скорее палачей-инквизиторов, сулящих своей жертве неизбежную и близкую гибель.

Отдавали ли себе отчет в Версале в том, что массовые преследования гугенотов во Франции непосредственно скажутся на ее международных позициях? Безусловно. Именно соображения внешней политики долгое время мешали Людр-вику XIV объявить войну «ереси». Он, как Ришелье и Мазари-ни, считал своим «наследственным» врагом дом Габсбургов. Для борьбы с ним французской дипломатии необходим был союз с протестантскими государствами. Отсюда — осторожность, выбор подходящего времени для решительного наступления на протестантизм и его последователей во Франции.

В 80-х годах позиции Франции в Европе окрепли. Но и положение Империи изменилось. Разгромив турок под Веной в 1683 году, император Леопольд I стал лидером христианства. В Версале не могли примириться с этим. Законы политической борьбы требовали ответного шага. У французского короля имелись свои козыри. Уничтожая корабли морских пиратов, например, французские моряки освобождали христиан из рабства, из плена. Но этого было мало для укрепления международного престижа Людовика XIV. Он рассчитывал, что разгром протестантов во Франции будет высоко оценен Ватиканом и всем католическим миром.

Кто же толкал короля на опасный путь религиозной войны? Канцлер ле Телье, его сын — государственный секретарь по военным делам Лувуа, архиепископ Парижа Арлей де Шампваллон, духовник короля. Многие современники событий и историки возлагают прямую ответственность за религиозную политику Людовика XIV на фактическую жену короля — Франсуазу де Ментенон (ей посвящена глава книги). И не без оснований. Другие утверждают, что хотя она знала о намерениях Людовика XIV в отношении гугенотов, но не одобряла репрессий, призывала к терпимости. Из писем Ментенон следует, что с ней не консультировались об отмене эдикта, хотя она и оказывала большое влияние на короля. «Она терпит эти гонения... Но она в них не участвует: это несомненный факт»⁹. Источник достоверный — Вольтер.

Историк Франсуаза Шандернагор утверждает, что Ментенон была настроена против применения крутых мер в отношении гугенотов. «Неформальная королева» выступала за создание «Кассы обращенных» (протестантов, перешедших в католичество), из которых каждый, вставший на путь «истинной веры», мог получить денежное пособие.

Из влиятельных людей королевства Кольбер выступал против отмены Нантского эдикта. Ментенон упрекала его за то, что «он думает только о финансах и никогда о религии». Но не религиозными мотивами объяснялась позиция генерального контролера. Он хорошо знал, что среди протестантов много было людей богатых и их политическое влияние значительно превосходило их численность. Это были банкиры из Руана и Лиона, коммерсанты, действовавшие в огромном районе от Дюнкерка до Байонны, преуспевавшие предприниматели. В некоторых торговых компаниях (например, стран Севера) всеми делами заправляли протестанты из Парижа, Ларошели. Преследования деловых людей, тем более их разорение и изгнание неизбежно должны были негативно сказаться на состоянии экономики как отдельных регионов, так и страны в целом. К религиозным проблемам Кольбер подходил прежде всего с учетом национальных интересов. Но к концу жизни его влияние упало. В 1683 году генеральный контролер финансов умер. А события показали, что он был прав.

Утром в пятницу, 18 октября 1685 года, канцлер ле Телье скрепил печатью «эдикт Фонтенбло». В понедельник вся Франция должна была узнать о решении короля. С этой целью государственные секретари отправили курьеров в свои департаменты.

«Один король — одна вера». Под этим лозунгом после отмены Нантского эдикта начались преследования гугенотов: изгонялись протестантские пасторы, вместе с тем обращенным в «истинную веру» запрещалось покидать страну под страхом ссылки на

галеры; закрывались школы «еретиков», разрушались их сохранившиеся храмы; запрещалось крещение детей беженцев. Гугеноты, прибывшие в Париж в течение года, обязаны были немедленно покинуть город. А тем из них, кто ранее выехал за пределы французской территории, давалось четыре месяца для возвращения во Францию под страхом конфискации имущества.

Одной из наиболее жестких форм преследования гугенотов были так называемые «драгоннады». Идея проста до примитивности: с благословения Лувуа драгун ставили на постой в крестьянских и городских домах. Немного времени требовалось, чтобы грубая солдатская сила произвела необходимый «переворот» в мировоззрении отдельного протестанта или протестантской семьи, и они, оказав более или менее длительное сопротивление, соглашались на переход в католическую веру.

Впервые настойчиво потребовал «драгоннад» интендант Беарна по имени Фуко. Угрожая применением оружия, раздавая деньги и освобождая свои жертвы от тальи, ретивый слуга Его Величества за несколько недель вынудил 22 тысячи гугенотов обратиться в католичество. Инициативу Фуко поддержали в Версале. 31 июля 1685 года Лувуа приказал разместить солдат в протестантских семьях на юге страны. Интендант Лангедока Дагессо попытался воспротивиться приходу солдатни. Его заменили и прислали драгун. В итоге к началу осени 1685 года, всего за несколько месяцев после принятия «эдикта Фонтенбло», в католическую веру обратились протестанты Тулузы, Бордо, Пуатье, Ларошели, Монпелье. В октябре за ними последовали Марсель, Обюссон, Руан, Луден¹⁰.

«Драгоннады» оказались эффективным орудием властей и церкви. Солдаты-католики издевались над протестантами, пытали их, насиловали женщин, грабили имущество. Преследовали и одиночек, и целые семьи. Один пример. В Бретани жила богатая и родовитая семья Монбурше. Ее глава маркиз де Бордаш имел 50 тысяч ливров дохода. Маркиз и его родственники решили покинуть Францию. За ними устроили настоящую погоню. «Охотниками» стали крестьяне пограничных деревень. Всех беглецов переловили. Отец и двое детей обратились в католичество. Только мать, даже в заключении, оставалась верна своим убеждениям.

Лувуа свирепствовал. Он лично показывал пример католического рвения. Государственный секретарь командовал расправой над гугенотами в своих собственных владениях — в Барбезье, под Парижем. По приказу Лувуа в Ларошели разрушили дома, покинутые протестантами. Министр давил на генералов: скорее, король ждет.

Однако некоторые служители церкви не мирились с «драгоннадами». Кардинал Камю в Гренобле и кардинал Куален в Орлеане добились вывода войск из своих епархий.

Ордонанс короля от 7 июля 1686 года установил вознаграждение в тысячу ливров за разоблачение «еретика», решившего покинуть Францию без официального разрешения. Но никакая сила не могла остановить беглецов. Они прятались на судах под тюками, в трюмах, в пустых бочках, уплывали на лодках. Многие попадали в руки пиратов, продававших пленников в рабство. 2224 протестанта были отправлены на галеры.

В организации жестоких гонений больше всех обвиняли Лувуа. Обвиняли правильно. Но главным виновником попрания прав и свобод человека был Людовик XIV, нарушивший слово своего деда Генриха IV. По приказу короля строптивых гугенотов бросали в тюрьмы, посылали умирать на галеры. Арестовывали и тех, кто «слишком часто» посещал посольства протестантских государств. Без бумаги о «благонадежности», выдаваемой кюре, нельзя было занимать даже скромные муниципальные должности.

Были ли исключения из правил? Да, были. В иностранных полках — германских и швейцарских — протестантские богослужения не подвергались никаким ограничениям. Такова была официальная позиция. Даже после отмены На-нтского эдикта власти не пытались обращать французских солдат-протестантов в католичество: в Версале боялись массового дезертирства. Армия оставалась последним пристанищем «еретиков».

Простил король «ересь» и некоторым своим военачальникам и дипломатам. Среди них маршал Шомберг и адмирал Дюкен.

Фридрих Шомберг относился к категории вечно нуждавшихся, людей. Он верил сам и неустанно пытался убедить других в том, что его незаслуженно обделяют славой и, прежде всего, деньгами. После одного из сражений Шомберг просил подарить ему четыре пушки для замка, купленного на деньги короля. Пушки маршалу дали. Но на этом он не успокоился и потребовал «в дар» конфискованное во Франции имущество, принадлежавшее лейтенанту Вильгельма Оранского, умершему от ран, полученных при осаде Маастрихта. Людовик XIV согласился. Затем Шомберг хотел занять пост губернатора в Гиене, вакантный после смерти маршала Альбре. Но это было уже слишком. Последовал решительный королевский отказ.

Бурной была биография этого кондотьера XVII века. Воевал в Португалии во имя интересов английского и французского королей. Умер Тюренн, и Шомберг получил в 1675 году жезл маршала Франции. После отмены Нантского эдикта он с согласия короля переехал со своей семьей в Португалию. Затем по морю направился в Голландию, потом перебрался в Пруссию и уже оттуда прибыл к Вильгельму Оранскому. «Король был крайне раздражен, узнав, что Шомберг находится на службе у его врагов», — замечает Сен-Симон. Погиб Шомберг 25 июня 1690 года в Ирландии, сражаясь с войсками Якова II. Маршалу было уже 75 лет ¹¹.

Адмиралу Абрахаму Дюкену Людовик XIV в виде особого исключения разрешил остаться в Париже или в его личных владениях при условии, что он не будет делать публичных заявлений о своей приверженности протестантской вере. Это, несомненно, была уступка со стороны монарха. Но и заслуги Дюкена можно считать исключительными. Сын торговца из Дьеппа разгромил английский флот у берегов Сицилии, громил пиратов в Средиземном море, подверг бомбардировке Алжир и Геную — союзников Испании.

Адмиралу исполнилось 75 лет. Король отправил его в отставку с сохранением званий, титулов и, что особенно важно, пенсии. Вслед за отцом и сын Дюкена Анри не отрекся от протестантской веры. Он купил за 138 тысяч ливров земли в швейцарском кантоне Во и получил разрешение Людовика XIV на поселение в Швейцарии. В этой сухопутной стране Анри стал адмиралом. Правда, воевать сыну, в отличие от отца, пришлось не в Атлантическом океане, не в Средиземном море, а на скромном озере Леман, защищая Женеву от войск герцога Савойского ¹².

Абрахам Дюкен скончался 1 февраля 1688 года. Прошла неделя, и все королевские заверения оказались забытыми. К маркизе Дюкен явился шеф уголовной полиции Никола де ла Рейни и потребовал, чтобы вся ее семья перешла в католическую веру. Вдова ответила, что она католичка по рождению, но протестантка по мужу. На следующий день было принято решение о конфискации всего ее движимого и недвижимого имущества. В доме разместили солдат, которых маркиза должна была кормить за свой счет. Анри уговорил мать спасти себя, дав согласие на переход в католичество. Женщина, оказавшаяся в безвыходном положении, подчинилась. Интендант проявил в отношении мадам Дюкен «всю возможную вежливость». Такова невысокая цена порядочности и гуманности Людовика XIV и его окружения.

Что принесла Франции «ошибка века», совершенная королем и его министрами? «Эдикт Фонтенбло» не только не содействовал единству страны, а, наоборот, привел к гражданской войне, к восстанию гугенотов-камизаров в Севеннах. Оно было массовым и продолжительным (1702—1705 гг.).

Огромный ущерб религиозные преследования нанесли финансам Франции. Изгнанники вывезли за границу астрономическую сумму — 60 миллионов ливров. Страна лишилась богатых промышленников и торговцев, опытных ремесленников и рабочих.

Большой урон понесла экономика. В Туре в 1683 году насчитывалось 900 кожевенных мастерских, 8 тысяч ткацких и 3 тысячи станков для обработки льна, а в 1698

году соответственно 54, 1200 и 60. Основная причина резкого сокращения производственной базы заключалась в том, что 3 тысячи протестантов бежали из города. «Отмена Нантского эдикта обезлюдил королевство и передала наши мануфактуры и почти всю нашу торговлю нашим соседям и еще дальше; она привела к процветанию их государств за счет нашего, к возникновению у них новых городов и других поселений», — писал Сен-Симон. Его взгляды разделяет Флассан: «Несомненно, что Людовик XIV в тот момент, когда раздраженная Европа объединилась против него, совершил огромную политическую ошибку, вынудив столько своих полезных и честных подданных вывезти за границу их руки, их таланты и индустрию»¹³.

Жестоко пострадали от преследований протестантов армия и флот Франции. Главный строитель крепостей и укреплений Вобан направил Лувау «Записку», в которой писал о бегстве из французского королевства 12 тысяч солдат, 9 тысяч матросов, 600 офицеров. Генерал-лейтенант Рювиньи перешел на службу к Вильгельму Оранскому. Он командовал армией. Эмигранты служили в голландском флоте. Один из них, Жан Фурнье, выдал секрет галлиотов-бомбометателей. Используя новое оружие, английская эскадра превратила в руины город Дьеп. Другой пример. Эмигрант Кайо создал во французских портах шпионскую сеть, регулярно сообщавшую сведения о планах морских операций, военных кораблях, их командах, вооружении и снаряжении¹⁴.

Офицеры-гугеноты служили в армиях многих протестантских государств. По словам Вольтера, даже у Карла XII был «французский полк».

Итоги настоящей войны с «ересью» подвел Флассан. По его сведениям, 250 тысяч гугенотов перешли в католичество. Религиозные измены оплачивала «Касса обращенных». Штатскому лицу платили 6 ливров, пехотинцу — 20, кавалеристу — 30, сержанту — 40. Дворяне ценились значительно дороже. Им устанавливали пенсии в 2—3 тысячи ливров. Они к тому же освобождались и от уплаты налогов.

Люди, меняющие свои убеждения, как правило, не отличаются высокими моральными качествами. И некоторые «спасенные еретики» получали деньги по несколько раз, в разных приходах. Однако из оставшихся во Франции протестантов не менее 400 тысяч скрывали свои взгляды. Более 300 тысяч беженцев, преодолевая смертельную опасность, бежали из страны¹⁵.

Особенно тяжело преследования протестантов отразились на международном положении французского королевства, «Эдикт Фонтенбло оказал губительное влияние на внешнюю политику Франции». Это вывод Жана Орсибаля, исследователя истории религиозных войн во Франции. «Отмена Нантского эдикта была безрассудным актом не только во внутренней политике; она ослабила престиж Людовика XIV в Европе, воскресила старую ненависть и ускорила осуществление злых замыслов его врагов». Слова академика Камила Руссе. Таких же взглядов придерживались и многие современники событий. Вобан несколько раз — в записках королю 1689, 1692 и 1693 годов — предлагал вернуться к Нантскому эдикту. С точки зрения как внутренней, так и внешней политики Франции это был наилучший, хотя и не престижный для королевской власти вариант. Но Людовик XIV отличался упрямством. Он говорил своим приближенным, что «никогда не возобновит Нантский эдикт, даже если враг будет стоять на Луаре»¹⁶. Конечно, по меньшей мере наивно обсуждать нереализованные возможности. История не терпит сослагательного наклонения. Но, тем не менее, нежелание Людовика XIV менять свои ошибочные решения дорого обошлось Франции.

Важнейшим следствием отмены эдикта явилось создание антифранцузской Аугсбургской лиги в июле 1686 года (в нее вошли Голландия, Империя, Испания, Швеция, Бавария, Пфальц, Саксония, а в 1689 году и Англия). Религиозные гонения ослабили позиции дипломатии Франции именно в то время, когда требовались напряженные усилия для создания и укрепления французских союзов в канун приближавшейся долгой и изнурительной войны в Европе.

Реакция в протестантских государствах на трагические события во Франции была быстрой и негативной. В связи с отменой Нантского эдикта в Голландии объявили национальный траур. Уже в 1686 году в этой стране насчитывалось 55 тысяч французских беженцев. Они пополнили ряды ремесленников и торговцев, служили в армии. Враждебность к Людовику XIV была настолько сильной, что даже городской совет Амстердама отказался от своей традиционной профранцузской позиции.

Вильгельм Оранский объявил себя защитником эмигрантов. Он предоставил им храмы во всех городах Соединенных провинций. Более 120 французских офицеров были направлены в гарнизоны. Причем должности они получали более высокие, чем во Франции, и оклады — тоже. Это была разумная, прозорливая политика, закреплявшая французских военных на голландской и английской службе.

Протестанты — беженцы из Франции получили свободный доступ в Бранденбург и Гессен. Великий электор Фридрих Вильгельм заявил, что никто не помешает ему столь же ревностно относиться к своей религии, как Людовик относился к своей. Похоже на правду! Ведь в Берлине насчитывалось 5—6 тысяч коренных жителей и 4 тысячи беженцев из Франции.

Протестантов принимали также в Швеции и Норвегии. Дания предложила маршальский жезл Шарлю де ла Рошефуко. Неслыханное дело: мусульманин — бей Туниса предоставил беглецам-христианам жилье на мысе Негр. Некоторые изгнанники нашли прибежище на далеком острове Святой Елены. 50 семей гугенотов выехали в Южную Африку. Считают, что их потомки составляют сейчас примерно 250 тысяч местного белого населения. Не забыт был и Американский континент. Здесь, во французских колониях, остро ощущался недостаток рабочих рук. Но беженцы-гугеноты предпочитали остаться в Европе. В Версале рассуждали и действовали иначе. В ноябре 1686 года Лувуа писал, что два корабля в Марселе были подготовлены для отправки протестантов в Америку и Канаду. Они предназначались для 100—150 жителей мятежных Севенн. Это «очистит наиболее опасную местность»¹⁷, как отмечал с присущей ему грубоватой прямоотой государственный секретарь по военным делам.

Вся Европа поддерживала французских беженцев. Однако Людовик XIV потерял чувство реальности. По его указанию французский посланник в Пьемонте Арси потребовал обращения в католичество нескольких тысяч протестантов из народности воду а, живших в предгорьях Альп, в герцогстве Савойском. Сам герцог не торопился встать на «французский путь». В Версале гневались. Депеши-полуприказы следовали одна за другой. Тон поднимался: от удивления к раздражению, а затем и к угрозам. В конце концов генерал Катина выступил против «еретиков»-водуа и в течение мая — июня 1688 года расправился с ними.

Еще один удар был нанесен по протестантам. Казалось, католичество одержало решительную победу в Европе. Людовик XIV рассчитывал получить признание и помощь Ватикана. Но просчитался. Как неоднократно в прошлом, так и на этот раз король не встретил понимания со стороны Святого Престола.

Разумеется, влиятельный католический проповедник и богослов епископ Боссюэ не находил слов для восхваления Людовика XIV: «Новый Константин, новый Карл Великий»; «Сам Бог свершил это чудо» (отмену Нантского эдикта)¹⁸.

Но в Ватикане рассуждали иначе. Папа Иннокентий XI был в курсе преследований гугенотов во Франции. Из Версаля ему посылали сведения, разумеется, в расчете на благодарность и содействие Рима. Вначале Иннокентий XI одобрял борьбу против ереси. Но затем в посланиях Ватикана появились неоднократные упоминания о «плохих советчиках короля», о том, что, обличая протестантов, они преследовали не религиозные, а политические цели¹⁹.

Видимо, негативная международная реакция на события во Франции — принудительное обращение протестантов в католическую веру — привела к тому, что папа не отправил (а собирался!) поздравительную буллу Людовику XIV, как герою

католического мира. Французская дипломатия настаивала на торжественной церемонии в Риме во славу короля Франции, как выдающегося религиозного лидера. Безуспешно. Ответ Ватикана: Святой отец нездоров. Четыре месяца он никого не принимал. А в Версале ждали иных вестей из Рима: назначений кардиналов, утверждений новых французских епископов в их должностях. Людовик был убежден, что он получит официальную благодарность папы. Ответ Иннокентия XI был достоин Игнатия Лойолы: право благодарить имеет только Всевышний! Папа эту фразу неоднократно, с явным удовольствием, публично повторял. Более того, он предложил Якову II Стюарту добиться облегчения судьбы гугенотов, преследуемых властями во Франции. «Недопустимы миссии вооруженных пророков». Эти слова римский первосвященник дополнил еще более определенным высказыванием: «Мы никоим образом не одобряем вынужденные обращения в истинную веру»²⁰. В Ватикане поддерживали французских католических деятелей, осуждавших «драгоннады», особенно кардинала Камю. Иннокентий XI опасался, что во Франции стремились к усилению позиций не католицизма, а галликанизма, то есть национальной церкви.

Людовик XIV надеялся, что Святой Престол возложит на его голову венок героя-триумфатора. Но в Ватикане не проявляли энтузиазма. Папа опасался жесткой реакции протестантских государств, на участие которых в крестовом походе против султана он рассчитывал. Эти опасения оправдались. Более того, позиции католической церкви в Соединенных провинциях оказались под угрозой. Из многих голландских городов изгнали католиков-миссионеров. Иезуиты, опасаясь новых преследований гугенотов, пытались через духовника Людовика XIV добиться от короля прекращения репрессий. В Голландии пошли еще дальше. Генеральные штаты потребовали принятия решительных мер против католицизма. Только противодействие правителей Амстердама сорвало этот замысел. К тому же в Гааге папу поддержали английский король, правитель Фландрии и имперский резидент. В Англии Карл II был вынужден осудить действия Людовика XIV, принять французских беженцев-протестантов и оказать им помощь.

Время и опыт — лучшие учителя. Практика подсказывала Людовику XIV: не следует вмешиваться за рубежом в чужие религиозные дела. Напряженными были, например, отношения между католическими и протестантскими кантонами в Швейцарии. Но французская дипломатия не вмешивалась во внутренние дела этой страны. Она исходила из своей заинтересованности в единстве швейцарского государства. Эту цель в Версале считали первостепенной. И посланник короля выступал за сохранение швейцарской федерации.

Постепенно, с течением времени, Людовик XIV вынужден был проявлять терпимость и к протестантской церкви во Франции. 1 января 1699 года король в секретной записке потребовал от епископов и интендантов сдержанности и осторожности в отношении новообращенных. Он в одной из своих бесед даже признал, что отмена Нантского эдикта, возможно, была ошибкой²¹.

Подведем итоги. «В целом религиозная политика Людовика XIV провалилась: он не восстановил единство веры»²². Это мнение французского академика Гаскота. «Гибельный акт»²³ — так оценил Жорж Дюби отмену Нантского эдикта.

Да, религиозная нетерпимость, попрание принципа свободы совести обернулись для Франции тяжелыми поражениями как во внутренней, так и во внешней политике. Страна оказалась в международной изоляции. История своеобразно распределила роли между монархами: Людовик XIV — враг свободы религиозного выбора. Вильгельм Оранский — защитник невинных гугенотов во Франции.

Всё ли могут короли? Глубоко ошибаются те, кто так думает.

Весной погода в окрестностях Турина часто бывает пасмурной и дождливой. 2 мая 1679 года проливной дождь, словно хлыстом, бил по земле, по деревьям, барабанил по крыше кареты французского посланника в Савойском герцогстве (территория Пьемонта с центром в Турине) аббата Эстрада. Вместе с ним находился граф Эрколе Антонио Маттиоли, влиятельный человек из небольшого итальянского государства Мантуя в Северной Италии.

Подъехали к берегу реки. Она разлилась. Единственный мост, по которому можно было переправиться на другой берег, оказался разрушенным. Эстрад предложил оставить карету. Пошли пешком до небольшого постоялого двора. Здесь посланник исчез. Он не хотел бросить тень на свое высокое положение, участвуя в насильственных действиях, им же самим и подготовленных. В комнату, где находился Маттиоли, рванув входную дверь, ворвались французские драгуны. Они схватили итальянца, связали его и отвезли в расположенную неподалеку крепость Пиньероль.

Какова история крепости?

На склоне одного из Альпийских холмов, со стороны Пьемонта, в XII веке был построен форт с укреплениями. Район имел большое военно-стратегическое значение. Тот, кто владел им, держал в своих руках ключи к Северной Италии. В 1630 году кардинал Ришелье во главе 40-тысячной армии захватил Пиньероль, и крепость в течение многих лет принадлежала французским королям. В наши дни от нее остались только руины. В результате похищения, организованного по законам детективного романа, Маттиоли и оказался в Пиньероле.

Родился Маттиоли в Болонье в 1640 году в родовитой семье судейских чиновников. Его дядя Эрколь — иезуит, преподавал в Болонском университете. Сам герой авантюрной истории находился в Мантуе в качестве государственного секретаря герцога Карла III. В правление его сына, Карла IV, Маттиоли стал сенатором и графом. Он пользовался большим доверием у молодого аристократа¹.

Арест Маттиоли был связан со стремлением французской дипломатии закрепиться в Италии. На протяжении двух веков Апеннинский полуостров являлся испанской провинцией. Не попали под господство Испании Пьемонт на севере Италии, Папская область в средней части страны, а также два города-республики — Венеция и Генуя. Воротами в Италию являлись крепости Пиньероль, Казаль и Мантуя. Они закрывали пути в долину реки По.

Во владении герцога Мантуи находился маркизанат Монферрат, за обладание которым не раз скрещивали оружие различные европейские армии. Столица Монферрат — город Казаль — находилась на реке По, примерно в 60 километрах на восток от Турина. Район был исключительно важным. Тот, кто обладал им, занимал господствующие позиции в Северной Италии. Людовик XIV хотел зажать Пьемонт в клещи между двумя мощными крепостями — Пиньероль и Казаль. Одна, на юго-западе, закрывала дорогу к Альпам, другая, на северо-востоке, преграждала путь к Миланскому герцогству.

За событиями в Мантуе в Версале всегда следили настороженно и внимательно. В сентябре 1665 года, через несколько дней после смерти Карла III, Людовик XIV отправил регентше, жене покойного герцога, письмо, в котором говорилось, что он «не потерпит никаких новшеств в гарнизоне Казалья в период несовершеннолетия юного герцога»². Ему было в то время 12 лет.

Однако в 1676 году идея захвата Казалья приобрела в Версале реальные очертания. Государственный секретарь Помпон потребовал от дипломатов и военных сведений о гарнизоне крепости, о дворе в Мантуе, с которой Франция с 1659 по 1679 год не имела даже дипломатических отношений. Поручение короля выполнял аббат Эстрад, бывший в то время французским посланником в Венеции. Он вошел в тайные сношения с герцогом Мантуи Карлом IV и его министрами — графами Маттиоли и Виалярди, маркизом Кавриани³.

В Париже рассчитывали на ненасытную жадность Карла IV. Молодой правитель привык жить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Человек беззаботный, легкомысленный, он с полным безразличием относился к инте-ресам своих подданных, которыми управляли неспособные и корыстные фавориты. Большую часть времени герцог проводил в развлечениях в Венеции, проигрывая остатки семейного состояния. А за одно и подорвал здоровье в любовных авантюрах. В Мантую он приезжал только за получением очередной, как правило, крупной суммы денег. Герцог стремился использовать любую возможность для обогащения. Даже займы под государственные налоги были взяты у ростовщиков на много лет вперед. Карл IV был готов продать все, что только можно, если найдется хороший покупатель.

Вместе с молодым герцогом в Венеции бывал часто и Мат-тиоли. На него обратил внимание Эстрад, узнавший, что государственный секретарь оказывает большое влияние на правителя Мантуи. Аббат не ошибся, 13 марта 1678 года в полночь — классическое для Венеции время тайных встреч — после очередного бала дипломат и герцог как будто случайно встретились на городской площади. Оба собеседника были в масках. В течение часа они обсуждали условия возможного соглашения. Тайные беседы состоялись еще несколько раз с соблюдением тех же предосторожностей. Наиболее сложным был вопрос о цене крепости Казаль. Его обсуждали долго. Придворные в Мантуе считали, что итальянцы продешевили. Об этом, разумеется, можно спорить. Но, как бы то ни было, в конце октября 1678 года Маттиоли через Швейцарию выехал во Францию, куда прибыл 28 ноября.

Первоначальный проект соглашения был подготовлен Лувуа. Он же взял на себя и его осуществление. Помпон только поставил свою подпись под документом. Маттиоли долго беседовал с Лувуа и получил от него детально разработанную записку.

В своих мемуарах государственный секретарь по иностранным делам Помпон рассказывает, что король поручил ему встретиться с Маттиоли. Итальянец подтвердил то, что говорил Эстраду на их встречах в Венеции: Карл IV решил порвать отношения с Испанией, от которой получал по договору 50 тысяч экю в год на содержание гарнизона в Казале. Маттиоли передал Помпону официальное письмо, в котором говорилось, что он уполномочен вести переговоры и заключить соглашение. Итальянец показал и инструкцию с личной подписью герцога. Маттиоли настойчиво подчеркивал, что все документы были написаны рукой Карла IV, доверившего это сложное щепетильное дело своему государственному секретарю. Подводя итоги переговоров в Версале с итальянским представителем, Помпон писал: «Никогда никакой другой договор не заключали так легко, как тот, который я должен был по приказу короля подписать, потому что никогда не требовали столь мало за обязательство столь важное»⁴.

Соглашение действительно имело огромное военно-стратегическое значение для Франции. Оно предусматривало, что:

1. Карл IV разрешит французским войскам занять Казаль.
2. Если Людовик XIV пошлет свои войска в Италию, то генералиссимусом он назначит герцога Мантуи.
3. После выполнения достигнутых договоренностей Карл IV получит от Франции 100 тысяч экю.

Договор подписали, и он должен был вступить в силу в середине февраля 1679 года. Король принял Маттиоли, подарил ему крупный бриллиант и 400 луидоров. После ратификации договора итальянский дипломат должен был получить значительную сумму — 10 тысяч экю. Но этим щедрость Людовика XIV не ограничилась. Он обещал сыну Маттиоли место пажа при своем дворе, а брату — богатое аббатство. Казалось, события развивались успешно⁵.

В конце декабря 1678 года Маттиоли уехал из Франции, получив на прощание 2 тысячи экю. Он заявил, что встретится в Венеции с герцогом (в этом городе на воде как раз проходил очередной карнавал), получит ратификационные грамоты и обменяет их в Пиньероле на французские грамоты. Затем Карл IV приедет в Казаль, и одновременно

туда придут французские войска. В Версале к этим словам отнеслись с полным доверием. План операции подготовил Лувуа. Корпус драгун подтянули к Пиньеролю. Несколько пехотных полков были готовы к выступлению. Катина, в будущем маршал Франции, а в то время скромный пехотный бригадир, из Фландрии тайно выехал в Пиньероль для проведения операции. Его войска должны были идти день и ночь, чтобы прибыть в крепость до того, как вмешаются испанцы. Через три дня после вступления в Казаль драгун предусматривалось размещение в этой крепости пехотинцев, которыми командовал полковник Асфельд. В ожидании всех этих событий он выехал для переговоров в Венецию, где находился Карл IV. Герцог не торопился подписывать какие-либо соглашения с Францией. Полковник развлекался, а время шло. Встреча с герцогом так и не состоялась, но Асфельд получил заверения, что ратификационные грамоты вышлют в Пиньероль и туда же придёт Карл IV. После этого полковник выехал из Венеции, но на границе Миланского герцогства, по приказу испанского губернатора, его арестовали как фальшивомонетчика и посадили в тюрьму.

Прошло не более двух месяцев после поездки Маттиоли во Францию, а дворы Турина, Мадрида, Венеции, испанский губернатор в Милане знали в деталях содержание секретного соглашения, подписанного в Версале. Зачем раскрыл свои карты Маттиоли? Лишь корыстные, денежные соображения могут объяснить такой поступок.

Первые сведения о своих переговорах в Париже Маттиоли сообщил в декабре 1678 года регентше Савойского герцогства. Она дорожила доверием Людовика XIV, а самое главное — боялась его. Поэтому копии с документов, имевшихся у Маттиоли, немедленно были отправлены в Париж. Регентша и ее приближенные отдавали себе, разумеется, отчет в том, что переход крепости Казаль к французам был особенно опасен для Пьемонта. Не только в Турине были в курсе секретных франко-мантуйских переговоров. Маттиоли пошел дальше — он информировал и австрийцев, и испанцев, и венецианцев о соглашении Мантуи с Францией. Эстрад сообщил Людовику XIV, что сделано это было небезвозмездно. Только испанцы заплатили Маттиоли 4 тысячи пистолей за сверхсекретные сведения⁶.

Слухи о том, что Маттиоли арестован и находится в тюрьме, быстро распространились. Забеспокоились испанцы и венецианцы. Начали поиски итальянского дипломата пьемонтца. «Всеобщая тревога» — так оценил сложившуюся обстановку Помпон. От Карла IV требовали объяснений из Мадрида, Вены, Венеции. Всех герцог заверял в том, что он не имеет никаких обязательств перед Францией. Испанцы сделали вид, что они поверили, и даже дали деньги на содержание гарнизона в Казале⁷.

Попыталась оказать давление на герцога Мантуи и французская дипломатия. Людовик XIV послал своего представителя — Бомона к Карлу IV для обмена ратификационными грамотами. Посол предложил повысить «гонорар» герцогу. Позиция правителя Мантуи была неожиданной для француза. Он заявил, что ничего о действиях Маттиоли не знал, объявил фальшивыми инструкцию и письмо, которые итальянский дипломат от имени Карла IV представил Помпону. Утверждал, что либо на всех этих документах его подпись была подделана, либо Маттиоли ловко использовал чистые бланки паспортов, действительно подписанные в свое время герцогом. Карл IV и его министры говорили о Маттиоли как об авантюристе. О беседе в Венеции с французским послом герцог не «забыл», но отрицал, что речь шла о передаче французам крепости Казаль. Помпон писал: «Что касается письменных полномочий Маттиоли, то почти нет сомнений, что они не были фальшивыми и подложными»⁸. Согласимся с этим выводом.

Предательство Маттиоли не остановило Людовика XIV в его стремлении получить Казаль. Но Помпон и другие министры боялись, как бы испанцы не заняли этот укрепленный район раньше французов. А Карл IV не ратифицировал подписанные в Версале соглашения. Договоренности повисли в воздухе. Лувуа по-прежнему придавал огромное значение захвату Казаля. После опалы Помпона влияние главы военного ведомства в Государственном совете стало преобладающим. Он направил в Мантую своего человека

— аббата Жана Мореля, сына буржуа из Шампани, большого любителя спиртного. Это, увы, вредное, но свойственное многим пристрастие помогало аббату легко устанавливать контакты. Ему поручалось предложить Карлу IV крупную денежную сумму и в ходе переговоров подписать соглашение о передаче французам только крепости Казаль без остальной территории города. В случае войны в Италии Карлу IV обещали высокое звание генералиссимуса войск Франции с жалованьем в 100 тысяч ливров.

Договор — совершенно секретный — был подписан Морелем 8 июля 1681 года. 30 сентября французские драгуны вошли в Казаль. Одна из важных дипломатических и военно-стратегических целей Людовика XIV была достигнута⁹. Увы, ненадолго. Но об этом расскажем в другой главе.

Вернемся к судьбе Маттиоли. Его предательство было невероятным, фантастическим, особенно если учесть, что события разворачивались на самом высоком — королевском уровне. Возмущение французских придворных, министров, дипломатов, бывших в курсе событий, понять, разумеется, нетрудно. Похитить и примерно наказать вероломного дипломата предложили герцогиня Савойская и аббат Эстрад, уже успевший из Венеции перебраться в Турин. На своем предложении Эстрад настаивал неоднократно. Он писал Помпону о необходимости ареста Маттиоли и заключения его в Пиньероле. Государственный секретарь по иностранным делам разделял негодование посланника и называл итальянца «мошенником». Король дал согласие на арест авантюриста, однако потребовал величайшей осторожности. В своем письме Эстраду 28 апреля 1679 года Людовик XIV подчеркивал, что следовало похитить Маттиоли «без какой бы то ни было огласки» и «держат его в заточении так, чтобы никто об этом не знал»¹⁰.

Вероломный граф попал в расставленные ему сети. Прибыв в Турин 19 апреля 1679 года, он несколько раз виделся с Эстрадом. Аббат ни в чем не упрекал итальянца и делал вид, что верит ему. Маттиоли, как всегда, жаловался на отсутствие денег. Посланник «наивно» заметил, что у Катина, например, их полные карманы. Маттиоли немедленно выразил желание встретиться с бригадиром.

Когда итальянца доставили в Пиньероль, никаких бумаг при нем не оказалось. Искали договор, подписанный Помпоном; инструкцию, подготовленную Лувуа; письмо Людовика XIV герцогу Мантуи; ратификационные грамоты. Маттиоли упорно не называл места, где находились документы. Прибегли к пыткам. Угрожали смертью. Тогда итальянец написал письмо отцу, в Падую, и тот отдал секретные бумаги. Однако ратификационных грамот герцога среди них не оказалось. Найденные документы немедленно отправили в Версаль¹¹.

В связи с исчезновением Маттиоли распространились слухи о его гибели. Жена графа постриглась в монахини. Дипломат тем временем находился в заключении в Пиньероле. Но его уже не звали Маттиоли. В мае 1679 года он стал Летаном¹². По распоряжению Лувуа к итальянцу в камеру подсадили сумасшедшего монаха. Видимо, в Версале рассчитывали, что в таком обществе узник проживет недолго. Подлинное имя Маттиоли упоминалось в письмах Лувуа 27 сентября и 26 октября 1680 года.

Четырнадцать лет провел итальянский граф в Пиньероле. Более подходящего места для полной изоляции осужденных от внешнего мира найти было трудно. Глубокие рвы отделяли крепость от города. Двойная линия толстых стен была соединена четырьмя высокими башнями. Повсюду — у подъемных мостов, во дворах — стояла охрана. А в центре мощных укреплений возвышалась большая башня. Мрачная, безмолвная, зловещая, казалось, необитаемая тюрьма с тяжелыми решетками на окнах. Здесь начиная с 1664 года провел остаток своей жизни Никола Фуке. Но если его тюремщиком был деликатный мушкетер д'Артаньян, то Маттиоли повезло несравненно меньше. В Пиньероле безраздельно правил беспощадно-суровый комендант Бенинь Доверию Сен-Мар, не одно десятилетие проглядевший глаза в различных тюрьмах. Этот человек не верил никому и ничему. Скрытный, молчаливый, исполнительный Сен-Мар жил одним стремлением: беспрекословно выполнять приказы начальства. Даже обсуждение

поступавших свыше указаний он считал преступлением. Тюремщик, преданный королю до фанатизма, всегда опасался заговора заключенных и, не дай Бог, бегства одного или нескольких из них.

Ничто он не считал надежной преградой на пути находившихся под его недремлющим оком преступников: ни высоту стен, ни прочность решеток, ни глубину рвов, ни бдительность часовых. Сен-Мар жил в постоянной тревоге и в неусыпных подозрениях. Иностранец осматривает крепость: тюремщик настороже. Слишком любопытного беднягу задерживают, допрашивают. Каждый месяц Сен-Мар составлял список лиц, приехавших в город. Опасался всего. Камеры тщательно обыскивали. Даже отсутствие тревожных сигналов настораживало Сен-Мара, вызывало у него страх. Ужас от мысли о возможности побега «подопечных» приводил его в состояние постоянной, острой тревоги и в итоге к преждевременной старости. Современники представляли Сен-Мара — мужчину средних лет — сгорбленным, болезненно худым, с трясущимися головой и руками.

В начале 1688 года опытный тюремщик был назначен комендантом на острова Сен-Маргарит в Средиземном море (они находятся примерно в полутора километрах от знаменитого пляжа в Каннах). На островах еще в 1635 году Ришелье построил укрепления. После приезда Сен-Мара начали строить государственную тюрьму. Строили всерьез и надолго тюремные помещения, предназначенные для многочисленных заключенных.

19 марта 1694 года в составе небольшой группы заключенных Маттиоли под охраной перевезли на Святую Маргариту. В дороге были приняты строжайшие меры предосторожности. Граф Тессе, командовавший конвоем, сообщил государственному секретарю по военным делам: «Я буду вести себя согласно Вашим приказам и Вашим инструкциям, в полнейшей тайне, с максимальной осторожностью, принимая всевозможные меры для безопасности пленных и не проявляя с моей стороны хотя бы малейшего искушения любопытства»¹³.

Строжайшая секретность вокруг Маттиоли исходила не от тюремщиков и даже не от министров. Похоже, что французский монарх и герцог Мантуи соревновались в жестокости. На самом деле, Людовик XIV писал своему представителю в Турине Морелю, что «Маттиолу не выйдет оттуда, где он находится, без согласия принца» (т. е. Карла IV). Герцог поблагодарил короля. По мнению известного французского исследователя Мариуса Топена, правитель Мантуи был заинтересован в «окончательном исчезновении своего бывшего доверенного лица»¹⁴. Очень похоже на правду!

Вновь Сен-Мара и Маттиоли связала судьба. В 1698 году бесподобного тюремщика назначили комендантом Бастилии, главной государственной тюрьмы. Престижный пост. Король доверял его только самым надежным людям. Жалованье коменданта 15 тысяч ливров плюс две тысячи ливров от лавочников, торговавших по соседству и задаривавших высокого начальника. Сен-Мар был счастлив и беспрекословно, как всегда, выполнил указание государственного секретаря по военным делам приехать в Париж со своим «старым заключенным». Эти слова повторялись в нескольких письмах Сен-Ма-ру. Очевидно, судьба Маттиоли все еще интересовала короля и его министра.

18 сентября 1698 года в 3 часа дня порог Бастилии переступил ее новый комендант, прибывший с юга Франции. Вместе с ним на носилках доставили заключенного, видимо, фигуру значительную: его сопровождали на лошадях вооруженные охранники, проделавшие долгий путь — более чем в тысячу километров — от Канн до столицы.

Заключенный был в черной маске. Он никогда ее не снимал, даже во время еды. В Италии это, возможно, и не удивило бы никого. В Венеции, например, по приказу инквизиторов арестантов даже в камеры вводили в масках. Но у парижских тюремщиков арестант с постоянно скрытым лицом вызывал удивление и любопытство. Вот что писала супруга к этому времени уже покойного Филиппа Орлеанского Элизабета-Шарлотта в 1711 году в Ганновер своей родственнице: «Один человек долгие годы провел в Бастилии

и там же умер в маске. Рядом с ним находились два мушкетера, готовые его убить, если бы он снял маску. Он ел и спал в маске. Несомненно, это было нужно. К тому же с ним очень хорошо обращались, его хорошо обеспечивали и он получал все, что желал. Он и причащался в маске; был очень набожен и постоянно читал. Так никогда и не узнали, кто это был»¹⁵.

Прошло пять лет. Во вторник, 20 ноября 1703 года в 4 часа дня подъемный мост Бастилии опустился и несколько человек вынесли покойника. Гроб сопровождали тюремные служащие. В Бастилии умершего именовали «осужденным из Прованса». А церковный служака записал в регистрационной книге его фамилию: «Маршиоли».

Судьба играет людьми! По ее фантазии в то самое время, когда Маттиоли умирал в Бастилии, Карл IV, продав французскому монарху ключи от Италии, находился в Париже. Он жил в Люксембургском дворце, обставленном роскошной мебелью. Семь столов были постоянно накрыты, и слуги были готовы за счет французской казны, разумеется, щедро кормить высокого гостя и его многочисленную свиту. В честь герцога устраивали блестящие праздники в Версале. Он получил в подарок от Людовика XIV драгоценную шпагу, усыпанную бриллиантами.

К началу нового, XVIII века уже забыли об одном из главных виновников авантюры в Мантуе — Лувуа. «История с крепостью Казаль — самая большая ошибка из всех его ошибок, наиболее заметный эпизод в долгой интриге, которую вел Лувуа, чтобы осуществить заветную мечту своей политики — закабаление Францией Пьемонта и посредством Пьемонта — Италии»¹⁶. Это — суровое обвинение в адрес государственного секретаря по военным делам. Выдвинул его академик Камил Руссе.

И при жизни, и после смерти Маттиоли его судьба интересовала многих, особенно историков. Уже через несколько лет после похищения графа в Кельне и в Италии появились сведения о том, что он жив и находится в тюрьме. В XVIII веке аналогичные сведения публиковали в Париже, в Риме, в Лондоне. Маттиоли называли человеком в железной маске.

Железная маска! До сих пор не раскрытая тайна. Много гипотез выдвинуто. Много имен названо. Среди них — незаконный сын Людовика XIV, рано умерший граф Вермандуа. Вольтер считал, что человеком в железной маске был брат Людовика XIV, сын кардинала Мазарини и Анны Австрийской. Другие говорили о герцоге Бофоре. Не забыли и английского герцога Монмута, внебрачного сына короля Карла II Стюарта. Все же наиболее правдоподобный ответ на вековой вопрос: Маттиоли. Даже в записи церковного служаки можно прочесть имя, близкое к имени итальянского авантюриста.

А теперь о судьбе других «кандидатов» на посмертную славу. Вермандуа умер от оспы 18 ноября 1683 года. Бофор погиб в битве с турками при осаде Крита в июле 1669 года. Монмут был казнен в Лондоне в 1683 году. Фуке умер в Пиньероле в марте 1680 года. Кто же остается? Маттиоли?

Существуют факты и «за», и «против». Разумеется, три столетия — огромный срок. Трудно надеяться, что мы получим новые аргументы в подтверждение этой версии. Но она никем до конца не опровергнута. А споры все еще продолжаются. Их итоги подводит талантливая книга Ефима Черняка «Пять столетий тайной войны»¹⁷.

15

Фаворитки самодержца

«Я всем вам приказываю: если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более 24 часов для того, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение»¹. Так говорил Людовик XIV своим придворным. Он любил подчеркивать, что интересы государственные для него всегда выше интересов личных. «Время, которое мы отдаем нашей любви, никогда не должно наносить вреда нашим

делам». Высказав в своих «Мемуарах» эту мысль, король заметил: «Как только вы дадите свободу женщине говорить с вами о важных вещах, она заставит вас совершать ошибки»².

Смесь правды и лжи! Да, редкий случай в истории: трудолюбивый король. Плохо ли, хорошо ли — вопрос другой, но государственными делами Людовик XIV занимался ежедневно, всю свою жизнь (после смерти Мазарини, разумеется). Правда, и для женщин у него оставалось время. Они занимают в жизни монарха большое и важное место. В молодости король часто менял свои привязанности. И каждая из его фавориток занимала официальное положение при дворе. Вместе с Людовиком XIV молились его законная и незаконная семьи. Стоило распространиться слуху, что Его Величество обратил свой взор на какую-то очаровательную даму, как ей начинали оказывать знаки внимания. Придворные, например, вставали, когда она входила и выходила. Многочисленные дети, появившиеся на свет божий от фавориток, получали титулы герцогов и графов, занимали генеральские и адмиральские должности.

Все они обладали большими личными состояниями, вступали в браки с отпрысками самых известных аристократических семей Франции и Европы.

Содержание фавориток дорого обходилось государственной казне. Сластолюбивый монарх был щедр. Он одаривал любовниц дворцами, поместьями, землями, драгоценностями, деньгами. Их просьбы безропотно удовлетворяли министры и другие государственные чиновники. Даже отвергнутые фаворитки до конца дней своих пользовались милостями владыки.

Играли ли дамы сердца короля политическую роль? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Все они с помощью короля получали выгодные должности, титулы и звания для своих родственников и друзей, возвышали одних, изгоняли других. Но реальное и многолетнее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны оказывала лишь вторая (хотя и официально не признанная) жена Людовика XIV — Франсуаза де Ментенон.

Получив единоличную власть, Людовик XIV, попирая законы божьи и человеческие, дал волю эмоциям. Нельзя сказать, что он быстро и легко менял свои сердечные привязанности. Нет. Роман с Луизой де Лавальер продолжался десять лет. Молодая женщина любила Людовика искренне, не преследуя далеко идущих эгоистических целей.

Луиза родилась в 1644 году, в Туре, в семье дворян-католиков. Ей было 17 лет, когда она стала фрейлиной Эли-забеты-Шарлотты, жены Филиппа Орлеанского. Девушка была наивной, скромной, привлекательной. Маркиза де Севиньи замечала: «Эта маленькая фиалка, прятавшаяся под травой, — стыдилась быть любовницей, быть матерью, быть герцогиней»³.

Вначале король скрывал свою связь с Лавальер, нигде вместе с ней не появлялся. В 1663 году она переехала во дворец. У Лавальер было двое детей от Людовика XIV. Их воспитанием занимались Кольбер и его жена. Уже в раннем детстве малышкой у матери отобрали, они выросли без семьи. Сын стал графом Вермандуа, адмиралом Франции, дочь — мадемуазель Нант — вышла замуж за принца Конти и рано овдовела.

Всеми делами фаворитки занимался генеральный контролер финансов. Когда Людовик XIV находился в армии, Кольбер пересылал ему письма молодой женщины, глубоко несчастной потому, что искренне полюбила мужчину, бывшего на ее беду монархом. По поручению короля Кольбер купил для Луизы имение Вожур, в Ренси (департамент Сен-Сен-Дени). Акт о продаже датирован 13 мая 1667 года. Стоимость — 800 тысяч ливров. Целое состояние. Неизвестно, посещала ли когда-либо мадемуазель де Лавальер принадлежавшие ей владения. Но она стала герцогиней Вожур⁴.

Сама Луиза у Людовика XIV ничего не просила, но и от его даров не отказывалась. Она получала крупные суммы от Кольбера и тратила деньги быстро и безрассудно. Фа-

воритка любила драгоценные камни и скупала их в большом количестве у герцогини Мазарини.

Ничто не вечно под луной. Уже в 1666 году придворные стали замечать признаки охлаждения короля к «хромоножке из Тура» (Луиза с детства немного прихрамывала). Появилось новое увлечение — замужня дама, маркиза Франсуаза де Монтеспан.

Мужская жестокость Его Величества, казалось, была безграничной. Он поселил Луизу и Франсуазу в замке Сен-Жермен-ан-Ле в смежных апартаментах с одной входной дверью и настаивал, чтобы женщины демонстрировали хорошие отношения, вместе обедали и гуляли в парке, играли в карты. Возвращаясь с охоты, Людовик проходил к Луизе, переодевался и, едва бросив ей несколько слов, направлялся к Монтеспан, у которой оставался весь вечер. Злая на язык Элизабета-Шарлотта писала: «Мадам Монтеспан издевалась над мадемуазель Лавальер, обращалась с ней плохо и вынуждала короля поступать таким же образом. Он относился к ней жестоко и насмешливо, доходил до оскорблений. Когда король направлялся через комнату Лавальер к Монтеспан, то, побуждаемый последней, брал свою маленькую собачку — красивого спаниеля по имени Малис — и бросал его герцогине со словами: «Держите, мадам, вот ваша компания! Этого вам достаточно»⁵.

Людовик заставил Луизу стать крестной матерью младшей дочери Монтеспан. На следующий день после крестин брошенная фаворитка приехала к настоятельнице монастыря кармелиток в Париже с просьбой постричь ее в монахини. Но в святую обитель принимали только девушек, а не женщин, к тому же со скандальной репутацией. Вновь и вновь возвращалась Луиза в слезах к настоятельнице и в конце концов своими мольбами тронула ее сердце.

Из жизни мирской 30-летняя женщина ушла в мир религии. В апреле 1674 года она бросилась на колени перед Марией Терезией, просила и получила у нее прощение... Последнее посещение мессы. Сентиментальный монарх ударился в слезы. Но он не задерживал бывшую любовницу. Выйдя из часовни, она села в карету вместе с двумя своими детьми. Родители и друзья разместились в другом экипаже. Собрались придворные. Луиза в парадном платье была изящной и привлекательной. Одни присутствующие плакали, другие — вслух восхищались молодой женщиной. Одни говорили — это похороны, другие — триумф. Вспоминали, что 13 лет назад, день в день, Луиза приехала в Фонтенбло как придворная дама. Теперь за ней навсегда закрылись тяжелые двери монастыря. Состригли ее прекрасные волосы. Герцогиня Вожур получила новое имя: сестра Луиза-Милосердие⁶. У нее появился и новый постоянный адрес: монастырь кармелиток, бульвар Сен-Жак, Париж. В монашеской келье провела она 36 лет, больше половины своей жизни.

Молодая, полная сил Луиза ушла в небытие. Наступила «эпоха Монтеспан». Так говорили при дворе.

Франсуаза Монтеспан происходила из знаменитого аристократического рода Рошешуар. По своему внешнему облику она отвечала тогдашним придворным вкусам: полная, с копной светлых волос, с голубыми глазами. Но новая фаворитка не отличалась ни аристократическими манерами, ни благородным характером. Ей, правда, нельзя было отказать в уме и наблюдательности. Но это несколько не мешало Монтеспан быть женщиной капризной и, как говорили при дворе, язвительной, «кусающейся». Ее злого языка боялись, и не без оснований: она не щадила никого, лишь бы развлечь и заинтересовать Людовика XIV. И в то же время в Монтеспан было много детского, ребяческого. Она любила, например, запрячь шесть мышей в изящную маленькую карету. У нее были свои козы, о которых она заботилась. Она отдавала своим забавам много внимания, сил и, разумеется, денег.

Монтеспан отличали тщеславие, самовлюбленность. Если королеве шлейф нес ее паж, то Монтеспан — придворная герцогиня. В присутствии фаворитки даже герцогини сидели не на стульях, а на табуретах. В Версале она имела 20 комнат, а Мария Терезия —

10 вместе с комнатами для придворных дам. У фаворитки был собственный двор. Монтеспан посещали генералы, министры, послы.

Все желания фаворитки выполнялись точно и быстро. Она захотела иметь свои корабли. И их построили и вооружили за государственный счет. Очередная блажь: Монтеспан понадобились медведи в саду и даже в комнатах — она получила их. В одну из ночей «невоспитанные хищники» ободрали обои в салонах дворца в Версале, и с ними пришлось расстаться. Монтеспан, любительница азартных игр, проигрывала в карты целые состояния. И король платил долги фаворитки. Однажды на Новый год она проиграла более 600 тысяч ливров, а через три месяца еще 400 тысяч пистолей. Расплачивалась неизменно государственная казна⁷.

Людовик XIV не жалел денег на свою фаворитку. Кольбер приобретал для нее дорогие серьги, подвязки, колье из бриллиантов. Недалеко от Версаля, в Кланьи, построили для Мон-теспан дом. Но она заявила, что такое помещение подходит только для девочки из оперы. Здание сломали и построили по плану архитектора Мансара большой дворец, стоивший 2800 тысяч ливров. 12 января 1674 года Людовик XIV писал Кольберу: «Мадам Монтеспан очень хотела засадить сад растениями уже этой осенью; сделайте все необходимое, чтобы удовлетворить ее просьбу, и сообщите мне о мерах, какие Вы примете для этого»⁸. Расходы на поместье маркизы составили 405 тысяч ливров. Для сравнения скажем, что в то время бюджет французского флота составлял 12,5 миллиона ливров.

Не только в Кланьи, но и в Версале «султанша» (так между собой называли Монтеспан придворные) чувствовала себя хозяйкой. «Госпожа де Монтеспан пишет мне, что Вы, Кольбер, обращаетесь к ней с вопросами, какие ее пожелания следует учесть в ходе строительных работ в Версале. Вы правильно сделали, поступив таким образом. Продолжайте угождать ей всегда»⁹. И министры угождали. Строили дворцы. Оказывали почести. Фаворитку охранял отряд именитых дворян. Охранял от кого? От ревнивого мужа.

Маркиз де Монтеспан имел поместье поблизости от франко-испанской границы. Он был небогат и, несмотря на древность рода, не вылезал из долгов.

Когда король обратил на Монтеспан внимание, она — надо отдать ей должное — забеспокоилась и просила мужа поскорее покинуть Версаль. Маркиз не сделал этого. И жестоко поплатился. Он любил жену и не хотел ее уступать никому, даже Его Величеству. Обманутый супруг устраивал Людовику сцены ревности, открыто жаловался на короля придворным. Его успокаивал даже Мольер. В комедии «Амфитрион» прославленный драматург писал: «Дележ с Юпитером не заключает в себе ничего позорного».

Маркиз так не считал. Он вламывался в комнату жены. Грозил забрать детей, которые по закону принадлежали ему. Монтеспан — без вины виноватого — посадили в Бастилию. Но история была слишком скандальной и неприличной, и ревнивца вскоре выпустили из грозной тюрьмы: боялись огласки любовной истории короля. Маркиза отправили в поместье, где он устроил «похороны» бывшей супруги. Монтеспан собрал родных, друзей, прислугу и объявил им о кончине Франсуазы. На следующий день во дворе замка можно было увидеть странное шествие. Несколько человек несли пустой гроб, обтянутый черной материей. За ним шли маркиз и двое его детей. Юноши-служки со свечами в руках пели. Когда вошли в часовню, Монтеспан приказал открыть двери настеж и громким голосом воскликнул: «Мои рога слишком велики, чтобы пройти с ними через узкий проход». Гроб опустили в землю, и имя маркизы высекали на надгробном камне.

Маркиз Монтеспан так до конца дней своих и не простил жене измены. Он отправил письмо Марии Терезии, в котором сообщил о любовной истории короля. Разумеется, ненависть Людовика XIV к маркизу усилилась. Король побаивался отвергнутого мужа и внимательно следил за его появлениями в столице. 17 мая 1679 года Его Величество писал Кольберу: «Господин Монтеспан в Париже, и следовало бы

наблюдать за его поведением. Это сумасшедший, способный на экстравагантные выходки». Генеральному контролеру финансов поручалось принять меры, чтобы маркиз покинул Париж «как можно быстрее»¹⁰.

В таких условиях развод Монтеспан, и без того противоречивший жестким традициям католической церкви, стал еще более трудным. Для обретения неверной супругой свободы требовалось по закону несколько лет. И только в июле 1674 года, после многочисленных отсрочек и выполнения бесчисленных формальностей, генеральный прокурор Парижского парламента принял решение о прекращении брачного союза супругов Монтеспан. Маркиз вел себя на суде достойнейшим образом: он защищал интересы своих детей, разоренных продажей имущества отца. Агенты короля вынуждены были согласиться на материальную компенсацию маркизу.

Разумеется, Людовик XIV и не помышлял о женитьбе на своей фаворитке. Но развод мог избавить его от безумной ревности маркиза, способного на любые выходки, вплоть до публичных оскорблений.

Итак, Франсуаза де Монтеспан властвовала при дворе. Она присутствовала на всех придворных церемониях, занималась вопросами этикета и моды, вершила судьбы придворных. Одним она давала состояния, звания, титулы, других разоряла, изгоняла, подвергала опале. Политика ее интересовала мало, хотя она вынуждена была интересоваться и государственными делами. Стихией маркизы были дворцовые интриги.

Шло время, и отношения Людовика с фавориткой становились все более напряженными. Монтеспан утомляла и раздражала короля своими капризами, непомерными требованиями, неумной жадностью денег и власти. Конец многолетней связи приближался. В апреле 1675 года произошел публичный разрыв между Франсуазой и королем. Она уехала в Париж¹¹.

Прошло несколько лет, и разразилась буря. Франсуаза оказалась на краю гибели.

...Генерал-лейтенант парижской полиции Никола де ла Рейни неуверенной походкой вошел в кабинет Лувуа. Рейни был бледен. Он положил перед государственным секретарем объемное досье и сказал: «Читайте!» Через несколько минут Лувуа поднял голову. Руки у него дрожали: «Мы должны предупредить короля». Собеседники посмотрели друг на друга с тревогой и страхом¹².

Для такой реакции были основания. Монтеспан оказалась втянутой в «дело о ядах». Началось оно в 1677 году. Арестовали нескольких «колдуний» и раскрыли настоящий вертеп убийц-отравителей. Замешанными в уголовной истории оказались племянницы Мазарини, графиня Суассон, герцогиня Буйон, маршал Люксембург, многие придворные, крупные чиновники. Главную преступницу Вуазен сожгли 22 февраля 1680 года. В этот день Мольер остался без зрителей: они отправились смотреть публичную казнь, ставшую редким явлением¹³.

Перед Лувуа лежали показания Маргариты Вуазен, дочери казненной. Маргарита обвинила Монтеспан в преступных замыслах против короля. Лувуа приказал Рейни хранить досье в строжайшей тайне.

«Дело о ядах» приобрело совершенно неожиданный для Людовика XIV оборот. Дальнейшее следствие стало лично для него опасным. Поэтому Правовая палата, специально созданная для подготовки суда, была распущена в июле 1682 года. Она успела отправить на костер 36 человек.

Современные историки и юристы пересмотрели документы той далекой эпохи. Многие обвинения в адрес Монтеспан отпали. У маркизы не было преступных намерений в отношении короля, не замышляла она и убийств своих соперниц. Но Франсуаза посещала Вуазен и присутствовала на ее колдовских сеансах.

Все это мы знаем теперь, в конце XX века. Но 300 лет назад французский монарх рассуждал иначе. Он был напуган и расстался со своей любовницей. Однако она продолжала жить в Версале.

Майским утром 1691 года необычная сцена в Версальском дворце привлекла внимание придворных. Из окон апартаментов, занимаемых Франсуазой Монтеспан, два человека выбрасывали мебель. Охрана потребовала прекратить бесчинства. Неожиданно появился герцог Менский, сын отвергнутой фаворитки, и заявил: «Это делается по моему приказу!». Оказалось, что помещения перешли к неблагодарному отпрыску отвергнутой фаворитки ¹⁴.

И после разрыва с Монтеспан Людовик XIV продолжал выплачивать ей крупные суммы. Летописец двора Донжо записал в своем дневнике 12 апреля 1707 года, что Монтеспан ежегодно получала от короля 1 миллион 200 тысяч ливров ¹⁵. Безмерной была монаршья щедрость!

Монтеспан покинула двор в 1692 году. Последние годы жизни она провела в одиночестве, вымаливая прощение у Бога. Маркиза раздавала бедным почти все, что имела, измучила себя постами и молитвами. Она носила подвязки и пояс с железными гвоздями. Ее постоянно терзал страх смерти и ада.

Монтеспан умерла в 1707 году в возрасте 66 лет. До этого она просила мужа о прощении, хотела вернуться к нему. Но маркиз ответил, что и слышать не хочет о своей бывшей жене.

«Заслуженная расплата за женское предательство», — скажет читатель. Возможно. Но судьба Монтеспан особенно трагична, так как она сама познакомила короля с соперницей. Недаром пословица говорит: «Если женщина хочет потерять мужа, она знакомит его с подругой».

Увы, сказано точно. Такова жизнь.

16

Непризнанная королева

Кто же она, счастливая соперница «султанши» Монтеспан? Франсуаза д'Обиньи, вошедшая в историю под именем маркизы де Ментенон. Родилась 27 ноября 1635 года в городе Ниоре, в 410 километрах от Парижа, в небольшом домике на улице Пон. Дом находился поблизости от замка, где ее отец отбывал в тюрьме наказание за неуплату долгов.

Франсуаза была внучкой гугенота Агриппы д'Обиньи, одного из героев религиозных войн во Франции. О нем говорили: поэт и разбойник, смелая шпага и быстрое перо. Агриппа, вначале безгранично преданный Генриху IV, возненавидел короля за измену вере. Сын Агриппы — Констан, отец Франсуазы, также обладал неукротимым нравом. Он убил свою жену, застав ее с любовником. Убийца, фальшивомонетчик, картежник, Констан наделал кучу долгов и бежал на Мартинику. Через несколько лет вернулся и опять женился. Франсуаза была дочерью от второго брака. Мать рано умерла. Жизнь девушки стала тяжелой. Ее крестили в католическую веру, а воспитывала ее тетя, убежденная гугенотка. Незадолго до смерти отца, который стал губернатором Мартиники (как говорится, пути господни неисповедимы), Франсуаза побывала у него на острове.

Когда возвращались во Францию, на корабле девушка заболела, потеряла сознание. Решили, что она умерла. Моряки уже подготовились к похоронам, но неожиданно Франсуаза стала приходить в себя. Чудо спасло будущую непризнанную королеву Франции. Спустя годы Франсуаза рассказывала эту историю епископу города Меца. Он заметил: «Из такой дали зря не возвращаются, возвращаются для свершений» ¹.

Необычно складывалась жизнь молодой женщины. В 1652 году ее, 16-летнюю, выдали замуж за 42-летнего Поля Скаррона, талантливого поэта. Это была привлекательная шатенка с черными глазами и матовым лицом индианки. Она обладала такими редкими для ее возраста качествами, как сдержанность и рассудительность. «Я предпочла

замужество монастырю», — говорила Франсуаза. И в течение восьми лет она ухаживала за тяжело больным мужем, разделяя с ним и беды и радости.

Поль Скаррон свой ад прожил на земле. Паралич — видимо, следствие перенесенного в детстве полиомиелита — искривил Скаррона как букву зет. Его колени были прижаты к животу. Голова, склоненная к правому плечу, все время оставалась в таком положении: он не мог ее выпрямить. Руки почти не двигались. К ним прикрепляли специальное приспособление, с помощью которого можно было писать. Ночью он испытывал страшные боли. Мучения свои скрывал нечеловеческими усилиями. Иногда страдания становились нестерпимыми, и больной кричал. Скаррон принимал опиум, но даже это могучее средство часто оказывалось бессильным. Франсуаза нередко целыми ночами сидела около мужа, помогала его мыть, одевать, кормить. Скаррон восхищался женой. Из писем поэта видно, что он был счастлив с ней. Этих людей, таких разных, связывала только общая нелегкая судьба². Поль Скаррон умер в 1660 году.

Жил Скаррон на улице Сен-Луи в доме, аренда которого обходилась недешево — 350 ливров в год. Семью посещали многие именитые люди, и в их числе маркиз Монтеспан.

Мадам Монтеспан, познакомившись с мадам Скаррон, пригласила ее в качестве воспитательницы своих детей — незаконнорожденных детей короля. Скаррон поселилась в доме на улице Вожирар.

Знакомство двух Франсуаз для одной обернулось крушением всех жизненных планов. Но произошло это не сразу. Ментенон воспитывала детей Людовика XIV. А он приглядывался к этой серьезной, спокойной, рассудительной, воспитанной, начитанной женщине: прямая противоположность шумной, капризной, раздражительной Монтеспан. Ангельское создание так красиво говорило о Боге, о душе. Все это привлекало короля, уже основательно уставшего от бурной жизни. Он с интересом и удовольствием читал письма мадам Скаррон, повествующие о жизни детей Его Величества. Письма привлекали простотой и ясностью изложения, литературным языком, которому способная женщина научилась у своего мужа и у его друзей — литераторов.

Дружеские отношения двух Франсуаз постепенно перерастали во враждебные. Мадам Скаррон пыталась предотвратить конфликт. Даже через много лет она говорила: «Мадам Монтеспан и я были самыми близкими подругами в мире»³. Поистине лицемерная дружба двух соперниц.

Однако Франсуаза Скаррон проявила незаурядное искусство оболъщения. Года два она «героически» сопротивлялась притязаниям Людовика и уступила только, когда убедилась, что король влюблен в нее. В 1678 году, когда Монтеспан вернулась с курорта Бурбон-Ларшамбо (289 км от Парижа), где она находилась несколько месяцев, ее место уже прочно заняла соперница⁴.

Новая фаворитка во многом повторила историю своих предшественниц. Уже в 1674 году она появилась при дворе в качестве фрейлины Элизабеты-Шарлотты. Отношения мадам Скаррон с ее «госпожой» были прохладными. Ни славы, ни денег они вдове не принесли. А положение фаворитки обязывало. Помог Франсуазе, как и другим своим избранницам в прошлом, король. На полученные от него 200 тысяч ливров она купила в 40 километрах от Версаля, в районе Шартра, имение Ментенон⁵. Дворец в стиле ренессанса, построенный при Франциске I, был отремонтирован. Однажды Людовик XIV сказал: «Мадам де Ментенон». Под этим именем она и вошла в историю.

Перемены в жизнь Ментенон внесла смерть королевы 31 июля 1683 года. Мария Терезия умерла в возрасте 53 лет. В начале своей болезни она испытывала лишь недомогание. Но медицина в те времена была беспощадной. Первый врач короля Дакен приказал вскрыть больной вену и пустить кровь. Один из его помощников заявил, что это грозит королеве смертью. Дакен настаивал. Через несколько часов после кровопускания Мария Терезия скончалась. Ее смерть не представляла политического события. Эта

полная маленькая блондинка, плохо говорившая по-французски, не пользовалась влиянием при дворе.

Король, казалось, был потрясен смертью жены. В это трудно было поверить. Правда, во имя собственного престижа внешне Людовик XIV соблюдал приличия. Он избрал нежного супруга, неизменно проводившего ночи в семейной спальне. И Мария Терезия была вынуждена любезно относиться к фавориткам мужа, принимать их у себя. Людовик не только полностью подчинил себе жену, но и бесконтрольно распоряжался ее личным состоянием.

Когда закончилась церемония похорон, описали драгоценности королевы. Общая сумма составила 514 тысяч ливров — на 424 тысячи, меньше, чем ко времени свадьбы. Объяснение простое: Людовик XIV раздаривал драгоценности Марии Терезии своим любовницам.

После смерти Марии Терезии что-то надломилось в сознании Людовика. Король, устав от развлечений, преисполнился религиозного страха, боялся небесного наказания за земные грехи. Обстановка в Версале изменилась: придворные вели себя более сдержанно и осторожно. Впрочем, нравы при дворе остались такими же распущенными, как и прежде. Просто боялись гнева короля и трусливо скрывали то, что раньше демонстрировали открыто и нагло.

Монарх, вдруг сделавшийся богобоязненным, решил жениться на Ментенон. Тайное бракосочетание состоялось в 1683 году (или в 1684 г. — существуют различные версии) в часовне в Версале. Венчал рабов божьих духовник короля Лашез. Присутствовали Лувуа, архиепископ Парижа Арле де Шамваллон, первый лакей Его Величества Бонтан. Вскоре для Ментенон отвели комнаты в Версальском дворце, напротив апартаментов короля⁶.

Итак, Франсуаза д'Обиньи, внучка гугенота, вдова поэта, стала женой короля Франции. Но разве бывает полное, безоблачное счастье? Брак мадам Ментенон остался для всех тайной. Он не был узаконен, публично объявлен при жизни Людовика (и тем более после его смерти). Фаворитка так и осталась фавориткой. Жестоко поступил по отношению к любимой женщине король! Несмотря на все ее настояния, он не решился возвести на трон вдову несчастного Скаррона. Тщательно скрывая глубокую обиду, Ментенон на всех официальных церемониях вела себя как придворная, а не королева. Казалось, она не претендовала на особое положение по сравнению с другими титулованными дамами. И жила Франсуаза в Версале скромнее, чем Монтеспан (она занимала четыре небольшие комнаты).

Ментенон критически относилась к придворным дамам. Она, например, писала: «Женщины нашего времени для меня непереносимы. Их одежда — нескромна, их табак, их вино, их грубость, их леность — все это я не могу переносить». Столь же нелестную оценку давала она и придворным мужам. «Я вижу страсти самые различные, измены, низость, безмерные амбиции, с одной стороны, с другой — страшную зависть людей, у которых бешенство в сердце и которые думают только о том, чтобы уничтожить всех»⁷.

Что же можно сказать о самой непризнанной королеве Франции? «Мадам Ментенон была женщиной не только суровой и жесткой: все в ней подчинялось приличиям и расчету. Ее набожность была не пылкой, порывистой, как у Лавальер, а сдержанной, обдуманной. Ее щепетильность всегда была выгодной для ее материальных интересов. Не лживая, но очень осторожная; не вероломная, но всегда готовая если не пожертвовать друзьями, то по крайней мере покинуть их; скорее создающая видимость добра, чем творящая добро. Без воображения, без иллюзий, эта женщина превосходила других скорее рассудком, чем сердцем. Она была вооружена против всех соблазнов. Страх скомпрометировать свое доброе имя защищал ее от всех опасностей»⁸. Справедливая оценка историка Топена.

Расчет. Всегда и во всем расчет. Пожалуй, и к здоровью короля Ментенон относилась внимательно, потому что прежде всего думала о собственных интересах. Сен-

Симон замечает, что она следила за каждым шагом Людовика и особенно большое значение придавала его врачам. Именно Ментенон добилась изгнания из Версаля Дакена и назначения Фагона. Фагон, по словам Сен-Симона, «принадлежал к числу блестящих и сильных умов Европы; любознательный ко всем вопросам, имеющим отношение к его ремеслу, он был выдающимся ботаником, хорошим химиком, искусным и знающим хирургом, отличным врачом, замечательным практиком»⁹. Высокая оценка! Но она не спасает средневековую медицину от заслуженной критики.

Отношения между супругами складывались необычно. Интимная жизнь короля претерпела перемены. Франсуаза не обладала достоинствами молодости: она была на три года старше Людовика XIV. «Французский король — противоположность другим государям: у него молодые министры и старая любовница»¹⁰, — говорил Вильгельм Оранский. Людовик жаловался духовнику Ментенон — Годе де Маре, епископу Шартра, на ее холодность. Он говорил: «Ментенон делает с отвращением то, что в свое время так нравилось Монтеспан»¹¹.

Известный французский историк Луи Бертран писал: «Людовик XIV был разочарован. Новая супруга вступила в конфликт со всеми его вкусами, со всеми влечениями, со всем, что было свойственно его натуре. Невозможно представить себе супругов столь отличных друг от друга. У нее не было никакой женской нежности. И к тому же ее едва ли можно было считать настоящей женщиной». Бертран продолжает: «Король должен был жестоко страдать от недостатков своей супруги, от этой буржуазной посредственности, которая, возможно, подходила директрисе Сен-Сира (лицей для благородных девиц, созданный Ментенон. — Ю. Б.), но ни в коей мере королеве Франции. Несмотря на все, он так высоко ценил ее верность и преданность, что терпел ее до конца»¹².

Будем справедливы: и Ментенон переносила супруга с трудом. Эгоизм Людовика XIV не знал границ. В угоду своим желанием он не считался ни с чем и ни с кем. Ментенон, больная, с высокой температурой и головной болью, должна была посещать балы, отправляться в различные поездки вместе с двором. Она боялась сквозняков — он настеж открывал окна в любую погоду. Она любила рано ложиться спать — он работал поздно и непременно хотел даже ночью иметь собеседницу.

Всегда ли Франсуаза безупречно соблюдала принципы церковной морали? У мадам Скаррон был в свое время любовник — аристократ Луи де Вилларсо. Несколько лет продолжался роман. И сейчас в замке, когда-то принадлежавшем именитому дворянину, можно увидеть написанный им лично портрет обнаженной Ментенон.

Королева могла покаяться и еще в одном грехе. Она, набожная и чопорная, в течение многих лет поддерживала дружеские отношения со знаменитой куртизанкой, великой блудницей Нинон де Ланкло. Эта более чем сомнительная с точки зрения религиозной морали дружба была полезной Ментенон: Нинон имела обширнейшие связи. Она была в курсе всех придворных интриг и умела хранить тайны. В салоне Нинон можно было встретить самых знаменитых людей королевства. Виделись подруги тайно и редко¹³.

Говорят, что осознание своих грехов помогает понять и простить чужие. Ментенон, хладнокровная и самолюбивая, ничего не прощала. Она вынуждена была не замечать любовные интриги своего супруга. Более 10 лет продолжалась связь Людовика XIV с Анной де Роан, рыжеволосой красавицей. Непризнанная королева мирилась с этим увлечением. Мирился и супруг де Роан, «вынужденный рогоносец» (слова Сен-Симона). Он смотрел на любовные похождения своей супруги сквозь пальцы. Причины? Довольно основательные: «вся семья обогащалась за счет этой связи»¹⁴. Король, как всегда, был щедр.

Как ни странно, но такая ситуация устраивала Франсуазу. Обладая богатейшим жизненным опытом, она понимала, как легко потерять то исключительное положение, в котором находилась. Да и надежда официально занять место королевы ее никогда не

покидала. Людовик XIV растерял свой юношеский пыл, хотя иногда еще позволял себе «мужские шалости». Он высоко ценил выдержку, спокойствие, такт и ум супруги.

Играла ли Ментенон политическую роль? Ответы на этот вопрос различные, иногда взаимоисключающие. Приведем некоторые из них.

Сен-Симон, упорно подвергавший критике Людовика XIV и его близких, считал Ментенон женщиной «амбициозной, ненасытной и скрытной», стремившейся все захватить, все взять в свои руки: дела государства и церкви, выбор генералов и адмиралов, назначения епископов, послов и придворных. Сен-Симон называл Ментенон интриганкой, любыми средствами добивавшейся влияния не только на короля, но и на его брата, на наследника престола, на других членов королевской семьи. Идеал Ментенон — всеобщее обожание ее персоны. «Все хорошо, если это связано с ней; все отвергается, если делается без нее. Люди, дела, назначения, правосудие, помилования, религия — все без исключения в ее руках; король и государство являются ее жертвами»¹⁵. Эти слова Сен-Симон дополнил выводом: «В одном только она не изменяла себе: в страсти к господству и властвованию»¹⁶.

А вот мнение пресловутого «центра», избегающего крайностей. Герцог де Ноай утверждал, что влияние Ментенон «было значительно меньшим, чем об этом говорили. Претензии на управление королем и государством не соответствовали ни ее характеру, ни склонностям ее разума»¹⁷. Такая оценка, правда, не помешала герцогу заметить, что «ее мнение всегда имело вес, ее протекция была могучей»¹⁸. И все же: «Трудно точно определить ту степень влияния, каким благодаря доверию короля обладала мадам де Ментенон»¹⁹. По словам герцога, ни одна из женщин, близких к Людовику XIV, и в их числе его непризнанная супруга, «им не управляла и не оказывала на политику доминирующего, длительного и решающего влияния»²⁰.

И, наконец, приведем оценки, признающие политическую роль неофициальной королевы.

Русский историк А. Н. Савин писал: «В последние годы царствования Людовика XIV большое влияние на Государственный совет оказывала г-жа Ментенон. Государственные секретари, которые по вечерам делали доклад королю, по утрам часто забегали к маркизе, чтобы рассказать ей о важнейших делах. И эти неофициальные визиты представляли очень важную стадию в обсуждении и решении какого-либо дела»²¹.

Как замечал Пикаве, «трудно отрицать» участие Ментенон в определении внутренней и внешней политики Франции. Правда, по его словам, известный вес в решении государственных дел имели все фаворитки Людовика XIV (от скромной Лавальер до правящей Ментенон). «Все политики Европы интересовались мадемуазель де Лавальер и мадам де Монтеспан, так же как и мадам де Ментенон»²². Точку зрения Пикаве разделяет академик Камил Руссе: «Несомненно, мадам де Ментенон была важной особой в государстве. Несомненно, ее покои стали святилищем правительства и там решалась внутренняя и внешняя политика Франции. Несомненно, из этих комнат выходили министры и армейские генералы. К сожалению, не менее несомненно, что эти генералы и эти министры в своем большинстве являлись посредственными людьми, и политика, вырабатываемая в присутствии мадам де Ментенон, очень часто приносила результаты, достойные сожаления»²³. Много раз повторил Руссе слово «несомненно». Он убежден в своей правоте. И имеет на это основания.

Ментенон фактически «занимала должность» доверенного лица короля. Она была в курсе многих дел и событий, не претендуя на открытое руководство ими. Маркиза часто останавливалась на полпути не потому, что встречала непреодолимые препятствия, а из-за собственной нерешительности. Однако Ментенон умело «работала» с нужными ей людьми. После ее смерти осталось около 80 томов писем, из которых к концу XVIII века сохранилось 40 томов. Маркиза переписывалась с известными людьми Франции — принцами, герцогами, графами, генералами и адмиралами, со многими аристократами и аристократками, оказывавшими влияние на политику страны. Она стремилась окружить

себя сторонниками и друзьями. Среди них были влиятельные при дворе люди — маршал Аркур, герцоги Буффле и Вилеруа, граф Тессе. Они с помощью своей высокой покровительницы определяли назначения на высшие посты в армии, в дипломатическом ведомстве и государственном аппарате, были в курсе политических и военных событий. Разумеется, все эти люди отвечали ей взаимностью.

Среди двух правящих кланов — Лувуа и Кольберов — Ментенон отдавала предпочтение последним. Это был ее твердый курс. Иногда она пересматривала в соответствии с ним собственные взгляды. Ментенон, например, писала о Сеньоле — сыне Жана Батиста Кольбера, что он «хотел захватить все должности отца и не получил ни одной. Он умен, но не умеет вести себя. Обязанностям он предпочитает развлечения. Сеньоле так преувеличивал достоинства и заслуги своего отца, что убедил всех в том, что он сам не достоин, не способен его заменить»²⁴.

Резко критическая оценка, тем не менее, не мешала Ментенон сблизиться с Сеньоие. При этом она учитывала мнение его сестер, влиятельных при дворе герцогинь Шев-рез и Бовилье. 4 октября 1689 года Сеньоие получил портфель государственного секретаря по делам флота и занял место в Государственном совете. Пост министра иностранных дел остался у семьи Кольберов: Круасси сменил его сын Торси. Засилье семьи покойного генерального контролера финансов! И «тайная королева» приложила ко всем назначениям руку.

Сеньоие умер в 1690 году в возрасте 39 лет. Считали, что он стал жертвой собственных необузданных страстей. По протекции Ментенон государственным секретарем по делам флота был назначен граф Поншартрен, к этому времени уже занимавший пост главы финансового ведомства.

Одних Ментенон назначала, других смещала. Но с главным своим врагом — Лувуа справиться она так и не смогла. А он энергично препятствовал обнародованию ее тайного брака. Ментенон никогда не любила этого человека. Все в нем ее отталкивало: грубое, красное лицо, его резкость и лицемерие. Она презирала Лувуа за высокомерие с низшими и пресмыкательство перед высшими.

Было еще одно обстоятельство, имевшее для Франсуазы первостепенное значение: Лувуа поддерживал Монтеспан и делал это твердо, последовательно. Именно военный министр прикрыл фаворитку, когда вскрылась ее причастность к «делу о ядах». И Монтеспан оказывала поддержку Лувуа, пока имела влияние на короля. У каждой из двух соперниц — Франсуаз были свои друзья и свои враги.

В пику Лувуа Ментенон хвалила государственного секретаря по иностранным делам Круасси, при каждом удобном случае расписывала королю его достоинства — сдержанность, гибкость и компетентность. В то же время она прозрачно намекала Людовику XIV, что решительность, с какой Лувуа всегда отвечал на сложнейшие вопросы, отнюдь не гарантировала от ошибок. Ментенон приводила примеры, когда государственный секретарь давал поспешные, неправильные, необоснованные пояснения.

Властного Лувуа тяготила необходимость работать с королем в присутствии молчаливой, внимательно-сосредоточенной свидетельницы. При ней приходилось читать самые секретные донесения, обсуждать планы военных кампаний, решать судьбы войны и мира. «Мое присутствие стесняет Лувуа. Я, тем не менее, никогда ему не противоречу. Король много раз говорил ему, что он может выражать свои мысли совершенно свободно»²⁵, — писала Ментенон в одном из своих личных писем. Она не упомянула о том, что ей было неприятно каждый день видеть давящую фигуру человека из железа, который, казалось, был полностью поглощен беседой, а на самом деле не пропускал ни одного жеста, ни одного движения, ни одного слова непризнанной королевы. Какая для нее мучительная пытка!

Интриги Ментенон не проходили бесследно. Король все враждебнее относился к военному министру. А Лувуа не замечал возраставшего недоверия Людовика XIV. Один эпизод сыграл в жизни Лувуа печальную роль. Король своим личным распоряжением

переместил полк кавалерии. Через некоторое время он неожиданно узнал, что Лувуа отменил его приказ. Монарх был раздражен. Он не простил государственному секретарю опрометчивого шага. А тонкая и расчетливая Ментенон время от времени напоминала о своеволье Лувуа.

Военный министр явно недооценивал силу политического влияния Ментенон, хотя прочность ее положения была очевидной. Члены королевской семьи, министры, придворные через ее посредство нередко обращались к королю. В Версальском дворце она сидела в кресле в присутствии Людовика, его сына — наследника престола, его брата, английских коронованных особ. При этом она избегала дорогих нарядов, не носила драгоценностей. Одевалась со вкусом, но скромно, не по возрасту. Ее называли «дамой в черном», хотя платья черного цвета Ментенон носила редко (король этот цвет не любил).

Попасть на прием к маркизе было не легче, пожалуй, чем к самому королю. Она принимала только в назначенный день и час. Посетителям отводились считанные минуты, и ни для кого не делалось исключения — ни для бедных, ни для богатых. Даже самые близкие к Ментенон люди — маршалы Аркур, Тессе, Вилеруа — не допускались дальше порога ее передней, переступив который она немедленно прерывала разговор. Все вопросы решались на ходу: при выезде королевы из Версаля или во время ее возвращения домой.

Утро маркизы начиналось рано и проходило в беседах с известными и неизвестными людьми. Занималась она и благотворительностью. Часто встречалась с руководителями ведомств, реже — с командующими армиями, если они хотели сообщить ей какие-нибудь сведения. Уже в 8 часов утра Ментенон направлялась к тому или иному министру, обычно к военному или финансов.

В апартаментах Ментенон Людовик XIV работал, а его супруга читала или вышивала. Присутствующие говорили громко. Ментенон делала вид, что поглощена чтением или вышиванием, но ничто не ускользало от ее внимания. Маркиза редко высказывала свое мнение. Король сам советовался с ней. Ответы всегда были сдержанные. Она никогда не проявляла заметного, видимого интереса к тому или иному событию или лицу.

Главное состояло в том, что у Ментенон имелся свой собственный метод воздействия на решение государственных дел. Маркиза заранее договаривалась по тому или иному вопросу с заинтересованным министром. Ей, как правило, не перечили. Поэтому о том или ином назначении, например, договаривались до доклада королю. Ментенон извещала министра, что она хочет с ним предварительно поговорить, и тот ждал, иногда задерживая решения, и до встречи с королевой не докладывая о деле Людовику XIV. Затем министр представлял, например, королю список кандидатов на должность. Иногда сам Людовик останавливался на том, кого уже «назначила» Ментенон. В этом случае обсуждение немедленно прекращалось. Если выбор монарха падал на другого человека, не одобренного предварительно его супругой, министр предлагал рассмотреть весь список. При этом специально называли несколько имен. Король расспрашивал докладчика, нередко колебался, интересовался мнением Ментенон. Она улыбалась, произносила несколько слов о ком-нибудь другом, затем возвращалась к уже названному кандидату, то есть «нужному» человеку, и дело решалось. Таким же образом Ментенон добивалась для «своих людей» наград и назначений. При ее косвенном участии решались до трех четвертей всех вопросов, рассматриваемых королем. Король не подозревал тайного сговора. Умело поставленный спектакль повторялся изо дня в день.

Вот почему при дворе придавали такое большое значение беседам Людовика XIV с его приближенными в покоях Ментенон. Фактически все министры зависели от нее. Вместе с тем с ее помощью они укрепляли свою власть.

Ментенон умело оберегала своих сторонников. В ожидании министра или после его ухода она интересовалась мнением короля о том или ином государственном деятеле, генерале или дипломате, тонко превозносила заслуги, верноподданнические чувства своих

людей. Это была своеобразная круговая порука. И не дай Бог кому-то возражать маркизе или даже просто не согласиться с ней. Если министр не придерживался ее точки зрения, то она всегда и, как правило, довольно быстро добивалась его падения. Цель достигалась просто: в ход шли ложь, домыслы, наветы. Так Ментенон подорвала влияние Лувуа. Многим изощренная в интригах ханжа испортила карьеру. А они даже и не подозревали, откуда дул ветер, приносящий беды и опалу²⁶.

В одном — и очень важном для нее — вопросе маркиза столкнулась с трудностями. Государственный секретарь по иностранным делам Торси почти никогда не работал в ее апартаментах, и ей не удавалось с ним встречаться. Торси ведал не только дипломатической службой, но и почтой. Он часто приносил маркизе выдержки из писем, но она узнавала лишь то, что Людовик XIV хотел ей сообщить. Торси докладывал королю дипломатические донесения немедленно после их получения, независимо от времени. Постоянного расписания их встреч не существовало, хотя Ментенон этого усиленно добивалась, рассчитывая оказывать влияние и на внешнюю политику страны через тех, кто ею непосредственно занимался. Торси старательно избегал «западни маркизы», доказывая, что срочность дипломатических дел исключала строго установленные часы встреч. Разумеется, Ментенон и в сфере дипломатии знала многое, но далеко не все. Она не имела возможности своевременно оказывать влияние на внешнеполитические решения в удобном ей направлении. Маркиза получала информацию только из бесед короля наедине с ней и прекрасно понимала, что знает недостаточно. Сен-Симон пишет: «Именно в силу ее чрезвычайного желания вмешиваться в иностранные дела, как она вмешивалась во все остальные, и ввиду невозможности устроить так, чтобы король работал над ними у нее, она прибегла к интригам, при помощи которых сделала принцессу Дез Юрсен (ей посвящена XXI глава книги. — Ю. Б.) всемогущей в Испании и удержала ее в таком положении вплоть до Утрехтского мира (завершил в 1715 г. войну за испанское наследство. — Ю. Б.) через головы министра Торси и французских послов в Испании и, стало быть..., вопреки интересам Испании и Франции»²⁷.

Политика и религия всегда были для Ментенон взаимосвязаны. Правда, искренность ее веры сомнительна. Она лишь внешне проявляла религиозное рвение, оставаясь в помыслах и поступках суетной, тщеславной, корыстной.

Ментенон не хотела быть официально причастной к политике преследований протестантов. Но она была в курсе подготовки к отмене Нантского эдикта, одобрила запрет на свободу совести. Герцог Ноай признает, что маркиза принимала, «может быть, чрезмерное» участие в осуществлении планов принудительного обращения гугенотов в католическую веру.

Это не мешало Ментенон неоднократно писать в своих личных письмах, что следует «завоевывать гугенотов добротой»; она, мол, сторонница торжества католицизма, но противница жестоких методов, к которым прибегал Лувуа. По мнению историка католицизма Орсибаля, супруга короля «стояла в стороне» от антипротестантской кампании²⁸. Наивное утверждение, явно недооценивающее влияние Ментенон.

Борьба с «ересью» требовала воспитания дворянства в католическом духе. С этой целью Ментенон создала в 1686 году учебное заведение для девушек из небогатых дворянских семей. Находилось оно в Сен-Сире, неподалеку от Версальского дворца. При Наполеоне в 1808 году здесь разместилась военная школа. От учебного заведения для аристократок до школы для офицеров — такой путь прошло знаменитое здание Сен-Сира.

В институте обучалось 250 дворянок. Они здесь и жили. Все было обставлено с большим вкусом. Тщательно окрашенные, сверкающие чистотой учебные классы, спальни. Скромная, но удобная мебель. На стенах висели географические карты.

Ментенон проводила много времени в Сен-Сире. Она приезжала туда утром в 6 часов; заканчивала работу поздно вечером. Королева сама учила девиц орфографии, истории, литературе. Читала специальный курс по вопросам воспитания детей.

Директриса была женщиной внимательной и дотошной, на кухне она лично пробовала пищу.

В Ватикане хотели превратить Сен-Сир в монастырь. Но эта идея не встретила поддержки в Версале. И папа согласился, чтобы доходы от знаменитого аббатства Сен-Дени были отданы новому учебному заведению.

Людовик XIV с одобрением относился к начинанию Ментенон. Беседуя однажды с поэтами Расином и Буало, он сказал: «Не забудьте упомянуть в анналах моего царствования основание института (имелся в виду Сен-Сир. — Ю. Б.)»²⁹.

Однако именно Сен-Сир едва не явился причиной падения Ментенон. В качестве преподавательницы она пригласила некую мадам Гюйон, пользовавшуюся влиянием среди учениц. Гюйон проповедовала кетизм (от слова «ке-ютюд», что означает душевный покой) — идеи испанца Молиноса, которого инквизиция запрятала в одну из своих тюрем. Мистические взгляды, согласно которым человек должен совершенствоваться, пассивно созерцая себя. Высказывания Гюйон подверг критике Жак Боссюе — «самый громкий голос христианского мира и лучший советник государей» (слова Наполеона Бонапарта)³⁰. Епископ выдвинул против Гюйон 35 пунктов обвинения. Главный: теория чистой любви и пассивного внутреннего совершенствования противоречила «моральной дисциплине церкви».

Ситуация осложнилась после вступления в борьбу другого крупного католического деятеля — архиепископа Франсуа Фенелона. Он занимал официальный пост воспитателя внука короля — герцога Бургундского. Фенелон выступил в защиту Гюйон. Спор двух титанов католической веры так и не был решен. Но злополучную проповедницу, которую Боссюе называл не иначе как змеей, бросили в Бастилию. История стала известна в Риме. Папа выступил со специальным посланием (буллой), в котором осудил взгляды Гюйон. Вмешательство Рима задело Людовика XIV. Дело едва не дошло до разрыва с неофициальной супругой. Победу одержал Боссюе. Ментенон тяжело переживала падение Фенелона, которого выслали в Камбре. Она уважала и ценила этого человека.

После изгнания Фенелон опубликовал книгу под названием «Телемак». Замысел был остроумный. Под покровом древнегреческой старины автор изобразил французские порядки. В одной из глав под вымышленным именем нетрудно было узнать Людовика XIV. Он ревниво относится к своей власти, окружает себя мелкими, нечистоплотными людьми. Поэтому и предвидеть будущее ни ему, ни его окружению не под силу. Фактически Фенелон критиковал режим абсолютизма, представляя его как своего рода пустыню, где бесправное население лишено всех гражданских прав. Придворная жизнь невозможна без лести; стоит только отвернуться от монарха, как льстецы попирают смельчака ногами. К таким выводам пришел осужденный в Версале и в Риме архиепископ.

Автор еще не раз вернется к Ментенон на страницах этой книги. Ее жизнь полна противоречий. Гугенотка, она перешла в католичество, порвав с традициями семьи. Богобоязненная женщина вопреки католической морали стала любовницей короля. Все знала, многое могла и вместе с тем всего боялась, скрывая свои истинные мысли и эгоистические цели. Она обвенчалась с Людовиком XIV, но так и не была официально признана королевой.

История только через 170 лет после смерти Ментенон, уже во время Французской революции, поставила ее в один ряд с членами королевской семьи, похороненными в базилике Сен-Дени в Париже: их прах одновременно был развеян по ветру восставшими парижанами. «В этот день к основательнице Сен-Сира отнеслись как к королеве»³¹.

Слова горькие, по-человечески трагические. Слова для надгробия маркизе Франсуазе де Ментенон.

Это слова замечательного историка Альбера Вандаля¹. Речь идет о конфликте между Турцией и Францией, обострившемся в начале личного правления Людовика XIV. Французская дипломатия оказалась перед неразрешимой задачей примирения двух взаимоисключающих политических линий. Король, с одной стороны, считал себя главным защитником христианства, с другой — стремился поддерживать хорошие отношения с исламской Турцией, рассчитывая на ее помощь в борьбе против императора. Разумеется, трудно было сохранять «дружбу» с султаном, когда его войска находились в 100 километрах от Вены и земель Венеции и в 200 километрах от границ Польши и России.

При Мазарини Франция участвовала в войне против Османской империи. После Пиренейского мира 1659 года кардинал собрал в Тулоне корпус добровольцев в 6 тысяч человек. На галерах Тосканы и Ватикана их перебросили на Крит, осажденный турецкими войсками. Экспедиция закончилась поражением французов. В Константинополе узнали о тайной помощи, которую французы оказывали венецианцам в защите острова. Секретная переписка посла короля Жана Э-Вантеле попала в руки великого визиря. Но ни перебежчик, передавший туркам документы, ни переводчики не могли их прочитать. В это время в Константинополе находился француз-коммерсант Кикле. Посол отказал ему в деньгах, и авантюрист пригрозил, что поможет туркам расшифровать дипломатическую переписку. Расправа была беспощадной. Кикле сбросили с террасы посольства и убили².

Турки немедленно расправились с Э-Вантеле. Они посадили его в Семибашенную тюрьму и освободили только через два года. В 1661 году посол вернулся во Францию.

До конца своей жизни Мазарини был противником союза с султаном. В 1660 году он попытался договориться с папой Александром VII о возобновлении антитурецкого союза. Безуспешно. Но даже после смерти кардинал «сражался» с турками: он оставил на эти цели большую сумму — 200 тысяч ливров.

Несмотря на тайную войну «париков» против «тюрбанов», французское влияние в турецкой империи было стабильным. «Посол Франции являлся фактически вице-императором Востока, великим визирем христиан»³, — отмечается в сборнике официальных дипломатических документов, изданных в Париже. Он вершил судьбы подданных короля, решал вопросы их жизни и смерти. Официальные представители Франции — ее консулы отдавали приказы местным властям в Триполи и Сайде. В Ливане праздновали военные победы Людовика XIV, отмечали дни рождения и свадьбы членов королевской семьи. В монастырях висели портреты короля и Кольбера.

Однако политика Людовика XIV в отношении Турции оставалась противоречивой. Стремясь к сотрудничеству с султаном, Людовик в то же время санкционировал участие Франции в боевых действиях против турецкой армии. 1 августа 1664 года французские войска под командованием графа Колиньи участвовали в сражении с турками при Сен-Готарде. Как член Рейнской лиги Франция должна была выставить 2400 человек, но король послал 6000 — пять полков, укомплектованных дворянами-добровольцами. Турок разгромили. Однако Людовик принес извинения султану, потерпевшему поражение. «Деликатная война»!

Французская дипломатия тайно сохраняла контакты с султаном, пыталась укрепить с ним политические и торговые связи. Государственные интересы оказывались выше религиозных конфликтов. И христианнейший монарх искал сближения с главой мусульманства. Поэтому и сама возможность крестового похода католических государств против турецкого господства в Европе оказалась нереальной.

Итак, одна из важнейших задач внешней политики Людовика XIV заключалась в сближении с Османской империей. Государственный секретарь по иностранным делам Юг де Лион 14 ноября 1664 года поручил французскому резиденту в Константинополе Роботи заверить великого визиря в желании короля «тщательно сохранять, поддерживать и развивать прежнюю дружбу и добрые отношения, которые прославленные императоры, его предшественники, всегда имели с прославленными Османскими императорами»⁴.

Эти слова не следует расценивать как пустые, традиционно вежливые. Французская дипломатия стремилась создать систему союзов на Востоке. В Версале надеялись дополнить франко-турецкое соглашение сотрудничеством со Швецией, Польшей, направленным против Империи. В Париже рассчитывали на помощь султана антиавстрийским повстанцам в Венгрии и Трансильвании. Это был план «взрыва» Австрии изнутри.

В новых условиях Людовику XIV нужен был постоянный представитель в Турции. Константинополь — самая далекая иностранная столица, в которой король имел своего посла. Долгим был путь от Парижа до Тулона или Марселя. Оттуда посол отправлялся морем, как правило, на двух военных кораблях: французы боялись пиратов. Поездка продолжалась от одного до пяти месяцев. Французское посольство в Константинополе было размещено в квартале для иностранцев во дворце XVII века. (В наши дни на том же месте находится французское генеральное консульство.) Послу приходилось выезжать из Константинополя в Адрианополь (турки хранили верность традиции: этот город до 1453 г. был столицей Османской империи), где находились султан и великий визирь.

Почти все французские послы в Турции были выходцами из среды дворянства, не отличавшегося древним происхождением. Разумеется, в Константинополе католического короля никогда не представляли духовные лица. На Восток стремились главным образом историки, археологи, литераторы. Их нередко называли бесстрашными. В Константинополе оборвалась жизнь нескольких дипломатов. В этом городе умерли послы Жирардон, Гийераг, Аллер⁵.

Финансовое положение французского посла в Турции было трудным. Ему приходилось делать дорогие подарки султану и визирю, и не только по приезду, но и на протяжении всего пребывания в Константинополе. Турецкие чиновники всех рангов отличались ненасытной жадностью. Без взятки нельзя было сделать ни шагу. Посол вынужден был платить даже янычарам, охранявшим дворец. При Людовике XIV его дипломатический представитель в Константинополе получал из казны 36 тысяч ливров и от торговой палаты Марселя за содействие торговле с Турцией — от 8 до 16 тысяч ливров. Жалованье рядовых дипломатов было мизерным. Даже в начале XVIII века первому секретарю посольства платили 500 ливров, второму — 400 ливров, а третьему возмещали только расходы на питание.

Нового посла Людовика XIV Дени Э-Вантеле (его отец испытал все тяготы Семибашенной тюрьмы) приняли в Константинополе плохо. Сразу возникли проблемы престижного характера. Французский протокол требовал, чтобы кораблям посла салютовали береговые батареи. В Турции такой традиции не существовало. Э-Вантеле также настаивал, чтобы на берегу его встречали турецкие офицеры. Это был порядок, установленный для английского посла. Однако визирь считал, что англичанин — не пример для других.

Контакты с султаном у посла были ограниченными. За время своей миссии французский представитель удостоивался аудиенции у мусульманского властителя в лучшем случае один раз. Ждал приема посол обычно долгие месяцы, а иногда и несколько лет. На аудиенции султан, как правило, не произносил ни слова. Переговоры вел глава правительства султана — великий визирь. Весьма нестабильная должность в Турции. С 1656 по 1683 год сменилось 3 визиря, а с 1683 по 1702 год — 12. Почему? Султан всегда и во всем был прав, а визирей он неизменно объявлял виновниками неудач и поражений.

Когда Дени Э-Вантеле впервые явился во дворец, визирь, даже не встав для приветствия, сразу разразился упреками в связи с участием французов в битве при Сен-Готарде. Посол ушел, заявив, что если визирь не будет его встречать стоя, то он уедет во Францию. На второй встрече история повторилась. Визирь опять не поднялся со своего места. Э-Вантеле молча сел на табурет и заявил, что покидает Константинополь. Визирь пришел в ярость. Тогда посол взял у переводчика текст капитуляций (неравноправный для Турции договор, предоставлявший иностранцам привилегии: торговые, налоговые,

религиозные, судебные и др.) и бросил его под ноги собеседнику. После этого он встал и ушел. Визирь приказал арестовать Э-Вантеле (султан в это время охотился в нескольких десятках километров от Константинополя). Посол три дня находился в заключении. Затем состоялась новая аудиенция у визиря. Обстановка изменилась как в сказке. Послу разрешили приехать верхом в сопровождении всадников. Визирь вышел навстречу дипломату, пожал ему руку. Беседа на этот раз прошла в полном соответствии с нормами дипломатического протокола ⁶. Что же произошло? Визирь превысил свои полномочия. Султан не хотел обострения отношений с Францией. Не хотела этого и французская дипломатия.

В соответствии с инструкциями короля задача Э-Вантеле состояла в том, чтобы раскрыть султану преимущества его дружбы с Людовиком XIV, обосновать необходимость защиты интересов католиков в турецкой империи, содействия проповедникам и иезуитам. Послу поручалось поддерживать права Венеции на остров Крит. Ему следовало убеждать султана и его окружение в том, что турецким интересам отвечало избрание французского принца на польский трон. Турция в этом случае будет иметь дело с дружественной, а не враждебной Польшей.

Французские дипломаты подчеркивали в беседах с турецкими чиновниками, что Франция располагала мощным военным флотом: 150 кораблями, готовыми к выходу в море. Иными словами, по идее Кольбера, посол должен был доказывать, что Франция по своей морской мощи превосходила и Англию, и Голландию. Французская эскадра в количестве 15—20 военных судов постоянно находилась у берегов Леванта ⁷.

Корабли и пушки... Эти «аргументы» французская дипломатия использовала не только в военно-политических, но и в торговых целях. В инструкции послу, подписанной Кольбером, указывалось, что англичане и голландцы в Восточной Индии имели доходы в 12—15 миллионов ливров в год, а французская торговля оказалась в загоне. Для ее оживления Кольбер решил создать компанию для торговли с Левантом, обладающую необходимым количеством кораблей. Послу поручалось добиться от турецких властей разрешения французам открыть склады в Египте в городе Суэц, на побережье Красного моря, обеспечить безопасность перевозки товаров как по суше, так и по воде до Средиземного моря. Посол убеждал турецких представителей, что этот план выгоден султану. Он получит доходы от пошлин, взимаемых с караванов французских компаний, следующих из Африки в Европу. Э-Вантеле должен был добиваться у турецких властей для французской торговли преимуществ больших, чем у других наций, и прежде всего снижения таможенных сборов с 3 до 2 процентов. В Александрии французская дипломатия стремилась получить склады для товаров из Франции, поступавших во владения султана.

Послу следовало считаться и с интересами марсельских деловых кругов, особенно заинтересованных в турецком рынке. Еще в 1650 году была создана марсельская торговая палата, которая обладала монополией на торговлю с Турцией. Посол переписывался с руководителями палаты и перед выездом в Константинополь обычно беседовал с ними, обобщая их просьбы и предложения. Это были неофициальные дополнения к официальной инструкции.

Кольбер установил таможенный сбор в 20 % со всех товаров, поступавших из Леванта, кроме тех, что разгружались в Марселе. Другие средиземноморские порты из франко-турецкой торговли практически исключались. Порт Марселя был свободен от налогов. Товары ввозились и вывозились без сборов. Облагались только те грузы, которые отправлялись из марсельского порта по суше.

Дени Э-Вантелю не удалось добиться улучшения франко-турецких отношений. Политика султана в отношении Франции была нестабильной. Султан хотел, чтобы Людовик XIV предоставил ему полную свободу действий в Европе. Король не мог пойти на это. Франко-турецких договоренностей добиться не удалось. Посол выехал из Константинополя. Турецкие власти всполошились. Султан послал в Париж своего

представителя Сулеймана-ага, который прибыл в Тулон 4 августа 1669 года. Турецкого посланца встречали во французских городах артиллерийским салютом. Ему посылали подарки, в его честь давали балы. А турок, по европейским понятиям, вел себя невежливо. У ворот Марселя, например, он принял поздравления местных властей, даже не сойдя с лошади.

В Париже не имели опыта приема дипломатов из азиатских государств. Задумались: как поступить? Решили, что посла султана примет Юг де Лион. У него дома создали копию турецкого дома. Учили все — вплоть до принятого у турок плана расстановки мебели, вещей. Положили на возвышении большой ковер, сотканный из золотых ниток. Не забыли и о ложе для отдыха. На нем должен был возлежать по турецкому обычаю Лион во время беседы. Придворные находились в соседней галерее и наблюдали через стеклянные двери за необычным спектаклем⁸. Но на аудиенции 19 ноября 1669 года сразу же возникли трудности. Сулейман-ага хотел вручить письмо своего повелителя не Лиону, а «императору Франции». Согласно этикету французского двора, послание монарху мог передать только аккредитованный при нем посол.

25 декабря Людовик XIV принял турецкого представителя во дворце Сен-Жермен-ан-Ле. На пышной церемонии присутствовал двор в полном составе. Король сидел на серебряном троне, украшенный бриллиантами королевства. На турецкого гостя, привыкшего к роскоши Востока, это великолепие впечатления не произвело. Он поднялся по ступенькам трона, думая, что король встанет ему навстречу, чтобы принять письмо султана. Этого не произошло. Сулейман-ага был явно недоволен и, не стесняясь, сделал несколько неприятных для французов замечаний. Когда зашла речь о богатстве короля, о его драгоценностях, гость из Турции язвительно заметил, что на лошади султана во время официальных церемоний драгоценных камней значительно больше⁹.

«Дипломатические поединки» мелкого масштаба! Отъезд французского посла из Константинополя. Бестактные выходы турецкого посланца. Все это не меняло коренным образом франко-турецких отношений. Ни король, ни султан не хотели держать двери закрытыми. Каждому из них и их министрам сотрудничество Турции и Франции, прежде всего в политической и военной, а также в торговой областях, представлялось достаточно перспективным. Особенно интересовали франко-турецкие связи Кольбера. Его цель состояла в том, чтобы добиться для французов открытия Красного моря, облегчения транзита между Суэцем и Александрией, снижения таможенных сборов в Египте до уровня других областей турецкой империи.

Кольбер лично консультировался с городскими властями Марселя, с крупными торговцами, решая вопрос, кого назначить после отъезда Э-Вантеле в Константинополь — посла или резидента. Марсельцы высказались за дипломата высокого ранга. Выбрали маркиза Нуантеля — советника парламента Парижа. Как ни странно, его рекомендовали — факт редкий — и Кольбер, и Лувуа.

На этот раз для сложной дипломатической миссии выбрали человека необыкновенного. Нуантель отдал многие годы жизни поискам античных ценностей, произведений искусства. Он прожил в Константинополе девять лет и из них пять находился в поездках — как по долгу службы, так и в личных целях. Шесть раз Нуантель проделал утомительный путь между Константинополем и Адрианополем. Он посетил острова в Средиземном море, побывал в Сирии, Палестине. Посол был молод, горяч, предприимчив.

Отъезд Нуантеля в Константинополь был подготовлен с особой тщательностью. Его сопровождали не два (как обычно), а четыре боевых корабля с пушками на нескольких палубах. Они были украшены позолоченными скульптурами, вызывавшими всеобщее восхищение. 27 дворян охраняли посла. Эскадра во главе с капитаном Дюма д'Аплемоном могла оставаться в Константинополе столько, сколько Нуантель считал необходимым.

Посла сопровождал теолог Антуан Гаглан, известный как переводчик «Тысячи и одной ночи», брат одного из директоров компании Индии, специалист по вопросам торговли в районе Красного моря и в Египте.

Вместе с Нуантелем выехал и Сулейман-ага, присоединившийся к свите посла в городе Баланс. Вчера — знаменитость, сегодня — забытый всеми представитель султана, поведение которого вызвало негодование французского двора. Он отправлялся на родину и не надеялся найти там ничего хорошего для себя: улучшить отношения между султаном и королем Сулейману не удалось. Обычная история — герой минуты, забытый на следующий день. Нуантель не должен был задерживаться в Тулоне. В Версале опасались, что султан узнает от Сулеймана о турецких рабах, закованных в цепи.

21 августа 1670 года эскадра вышла из Тулона. Только в конце октября корабли подошли к проливу Босфор. Не обошлось без происшествий. Турецкие батареи не салютовали французской эскадре. Эскадра прошла тихо, без оружейных залпов-приветствий и встала на якорь у входа в порт. Местное население было оскорблено. Французы нарушили традицию. Назревал скандал. Неожиданно появился кортеж в море. Это прибыла из Константинополя султанша Валиде, женщина необычной биографии. Русская по происхождению, она попала в гарем султана и стала матерью царствующего Мохаммеда IV. Турки потребовали оказания Валиде королевских почестей. Французы немедленно подняли на своих кораблях флаги. Тогда береговые батареи салютовали султанше, и королевская эскадра последовала их примеру. 10 ноября 1670 года Нуантель под залпы 100 орудий высадился на землю Турции. Запели фанфары. Турецкие кавалеристы и пехотинцы сопровождали посла.

Торговые переговоры, которые вел Нуантель, были длительными и сложными. Турецкую сторону представлял грек Панайотти, первый переводчик султана. Важная персона. Его, как пашу или бея, всегда сопровождала многочисленная свита. К послу он приходил со своим ковром для молитвы, который везли на лошади. Человек образованный, владелец знаменитой библиотеки старинных рукописей, он отличался ловкостью и хитростью.

Какие позиции занимал французский дипломат? Он представил 60 новых статей капитуляций. Они предусматривали уменьшение таможенных сборов с французских товаров; устанавливали, что корабли тех государств, которые не имели с Турцией торговых соглашений, должны плавать под французским флагом. В проекте соглашения говорилось об открытии в портах на Красном море французских консульств, строительстве складов¹⁰.

Посол содействовал французской торговле в районе Красного моря, в перевозке грузов на мулах и по Нилу в Каир, Александрию, а затем в Европу. Султан получал 1 процент от стоимости французских товаров в случае запрета турецкими властями торговли других государств¹¹.

Нуантель вел с великим визирем переговоры по религиозным вопросам. В Турции находились миссионеры-католики из Франции, Италии, Испании, Португалии. Они основали свои церкви, часовни, монастыри, больницы, школы. Разрешения давали турецкие власти в форме единичных актов, которые они же всегда могли нарушить или аннулировать. Только Святые места в Палестине по капитуляциям 1604 года частично принадлежали католикам.

Служителей католического культа в Турции терпели с трудом. Часто они становились жертвами религиозного фанатизма. На улицах людей, не одетых по турецким обычаям, оскорбляли и избивали.

Фактически Людовик XIV претендовал на религиозную свободу Франции на Востоке. Посол добивался сохранения за епископами их званий и права защиты ими перед официальными властями христиан, не только приехавших в Турцию с Запада, но и живущих в этой стране в качестве иностранцев и фактически являвшихся подданными Османской империи. Чиновники султана считали, что французы пытались вмешиваться

во внутренние дела Турции, хотели ограничить ее суверенитет. Эту аргументацию турецкие дипломаты использовали и в ходе переговоров.

Когда перевели турецкий текст капитуляций, оказалось, что привилегии французов сведены к минимуму. В статье о христианах упоминались только подданные короля, а не все выходцы из западных стран, жившие на Востоке. Статья о Красном море ни словом не упоминала о льготах для перевозки товаров из Франции. Подданные стран, не имевших официальных отношений с империей султана, не были обязаны плавать только под французским флагом и могли нанимать английские или голландские корабли. Такой текст соглашения не устраивал французскую дипломатию. Нуантель потребовал свои паспорта. Однако визирь не дал согласия на отъезд посла, и Нуантель возвратился из Адрианополя в Константинополь с пустыми руками.

Инструкция короля была определенной: если султан не уступит требованиям посла, тот должен вернуться во Францию. Но в Париже хорошо знали турецкие нравы и не забывали о Семибашенной тюрьме. В случае ареста Нуантель должен был заявить, что он больше не дипломатический представитель Людовика XIV, а простой его подданный. Конечно, у посла оставалась возможность уехать на французском корабле, стоявшем в порту, но турецкие батареи в Дарданеллах могли его потопить. И как неизбежное следствие такого поворота событий — война. Нуантель решил остаться на своем посту.

К этому времени обстановка в Европе изменилась. Войска Людовика XIV заняли в Голландии 45 городов. В Турции престиж французского оружия резко возрос: в Константинополе считали Соединенные провинции сильным государством. Да и Нуантель использовал благоприятный момент для укрепления влияния Франции. Он устроил прием в посольстве для всех французов, находившихся в турецкой столице. Здание посольства было ярко освещено. 250 выстрелов из пушек прозвучали в ознаменование этой встречи¹².

Посол выехал в Адринополь в мае 1673 года. Он договорился, что пошлина с французских товаров на всей территории турецкой империи, кроме Египта, составит 3 процента. Различные привилегии получили консулы и французские подданные. Турецкие дипломаты согласились с тем, что корабли государств, не подписавших капитуляции, будут плавать под французским флагом.

Послу удалось прийти к соглашению и по религиозным вопросам. Султан объявил Святые места в Иерусалиме собственностью христиан. Епископы и все католики в турецкой империи были признаны собственниками церквей, получили свободу богослужений. Турецкие власти разрешили восстановить церковь Святого Георгия в Галате.

5 июня 1673 года подписанные султаном капитуляции были вручены Нуантелю. Через несколько недель глашатаи объявили на площадях турецких городов о том, что возобновлен союз короля с султаном и права католической веры восстановлены во всех владениях Турции. Это был большой успех посла. Французские коммерсанты получили широкие возможности для торговли с Левантом. Необычная ситуация: успехи в войне с Голландией открыли Франции дорогу на Восток.

В военно-политической сфере Нуантель стремился закрепить мирные отношения между Турцией и Венецией после завершения войны на Крите. Он добивался прекращения военных действий между Османской империей и Польшей. 3 февраля 1676 года посол писал Помпону: «Польско-турецкий мир мог бы повернуть к Людовику XIV две значительные державы: Польшу, способную оказать помощь Его Величеству; Порту, способную вести войну в Венгрии»¹³.

Антигабсбургское освободительное движение в Венгрии французская дипломатия энергично поддерживала. Руководитель повстанцев Имре Тёкёли получил от французов людей, оружие, субсидии. В Версале надеялись, что Турция поддержит Венгрию. Венгры послали своего представителя в Константинополь. Нуантель обеспечил ему хороший прием. Французская дипломатия хотела, используя противоречия между императором и

султаном, спровоцировать их на военные действия. Венгерским представителям, приехавшим в турецкую столицу, посол помогал и советами, и деньгами. Он использовал все доступные ему средства, чтобы настраивать турецкие власти против Империи.

В письме Помпону от 27 января 1676 года посол сообщил, что войска султана готовы напасть на Австрию, но Людовик XIV должен взять на себя обязательство не заключать мира без согласия турок. Главное, однако, состояло в том, что в Константинополе настаивали на подписании «настоящего договора» между Турцией и Францией. Ответа визирю французская дипломатия не дала. Мог ли король — защитник христианства вступить в формальный союз с мусульманами? Памфлет «Франция в тюрбанах», получивший широкое распространение в Европе, остроумно высмеивал «дружбу» между христианнейшим монархом и верховным защитником ислама.

При посредничестве Нуантеля турецко-польский мир был подписан в 1676 году. Он не дал тех результатов, на которые рассчитывали французские дипломаты. Польского короля Яна Собеского волновала прежде всего не германская, а турецкая угроза. Он не без основания опасался, что, ослабляя Австрию, подорвет сопротивление Европы турецкой экспансии. К тому же Собеский вступил в конфликт с русским царем Алексеем Михайловичем из-за Украины. Франция не поддерживала отношений с Россией и оказать на нее давление не могла. Со своей стороны, Нуантель сообщил, что русские — опасные, опытные противники. По словам посла, турки не могли прорвать живую стену из воинов с длинными пиками. Русские солдаты не отступали. Нуантель привел отрывок из письма турецкого офицера, по словам которого «неверный, если ему отрубить руку, берет пику другой рукой»¹⁴.

И случайные обстоятельства оказали влияние на позицию Польши. «Ищите женщину» — это известное французское изречение вполне применимо и в данном случае. Жена Яна Собеского француженка Мария д'Аркьен затаила обиду на Людовика XIV, который не присвоил титула герцога ее отцу. Она настроила польского короля против России, поддержала султана. Так женская злоба оказала воздействие на политику. Что ж, такое не раз бывало в истории.

Между тем в положении самого Нуантеля в Константинополе произошли большие перемены. Он запутался в долгах. Посол перестроил дворец, не считая тратил деньги, много путешествовал, коллекционировал. Он устраивал праздники, требовавшие больших расходов. Нуантель без согласия Кольбера влезал в долги, брал на себя все новые финансовые обязательства. А генеральный контролер жалованье послу платил, как правило, с большим опозданием. К тому же у Нуантеля осложнились и личные отношения с Кольбером. Агенты посла повсюду скупали произведения искусства, старинные рукописи, драгоценные камни, монеты, медали. Однажды Кольберу сообщили, что на Кипре есть замечательная, неповторимая камья. Ему прислали рисунок этого чуда. Нуантель опередил финансиста, приобрел камью и послал ее государственному секретарю Помпону, с которым поддерживал дружеские отношения. Это была грубая ошибка. Кольбер пришел в бешенство. Взяв на себя всю ответственность, он прекратил выплату денег послу. У дипломата остался единственный источник доходов — добровольные поступления от торговцев Марселя. С конца 1676 года посол жил фактически в долг. Он был вынужден заложить меха, ткани, посуду. А денег из Франции не поступало. Тогда Нуантель прибег к недостойному методу: обложил личной данью коммерсантов-французов. И, что еще хуже, он вынуждал своих соотечественников раскошелиться под давлением турецких властей. Возмущение охватило французских коммерсантов в Леванте.

Возникли у Нуантеля и неприятности на религиозной почве. Визирь отдал грекам под охрану Святые места в Иерусалиме. Это был удар по французскому престижу на Востоке. Людовик XIV требовал от султана пересмотра решения. Безуспешно. Нуантеля, казалось, преследовал рок. Султан вернул Константинополю статус столицы, и у посла возникли проблемы, связанные с этикетом. От француза хотели, чтобы он был столь же

невзыскательным и сговорчивым, как другие его коллеги. Визирь ссылался на пример английского посла. Когда тот прибывал в Константинополь морем, турки без какой-либо необходимости заставляли корабль совершать невероятные маневры. Султан и его приближенные как зрители на спектакле наблюдали за тем, как судно боролось с течением Босфора, с трудом преодолевая его могучую силу. Другой пример. Англичанина в кресле несли на руках носильщики. Турки считали такой способ передвижения «недостойным мужчины». Визирь любил говорить, что он бы с большим удовольствием сломал убогое кресло, которое называл «клеткой». Не в пример Нуантелю, посол владычицы морей терпеливо сносил оскорбления. Не проявлял требовательности в вопросах национального престижа и резидент Голландии. На приеме у визиря он склонялся до пола. Парик почти падал с головы. В таком весьма неудобном положении голландец произносил речь, пока наконец ему не давали стул. Еще более грубо турецкие власти обращались с представителями европейских государств — вассалов султана. При малейшем недовольстве их арестовывали и бросали в Семибашенную тюрьму.

Осложнения возникли и у Нуантеля, когда 2 мая 1677 года он явился на прием к визирю. Как обычно, софа — возвышение, покрытое ковром, — помещалась в углублении стены. Посол и визирь сидели на табуретах одной высоты, а переводчики стояли рядом, другие присутствующие размещались за ними. Но место Нуантеля оказалось вне софы. Традиция была нарушена. Посол сам поставил табурет на возвышение. От возбуждения он говорил таким громким голосом, что его слышали в соседней комнате, где находился визирь. Переводчик Маврокордато пытался успокоить разгневанного аристократа. Напрасные усилия! Тогда грек заявил, что это визирь приказал поставить табурет рядом с софой. Посол действовал решительно: он покинул дворец.

Фактически дипломатические отношения были прерваны. И Нуантелю пришлось уступить. Он согласился на новую аудиенцию на ранее отвергнутых условиях: дипломат сидел ниже визиря. Уступка посла была плохо принята Людовиком XIV. Но особый гнев вызвали сведения о том, что Нуантель брал взятки у французских торговцев. Король перестал писать послу. Он оставлял его депеши без ответа, порвав со своим представителем всякие связи. Молчание Версаля длилось более 11 месяцев. Посол дрожал от страха. Он писал государственному секретарю по иностранным делам письмо за письмом. Посылал льстивые послания Людовику XIV, но они оставались без ответа¹⁵.

Только в январе 1678 года Нуантель получил письмо от Помпона. Министр сообщил, что король осудил «налоги», взимаемые послом с марсельских торговцев, и особенно был возмущен тем, что Нуантель прибегал к помощи турецких властей. Марсельцы вообще представили дело так, что Нуантель разрушал торговлю Франции с Турцией.

Сложилась парадоксальная ситуация, невиданная в истории международных отношений. Людовик XIV «сослал» в Константинополь не угодившего ему посла. «Ссылка» — у турок! Король не отзывал дипломата, он просто «забыл» о нем, бросив на произвол судьбы. Нуантель не получал ни приказов, ни инструкций, ни новостей из Франции, а главное — не получал денег. Он полностью находился на содержании у кредиторов, которые все еще не потеряли надежду вернуть свои деньги.

В Константинополе распространялись грубые пасквили на Нуантеля. Ему угрожали всяческими бедами. Иностранные дипломаты отделились от французского посла, не поддерживали с ним никаких контактов. Немилость короля ввергла его представителя в отчаяние. Он оказался в полной изоляции. «Я боюсь, что для меня больше нет солнца»¹⁶, — писал посол 29 апреля 1678 года Помпону.

Нуантель с нетерпением ждал замены. Каждый французский корабль, приходивший в Константинополь, он встречал с надеждой. Наконец-то свобода! Он сможет уехать! Но разочарование следовало за разочарованием. Проходили недели, месяцы... Положение Нуантеля становилось невыносимым. Доверие к нему было окончательно подорвано. Он видел вокруг себя только кредиторов — без пощады и

возможных заимодавцев — без уважения. Сердце посла обливалось кровью, когда он распродал свою неповторимую коллекцию — картины, рисунки, произведения из мрамора, шедевры ремесленников, с трудом находившие покупателей в Турции. Торговая палата Марсея выплатила ему деньги на несколько месяцев вперед. А жалованье от короля так и не поступало. Жить было не на что. Нищета посла бросалась в глаза в Константинополе. Ему грозили судебными преследованиями. Избежать полного финансового краха Нуантелю удалось только чудом: он продал несколько сохранившихся у него дорогих вещей. Но банкротство неумолимо приближалось. Перед дипломатом встала ужасная перспектива бесчестия и бедности.

Посол вынужден был бежать в деревню в окрестностях Константинополя. Оттуда он писал Помпону 28 июня 1678 года: «Я больше не знаю, что я собой представляю. Словно чума держит меня в четырех часах езды от Константинополя. Голод, отсутствие средств к существованию атакуют меня каждое мгновение... Я не могу даже уволить большую часть моих слуг, потому что мне нечем им заплатить». Все еще надеясь смягчить гнев короля, Нуантель направлял Людовику XIV полные подобострастия письма: «Я счастлив тем, что, согласно восточному выражению, голова моего господина — здоровая, он продолжает управлять четырьмя частями света благодаря своему авторитету и своему примеру. Пусть же он побеждает всегда, обрекая на гибель своих врагов, и пусть Господь, дав ему долголетие наших предков, сохранит его власть до дня Страшного суда»¹⁷.

Выражения рабской преданности Нуантель дополнил перечнем своих заслуг: возобновление капитуляций; уменьшение сборов с французских товаров; привилегии коммерсантам и религиозным миссиям на Востоке; расширение прав католической церкви в турецкой империи. Но и это письмо не разжалобило короля. До приезда из Франции нового посла оставался еще год. Нуантелю помогали капитаны французских торговых кораблей, особенно если им удавалось выгодно продать свои грузы. В Константинополе торговцы выплачивали ему по 50 экю в неделю. На эти жалкие подачки и жил французский дворянин. Нищий в роскошном дворце, окруженный бесценными произведениями искусства, но не имевший дров для отопления. И, тем не менее, посол упорно работал. Не получая никаких поручений от короля и Помпона, он регулярно направлял свои донесения в Париж. Его письма представляют большой интерес. Нуантель стремился не ограничиваться внешними признаками событий и людей, он проникал в души, в характеры турецких государственных деятелей, рвал паутину интриг, злых умыслов, которую они мастерски плели. Он, например, ставил вопрос, который представлял для французской дипломатии практический интерес: убьет ли султан, как это не раз случалось в Османской империи, своих братьев, страшась конкуренции с их стороны? Советники султана напоминали о «традициях» и толкали к братоубийству как к необходимому якобы средству упрочения трона. Нуантель располагал сведениями по этому более чем щекотливому вопросу.

Привлекает внимание план новой финансовой политики в отношении Турции, изложенный послом. Польша и Россия, по его мнению, должны были объединиться против турок и отбросить их за границы Европы. В то же время морские державы, в частности Франция, могли завершить освобождение христианства от исламского господства. При этом Нуантель подчеркивал, что у Турции не было настоящего флота, она имела много уязвимых мест, особенно в районе Средиземноморья. Посол считал, что угроза битвы на море заставит султана пойти на уступки в области торговли. Фактически речь шла об организации крестового похода против Османской империи¹⁸.

Наконец послом в Константинополь был назначен граф Гийераг. Он работал в Бордо, в магистратуре. Людовик XIV высоко ценил личные качества нового посла: его ум, знания, политическую активность. В Версале знали и о том, что Гийераг был опутан долгами и рассчитывал обогатиться в Турции.

Осенью 1679 года на военном корабле Гийераг прибыл в Константинополь. На прощальной аудиенции Людовик XIV сказал ему: «Я надеюсь, что Вы будете вести себя в Турции лучше, чем ваш предшественник». Ответ был достойный: «А я надеюсь. Ваше Величество не скажет то же самое моему преемнику»¹⁹.

Нуантель вернулся во Францию на том же корабле, на котором прибыл новый посол. Он умер в 1685 году, за собственным письменным столом, с пером в руке. Смерть, достойная дипломата и ученого, автора работ по истории, и культуре Востока.

Вскоре после приезда Гийерага в Константинополь пираты из Триполитании (область в Ливии, находившаяся под властью султана) захватили французский корабль и часть его экипажа продали в рабство. Людовик отдал приказ: уничтожить суда триполитанцев. Дюкен, командовавший эскадрой в Средиземном море, атаковал пиратов 23 августа 1681 года. Гийерага пригласили во дворец султана для объяснений и потребовали выплаты компенсаций: 375 тысяч экю, пригрозив заключением в Семибашенную тюрьму. Посол не испугался угроз. Чувствуя его твердость, турки снизили требования. Они запросили бриллиант стоимостью не меньше чем в 50 тысяч ливров. Гийераг опять ответил отказом. Турецкие власти настаивали сначала на 10 тысячах экю, а затем на 5 тысячах. Посол не сдавался. Тогда переводчики бросились к нему в ноги. Они говорили, что, как подданные султана, должны будут расплачиваться за французского дипломата. Но посол стоял насмерть.

Через несколько дней главный королевский таможенник нанес визит Гийерагу, чтобы обсудить с ним вопрос о подарках султану и визирю. Дипломат сообщил, что привез из Парижа ларец с драгоценными камнями, два кресла, венецианское зеркало в серебряной оправе, несколько каминных часов, гобелен и большое количество тканей — сукна, атласа, бархата, парчи. На этой «подарочной основе» перемирие было установлено²⁰. Гийерагу удалось добиться согласия султана на боевые действия флота Франции против пиратов Алжира, Туниса и Триполи, подрывавших французскую торговлю. В Константинополе Гийераг и скончался в 1684 году.

В начале 1685 года послом в Турцию король назначил Пьера Жирардена. Он знал турецкий язык и уже бывал в империи султана. В королевской инструкции уделялось первостепенное внимание вопросам престижа. Жирардену поручалось при переговорах у великого визиря сидеть только на софе, строго соблюдать церемониал, никогда не забывая о величии Людовика XIV. Задача посла состояла в том, чтобы закрепить союз Турции и Франции. В Версале подчеркивали, что успехи французской армии создавали для этого надежную основу: она захватила провинцию Люксембург, земли по Рейну, Страсбург. Была подвергнута жестокому артиллерийскому обстрелу Генуя, сотрудничавшая с Испанией.

Интересной аргументацией по вопросам франко-турецкой торговли вооружала Жирардена инструкция, под которой стояли две подписи — короля и Кольбера. Послу следовало доказывать султану и его чиновникам, что англичане, голландцы, венецианцы, пользовавшиеся свободой торговли, наносили ущерб Турции, лишая ее таможенных сборов. Они везли товары из Восточной Индии через мыс Доброй Надежды, а не через турецкую территорию; по своему качеству французские сукна превосходили английские и голландские; султану было выгодно вернуться к статье капитуляций, в соответствии с которой корабли из Голландии плавали под французским флагом. Посол добивался открытия французских складов в Суэце и Джидде на Красном море. Ему вменялось в обязанность запрещать матросам с французских кораблей торговать самостоятельно, в ущерб коммерсантам²¹. Посол серьезно относился к данным ему поручениям, проявлял личную инициативу.

В письме от 5 октября 1686 года он писал, что в интересах национальной торговли следовало построить «канал, соединяющий Красное и Средиземное моря»²².

Ведя войну с Империей, турецкие правители стремились обеспечить благоприятную для них позицию Франции. Поэтому в 1683 году они уменьшили в Египте

таможенные пошлины с французских товаров с 20 до 3 процентов. Французские коммерсанты получили преимущества в Каире, а также в Александрии, где они скупали главным образом кофе, рис, зерно, особенно в периоды неурожая во Франции; из Измира и Сайды вывозили шелка, хлопок, кожу, ткани, материалы из шерсти. Быстро развернулась торговля на Балканах. Греческий порт Салоники с 1685 года занимал важное место в экспорте зерна во Францию. Эта страна вернула себе первое место в торговле с Египтом и Сирией. Французские сукна, например, вытеснили голландские.

Ровно три года Жирарден пробыл на своем посту. Он скончался в турецкой столице в 1689 году. После смерти Жирардена послом в Константинополь король назначил Пьера де Шатенеф. Его приезд совпал с началом войны Франции с Аугсбургской лигой (об этом в последующих главах). В новых условиях франко-турецкая торговля отошла на задний план. Посол вступил в активные переговоры в Константинополе с целью побудить султана к боевым действиям в Венгрии против войск императора, к признанию главы венгерских повстанцев Имре Тёкёли князем Трансильвании.

Посол использовал все свое красноречие, чтобы убедить султана и его окружение в могуществе Франции, имевшей на суше и на море более 300 тысяч человек и способной воевать в течение десяти лет.

И еще одну цель поставили в Версале перед послом: убедить султана в том, что Яков II будет восстановлен на английском престоле (он уже овладел всей Ирландией и располагал 50-тысячной армией), а Вильгельм Оранский потерпит поражение. Он враждебен Турции и предан императору. Поэтому султану не следовало признавать голландского посла. Аргументация, казалось, была обстоятельной и всесторонней. Но власти в Константинополе занимали осторожную и выжидательную позицию. Толкнуть Турцию на конфликт с Империей Шатенефу не удалось. Не добился он и свободы торговли французских коммерсантов в Черном море, создания благоприятных условий для перевозки их товаров через Египет²³.

Итак, формального франко-турецкого союза не существовало. Да и невозможно было представить мусульманина-янычара и католика-драгуна, сражавшихся бок о бок против австрийцев под Веной. Но даже нейтралитет Турции был выгоден Людовику XIV в период изнурительной войны со странами Аугсбургской лиги, потребовавшей напряжения всех материальных и финансовых ресурсов Франции.

Впрочем, считать, что в принципе союз Франции и Турции был невозможен из-за непримиримого конфликта между исламом и христианской верой не следует. Государственные интересы — вот, что превыше всего.

18

Коварный герцог Амедей

Герцоги Савойские страдали династической болезнью величия. Их владения (территория Пьемонта), расположенные в Северной Италии, были обширными и богатыми. Дворец в столице — Турине сравнивали с дворцом в Фонтенбло, а савойский двор — с двором Людовика XIV. Сравнение, разумеется, спорное. Возможности — и материальные, и людские — были у двух монархов совершенно разные. И, тем не менее, герцог Виктор Амедей II доставлял много забот королю Франции и его министрам.

Виктор Амедей родился в мае 1666 года. Он наследовал своему отцу в 9-летнем возрасте. Регентшей была его мать — мадам Руаяль (так ее называли). Время шло. Молодой герцог, став совершеннолетним, оставил власть в руках матери. Регентство длилось около девяти лет.

Французскую политику в Савойском герцогстве проводил Лувуа. Эта политика, учитывавшая военно-стратегическое значение района Пьемонта, преследовала далеко идущие цели. Людовик XIV стремился держать в своих руках подступы к Северной

Италии, дороги, ведущие на Апеннинский полуостров — возможный театр военных действий против Испании и Австрии. Вот почему «итальянские дела» представляли для Лувуа особый интерес. Здесь, при герцогском дворе, военному министру необходим был свой человек, и он его имел. Это был маркиз Пианезе, изгнанный из Савойи за интриги и финансовые махинации, но по требованию французов восстановленный во всех чинах и званиях. Правда, регентша добилась, чтобы опальный аристократ жил в своих владениях в Монферрате¹.

Людовик XIV и Лувуа стремились подчинить Савойское герцогство, изолировать его от Испании и Империи. Так, король и его министр требовали, чтобы регентша не принимала представителя Карла II, уже выехавшего из Мадрида. Методы, прямо скажем, недипломатические. Французский посол Эстрад сообщал 25 ноября 1679 года: «Мне не трудно было узнать, что ее возмутила манера, в которой король потребовал этого знака зависимости»².

И, тем не менее, герцогиня искала поддержки у Лувуа. Она писала ему 16 февраля 1681 года: «Все, что я желаю, это иметь дело только с Вами и чтобы все проходило через Ваши руки»³. Лувуа твердо следовал этому пожеланию. При его участии была выбрана невеста для Виктора Амедея — принцесса из дома Браганса, правившего в Португалии. Но Виктор Амедей не хотел жениться на португалке. Было ли это его решение самостоятельным? Едва ли. Скорее всего на герцога оказывали влияние первый министр и придворные. Они ссылались на слабость Португалии, на ее зависимость от Франции, опасались ухудшения отношений с Испанией, говорили об антипортугальских настроениях населения Савойи.

Приняв твердое решение в брак с португальской принцессой не вступать, юный Виктор Амедей вел себя осторожно. Он понимал, что затеял опасную игру с Людовиком XIV. Но герцог был хорошим актером. Он заявил матери и посланнику Португалии, всему двору, что поедет в Лисабон в мае или в июне 1682 года. Заведомая ложь. Лувуа догадывался об этом. Он не верил в чудеса в политике. Его настораживала легкость, с какой герцог говорил о своей женитьбе. Лицемерие молодого человека государственный секретарь видел отчетливо. Он писал Пианезе: «В Пьемонте активно интригуют и надеются больше, чем когда бы то ни было раньше, что свадьба не состоится. Будьте уверены, что испанцы не упустят случая, чтобы ее сорвать»⁴.

Тем не менее спектакль, рассчитанный на обман французской дипломатии, герцог разыгрывал безукоризненно. Посол Савойи в Лисабоне Дронеро организовал торжественную церемонию заочной помолвки Виктора Амедея с инфантой. Однако в Версале отдавали отчет в реальном положении. Как писал Лувуа Пианезе 22 июля 1681 года, «король с неудовольствием узнал о глубокой меланхолии, в которой, по-видимому, находится герцог Савойский, и о плохом отношении всей страны к свадьбе его королевского высочества»⁵.

Дронеро, вернувшийся из Лисабона, накалил страсти в Турине. По его словам, народ в Португалии находился в бедственном положении. Нелестно отзывался он и об инфанте. Среди населения распространялись слухи, что португальцы будут управлять Савойей, а в крепостях Ниццы и Турина они разместят свои гарнизоны.

Масла в огонь подлил аббат Эстрад. 31 августа 1681 года он, по указанию Круасси, во дворце в Турине в присутствии всего двора подошел к Дронеро и громко заявил, что король недоволен его поведением. Дронеро, знавший злопамятность Людовика XIV и смертельно его боявшийся, упал в кресло, как от удара молнии. Его отвезли домой без сознания. Регентша прямо заявила послу, что она возмущена его поведением. Только юный герцог сохранял невозмутимое спокойствие. Более того, он сказал Эстраду, что Людовик XIV прав.

Однако антифранцузские настроения в герцогстве проявлялись открыто. Повсюду ставились вопросы: существует ли Савойский дом? Не является ли дворец в Турине

прихожей Версаля? Может быть, Пьемонт — это бесплатное приложение к крепости Пиньероль, принадлежавшей Франции?

Свадебная церемония приближалась. Кортесы Португалии дали согласие на брак инфанты с Виктором Амедеем, хотя, по конституции, она не могла выходить замуж за иностранного принца. Все, казалось, было решено. В порт Вилефранш, в 6 километрах от Ниццы, прибыли 12 празднично украшенных кораблей, чтобы доставить жениха в Португалию. Но Виктор Амедей перед выездом в Лисабон неожиданно «заболел». Начало болезни точно совпало по времени с поступлением из Лисабона сведений об отплытии эскадры. Симптомы «недуга» нарастали. Молодой человек стал капризным и требовательным. Врачи боялись не только за физическое состояние больного, но и за его психику. Виктор Амедей не хотел никого видеть. Он ничего не ел, слабел с каждым днем, не давал даже прослушать пульс. В Турине распространились слухи, что герцог в начале сентября 1681 года потребовал своего духовника. В Лисабоне поняли, что свадьба не состоится. 26 сентября португальский посол заявил об отъезде из Турина и в тот же день покинул город со всем посольским персоналом. Прошло всего трое суток, и свершилось чудо: Виктор Амедей исцелился.

Обманутым чувствовал себя и Людовик XIV. По его поручению аббат Эстрад сообщил регентше и ее сыну, савойским министрам, что вопрос о женитьбе Виктора Амедея без согласия и участия короля Франции никогда не должен рассматриваться.

К заявлению короля в Турине отнеслись со всей серьезностью. В конце 1683 года регентша поручила своему послу в Париже просить у Людовика XIV руки мадемуазель Блуа — дочери Филиппа Орлеанского. Король занял осторожную позицию. Он не принял посла Савойи и через Лувуа сообщил, что замужество для мадемуазель Блуа не актуально. Видимо, Его Величество поторопился. Слишком велики были военно-стратегические интересы Франции, связывавшие ее с Савойским герцогством. Прошло немного времени, и в Версале дали согласие на брак племянницы короля и Виктора Амедея.

7 мая 1684 года жених встретил на франко-савойской границе невесту — Анну Марию Орлеанскую. Это был обычный для коронованных особ Европы брак: невесте — 15 лет, жениху — 18. По тем временам — нормальный возраст для создания королевской семьи.

Возможно, читатель задаст вопрос: не слишком ли много внимания уделил автор «семейным делам» двух династий? Это внимание вполне оправданно. Людовик XIV придавал первостепенное значение фамильным союзам и настойчиво «проталкивал» своих родственников на европейские троны. Правда, практические результаты этих усилий для внешней политики Франции часто были равны нулю.

Да и какое реальное значение могли иметь, например, для властного, вероломного, корыстного Виктора Амедея II семейные отношения? «Сделайте ему добро: этот принц его не воспримет. Сделайте зло: он впадет в бешенство. И никогда он не испытывает чувства признательности. Конечно, он ненавидит все, ненавидит самого себя. Он остерегается всего и никому не доверяет»⁶. Нелестно отзывался о герцоге генерал (впоследствии маршал) Тессе, длительное время занимавшийся итальянскими делами. Он замечал: «Герцог Савойский никогда не будет ни удобным, ни приятным, ни решительным союзником»⁷.

Со своей стороны, правитель Савойи с трудом переносил самоуправство французского короля. Он говорил Тессе: «Упросите короля дать нам посла, который нас оставит в покое наедине с нашими баранами, нашими женщинами, нашими матерями, нашими любовницами и нашей прислугой. Угольщик должен быть хозяином в своем домишке»⁸.

Виктор Амедей, едва приняв решение о женитьбе, например, или какое-нибудь другое, уже думал, не ошибся ли он, не продешевил ли, получил ли максимум возможных выгод. Герцог всегда был готов к измене союзнику, к переходу из одного лагеря в другой. Он боялся Людовика XIV, но опасался и германского императора, стремившегося к

бесконтрольному господству в Италии. В итоге савойские правители постоянно попадали в неудобное и опасное положение людей, оказавшихся между тремя жерновами: австрийским, испанским и французским.

Особую тревогу вызвало в Турине подписание в июле 1681 года договора между Францией и Мантуей. Французские войска вошли в крепость Казаль, занимавшую ключевые позиции в Северной Италии. Герцогиня-мать сообщила императору, что «она испытывала отчаяние и, если бы могла, воспротивилась бы всей силой своего сердца приходу войск короля»⁹.

Но Лувуа по-прежнему считал, что для Франции выгодно правление регентши в Турине. Он писал: «До тех пор, пока продлится ее власть, король может верить, что с этой стороны его интересы более обеспечены, чем если бы войска находились в главных крепостях страны». По мнению государственного секретаря по военным делам, обладание французами крепостью Пиньероль являлось залогом доброго поведения герцога Савойского, «как бы ни был он предан испанцам»¹⁰.

У Людовика XIV были далеко идущие планы. Он хотел, чтобы регентша пригласила его войска на свою территорию и предоставила им 3—4 крепости. По своему обыкновению король не делал формальных предложений, с присущим ему высокомерию ожидая, что они поступят из Турина. Но герцогиня хотела получить от короля «моральную поддержку». Для этого французские солдаты нужны ей были не в Пьемонте, а в прилегающих к нему районах — в Дофине или в Провансе. Лувуа ответил, что считает такое использование армии абсолютно неэффективным. Он хотел, чтобы герцогиня назвала крепости, которые французские войска могли бы занять, обеспечив защиту дорог, ведущих в Казаль, настаивал на подтверждении регентшей ее верности Людовику XIV.

В Версале попытались использовать и обычный метод — подкуп. Круасси через Эстрада предложил пожизненную пенсию герцогине в 100 и даже в 150 тысяч ливров. Переговоры завершились для французов плачевно. Регентша была оскорблена. Она не скрывала гнева. Однако в Турине боялись испортить отношения с Францией. Слишком это было опасно для Савойской династии. И поэтому Эстрад получил подготовленный дипломатами герцога проект договора о сотрудничестве между двумя странами. Он предусматривал ежегодную выплату Францией субсидий Виктору Амедею в размере 200 тысяч экю. При этом условии численность французских войск в Савоие могла быть увеличена: пехоты — от 7 до 10 тысяч, кавалерии — с 800 до 8 тысяч человек. Однако сумму выплат Виктору Амедею в Версале уменьшили до 100 тысяч экю.

Франко-савойский договор был подписан и ратифицирован Людовиком XIV 8 декабря 1681 года. На несколько лет конфликт между Францией и Савоией был улажен. Договор отвечал главному стремлению французской дипломатии: стремлению закрепить преобладание Франции в Европе. Но вскоре герцог Савойский примкнул к противникам Людовика XIV, создавшим новую коалицию против Франции.

В июне 1686 года в городе Аугсбурге, расположенном в Баварии, собрались для обсуждения положения в Европе представители Империи, Голландии, германских государств. Они создали так называемую Аугсбургскую лигу с целью ограничить экспансию Людовика XIV на Европейском континенте. К новой антифранцузской коалиции присоединились Испания, Англия, Бранденбург. Даже Швеция, старый союзник Франции, покинула ее. Фактически против французского королевства объединились основные государства Европы. Попытка окружения и изоляции Франции — так расценили создание Аугсбургской лиги в Версале.

Общеввропейская война приближалась. Идейной прелюдией к ней явился манифест Людовика XIV, опубликованный 24 сентября 1688 года, в котором король противопоставил свое «великодушное» враждебности императора и германских принцев. Они, по мнению Людовика, не хотели, чтобы перемирие, заключенное в Регенсбурге в 1684 году, превратилось в устойчивый мир. В манифесте говорилось, что Аугсбургская лига имела своей целью нападение на Францию.

Сразу после того, как королевский манифест был послан императору, французские войска вторглись на территории, расположенные поблизости от границ страны. Началась война за пфальцское наследство. Умер правитель княжества Пфальц, и на большую часть его территории с главным городом Гейдельберг претендовала по праву семейного наследования Элизабета-Шарлотта, герцогиня Орлеанская. Разумеется, в роли защитника ее интересов выступал Людовик XIV.

Французские войска оккупировали весь левый берег Рейна, за исключением Кобленца. На правом берегу французы захватили часть Пфальца. Многие крепости сдались без боя. Города Спир, Трир, Вормс, Оппенгейм, Майнц, Ман-гейм сопротивлялись в течение трех дней. Дольше всех держался Филиппсбург — 19 дней. Город сдался только в конце октября.

По приказам Лувуа французские солдаты сожгли многие германские города, наложили на население огромную контрибуцию. Не щадили даже соборы и исторические памятники.

По всей Европе нарастало возмущение французами. Империя объявила войну Франции в феврале 1689 года, Англия и Голландия — в марте, Бранденбург — в апреле, Испания — в мае.

Фактически против Франции выступила объединенная Западная Европа. Только Швейцария осталась нейтральной. Польша, Швеция, Дания, Португалия также не участвовали в конфликте, но и не оказывали Франции военной помощи. Расчеты Людовика XIV на содействие Турции, обескровленной длительной войной против Империи, не оправдались.

Уже в 1689 году французская армия потерпела ряд поражений, из которых главным явилась потеря Майнца. Ответственность нес прежде всего Лувуа. Назначенные им генералы были людьми заурядными, неспособными руководить операциями крупного масштаба, мыслить стратегически. А сам Лувуа пытался направлять боевые действия из своего служебного кабинета в Версале, разумеется, от имени короля. Он не считался ни с кем. Военный министр любое критическое замечание в свой адрес отвергал, а всех недовольных преследовал, изгонял из армии.

В течение девяти лет война велась на многих фронтах, в том числе и на итальянском, где Людовик XIV вынужден был держать крупные боевые силы, остро необходимые в борьбе против Империи, Голландии, германских государств. Многое зависело от позиции Виктора Амедея II. Полагаться на него было трудно. Что поделаешь, кому удастся выбрать себе союзников или врагов?

В Версале прекрасно понимали, что за герцога Савойского необходимо побороться. Тайные переговоры с савойскими дипломатами вели маршал Катина, командовавший французскими войсками в Италии, и генерал Тессе. «Это был крупный человек, хорошо сложенный, подтянутый, приятный, мягкий, обходительный, вежливый, льстивый, желающий нравиться всем. Он вскоре стал, как и Юксель, но в другом жанре, человеком, выполнявшим любые поручения Лувуа, тем, кто отовсюду информировал его обо всем; он был быстро за это вознагражден»¹¹, — писал Сен-Симон.

В 1686 году Тессе руководил войсками, принуждавшими протестантов переходить в католическую веру. Успех Тессе превзошел все ожидания. Солдаты, не стесняясь в средствах, вынудили тысячи людей обратиться в католичество в течение одного дня.

Кроме Лувуа у Тессе были и другие влиятельные покровители и покровительницы. И среди них — маркиза Ментенон. По ее просьбе, переданной через Катина, храбрый генерал защитил молодых монахинь, находившихся в Пиньероле, от бесцеремонных посягательств грубой солдатни. Поручение Ментенон Тессе выполнил самым добросовестным образом. С тех пор она неоднократно оказывала поддержку генералу.

Перед Катина и Тессе стояли сложные задачи. После создания Аугсбургской лиги Виктор Амедей решил порвать со своим французским союзником и ждал лишь удобного момента. Военные возможности Савойи были ограниченными. Но герцог навязывал свои

условия, угрожал Франции разрывом отношений, заключением новых союзов, раздавал обещания участникам Аугсбургской лиги. Благодаря своей авантюристической тактике герцог набил себе цену, стал играть значительную роль в антифранцузской коалиции.

Виктор Амедей осмелел. Без переговоров с французами, не предупредив их, он ввел полицейский досмотр почты из Франции. Лувуа 26 июля 1688 года сообщил посланнику в Турине Арси, что король не согласится ни с какими «новшествами» в вопросах транзита почты через Савойю.

В Версаль поступали все новые тревожные сигналы. Курьер, направлявшийся из Рима, не разрешил осматривать свои мешки. Но местные таможенники принудили его это сделать. Через несколько дней почту, следовавшую из Лиона, остановили у самого Турина, а поклажу курьера захватили, хотя он вез дипломатическую переписку. Людовик XIV заявил послу Виктора Амедея, что при повторении подобных фактов он прикажет комендантам Пиньероля и Казалья взять заложников в Савойе. Пьемонтские власти вынуждены были принести французской стороне официальные извинения¹².

Вскоре возникли новые трудности во франко-савойских отношениях. Начался набор рекрутов для французской армии. 14 октября 1688 года государственный секретарь по военным делам поручил Арси потребовать у Виктора Амедея 2—3 пехотных полка — треть всего савойского войска. Герцог соглашался предоставить только 1300 рекрутов, да и то при условии, что они не будут использованы против императора. Лувуа настаивал также в беседах с савойскими дипломатами, чтобы численность роты составляла 50, а не 30 человек. Дискуссия с Виктором Амедеем продолжалась месяц. Наконец Людовик заявил, что ему вообще не нужны савойские солдаты. Герцог всполошился. Он просил не унижать его, продолжить переговоры. Что же произошло? Почему смирился самонадеянный молодой правитель? Французы одержали ряд побед на фронтах. Город Филипсбург в Баден-Вюртемберге пал. Пфальц был завоеван. Район Кёльна оккупирован. Эти обстоятельства и объясняют неожиданную уступчивость правителя Савойи. 12 декабря 1688 года Лувуа сообщил Арси, что он готов возобновить секретные переговоры о 3 савойских полках для армии Франции. Договорились в Турине, что численность одной роты составит 40 человек. Компромисс был достигнут.

В 1689 году европейская ситуация изменилась. Началась война между Францией и Голландией. Вильгельм III Оранский в результате государственного переворота стал королем Англии. Экспедиция Якова II в Ирландии, подготовленная на французские деньги и осуществленная на французских военных кораблях, потерпела поражение. Герцог Савойский вернулся к авантюристической тактике. Он начал притеснять своих подданных, просивших разрешения поступить на службу к королю Франции. Это было настолько скандально, что Людовик XIV в письме от 3 февраля 1689 года своему посланнику в Турине писал о лично ему наносимом оскорблении.

Наконец 3 полка, с трудом сформированные в Савойе, отправились во Францию. К этому времени пожары в Пфальце, падение Майнца изменили положение в Европе. Антифранцузские настроения усилились. Протестанты-эмигранты настраивали общественное мнение против Людовика XIV в Германии, Голландии, Англии, Швейцарии. В начале сентября 1689 года 600—700 протестантских изгнанников прошли через Савойю. Вопреки требованиям Людовика XIV, их не преследовали, не возвращали во Францию. Арси обвинял герцога в безответственном поведении и даже в предательстве. Виктор Амедей не испугался. Он убрал лодки с солдатами на Женевском озере, которые должны были преградить путь беженцам из Франции.

Тревожную депешу Арси от 15 сентября 1689 года прочитали в Государственном совете. Враждебность герцога религиозной политике Людовика XIV была настолько очевидной, что Круасси посчитал Виктора Амедея не вполне нормальным человеком. Иной была позиция Лувуа. По его мнению, савойский дом решил предать Францию или, по крайней мере, использовать в своих целях угрозу разрыва с ней. В таких условиях, по мнению военного министра, проявление слабости со стороны французов явилось бы для

герцога самой лучшей поддержкой. Людовик пытался примирить пассивность Круасси и агрессивность Лувуа. В Версале подготовили депешу Арси, в которой говорилось, что 3 савойских полка останутся во Франции, а 5—6 тысяч драгун будут готовы вступить в Пьемонт, как только Виктор Амедей обратится к Людовику XIV с такой просьбой.

Как всегда, герцог хитрил. Он выиграл время, не хотел приглашать французские войска в Савойю и тем более пускать их в свои крепости. 21 мая 1690 года Катина получил письмо Виктора Амедея, в котором герцог обещал (в принципе!) передать французам крепость Турин и населенный пункт Верю. Письмо переслали в Версаль с неслыханной для тех времен скоростью. Уже 24 мая оно было у Людовика XIV. И, тем не менее, Лувуа был возмущен. Он ставил вопрос: почему Катина немедленно не вошел в Турин и позволил Виктору Амедею выиграть время? Действительно, Турин готовился к возможной осаде крепости французами. За 8 дней город был укреплен. Население получило оружие. Необходимое время Виктор Амедей выиграл. Летом 1690 года герцог заключил с императором договор о наступательном союзе и одновременно антифранцузское соглашение с Испанией. Герцогство Савойское вступило в войну с Францией. Союзники щедро отблагодарили Виктора Амедея за очередное предательство: он был назначен генералиссимусом войск Аугсбургской лиги в Италии.

Интриган остается интриганом. И переговоры с Францией Виктор Амедей не прекратил. В декабре 1690 года он заявил, что если границы его владений будут неприкосновенными, то он найдет возможность защитить границы Франции от испанцев и германцев. Для этого герцог требовал прекращения французами боевых действий в течение трех месяцев под честное слово, без подписания каких-либо документов. Людовик согласился с предложением Виктора Амедея. Он хотел, прекратив войну в Италии, высвободить свои силы. Но решить эту задачу можно было только путем союза с Савойей. Переговоры вел Катина. Он предложил следующие условия Виктору Амедею: разрыв союза с врагами Франции; немедленно после обмена ратификационными грамотами франко-савойского соглашения передача Людовику XIV ряда территорий в графстве Ницца и в Савоие.

Виктор Амедей должен был направить 3 пехотных полка и 3 полка драгун во Фландрию. Переговоры затянулись.

Мир в Италии необходим был французам. Поэтому Людовик XIV 9 февраля 1693 года собственноручно написал Тессе в Пиньероль письмо, в котором сообщил, что после установления мира он вернет Виктору Амедею земли в Пьемонте и Ниццу. Последнее средство, к которому мог прибегнуть Тессе, как говорилось в письме, чтобы гарантировать выполнение савойской стороной договоренностей с Францией, — это потребовать от Виктора Амедея в качестве заложников его детей — дочь и сына. Самому герцогу Людовик XIV готов был платить на протяжении четырех лет по 200 тысяч экю ежегодно. В Версале рассчитывали, что если и после подписания франко-савойского мира война в Италии продлится, то Амедей объединит свои войска с французскими.

Коварный герцог, оставаясь верным себе, разыгрывал двойную карту. С одной стороны, под нажимом союзников он атаковал Пиньероль. С другой — тормозил доставку снарядов для орудий, обстреливавших этот город. 22 сентября 1693 года герцог направил своего представителя Грюпеля в крепость для продолжения тайных переговоров с Тессе. Посланец Виктора Амедея привез очередной хитроумный план. Он предложил, чтобы войска Катина вторглись в Пьемонт и тем самым «вынудили» герцога прекратить осаду Пиньероля. Тессе сомневался в искренности герцога Савойского. Он считал, что это западня. Грюпель вернулся в свой лагерь, не достигнув результатов¹³.

Через несколько дней начался артиллерийский обстрел Пиньероля. На крепость союзники Виктора Амедея по антифранцузской коалиции бросили 4 тысячи бомб. Зданий пострадало немного: 14 сгорело, 20 были частично разрушены. Французы потеряли 35 человек.

В конце сентября 1693 года Катина перешел в наступление в районе Турина. Под городом его солдаты сожгли дворец Сен-Тома, первого министра герцога. Через несколько дней такая же участь постигла и замок Риволи. 4 октября французы одержали победу над войсками герцога Савойи, потерявшими около 10 тысяч человек; 2 тысячи пьемонтцев попали в плен. Так закончилась знаменитая битва под деревней Марсалья.

Герцог Савойский был смертельно напуган таким оборотом военных действий. Он предпринял активные дипломатические шаги. По приглашению Виктора Амедея Тессе в течение недели (с 30 ноября по 6 декабря 1693 г.) вел переговоры в Турине. Первый министр Сен-Тома критиковал Лувуа за то, что именно он, государственный секретарь по военным делам, очень грубо обращался с герцогом и тем вынудил его присоединиться к Аугсбургской лиге. Глава правительства Савойи выражал недовольство и поведением французского посла в Турине, обвинил его во вмешательстве во внутренние дела савойского государства. В ходе бесед савойские правители принесли Тессе извинения за артиллерийский обстрел Пиньероля, заявив, что на этом настояли испанцы и германцы. Переговоры показали возможность соглашения герцогства Савойского и Франции, направленного против империи Габсбургов.

Военные успехи всегда имеют и обратную сторону. И маршал Катина не без оснований опасался, что победа при Марсалья затруднит переговоры с герцогом Савойским, так как в Версале в новых, более благоприятных условиях будут проводить более жесткую линию. В январе 1694 года он решил послать Тессе в Версаль, чтобы уговорить Людовика XIV дать согласие на подписание франко-савойского соглашения.

Тессе добился своей цели. В Версале согласились на подписание соглашения с Савойей. Но обстановка опять изменилась. В Вене отвергли политику нейтралитета Италии. Герцогу угрожали войной, если он выйдет из антифранцузской коалиции. Виктор Амедей потребовал от Тессе «отсрочки». Он доказывал, что если получит необходимое время, то добьется и в Мадриде, и в Вене согласия на нейтрализацию Апеннинского полуострова, что означало бы отказ союзников от ведения военных действий в этом районе. А пока, говорили в Турине, войска Савойи не будут вести активных военных действий и не станут ввязываться в решающие сражения. И Катина, и Тессе упорно настаивали на тайном подписании франко-савойского соглашения, которое подтверждало бы добрые намерения герцога и его «готовность» к бездействию. Виктор Амедей французское предложение отклонил. В переговорах Франции и герцогства Савойского наступило затишье до марта 1695 года.

Сложилась любопытная ситуация. В Италии, казалось, противники играли в кошки-мышки. В течение 1694 года они боевых действий не вели. Тессе находился со своими войсками в Пиньероле. Против этой крепости савойские войска не предпринимали наступления. С целью успокоить двор в Вене герцог Савойский блокировал Казаль силами корпуса в 6 тысяч человек. Блокада продолжалась всю зиму 1694/95 годов. Для обеих сторон стало очевидным, что такое положение долго продолжаться не может.

Несколько раз представитель герцога Группель курсировал между Туринем и Пиньеролем. 6 апреля 1695 года, приехав в крепость, он начал переговоры необычным образом: передал Тессе портрет дочери Виктора Амедея и предложил договориться о ее браке с герцогом Бургундским. При савойском дворе рассчитывали сначала установить семейные династические связи, а потом прийти к соглашению с Людовиком XIV по военно-политическим вопросам. Но переговоры оказались бесплодными¹⁴.

Прошло несколько недель. 29 апреля Виктор Амедей направил Тессе письмо, в котором предложил, чтобы комендант Казалья вначале отказался капитулировать, но через несколько часов сам открыл ворота, предварительно полностью уничтожив городские и крепостные укрепления. Этот план был приемлем для французов. Удержать в своих руках крепость они не надеялись и поэтому были заинтересованы в ее разрушении. И герцог Савойский получал свободу действий как генералиссимус союзных армий.

В связи со сдачей Казалья войска участников Аугсбургской лиги обязались до 1 ноября 1695 года не предпринимать военных действий на территориях, принадлежавших французскому королевству или завоеванных французскими войсками. Виктор Амедей поручался, что союзники не перебросят свои войска в Испанию (в Каталонию), в другие страны Европы. Людовик XIV не должен был ни использовать солдат Франции во владениях герцога Савойского и на территориях его союзников в Италии, ни передислоцировать из района Альп свои войска, ни посылать находящиеся в Италии воинские части во Фландрию или Германию. Герцог хотел получить заверение в том, что французская армия будет состоять не более чем из 112 батальонов и 36—40 эскадронов, а он, со своей стороны, обещал сообщить данные о вооруженных силах Савойи и ее союзников. В случае, если союзники не согласятся на капитуляцию крепости Казаль и ее разрушение, Виктор Амедей обещал порвать все соглашения с Аугсбургской лигой и с каждым из ее членов в отдельности, объединить свои войска с французскими и сражаться с ними вместе. Более того, герцог заявил, что он будет действовать немедленно и не намерен ждать прибытия курьеров с новыми инструкциями для генералов союзных войск из их столиц.

В конце июня 1695 года войска противников Франции атаковали Казаль. Как и предложил герцог, комендант Гренан в ночь с 8 на 9 июля объявил о капитуляции крепости. Генералы императора настаивали на максимально жестких условиях капитуляции, но Виктор Амедей не принял их требований, угрожая в случае несогласия перейти на сторону французов. В итоге были подписаны условия, согласованные с герцогом Савойским. Укрепления крепости разрушили. 2500 французских солдат и офицеров покинули Казаль и 25 сентября прибыли в Пиньероль. Первая часть программы Виктора Амедея была осуществлена¹⁵.

Пришла очередь Пиньероля. 23 ноября 1695 года Грюпель предложил, чтобы Франция навсегда отказалась от этой крепости, и тогда герцог Савойский порвет с врагами Людовика XIV. Этот проект в Версале отклонили: не хотели терять ключи к воротам Италии. Но война безжалостно диктовала свои условия. В целом военные действия разворачивались неблагоприятно для Франции. Необходимо было высвободить французские войска, увязшие в Италии, перебросить их на другие фронты. И Людовик XIV принял предложения Виктора Амедея.

30 мая 1696 года Тессе и Грюпель подписали условия предварительного мирного соглашения (прелиминарии), согласно которому Франция и герцогство Савойское вступали в наступательный и оборонительный союз, действующий до установления мира в Европе. Король отдавал Савойе Пиньероль с разрушенными укреплениями при условии, что они никогда не будут восстановлены. Французы отказывались от захваченных ими территорий Савойского герцогства, от графств Ницца и Сюз, но эта договоренность вступала в силу после ухода имперских и испанских войск из Италии. Пиньероль французы обязались вернуть Виктору Амедею после заключения всеобщего мира. В Версале взяли обязательство не подписывать мирного договора с Веной и Мадридом без согласия герцога Савойского. Решено было начать переговоры о женитьбе герцога Бургундского на старшей дочери Виктора Амедея Марии Аделаиде. После выхода Савойи из Аугсбургской лиги Людовик XIV обещал рассматривать ее посла как представителя коронованной особы.

Стороны договорились, что если участники Аугсбургской лиги откажутся от нейтралитета Италии, то савойские и французские войска под командованием Виктора Амедея выступят против общего врага. В этом случае Франция обязалась выставить не менее 26 тысяч солдат и офицеров; направить в герцогство Савойское 10 500 воинов, из которых 2500 — кавалеристы. Предлагалось объявить перемирие до 1 сентября 1696 года. Если к этому времени император и испанский король не согласятся на признание нейтралитета Италии, то герцогство Савойское выступит вместе с Францией против империи Габсбургов и Испании. На протяжении всего периода военных действий на

Апеннинском полуострове Людовик XIV обязался выплачивать Виктору Амедею 100 тысяч экю в месяц¹⁶.

26 июня 1696 года прелиминарии были ратифицированы Людовиком XIV в том виде, в каком они были подписаны. Расчетливый герцог Савойский присоединил свои 50 тысяч солдат к французским войскам и совместно с ними разгромил Миланское герцогство. Империя и Испания отказались от продолжения военных действий в Италии. Людовик XIV передал Виктору Амедею крепости Пиньероль и Казаль, вернул завоеванные французами территории.

Мирные переговоры между Францией и ее противниками, объединенными в Аугсбургскую лигу, начались в мае 1697 года в Голландии, в замке под городом Рисвик. Подписали несколько соглашений: Франции с Голландией, Англией, Испанией (20 сентября 1697 г.); Франции с императором и германскими князьями (30 октября 1697 г.).

Людовик XIV вынужден был расстаться со своими недавними завоеваниями, в том числе и со многими городами, аннексированными Объединительными палатами (включая и Люксембург); Франция потеряла даже некоторые свои приобретения, закрепленные в Нимвегенском договоре. Императору возвратили города Фрибург, Кёльн, Филиппсбург. Шведский король вновь стал обладателем герцогства Цвейбрюкен в Пфальце.

Со своей стороны, герцог Савойский порвал с Аугсбургской лигой. Теперь и английский король Вильгельм III Оранский выступал за скорейшее начало мирных переговоров. Финансы Англии были истощены. Страна стояла на краю финансового банкротства. Война привела к тому, что возникла реальная угроза перехода к Франции городов Нью-Йорк и Бостон в Америке, потери земель в районе Гудзонова залива, Новой Земли, принадлежавших англичанам. Со своей стороны, французская дипломатия готова была отказаться от поддержки свергнутых Стюартов и официально признать Вильгельма III Оранского королем Англии. Взятие французами Барселоны оказало решающее воздействие и на позицию Испании. Император не мог вмешаться. Он был занят войной с Турцией.

В октябре 1696 года французская армия начала покидать Италию. В свою очередь, имперские войска направились в Германию, а испанские — в королевство Неаполь.

Казалось, можно поставить точку в этой главе. Повременим немного. Одна деталь бросается в глаза при анализе франко-савойских переговоров: полнота, точность и своевременность информации, которой располагали Катина и Тессе, о событиях, происходивших при дворе в Турине. От кого же поступали достоверные сведения?

Помощь Тессе оказывала графиня Верю, по происхождению француженка из известной аристократической семьи графов Линь. Жила она в Турине и была долгое время любовницей герцога Савойского.

На заре любовной истории молодая женщина быстро заметила симпатии, которые к ней испытывал герцог. Как праведная жена, она предупредила мужа и просила его принять необходимые меры. Самонадеянный граф к сигналу тревоги отнесся небрежно. Но супруга оказалась права. Вопреки традициям своего двора, Виктор Амедей начал часто устраивать различные празднества. Сообразительная графиня поняла, что это делается для нее, и рассказала о своих подозрениях мужу и свекрови. Они упорно настаивали на ее участии в придворных праздниках. Опасения графини оправдались: Виктор Амедей объяснился ей в любви. Она сообщила об этом супругу и его матери, настойчиво просила отправить ее подальше от Турина, в деревню, как говорится, «к тетке в глушь». На этот раз с навязчивой «сумасбродкой» родственники объяснились грубым образом. Но графиня все же уехала во Францию на воды в Бурбон-Ларшамбо¹⁷.

Увы, женщина не получила поддержки в собственной семье. Более того, в качестве надзирателя к ней приставили дядю мужа — аббата, старого развратника. Он начал ухаживать за графиней. Потерпев, однако, неудачу, он рассорил ее и с мужем, и со свекровью. Когда из Франции Верю вернулась в Турин, ее положение стало невыносимым. Графиня оказалась в полном одиночестве в собственной семье. И как это

бывает в подобных случаях, настойчивый Виктор Амедей не упустил счастливую возможность и добился своего. Любовная связь стала известна графу и его семье. Графине отступить было поздно. Герцог обладал властью и не намерен был считаться с настроениями своих подданных. Граф Верю это хорошо знал. Он и его мать уехали во Францию с детьми — мальчиком и двумя девочками. Людовик XIV проявил терпимость, снисходительность к обманутому супругу. Он разрешил графу на вербовать полк драгун и командовать им.

Для графини положение фаворитки герцога оказалось далеко не простым. Виктор Амедей был не только лицемером, но и человеком деспотическим, злобным. Графиня боялась герцога. А любовь и страх несовместимы. Тем не менее фаворитка господствовала при дворе, командовала министрами, генералами, послами и делала это властно, умело и ловко. Она поддерживала одних, плела интриги против других. У нее появились и надежные друзья, и опасные враги. В конечном счете Верю попытались отравить. Но Виктор Амедей, прекрасно знавший нравы собственного двора, своевременно прибег к своей богатейшей коллекции противоядий. И спас любовницу. Герцог был ей предан. Даже когда графиня переболела оспой, отнюдь не прибавившей ей прелести, Виктор Амедей сохранил к ней чувства¹⁸.

Всезнающая Верю, надеявшаяся вернуться на родину, сообщала Тессе тайны туринского двора. Виктор Амедей знал о ее приверженности Франции и внимательно наблюдал за графиней. Секретные сведения продолжали систематически поступать из Турина в Версаль. Они, несомненно, представляли большой интерес для французской дипломатии. Графиня информировала о тайных переговорах первого министра Савойи с императором и испанскими дипломатами, сообщала о планах Виктора Амедея в отношении Франции.

Бесконечно такая ситуация длиться не могла. И Виктор Амедей полностью изолировал шпионку. Тессе писал из Турина Людовику XIV 24 июня 1699 года: «Графиню Верю больше никто не видит. Она скрытно живет в кругу небольшого числа — трех или четырех — лиц, которые за ней присматривают. Любовь герцога обернулась неистовством тиранической ревности, которая их обоих делает несчастными. Однако, хотя герцоги считает, что ненавидит ее, он к ней постоянно возвращается и чувствует себя хорошо, считает себя свободным только с ней. Они проводят жизнь в грубостях и упреках. И, тем не менее, она знает все; он не может ничего от нее скрыть»¹⁹. В этом же письме Тессе замечал, что король будет предупрежден, если произойдет что-либо существенное, затрагивающее его интересы.

Положение графини становилось все более опасным. Были ли у нее возможности для разрыва с герцогом? Несомненно. Она обладала большим состоянием и решила бежать из Савойи с помощью брата, приехавшего в Турин. С деньгами и драгоценностями они добрались до Парижа. Герцог, разумеется, конфисковал имущество семьи Верю.

Судьба не баловала графиню. Несколько лет она провела в монастыре. 13 октября 1704 года граф Верю был убит в бою. Его неверная супруга сбросила с себя одежду монахини, купила дом в Париже и создала свое «общество», нечто вроде двора. Ее посещали многие известные в Версале люди. Прошлое не забылось. Ведь в Турине Верю управляла людьми в течение 15 лет. Она была богата. Жена Филиппа Орлеанского Элизабета-Шарлотта писала в своих воспоминаниях, что Верю имела 160 золотых медалей и другое ценности. Ее дом на улице Шерш-Миди в Париже был прекрасно обставлен. Имела графиня и дом под Парижем — в Медоне. 25 человек прислуги обслуживали Ее Сиятельство.

Мораль истории взаимоотношений Людовика XIV и Виктора Амедея II такова: хотите знать истину — ищите женщину!

Конфликты со Святым Престолом

Людовик XIV — король божьей милостью — считал себя главой католической церкви. Но на его пути стояла могучая сила — Святой Престол. На протяжении нескольких десятилетий шла напряженная борьба между французским монархом и римскими папами. Острые конфликты, словно морская волна, обрушивались то на Ватикан, то на Францию, вызывая серьезные франко-ватиканские распри, сменяемые более или менее длительными перемириями. В конечном счете король вынужден был идти на уступки: сила высшей власти католической церкви оказалась могучей, фактически непреодолимой для смертных.

Какова была «идейная основа» притязаний французского монарха на роль лидера мирового католицизма? В стране, где человек рождается «французом и христианином» (слова писателя Ла Брийера), король считал себя представителем Бога на земле. Король зависит только от Бога, а не от папы. Свои взгляды Людовик XIV изложил, например, в инструкции послу Креки в 1662 году: «Франция может обойтись без благосклонности Рима, а папы не могут обойтись без преданности и уважения со стороны короля и его королевства, которое во все времена играло, и в особенности в настоящее время, играет бесспорно главную роль в объединении интересов христианства и всех христианских государей»¹.

Король кичился своей набожностью. Но, как замечает Сен-Симон, она была поверхностной, показной. Мадам Мен-тенон утверждала, что ее супруг просто боялся ада. Отсюда и строгое соблюдение церковных обрядов, и стремление к добрым отношениям с духовными владыками.

Правда, это были отношения особого рода: король диктовал свои законы галликанской церкви, активно использовал ее для укрепления личной власти и создания религиозного единства государства. Верхушка церкви — епископат — срослась с административным аппаратом государства, верой и правдой служила интересам абсолютной монархии. Духовенство было в полной зависимости от королевского произвола. Людовик XIV, его министры раздавали епископства и аббатства родственникам, друзьям, просто «нужным» людям. Именно по таким мотивам в 1675 году были назначены 80 епископов. Сын Кольбера являлся архиепископом Руана, родственник Лувуа — архиепископом Реймса. Доходные церковные должности в Лионе, Карбонне, Тулузе и других крупных городах занимали представители знатных аристократических фамилий, придворные. Король назначал настоятелей более чем в 800 аббатств, находившихся в 100 епархиях Франции².

Ментенон определяла важнейшие церковные назначения. У непризнанной королевы был непримиримый противник — архиепископ Парижа Франсуа Арле де Шамваллон (1625—1695 гг.). После его смерти Ментенон добилась назначения в столицу «своего человека» — епископа города Шалона Луи де Ноай. Она отказалась от своей обычной осторожности и прямо назвала королю кандидата. И выиграла тяжелую битву с несколькими конкурентами де Ноай³. Хлопотливые церковные дела!

Король и его окружение учитывали, что церковь представляла огромную силу. Опасно было нарушать ее традиции и обычаи. Только смельчаки позволяли себе не ходить на богослужения и работать по воскресеньям. Большими неприятностями могло обернуться запоздание с крещением ребенка или вызовом духовника к больному. Виноватого могли привлечь к церковному суду. Церковь освящала религиозные процессии, паломничество, культ «мощей», насаждала ассоциации милосердия и покаяния, жестоко преследовала инакомыслящих. За колдовство беспощадно наказывали как за тяжкое преступление. Правда, в последней четверти XVII века преследования по этим мотивам по Франции прекратились.

Иезуиты — члены монашеского католического ордена — пользовались в стране большим влиянием. Они преподавали в 150 коллежах, насчитывавших около 60 тысяч

учеников. Почти половина молодых дворян обучалась в католических учебных заведениях. Практически в руках иезуитов находились все учебные заведения в стране.

В ордене иезуитов — строго централизованном, с жесткой дисциплиной, полностью подотчетном Ватикану — настороженно относились к сотрудничеству Людовика XIV с Турцией. В то время Европа неоднократно подвергалась нападениям армии султана. Угроза турецкого порабощения не раз нависала над Веней. Империя сражалась с турками.

Святой Престол неоднократно обращался к Людовику XIV за помощью. Он иногда оказывал ее. Французские войска принимали участие в войне с Турцией. Но это была вероломная политика. Людовик сталкивал султана с Австрией, с Империей. Эта нереалистическая позиция встречала резко критическое отношение в Риме. Фактически Людовик XIV стал главным препятствием на пути объединения Европы против турецкого нашествия.

Сказать, что Святой Престол был единым в своем отношении к королю Франции, было бы преувеличением. В Ватикане сталкивались две тенденции: профранцузская и происпанская.

В своих воспоминаниях государственный секретарь по иностранным делам Помпон писал, что Святой Престол был «обычно разделен между интересами Франции и Испании: противостояли друг другу в Риме и главные — профранцузские и происпанские силы. Большинство всегда выступало за Испанию, находясь в естественной зависимости от испанской короны, поскольку они владеют землями на Сицилии и в королевстве Неаполь»⁴. Об одном не упоминает Помпон: испанцы в Ватикане выступали совместно с австрийцами. На сторону Испании и Австрии часто склонялись папы.

Франко-ватиканская «война» приняла острые формы вскоре после начала личного правления Людовика XIV. К этому времени папа Александр VII уже семь лет правил католическим миром, а французского посла в Ватикане ему еще не довелось увидеть. Только в 1662 году был назначен Франсуа Креки, впоследствии маршал Франции. Едва ли можно было найти фигуру менее подходящую для дипломатической деятельности в Риме, требовавшей гибкости, тонкости, общей культуры, иными словами — профессионального мастерства. Солдафон Креки не обладал ни одним из этих необходимых качеств. Его интересовала не столько дипломатия, сколько личный престиж. Посол, например, строго следил за неприкосновенностью посольского квартала — обширного пространства вокруг дворца Фарнез на левом берегу Тибра. «Квартал посла» считали в Риме неприкосновенной крепостью, хотя и не имевшей укреплений. Здесь скрывались от правосудия преступники. Убежищем для них могли служить и дома вне посольского квартала, но имевшие герб Франции. Неприкосновенностью пользовались французы, имевшие письма или патенты, выданные послом. Если, например, документ удостоверял, что его владелец — слуга посла, то он мог позволить себе скандальные выходки, посещать друзей и знакомых в тюрьме, даже если они были приговорены к каторге или к смерти. За такую «бумагу» платили большие деньги⁵.

Новый посол стал героем так называемого «корсиканского дела» — одно из наиболее шумных в дипломатической истории Европы.

... Воскресный вечер 20 августа 1662 года был в Риме по-осеннему сумрачным. Идеальное время для ссор и драк! И действительно, французы из свиты Креки повздорили с гвардейцами папы, выходцами с Корсики. Началась рукопашная. К посольским драчунам подоспела помощь. И корсиканцы получили подкрепление из своих казарм. Они бросились к резиденции Креки — дворцу Фарнез. Посол стоял на террасе и слышал раздававшиеся поблизости выстрелы. Его супруга как раз в это время возвращалась домой. Ее карету остановили, и одного из пажей убили. Именитой даме удалось скрыться во дворце кардинала Эст. Полицейские, как всегда, появились с опозданием, но быстро навели порядок, освободили посла, забаррикадировавшегося во дворце.

Сложилась идеальная обстановка для крупного дипломатического скандала и даже военных акций. Молодой король был готов любыми средствами отстаивать свой престиж. А Креки отличали такие достойные сожаления качества, как грубость, злопамятность и нетерпимость. Креки «был скорее пригоден для военной карьеры, которой он и посвятил себя до назначения на посольский пост, чем для политики, требующей спокойствия, любезности и сдержанных методов»⁶, — писал Флассан. «Его выбрали именно как солдата, как человека с высоким положением, большим влиянием, отменной спесью и к тому же полностью лишенного гибкости»⁷. Эта оценка принадлежит историку Габриэлю Аното. Добавим, что эти качества Креки и делали его в глазах короля вполне пригодным для конфликта со Святым Престолом.

1 сентября 1662 года Креки и его советник тайно выехали в Тоскану. «Я полностью одобряю Ваш отъезд из Рима»⁸, — писал Людовик послу. А папскому нунцию пришлось срочно покинуть Париж под охраной королевских мушкетеров. Делая по 40 километров в день, избегая людных дорог, они доставили представителя Ватикана к границе Савойи.

Король рвал и метал. Через несколько дней после «битвы» французов с корсиканцами из Парижа направили папе письмо, в котором Рим был назван «местом, где убивают послов и их слуг». В ультимативном тоне король требовал приезда во Францию чрезвычайного нунция для принесения извинений; назначения по его, короля, рекомендации кардинала для управления епископствами в Туле, Меце и Вердене; казни 20 виновных корсиканцев и ссылки еще 20 из них на галеры. Находившиеся во время драки в посольском квартале офицеры без оружия на коленях должны были — так требовал король — просить прощения у посла и его жены. Папе предлагалось распустить отряд корсиканцев и отправить их домой⁹.

Наступление французской дипломатии было преднамеренно агрессивным и шло по разным направлениям. Людовик XIV и от Мадрида требовал осуждения корсиканцев. Филипп IV и его министры боялись новой войны, но испанским кардиналам пребывание в Ватикане не запретили. Французы стремились помешать папе набрать в католических кантонах Швейцарии 1600 рекрутов. Генуэзцам Людовик XIV напомнил, что корсиканцы — их подданные, и предложил открыть порты Генуи для флота Франции, а генуэзские города — для ее солдат. Генуя вынуждена была пропустить через свою территорию 12 тысяч пехотинцев и 6 тысяч кавалеристов, направленных Лувуа против Рима¹⁰.

Франко-ватиканские переговоры тянулись несколько лет. И это не было случайностью. Почему? «Кроме той причины, что король хотел дать папе срок для признания допущенных им ошибок, Его Величество имел и другую, значительно более важную причину: в течение всего того времени, пока Италии угрожала французская армия, король Испании не мог отозвать из Миланского герцогства и Неаполитанского королевства свои войска и прекратить всякое им содействие, что было бы возможным в иной ситуации. Отсюда огромное отвлечение сил (испанских. — Ю. Б.), которые можно было использовать против Португалии. И только это могло ее спасти». Слова Кольбера не нуждаются в пояснениях.

Изменилась ситуация и в самой Италии. В июле 1663 года в Парму и Модену вступили французские войска — 3 тысячи пехотинцев и 600 кавалеристов — якобы для защиты союзных Франции герцогств от папских солдат. Наступление на Ватикан шло и по другим направлениям. По приказу короля были захвачены Авиньон и Конта-Венессен (в настоящее время — территория департамента Воклюз), принадлежавшие папскому престолу с 1274 года. Таким образом, папа лишился двух своих провинций. В этом районе 10 тысяч новых подданных принесли присягу Людовику XIV. Папского представителя изгнали из Авиньона и под конвоем доставили к границе. Победа, победа короля над папой! В течение трех дней по всей Франции горели праздничные огни.

Александр VII взывал к помощи императора. Но тому было не до Италии. Турки захватили Венгрию и дошли до Вены, осадили Крит. Венеция безуспешно ждала помощи

от французов. Газеты и памфлетисты писали, что папа истратил 200 тысяч экю, полученных им по завещанию Мазарини, для борьбы не против турок, а против Франции.

Обстановка все более накалялась. 4 января 1664 года посланникам Испании и Венеции был предъявлен ультиматум Людовика XIV: если предложение о возобновлении переговоров с Ватиканом на французских условиях не будет принято, 15 февраля войска короля перейдут в наступление на папское государство. Это не было пустой угрозой. Маошал Плессис-Прален получил приказ о вторжении в Рим¹¹.

Перед угрозой французского нашествия переговоры завершились быстро. Франко-ватиканский договор был подписан 12 февраля 1664 года. Он предусматривал поездку ватиканских кардиналов в Париж для принесения извинений королю; оказание почестей со стороны министров и родственников папы супругам Креки; отказ от использования корсиканцев на папской службе; сооружение пирамиды в Риме в память плачевного по своим результатам для Святого Престола конфликта и для моральной компенсации французам. Через две недели папа ратифицировал договор, подписанный в Пизе. Неслыханная победа светского владыки над владыкой духовным!

Креки вернулся в Рим 31 мая 1664 года. Он представился папе так уверенно и спокойно, как будто они виделись недавно. Даже верительные грамоты не были обновлены. И все пошло по старому сценарию. Посла по-прежнему окружали французы и итальянцы с дурной репутацией. Он в своем квартале «спасал» уголовников. Креки утомил всех. Казалось, король специально направил его в Ватикан, чтобы держать в постоянном нервном напряжении папу и его окружение. «Никогда не было человека, который знал бы в меньшей мере Римский двор»¹². Эти слова церемониймейстера французского посольства в Ватикане Бюиссьера вполне можно было бы написать на надгробье Креки.

Креки сменил «человек» государственного секретаря Лиона — герцог Шон. Его торжественный въезд в Рим 10 июля 1666 года поразил даже видавших виды римлян. В каждую из 130 карет, составлявших кортеж, было впряжено по шесть лошадей. Посол любил роскошь. Дворец Фарнез он обставил по своему вкусу: изящная мебель, великолепные ковры, произведения искусства — все производило впечатление. Римская знать, словно освобождаясь от морального гнета Креки, сразу гостеприимно приняла в свою среду нового посла и его супругу.

«Корсиканское дело» было Людовиком выиграно, но враждебность к Святому Престолу сохранилась в Париже. В инструкции Шону подчеркивалось, что существуют две возможности для ведения переговоров с папой: сила (ей король отдавал пальму первенства) и подкуп. Насильственные методы временно, по крайней мере, отошли на задний план. Посол предпочитал использовать деньги. В Риме многие ждали очередного конклава (ассамблея кардиналов, избирающая папу), рассчитывая на взятки. В период подготовки и проведения конклава католические страны затрачивали огромные суммы на «покупку» нужного числа голосов. И Шон просил дополнительных ассигнований. Лион его поддерживал. Но Кольбер — финансовый диктатор — возражал, ссылаясь, в частности, на неминуемую войну с Испанией. Впрочем, позиция генерального контролера финансов была оправданной: посол плохо знал расстановку сил в Ватикане и неоднократно приносил извинения за неточности в донесениях из Рима.

Тем не менее в 1667 году при активном участии Шона, с помощью денег и обещаний доходных церковных должностей во Франции перетянувшего на сторону французского кандидата многих кардиналов, на Святой Престол был избран Клемент IX. Это были «чисто французские выборы». Шон повсюду трубил о своей победе. Однако произошло непредвиденное: новый папа занял сразу же антифранцузскую позицию в вопросе о выполнении условий франко-ватиканского договора 1664 года. Клемент IX прямо заявил послу, что он никогда не будет осуществлять условия этого договора, навязанные «с кинжалом у горла»¹³.

Около двух лет после отъезда Шона пост посла в Ватикане оставался вакантным. Только в 1672 году в Рим прибыл герцог Эстре. Это был человек недалекий, неспособный вести сложные религиозные дела. Вместе с ним приехал его брат, кардинал. Они жили вместе во дворце Фарнез. В Риме герцог умер. После его смерти кардинал представлял короля при Святом Престоле.

При жизни герцога Эстре разразился очередной кризис во франко-ватиканских отношениях. В чем его суть? По соглашению с Ватиканом (конкордат 1516 г.) король имел право замещения вакантных епископских должностей и получения доходов от епископств на протяжении иногда довольно длительного времени, когда один епископ сошел «со сцены», а другой еще не был назначен. Это королевское право называлось «регаль». В 1673 году Людовик XIV распространил его на всю страну, включая те территории, где королевская власть исторически не имела таких привилегий: провинции Гиень, Лангедок, Прованс, Дофине.

Расчет Людовика XIV был очевидным. Ко времени принятия его решения 59 епархий были вакантными. Король явно рассчитывал получить в обход Рима крупные доходы, но поторопился. «В этом деле допустили большую ошибку»¹⁴, — писал Помпон, не объясняя истинного смысла своих слов. Видимо, государственный секретарь имел в виду два момента: неизбежное обострение отношений Франции со Святым Престолом и втягивание галликанской церкви в конфликт короля с папой.

Уже в связи с «корсиканским делом» французские епископы в мае 1663 года осудили покушение Ватикана на представителя королевской власти и выступили против одного из ведущих принципов католической доктрины — принципа непогрешимости папы. Сорбонна превратилась в место острых богословских дискуссий, в своеобразный церковный суд, подвергавший жесткой цензуре религиозные произведения, расходившиеся со взглядами галликанской церкви.

Решение короля, согласно которому право регаль стало действовать на всей территории Франции, подлило масла в огонь франко-ватиканских разногласий. Иннокентий XI (папа в 1676—1689 гг.), которого поэт Жан Лафонтен не считал ни святым, ни духовным отцом, был человеком жестким, властным. Он в трех своих пасторских посланиях (буллах) осудил позицию короля. Большинство французского епископата высказалось за обсуждение обращений папы. 19 марта 1682 года собралась чрезвычайная церковная ассамблея. Делегатов тщательно подобрали. Они одобрили декларацию из четырех пунктов, написанную епископом Боссюэ. В первом пункте говорилось о том, что «светские государи не подчинены духовной власти и церковные власти не могут смещать светских государей с престола и отрешать их подданных от присяги». Согласно статье 2, сохраняют «полную силу постановления, принятые римским первосвященником и утверждавшиеся в обычаях и практике галликанской церкви». Статья 3 утверждала, что власть папы должна быть умеренной и сохраняющей «силу, нравы, обычаи и учреждения, принятые королевской

властью и галликанской церковью». В соответствии со статьей 4 в делах веры папе принадлежит преимущественная роль и «его постановления имеют силу для местных церквей, но, однако, его решение не является непреложным, если к нему не присоединяется согласие всей церкви». Подписали декларацию 35 епископов и 37 церковных служителей более низкого ранга¹⁵. Ее принятие означало, что церковь во Франции провозгласила свою независимость от Рима. Безусловное верховенство папы в католическом мире французское духовенство поставило под сомнение. Вновь — и во всеуслышание — было подтверждено, что галликанская церковь не намерена отказываться от своих исторически сложившихся обычаев, догм, традиций, дисциплины. В основе галликанской религиозной доктрины лежало несколько принципов: лично папу нельзя считать непогрешимым, непогрешимы только церковь в лице ее Вселенских соборов и те взгляды и оценки папы, которые одобрены всем епископатом; папа должен разделять с епископами религиозную власть; ни легату (высший дипломатический

представитель Ватикана), ни нунцию (посол папы), ни трибуналу инквизиции епископат не подвластен; галликанская церковь независима в финансовом отношении и имеет право самостоятельно распоряжаться своими доходами (и церковь, и король во Франции выступали против передачи получаемых ими денег Риму).

Таким образом, французское духовенство строго разграничивало достояние и власть короля (цезаря) от достояния и власти Бога (папы). Существовал и свой особый подход к церковным доходам и их распределению, к содержанию, формам и целям духовной власти.

Декларация Боссюэ была зарегистрирована в Парижском парламенте и стала официальным документом. Ее идеи легли в основу ряда учебных курсов, преподаваемых в учебных заведениях Франции.

Реакция Ватикана была быстрой и гневной. Уже 11 апреля 1682 года папа отменил декларацию. Он объявил ее еретической и не утвердил предложенных королем епископов. Новый папа — Александр VIII (на престоле с 1689 по 1691 г.) — подтвердил решения своего предшественника. Действие конкордата 1516 года было приостановлено. Назначенные Людовиком XIV епископы благословения Святого Престола не получили.

Напряженность во франко-ватиканских отношениях нарастала. 6 сентября 1687 года Людовик XIV в своем письме Эстре угрожал Ватикану разрывом отношений. С этой угрозой на устах Эстре явился к Александру VIII. Обвинительную речь посла папа выслушал молча. Затем он вызвал секретаря и в присутствии Эстре приказал немедленно отправить буллу об утверждении герцога Баварского архиепископом Кёльна. Так скандальное «кёльнское дело» было окончательно решено.

В чем суть «кёльнского дела»? Архиепископ-электор Кёльна был стар. В качестве его заместителя — коадьютора — французы «пристроили» верного человека — епископа Страсбурга Вильгельма Эгона Фюрстенберга, надежного проводника французской политики в Эльзасе. Император и германские князья противопоставили ему 17-летнего герцога Клемента Баварского. После смерти архиепископа-электора на выборах в Кёльне баварец оказался в меньшинстве. Но папа его поддержал. Людовик XIV ответил Святому отцу по-своему: он оккупировал Авиньон, многолетнее владение Ватикана, и сделал заложником папского нунция. Международный резонанс был негативным для Франции. Вильгельм Оранский вступил в союз с папой, фактически ставшим участником антифранцузской коалиции.

После смерти герцога Эстре в Риме в 1687 году кризисная ситуация во франко-ватиканских отношениях не смягчилась, а, наоборот, обострилась. Иннокентий XI, чтобы восстановить порядок в Риме, отменил привилегии посольского квартала. Все государи Европы, кроме Людовика XIV, согласились с решениями папы. Он просил короля не назначать посла, пока не завершится спор по этому вопросу. Но в Версале решили не считаться с мнением Иннокентия XI. Новый посол маркиз Лаварден прибыл в Вечный город во главе 800 вооруженных людей, щедро разбрасывая на своем пути серебряные монеты. Как победитель, Лаварден занял дворец Фарнез, вокруг которого расположилась многочисленная охрана. Папа отказал представителю короля в аудиенции. Он запретил своим министрам вести переговоры с Лаварденом и буллой от 12 мая 1687 года отлучил его от церкви. Любое богослужение в Риме немедленно прекращалось, если появлялся француз-«еретик». Иначе отнесся к действиям своего посла король. Он послал ему награду — 2 тысячи экю.

Казалось, отчаянный Лаварден ничего не боялся. Он имел не только деньги, но и четкую «идейную программу». В инструкции послу подчеркивалось, что король Франции — старший сын католической церкви и защитник Святого Престола. Но французская корона никогда не зависела от Ватикана. А вот императора короновал папа. Ему «подотчетны» и испанские монархи. Только Людовик XIV — исключение. И с этим должны считаться в Ватикане.

Считаться папе и его окружению надо было и с тем, что король не исключал применения военной силы. Лувуа сообщил интенданту Прованса о необходимости подготовить жилые помещения для 15 батальонов, направляемых в Италию. Письмо военного министра датировано 31 декабря 1687 года. Король хотел доказать папе и всей Европе могущество свое и своей державы. В Компьене, под Парижем, состоялся парад века. Приглашены были придворные, послы, свергнутый английский король Яков II. Людовик XIV разрешил приехать всем желающим. Возникли трудности с размещением гостей. Для них построили дома, привезли мебель. Натянули тенты. В районе 15—16 километров все деревни были переполнены. Даже герцогов селили по двое. Командующий парадом маршал Буффле привез с собой 72 поваров и 340 слуг. Из многих провинций доставляли дичь, мясо оленей, кабанов. Склады были переполнены винами. Каждый день проходили военные учения: штурмы, атаки, осады городов. Королевой праздника была Ментенон¹⁶.

Военная демонстрация в Компьене имела большой международный резонанс. Угрожающее значение «парада» правильно поняли в Ватикане, тем более что сменивший в 1688 году Лавардена Шамле являлся доверенным лицом Лувуа, вдохновителем многих его действий. Военный министр, как всегда, занимал жесткую позицию. Он предлагал Шамле запугивать папу войной.

В июле 1688 года Шамле заявил, что король готов отказаться от привилегии посольского квартала, если в Ватикане будут утверждены уже назначенные во Франции епископы. Французский представитель распространял слухи о возможности франко-ватиканского вооруженного конфликта. Но Иннокентий XI не принадлежал к числу пугливых. Он даже не принял французского дипломата, который был вынужден передать письмо государственному секретарю Ватикана. В августе 1688 года Шамле отозвали. Но угроза нападения Франции на Ватикан сохранялась. Лувуа отдал приказ о подготовке морской экспедиции на Апеннинский полуостров.

30 сентября архиепископ Парижа и 25 иерархов католической церкви во Франции одобрили политику короля в отношении Святого Престола. Аналогичную позицию заняли каноники собора Парижской богородицы и духовные лица столицы, ректор Парижского университета. Их поддержали университеты Реймса, Орлеана, Пуатье, Анже, Буржа. Папского нунция французские власти сделали заложником. Коооль запретил «своим» иезуитам общаться с Ватиканом¹⁷.

Однако Иннокентий XI не поддавался шантажу. Наоборот, он принял необходимые военные меры: укрепил гарнизоны Рима и порта Чивитавеккья.

Французская дипломатия продолжала антиватиканскую пропаганду. В конце сентября 1688 года были опубликованы протоколы собраний духовенства и преподавателей университетов. Распространялись даже оскорбительные для папы песенки и пасквили.

Кризис 1688 года во взаимоотношениях Людовика XIV со Святым Престолом оказался особенно острым. В Ватикане обсуждали вопрос об отлучении Людовика XIV от церкви, «взвешивали» аргументы в пользу этого опасного акта: бесцеремонное поведение посла Лавардена; захват французами Авиньона и других папских владений; тюремное заключение нунция; призывы к созыву нового Вселенского собора; запрет во Франции епископам писать папе. И в то же время король, бряцая оружием, воздерживался от вторжения во владения Святого Престола.

Активно участвовал в борьбе с папой архиепископ Парижа Арве де Шамваллон. Герцог Сен-Симон писал о нем: «Это был единственный министр короля по церковным делам. Он ими управляет, как хочет»¹⁸. Точнее: в соответствии с волей Людовика XIV архиепископ выступал против папы, пренебрежительно относился к его нунциям. Шамваллона в его борьбе с Ватиканом Помпон не поддержал.

Некоторые епископы, например епископ Гренобля Камю, хотели примирения с Ватиканом. К их голосам король не прислушивался, хотя за сотрудничество со Святым

Престолом выступала и Ментенон. Она, правда, преследовала и личные цели: надеялась, что папа посоветует Людовику XIV объявить о их браке. Непризнанная королева вела тайную переписку с Римом. Безуспешно! Добиться поддержки папы Ментенон не удалось.

В течение семи лет послом в Риме был епископ города Бове Фарбен-Жансон. Он вступил в переговоры с папой Иннокентием XII (на престоле в 1691—1700 гг.). Примирение началось. В Ватикане вначале не утвердили назначения французских епископов, принимавших участие в ассамблее 1682 года, а затем отказались от этого ограничения.

Фарбен-Жансона сменил временный поверенный в делах кардинал Буйон. Его задача состояла в том, чтобы содействовать созданию лиги итальянских князей, направленной против императора. Эта цель достигнута не была в связи с колебаниями, нерешительностью как итальянских властителей, так и папы. Французская дипломатия хотела также добиться осуждения Святым Престолом Фридриха Августа Саксонского, получившего на выборах короля Польши меньшинство голосов, но, тем не менее, овладевшего польским тронном 15 сентября 1697 года, хотя по праву он принадлежал родственнику Людовика XIV принцу Конти. И в этом вопросе посланнику не удалось добиться успеха.

Возникла очередная трудность: «дело Фенелона». В 1695 году он был назначен архиепископом Камбре. У двух столпов богословской мысли во Франции — Боссюэ и Фенелона — возникли разногласия, которые имели не религиозную, а скорее политическую основу¹⁹. Фенелон испытывал ненависть к двум силам: абсолютной королевской власти и «подлой буржуазии», хотел восстановить первенство дворянства в государстве и обществе, выступал за аграрное, а не промышленное развитие страны. Боссюэ был последовательным защитником абсолютизма.

Одну из своих книг, отстаивавшую взгляды Гюйон, Фенелон отдал на суд Святому Престолу. Людовик XIV потребовал от своего посла, чтобы папа «принял быстрое решение с целью избежать неприятных последствий долгих споров, которые могли возникнуть по поводу книги». Из Версаля поступали одно настойчивое требование за другим. Посла торопили. Это было неприкрытое отречение от доктрины галликанской церкви, согласно которой религиозные вопросы рассматриваются самим французским духовенством. Кардиналу Буйону, тесно связанному с Фенелоном, с иезуитами, приходилось выступать против собственных взглядов. Во главе «антифенелоновской» кампании стоял Боссюэ.

Инструкции, поступавшие из Версаля в Рим, становились все более жесткими. Король требовал от папы решения «ясного, определенного, не допускавшего никакой ложной интерпретации»²⁰. Книгу Фенелона осудили в Риме в марте 1699 года. Вопреки галликанизму, Святой Престол выступил в роли духовного судьи. Людовику надо было спасти лицо. И поэтому он передал послание папы для обсуждения французскому епископату. Король даже не поблагодарил своего посла за то, что ему удалось добиться решения, о котором «мечтали в Версале».

«Дело Фенелона» показало, что в Ватикане явно стремились к примирению с Людовиком XIV. Со своей стороны, король был в этом заинтересован. На посольском посту в Ватикане нужен был гибкий, опытный дипломат. Посол Монако, приехавший в Рим в июне 1699 года, в избытке обладал только одним качеством — высокомерием. Еще не выехав из Франции, он поссорился с Торси, который отказал ему в титуле «монсиньор». В Риме новый посол был безмерно требователен в вопросах этикета, нередко ставя советников папы в трудное положение. В Версале об этом знали. Король неоднократно делал замечания послу. Положение не менялось. Уже результаты первого приема у папы были для Монако неблагоприятными.

А между тем обстановка требовала от представителя короля в Риме, как говорилось в инструкции, «сдержанности и услужливости». Людовик XIV уже не мог говорить с папой языком угроз. Война с Аугсбургской лигой показала, что одними своими силами

Франция не в состоянии противостоять объединенной Европе. Позиции императора окрепли, ему удалось поставить преграду на пути турецкой экспансии в Европе. Австрия навела «порядок» в Венгрии и Трансильвании. В Англии утвердился парламентский режим. Испания и Австрия сохранили свои позиции в Италии. Да и внутреннее положение Франции требовало от короля осмотрительности. Осуждение Святым Престолом Фенелона показало, какую опасность с точки зрения интересов галликанской церкви представляло вмешательство папы в ее дела. Обращение Людовика XIV к папе как к третейскому судье затронуло самые тонкие струны в сердцах епископов, других духовных лиц. Как пишет Габриель Аното, «вся сила короля разбилась таким образом о твердость римской дипломатии»²¹.

Всякий конфликт когда-нибудь заканчивается. И тогда наступает время подведения итогов. Тайная и явная война со Святым Престолом завершилась для Людовика XIV поражением. Он стал покорным союзником Рима и иезуитов. Мораль этой истории проста: даже королям Ватикан не подвластен!

20

Делят наследство живого монарха

18 октября 1700 года в склеп Эскуриала — дворца королей Испании, находящегося в нескольких километрах на северо-запад от Мадрида, где покоились члены королевской семьи, спустился Карл II. Ему оставалось несколько недель жизни. Он пришел попрощаться с любимыми людьми, покинувшими мир. Открыли гроб матери, умершей три года назад. В экстазе молодой человек поцеловал ее высохшую руку. Затем он направился к гробу первой своей жены — дочери Генриетты и Филиппа Орлеанских, племянницы Людовика XIV. Придворные с трудом оторвали его от гроба и почти насильно вывели из усыпальницы¹. Король любил Марию Луизу. Она прожила всего пять лет после замужества.

Карл II был единственным наследником Филиппа IV. Типичный отпрыск династических браков между близкими родственниками. Человек неполноценный, тяжелобольной, он умер, не достигнув 40-летнего возраста. Вместе с ним угасла и династия испанских Габсбургов.

Врач Карла II говорил, что король уже в молодые годы напоминал усохшего 80-летнего старика. Маленький рост. Редкие светлые волосы. Рано облысевший затылок. Большой длинный нос. Резко выдвинутая вперед челюсть с отвисшей нижней губой, которая к тому же была значительно толще верхней, придавала странное, ненормальное выражение лицу. Неправильный прикус затруднял пережевывание пищи. Правда Его Величество обладал необычно широким пищеводом и, как удав, легко проглатывал большие куски мяса. Король был прожорлив. О его аппетите в Испании рассказывали легенды.

Когда в 1655 году умер Филипп IV, его наследник попал под опеку матери, сестры императора Леопольда I. Она воспитывала сына в полной изоляции от людей. Карл не знал, что такое труд, едва умел читать и писать. Видимо, поэтому он избегал государственных дел, не любил ими заниматься. На заседаниях Совета Карл упорно разглядывал стенные часы, которые, как ему казалось, шли слишком медленно. Своим взглядом король, как осторожно шутили придворные, «подгонял» время.

Но Испания, казалось, уже никуда не торопилась. Эпоха ее силы и могущества прошла. Сохранились главным образом внешние признаки былого величия. Империя испанских Габсбургов охватывала огромные территории. В ее состав входили Испания, Балеарские острова, Сардиния, королевство двух Сицилии, укрепления на побережье Тосканы, маркизанат Финаль на берегу Неаполитанского залива, испанские Нидерланды, Мексика, Центральная Америка, самые большие острова Антильской гряды, вся Южная

Америка, кроме Бразилии. Испанские короли владели также Филиппинскими и Марианскими островами. В Африке им принадлежали Канарские острова и укрепленные пункты: Оран (порт в Алжире), Лараш (порт в Марокко) и другие.

Во второй половине XVII века испанская империя переживала период упадка. Государственный долг составлял фантастическую сумму — 300 миллионов ливров. Король был настолько беден, что не мог выехать в собственной карете. Ему не хватало средств на ее ремонт. 60 конюхов, длительное время не получавших зарплату, одновременно покинули конюшни. Приходилось нанимать бродяг на улицах в качестве кучеров на одну поездку. Нужда проглядывала повсюду. От безденежья страдало и дипломатическое ведомство. Людовику XIV приходилось — и неоднократно — оплачивать курьеров, доставлявших в Мадрид информацию, представлявшую интерес для министров Карла II.

Испанская армия в 1670 году насчитывала не более 2—3 тысяч солдат в Каталонии. Даже при напряжении всех своих сил Испания в случае войны не могла выставить более 8 тысяч солдат, не получавших к тому же ни продовольствия, ни денег и живших за счет награбленного у местного населения. Не только испанская армия была слаба, но и испанский флот не представлял собой серьезной военной силы. Если в начале правления Карла II у него было 18 военных кораблей, то в последние годы жизни он имел в Испании только 2 судна, в Италии — 12, причем 7 из них были наняты у Генуэзской республики².

После подписания в 1697 году в Рисвике мирных договоров между Францией и ее противниками, объединенными в Аугсбургскую лигу, Карл II непрерывно болел. Со дня на день ждали его смерти. Актуальным стал вопрос об испанском наследстве. Судьбы его в конце века можно было решать только мирным путем. Европу ослабила длительная изнурительная война. Не думал об использовании вооруженной силы Вильгельм III Оранский — король Англии и штатгальтер Голландии. Он считал длительную мирную передышку необходимой для укрепления личной власти. Императора волновала турецкая проблема. Франция залечивала раны, нанесенные ей в ходе общеевропейского конфликта, и использовать армию в борьбе за раздел гигантской империи Карла II была не в состоянии.

Кто входил в число наследников Карла II, не имевшего детей? Людовик XIV претендовал на испанское наследство от имени своего сына — дофина, племянника короля Испании. Шансы Монсеньора получить трон в Мадриде были большие, так как испанская аристократия считала царствование французского принца надежной гарантией сохранения единства Испании и ее владений. Претендовали на наследство и австрийские Габсбурги, родственными узами связанные с испанской королевской семьей. Мать Леопольда I была сестрой Филиппа IV, а жена императора — испанской принцессой. Конечно, возможности повлиять на ход событий у Франции и Австрии были разные. И после окончания войны с Аугсбургской лигой Людовик XIV имел армию в 150 тысяч человек, многочисленный и хорошо оснащенный флот. Власть короля отличалась устойчивостью, стабильностью на всей территории страны. Министры Людовика XIV были людьми надежными, генералы — опытными, дипломаты — умелыми.

Иная ситуация сложилась у Леопольда I. Императорская армия насчитывала не более 40 тысяч человек. Границам империи вплоть до начала XVIII века угрожали войска султана, вступившего в соглашение с венгерскими повстанцами. Власть Леопольда I распространялась главным образом на австрийскую территорию. Голос его дипломатов не был решающим в имперском сейме в Регенсбурге. Союзники Австрии — электоры Баварии и Бранденбурга постоянно испытывали колебания. Австрийское государство ослабляли межнациональные противоречия, отвлекавшие войска императора. Его финансы были истощены. Не хватало денег даже на достойное Империи представительство за рубежом.

Наконец, претендент на испанский трон имелся в Мюнхене. У Леопольда I от испанской принцессы Маргариты была дочь — Мария Антония. В 1685 году она вышла

замуж за электора Баварии Макса Эмманюэля и отказалась от всех прав по линии матери на наследство Филиппа IV. Но законным наследником Карла II был ее сын, 5-летний Фердинанд Иосиф. Для императора это был не худший вариант. Он поддерживал добрые отношения с зятем, обещал ему в вечное правление испанские Нидерланды, а Макс Эмманюэль готов был передать Империи 20 тысяч солдат, выплачивать ежегодно крупную сумму в случае войны³.

Итак, в Версале понимали, что в сложившейся в Европе к концу века обстановке раздел испанской империи можно было осуществить только дипломатическим путем. Курс на мирное решение спорных вопросов и проводили послы Людовика XIV в европейских столицах.

Посол в Мадриде Анри д'Аркур (генерал-лейтенант, в период войны с Аугсбургской лигой командовал армией на Мозеле) большой эрудицией, знаниями страны не обладал. Информация, которую он сообщал в Версаль, часто была неточной. Сведения послу поставляли иезуиты, плохо знавшие нравы испанского двора. Посол не понимал национальных чувств испанцев, стремившихся сохранить единство империи, не верил, что Карл II способен подписать завещание в пользу дофина или одного из его детей. Это был грубый дипломатический просчет⁴.

Напутствуя Аркура, Людовик XIV подчеркивал: «Вы будете исходить прежде всего из бесспорного принципа, который не может быть поставлен под сомнение: права моего сына — законные; дофин — самый «естественный» наследник, и ничто не может помешать ему принять титул короля Испании»⁵. Объединение испанской и французской корон неизбежно вызовет «ревность всей Европы». Но у испанцев, как отмечалось в инструкции послу, тем не менее сохранялась возможность избрания королем одного из внуков Людовика XIV — герцога Анжуйского или герцога Берри.

Однако в Версале понимали, что «французский вариант» чреват новой общеевропейской войной, и, избегая конфликта, предпочитали раздел испанской империи между Францией, императором и сыном электора Баварии — Фердинандом Иосифом. Посол должен был выступать в роли защитника франко-испанской дружбы и сотрудничества между двумя державами, подчеркивать уважение Людовика XIV к испанской нации и в то же время решительно опровергать неизбежность «антипатии» между французами и испанцами⁶.

Одна из задач Аркура состояла в том, чтобы вести борьбу против германского влияния при испанском дворе, олицетворяемого Марией Нейбург, дочерью электора Пфальца, второй женой Карла II. Это была женщина злая, самоуверенная, не терпящая замечаний, а тем более возражений. При малейшем поводе она изгоняла неугодных ей придворных дам и даже министров. Получив неприятное известие, королева принималась ломать и бить все, что попадалось под руку. И при всем том ей были присущи скупость и жадность. Карл вторую жену не любил. Супругов ничто не связывало. Они с первой встречи и до последнего дня оставались чужими людьми.

Людовик XIV писал Аркуру, что испанская королева стояла «во главе партии императора». Она стремилась ввести германские войска (до 10 тыс. человек) в Испанию. Послу в ходе его переговоров в Мадриде следовало убеждать собеседников, что «вся нация (испанская. — Ю. Б.) испытывала ненависть к имперцам». Аркуру поручалось помешать переходу Миланского герцогства к австрийским Габсбургам. Это был бы, как считали в Версале, «первый шаг к наступлению на оставшуюся часть Италии»⁷.

Германское влияние при испанском дворе было значительным. Австрийский посол Гарак настаивал, чтобы Карл II написал завещание в пользу императора, и предлагал испанским министрам воссоздать Аугсбургскую лигу с возможным участием Португалии, явно направленную против Франции. Реакция в Мадриде была отрицательной: новая коалиция «бесполезна». Гарак вместе с Марией Нейбург подготовил текст проавстрийского завещания и отправил копию в Вену. Королева, не рассчитывая на успех своего замысла, обещала Гараку, что, по крайней мере, Карл II напишет личное письмо

императору с изложением своей позиции. Но и этого ей не удалось сделать. 9 августа 1698 года Гарак покинул Мадрид, не добившись решения вопроса об испанском наследстве в пользу Австрии.

А через месяц Аркур сообщил в Версаль, что завещание Карла II давно сожжено королевой в присутствии ее супруга. Она якобы почти силой вырвала у короля письмо в пользу одного из сыновей Леопольда I, и оно находилось у Марии Нейбург. Ее Карл II назначил временной правительницей королевства. Тревожные сведения, поступавшие из Мадрида, заставляли французских дипломатов действовать быстро, без промедлений.

Испанские министры, влиятельные гранды опасались утраты независимости своей страны. Французы настойчиво доказывали, что со стороны Франции Испании не грозит никакая опасность. Людовик XIV писал Аркуру: «Я не претендую на объединение испанской монархии с моей короной. Пусть испанцы всегда имеют своего короля. И пусть должности и посты не выходят из-под контроля нации, не передаются иностранцам»⁸. Отсюда и цель посла — создать в Испании «французскую партию», привлекая к участию в ней видных государственных и общественных деятелей. Разумеется, в Версале, как всегда, рассчитывали на непреодолимую силу денег. Аркур получил 150 тысяч ливров. Это была половина обещанной ему суммы. Посол располагал также длинным списком почетных званий и выгодных должностей, которые он мог предложить профранцузски настроенным испанцам.

Людовик XIV предлагал Аркуру установить тайные связи с кардиналом Портокарреро — архиепископом города Толедо, с влиятельным при дворе маркизом Лос-Бальбазес. Послу поручалось заверить этих деятелей в том, что Людовик XIV не хочет «низвести Испанию до уровня провинции и управлять этой страной через вице-королей»⁹.

Пытался Аркур выяснить и позицию Карла II по вопросу о судьбе его империи. В апреле 1698 года послу с огромным трудом удалось получить аудиенцию у короля. Аудиенция состоялась вечером, в половине восьмого. В маленькой комнате тщедушный человек сидел в напряженной позе, опираясь обеими руками на стол. За его спиной горели две свечи. Свет падал так, что лица Карла II не было видно. Присутствовал только переводчик. Беседа ничего не дала послу. Король ограничился тем, что спросил о здоровье своих французских родственников.

После аудиенции Аркур сделал решительные выводы. Ознакомившись с положением в Мадриде, он в своих письмах в Версаль рекомендовал придвинуть поближе к границам Испании французские войска, «чтобы воспользоваться ими в случае необходимости»¹⁰. Посол советовал укрепить франко-испанскую границу, призывал к активным действиям, если король Испании даст австрийскому «эрцгерцогу (одному из сыновей Леопольда I. — Ю. Б.) в вечное правление Миланское герцогство».

Аналогичной точки зрения придерживался и кардинал Портокарреро. На вопросы посла, какие меры следует принять во Франции на случай смерти Карла II, кардинал дал четкий ответ: войска Людовика XIV должны быть готовы занять Каталонию и Наварру; нужно также иметь снаряженные корабли и галеры.

Кардинал стал активным проводником профранцузской политики в Испании. К его мнению прислушивались в Версале. Французские суда находились в Кадиксе. На соединение с ними вышла эскадра из Тулона, чтобы совместно курсировать у юго-западных берегов Испании. Были полностью снаряжены 23 французских военных корабля. Галеры готовились к плаванию из Марселя в Аликанте. Уже к 31 июля 1698 года кроме 30 батальонов и 50 эскадронов, размещенных в Руссильоне, 30 батальонов и 30 эскадронов находились во французской части Наварры. В резерве, в провинции Дофине, стояли наготове еще 20 батальонов и 20 эскадронов¹¹. Серьезная подготовка.

В Испании — на суше и на море — французы привычно побряцывали оружием. Но Людовик XIV и его министры знали, что пушки едва ли потребуются, и о судьбе испанской монархии следовало прежде всего договариваться с Вильгельмом III Оранским — руководителем Аугсбургской лиги, правителем двух стран — Англии и Голландии,

располагавших большими военными, материальными, финансовыми возможностями, которые они могли вновь использовать против Франции. Договариваться. Так французская дипломатия и поступила.

В конце 1697 года в Версале начались переговоры между Помпоном, Торси и графом Портлендом, доверенным лицом английского короля. Впервые французы поставили вопрос о возможном разделе испанского наследства. При этом Помпон подчеркивал, что Франция и Испания никогда не будут иметь одного короля. Решили немедленно послать курьера в Лондон. Вильгельм Оранский был удивлен французским предложением о разделе империи Карла II и немедленно проинформировал пенсионария Хейнсиуса, фактически возглавлявшего правительство Соединенных провинций. Вильгельм, посылая в Гаагу письмо Портленда с изложением итогов бесед в Версале с Торси и Помпоном, писал: «Вы поймете значение его содержания»¹².

Разумеется, в Версале отдавали себе отчет в том, что даже намек на возможность объединения под единой властью Франции и Испании будет встречен англичанами и голландцами в штыки. Поэтому Людовик XIV с присущим ему лицемерием подчеркивал: «Я считаю, что вся Европа заинтересована в том, чтобы помешать объединению монархии в Испании с моей короной»¹³.

Но встреча в Париже была лишь дипломатической разведкой. Решающее значение имели непосредственные переговоры французского посла Талара с Вильгельмом III в Лондоне. Талар был дипломат образованный, тонкий, обладавший опытом и тактом. В Лондон он прибыл в марте 1698 года. Плохая погода задержала посла в Кале. Он нашел короля Англии встревоженным нестабильным внутренним положением в стране. Вильгельм считал свой режим непрочным. Талар писал: «Король является в значительно меньшей мере хозяином положения, чем это представляют во Франции»¹⁴.

Посол придерживался компромиссной тактики в ходе переговоров в Лондоне. По мнению Талара, Вильгельм III не располагал средствами, необходимыми для содержания армии. Обе палаты парламента выражали недовольство политикой короля. Финансовое положение Англии было тяжелым. Государственный долг составлял 200 миллионов фунтов стерлингов. Парламент ввел новые налоги, увеличил таксу на соль, кофе, чай. Цивильный лист короля (определяет расходы бюджета на содержание царствующего дома) предусматривал ассигнования в сумме 700 тысяч ливров. Таких денег в казне не было. Однако, как подчеркивал Талар, Вильгельма III «поддерживает Голландия, в которой он располагает абсолютной властью, и благодаря этому у него достаточно кораблей и еще более войск, чтобы удержать власть в королевстве»¹⁵.

И Людовик XIV считал необходимым обсуждение «испанского вопроса» прежде всего с королем Англии. Другого варианта у французской дипломатии не было. Леопольд I занимал бескомпромиссную позицию. Карл II не способен был принимать самостоятельные решения. Оставались переговоры в Лондоне. Они «мне кажутся единственными, которые можно вести в настоящее время, — писал Людовик Талару. — Кроме того, они не отменяют ни одну из предосторожностей (имеются в виду меры прежде всего военного характера. — Ю. Б.), которые я намерен применять, чтобы отстаивать права моего сына в случае смерти короля Испании. Мне представляется, что продолжение переговоров не создаст никаких трудностей»¹⁶.

Какова была позиция Вильгельма Оранского? Он считал, что Англия и Голландия после 9-летней войны не могли противостоять французским притязаниям в Европе военными средствами. Король писал: «Франция в состоянии захватить эту страну (Испанию. — Ю. Б.) до того, как мы будем способны принять даже ограниченные меры противодействия»¹⁷.

Первая встреча Талара с Вильгельмом Оранским состоялась 11 апреля 1698 года. В Версале проявляли осторожность, были намерены действовать постепенно, неторопливо. Королевская инструкция Талару, датированная 2 марта, прежде всего затрагивала вопросы взаимоотношений Англии и Империи. Послу поручалось выяснить: действительно ли

англичане предоставят свои корабли для доставки австрийских войск в Испанию? Не боятся ли в Лондоне возбудить подобными действиями враждебность Людовика XIV? Одобряет ли Вильгельм Оранский объединение многих государств под скипетром Леопольда I? Не опасается ли король Англии, что германские князья — протестанты сочтут, что он укрепляет опасную для них мощь императора? Вместе с тем в сообщениях из Версаля Талару рекомендовали не портить отношений с английскими лордами, не поддерживать связи с политическими деятелями, недовольными Вильгельмом III, в том числе и со сторонниками бывшего короля Якова II.

Переговоры Талара в Лондоне продолжались с апреля по июль 1698 года. Соглашения сторонам достигнуть не удалось. Предложения Вильгельма III по разделу испанского наследства сводились к следующему: передать испанские Нидерланды сыну электора Баварии, создав тем самым барьер для защиты Голландии (от Франции, разумеется, хотя об этом прямо и не говорилось); внук Людовика XIV получит Испанию и Индию (предостережем от возможной ошибки: Западной Индией Христофор Колумб назвал Америку; Восточная Индия — это нынешняя Индонезия); к австрийцам отойдут Милан и Неаполь. Английские дипломаты настаивали на подписании торгового англо-французского договора, который позволил бы деловым людям Англии и Голландии свободно торговать в Средиземном море. Вопрос, казалось бы, далекий от испанского наследства. Но в Лондоне попытались решить коммерческие дела, используя заинтересованность французов в соглашении по Испании.

Шел настоящий торг за спиной живого испанского короля. Ставка была велика: раздел великой империи. Хотели ли в Лондоне договоренности? Несомненно. Поэтому выдвинули и другой вариант, по которому королевство Испания, Индия, испанские Нидерланды передавались Баварскому дому; Сицилия, Тоскана — французам; Миланское герцогство — австрийцам.

Какова была французская позиция? Людовик XIV заявил, что не уступит Дюнкерк, который должен «всегда находиться» в его руках. Не могло быть и речи об отказе от французских крепостей в Голландии. Король хотел получить Люксембург. Однако в этом вопросе Вильгельм не шел ни на какие уступки. Он, по словам Талара, с такой яростью говорил о герцогстве Люксембург, что «едва ли к нему охладееет». Английский король подчеркивал: «Вы владеете Дюнкерком, который был нашим. Вы используете этот город только для того, чтобы доставлять нам неприятности»¹⁸.

Французская дипломатия также разработала несколько проектов раздела. Один из них, предложенный в конце мая 1698 года, предусматривал передачу Франции Наварры с городом Сент-Себастьян, а также Люксембурга. По французскому замыслу, Неаполь, Сицилия и Милан переходили к наследнику австрийского престола. Таким образом, большая часть Италии попала бы под господство Австрии.

В это же время, в мае, в Версале четко определили позицию Талара в ходе переговоров: 1) ни одну из крепостей в испанских Нидерландах король не собирался уступать англичанам; 2) исключен отказ от Гибралтара, от порта Маон; 3) послу следовало исходить из того, что если Англия или Голландия захватят в Западной Индии хотя бы один из укрепленных пунктов, то это разрушит всю торговлю в Европе; 4) Людовик XIV готов был уступить некоторые поселения на побережье Африки и передать Миланское герцогство Виктору Амедею II.

Прошло полтора месяца, и в Версале дали новые инструкции послу: дофин должен получить Неаполь, Сицилию, испанские укрепления на побережье Тосканы; Финаль и Сардинию; к австрийскому эрцгерцогу отойдет Милан; к правителю Баварии — остальная часть империи (Испания, острова Майорка, Минорка, Филиппины), все территории, которые «в настоящее время зависят от испанской монархии, за исключением стран, которые составят наследство моего сына и эрцгерцога»¹⁹.

Переговоры продвигались медленно, с большим трудом. Людовик XIV не скрывал своего разочарования. Но, тем не менее, он не хотел прекращения дискуссий, повторяя:

«Очень важно вести переговоры как можно дольше, даже если мы не сможем подписать соглашение». Почему? «Пока переговоры, — писал король Талару, — которые Вам поручено вести, продолжаются, весьма вероятно, что не будут приняты другие обязательства»²⁰ (по испанским делам, разумеется).

1 августа 1698 года Вильгельм III выехал в Гаагу, где он чувствовал себя более уверенно и спокойно, чем в Лондоне под постоянным огнем критики парламентариев. Здесь, в Голландии, и было подписано соглашение Англии и Франции о разделе империи Карла II. К французам отходили Неаполь, Сицилия, испанские укрепления на побережье Тосканы, Финаль и его окрестности, провинция Гипискуа (басская провинция Испании с центром в Сент-Себастьяне). Австрийский эрцгерцог Карл, сын Леопольда I, получал Миланское герцогство, а электор Баварии — все остальные владения Карла II.

Договор подписали в октябре 1698 года с английской стороны Портленд, с французской — Талар. Людовик XIV высоко оценил деятельность своего посла в Лондоне. Он писал: «Я весьма удовлетворен Вашим мудрым поведением в ходе этого дела и тем, как Вы его завершили»²¹.

«Завершили»? До этого было еще далеко, и на пути возникало много трудностей. В Мадриде тяжелобольной король, узнав, что при его жизни, за его спиной делили империю, пришел в ярость, вызвав страх придворных. Им с трудом верилось, что Карл II способен на такие эмоции. 14 ноября 1698 года король собрал государственных советников и сообщил им, что завещает испанский трон Фердинанду Иосифу, сыну электора Баварии. Он заявил, что если умрет до достижения юным баварцем совершеннолетия, то управление империей перейдет к королеве-регентше Марии Нейбург, которая возглавит правящую хунту. Из Мюнхена Фердинанда Иосифа решили перевезти на воспитание в Мадрид вместе с шестью тысячами баварских солдат (тоже, видимо, в «воспитательных целях»!). Договорились, что кортесы созывать не следует, а надо получить согласие испанских провинций и городов с решениями Карла II. Своим министрам король поручил найти деньги любой ценой, чтобы набрать солдат, вооружить флот и в случае вторжения оказать французам сопротивление.

В Лондоне и Гааге встретили известия из Мадрида с полным одобрением. В двух столицах Вильгельма Оранского, естественно, не опасались увидеть на испанском престоле сына баварского электора, не имевшего армии, средств, а главное — флота и, следовательно, не представлявшего угрозы для морских держав — Англии и Голландии.

Известно, люди предполагают, а Господь располагает. В ночь с 5 на 6 февраля 1699 года от оспы скончался 5-летний баварский принц. В истории не раз бывало, что внезапная гибель наследника, даже в небольшом государстве, оказывала влияние на обстановку в Европе. Так произошло и на этот раз. «Смерть в такой мере меняет положение дел, что я пока не могу даже предвидеть те серьезные трудности, которые она создает нам»²², — писал Вильгельм III Оранский в Гаагу Хейнсиусу.

Да, непредвиденные обстоятельства нанесли жестокий удар по англо-французскому договору о разделе империи Карла II. Но в Версале не испытывали чувства поражения. Сразу после смерти Фердинанда Иосифа французская дипломатия начала действовать. Рассмотрели самый простой вариант: замену сына отцом — электором Баварии. Но он не был ни родственником Карла II, ни даже его союзником. Итак, Бавария вышла из игры.

Людовик XIV не терял времени. Уже 8 февраля, когда сообщение о смерти юного принца еще даже не было подтверждено, король предложил Талару осуществить дипломатический зондаж в Лондоне: ничего не обещать англичанам, но выяснить их намерения и готовность к возобновлению переговоров. Как всегда, в Версале имели в запасе несколько вариантов соглашения, тасуя европейские территории, как колоду карт.

Новый договор между Францией и Англией был подписан 11 июня 1699 года. В соответствии с ним французская сторона получала из испанского наследства королевства Неаполь и Сицилию, города на побережье Тосканы и прилегающие острова, город и весь

маркизанат Финаль, провинцию Гипискуа с ее главным городом Сент-Себастьян. Герцогства Лотарингия и Бар, объединившиеся еще в 1480 году, должны были перейти к дофину в обмен на Миланское герцогство.

Эрцгерцог Карл, сын императора Леопольда I, приобретал собственно Испанию, испанские Нидерланды, острова Майорка и Минорка, поселения на побережье Африки, Филиппины, испанские острова в Западной Индии. Основная часть империи переходила к династии Габсбургов.

Стремление Людовика XIV прийти к соглашению было столь сильным, что он согласился выплатить семье Нассау, представителем которой являлся Вильгельм III, за принадлежавший ей на юге Франции в течение 120 лет город Оранж, захваченный французами в 1673 году, денежную компенсацию не в 4, а в 3 или даже в 2 года. В Версале готовы были пойти и на другие уступки, отказаться от поддержки Якова II, свергнутого монарха, «королевство» которого размещалось на небольшом пространстве дворца Сен-Жермен-ан-Ле.

После обмена ратификационными грамотами император располагал тремя месяцами, чтобы присоединиться к англо-французскому соглашению. Эрцгерцогу запрещалось посещение Испании, Миланского герцогства при жизни Карла II. Гарантами соглашения являлись Англия, Франция и Соединенные провинции. Его участники обязались «всеми своими силами» на море и на суше оказать противодействие любому монарху, попытавшемуся помешать получению поделенных территорий. Существовала тайная договоренность о том, что англичане, французы и голландцы, совместно или порознь, используют свои возможности, чтобы убедить герцога Лотарингского согласиться на обмен его земель на Миланское герцогство.

Соглашение имело одну важную особенность: в нем ставились и решались колониальные вопросы. Людовик XIV взял на себя перед морскими державами обязательство не захватывать владения Испании и с их стороны получил заверения, что они не будут стремиться к восстановлению империи Карла V (1500—1558 гг.), испанского короля и германского императора, власть которого распространялась на Испанию и ее колонии, Фландрию, Австрию, Германию.

«Дело сделано?» — ставил вопрос Торси. И отвечал: «Трудности еще впереди». И действительно, непредвиденные трудности возникали повсюду. В Англии противниками соглашения о разделе были многие коммерсанты, опасавшиеся, что усиление Франции подорвет их торговлю. Имелась серьезная оппозиция и в английском парламенте.

В Голландии текст договора должны были одобрить провинции и крупные города. Но бургомистры Амстердама, например, отклонили условия раздела испанского наследства. Вильгельм III писал Хейнсиусу 24 ноября 1699 года: «Я использую все свои силы, чтобы убедить республику одобрить договор»²³. Король добился своей цели. Обмен ратификационными грамотами состоялся в конце апреля 1700 года.

Реакции в Мадриде Людовик XIV не опасался. Он писал 11 сентября 1699 года Талару: «Слабость короля Испании — крайняя; смятение царит более чем когда-либо в его правительстве. Власть, разделенная между многими, в сущности не принадлежит никому. Полностью отсутствует порядок в финансах, войсках, на флоте. Всеобщий беспорядок вызывает у всех постоянный страх. Малейшая вероятность войны приводит всех в состояние ужаса»²⁴.

Обстановка в Испании осложнилась в связи с голодными бунтами 1699 года. Не было хлеба. В столице огромная толпа собралась перед королевским дворцом. На балконе появилась королева и сообщила, что король спит. Раздался чей-то зычный голос: «Он слишком долго спит, нужно, чтобы он проснулся». Карл II появился перед своими подданными. Им это не помешало разгромить несколько дворцов, в том числе дворец председателя Совета Кастилии, ответственного за снабжение Мадрида. Кардинал Портокарраро и его сторонники добились отставки и ссылки председателя, и власть оказалась в их руках.

Известия о разделе Испании вызвали негодование грандов, придворных. Государственный совет заседал несколько раз. Но что можно сделать без армии, без флота, без денег? Дипломаты отправились из Мадрида с протестами в европейские столицы. Людовик XIV не принял испанского посланца, заявив, что его посол Аркур ждал приема у Карла II более двух месяцев.

Решающее слово оставалось за Австрией. Посол Вилар, бригадный генерал (впоследствии маршал), прибыл в Вену в августе 1698 года. При дворе его словно не замечали, полностью игнорировали. Посол не оказывал никакого влияния на решения, принимаемые в австрийской столице. Он чувствовал себя часовым с оружием в руках, убивающим время на берегах Дуная. Вилар, не находя себе дела, просил Торси предоставить ему отпуск: «Когда Вы больше не требуете от меня портреты (он искусно рисовал силуэты австрийских министров и придворных. — Ю. Б.), то мне здесь нечего делать».

Скромность, разумеется, украшает; Особенно, когда она сочетается с трудолюбием. Вилар выполнял обязанности дипломата. Он посылал в Версаль длинные письма, рассказывающие об австрийских государственных деятелях. Посол, например, сообщал, что император Леопольд I — человек набожный, мягкий и порядочный, но слабый и нерешительный. Его старший сын эрцгерцог Иосиф отличался сообразительностью, однако был груб и вспыльчив. Избивал лакеев и давал пощечины пажам. У младшего сына императора — эрцгерцога Карла, еще юного, уже появились такие отрицательные качества, как жестокость и высокомерие. Он не скрывал своей ненависти ко всему французскому. Канцлер — граф Кауниц среди советников императора имел наибольшее влияние. Обходительный, умный, тонкий канцлер был, по мнению Вилара, опасным противником. Среди генералов выделялся принц Евгений Савойский.

Французский аристократ, сын графини Суассон — племянницы Мазарини, Евгений жил при дворе в Версале. Принц просил у Людовика XIV разрешения на покупку роты, но получил отказ в оскорбительной форме. Евгений не блистал внешними данными. Это был человек маленького роста, с плохой фигурой. Король его не любил и называл «маленьким аббатом». Но «аббат» был талантлив в военном деле. Вилар писал о Евгении Савойском: «У него много мужества, больше здравого смысла, чем разума, достаточно образованности, славы и честолюбия. Он стремится стать хорошим офицером и способен добиться этой цели в один прекрасный день»²⁵.

При австрийском дворе Вилар стремился быть сдержанным, осторожным. Но события вышли из-под его контроля. В январе 1700 года бал в королевском дворце Хофбург проходил в залах, находившихся поблизости от апартаментов эрцгерцога Карла, страдавшего манией величия: он требовал, чтобы ему оказывали королевские почести. Большинство аккредитованных при императоре дипломатов не считались с этими причудами. Как только начался праздник, в ложу для дипломатов вошел воспитатель эрцгерцога князь Лихтенштейн. Он решительно направился к французскому послу, избегавшему встречи с эрцгерцогом, и тоном, не терпящим возражений, заявил: «Вы нарушили этикет и Вам следует удалиться». Вилар ответил, что он является гостем императора, а не его сына. Лихтенштейн настаивал на своем требовании, причем обращался только к французскому послу, не замечая остальных участников этой оскорбительной сцены. Наконец, Вилар поднялся и вышел.

Ко времени событий во дворце Хофбург позиция Людовика XIV в вопросах престижа стала более умеренной, чем в начальный период его личного правления. Но, тем не менее, он потребовал, чтобы австриец приехал к Вилару домой и принес свои извинения. Король предложил послу прервать всякие сношения с императорским двором. Начались переговоры. По существовавшим в Вене правилам воспитатель наследника престола не наносил визитов. А от других форм удовлетворения посол отказывался. Людовик установил дату отъезда Вилара: 15 апреля. Австрийские министры всполошились. По их просьбе Вильгельм III выступил в роли посредника. После его

вмешательства Людовик продлил срок пребывания посла в Вене на две недели, до 30 апреля. Слуги дипломата собирали чемоданы.

Положение, как всегда, спасла женщина. Сестра князя Лихтенштейна графиня Трауманздорф, жившая в том же доме, где и Вилар, предложила такой сценарий. Она скажется больной. Брат посетит сестру и пройдет мимо помещений посла, который «случайно» окажется у своей двери. Князь задержится на «нейтральной» территории и принесет свои извинения оскорбленному французу. Посол герцога Савойского сообщил Вилару об этом хитроумном плане. Вилар решительно отказался участвовать в спектакле, не преминув отметить в письме Людовику свою преданность: «Осмелюсь сказать, учитывая известные обстоятельства, что я доказал мое безразличие к собственной участи, если оечь идет о славе и чувствительности Вашего Величества»²⁶.

В 15 часов карета стояла у дома посла. Подоспел посланец от англичан. Он предложил сделать еще один шаг к примирению. Вилар согласился. Словно из-под земли появившийся Лихтенштейн прошел в салон посла и перед большим портретом Людовика XIV, сверлящего каждого входящего своим презрительным взглядом, принес послу извинения. Вилар их принял. Инцидент, едва не приведший к разрыву дипломатических отношений между двумя странами, благополучно завершился.

Скандал с князем Лихтенштейном на время отодвинул основную задачу Вилара, но, разумеется, не отменил ее. В Версале вначале пытались оказывать давление на австрийское правительство, рассчитывая убедить его поддержать план раздела испанского наследства. Но 6 мая 1700 года, после обмена ратификационными грамотами англо-французского соглашения, Людовик XIV потребовал от посла «изменить поведение» и просить аудиенцию у императора. Вилар получил копию соглашения для передачи канцлеру Кауницу. Цель посла состояла в том, чтобы добиться присоединения Леопольда I к договору без каких-либо дополнений или изменений в его тексте. Цель претенциозная и нереальная! В Версале вскоре в этом убедились.

12 июня 1700 года посол получил ответ императора: договор «не идет на пользу дому короля и его потомкам»; англичане, голландцы и французы решают судьбы территорий, которые «им не принадлежат»; они не соблюдают принцип «равенства и приличий». К тому же переговоры шли за спиной испанского короля — живого, здравствующего. Договор «был заключен при его жизни и без его ведома, против его воли»²⁷.

В австрийском ответе подчеркивалось, что дело касалось только двух монархов. Леопольд I готов объединиться с Людовиком XIV, «а не с посредниками», провести франко-австрийские переговоры об испанском наследстве. В Вене хотели подготовить новый текст соглашения, сохраняя его в тайне до осуществления достигнутых между двумя сторонами договоренностей. В Версале сочли этот план провокационным. 26 июня 1700 года король писал Талару: «Предложения, сделанные маркизу Вилару, могут рассматриваться только как уловка, довольно грубо скрытая, имеющая целью отдалить меня от короля Англии и Генеральных штатов». Слишком поздно было начинать франко-австрийскую авантюру. В Версале это прекрасно понимали. И не хотели жертвовать уже достигнутым с Вильгельмом III соглашением. Поэтому Вилар заявил в Вене, что не может быть и речи «о подготовке нового договора»²⁸.

Австрийцы вынуждены были встать на путь сближения с Испанией. В Мадрид император назначил нового посла. Его задача состояла в том, чтобы восстановить австро-испанские союзные отношения.

В Европе запахло порохом. В Мадриде посол Леопольда I обещал послать своих солдат в Милан, Неаполь, Каталонию. Людовик XIV сообщил Талару 12 августа 1700 года, что, если имперские войска войдут в Италию, французская армия немедленно оккупирует Наварру или Каталонию. Сам Талар был настроен воинственно. Он писал Торси, что считает войну необходимой.

В октябре 1700 года Талар получил из Версаля сведения о том, что французские батальоны готовы вступить в провинцию басков — Гипискуа. Аркур направился в город Байонну, близ Бискайского залива, чтобы возглавить боевые действия. Готовился к выступлению и флот. В Тулоне вооружались корабли, по своему боевому потенциалу превосходившие испанскую эскадру в Кадиксе.

В Лондоне и Гааге откликнулись на французские призывы. Генеральные штаты в угрожающей ноте, направленной в Вену и Мадрид, предупредили, что отправка германских и других иностранных войск в Италию будет рассматриваться союзными державами как враждебный акт.

Напряженность как в личных, так и в межгосударственных отношениях не может длиться долго. Разрядка с тем или иным исходом неизбежно наступает. Так было и на этот раз. В дела живых вмешалась смерть: 1 ноября 1700 года умер Карл II.

Вопрос о судьбе испанского наследства вступил в свою последнюю, самую острую фазу.

21

«Я слишком любил войну»

Это слова из завещания Людовика XIV, обращенные к его наследнику — правнуку, будущему королю Франции Людовику XV¹. Откровенное и честное признание! Четыре войны вел Король-Солнце. Из них самая кровопролитная и изнурительная — общеевропейская война за испанское наследство, продолжавшаяся 12 лет. Начало можно датировать первым годом восемнадцатого века.

...Смерть всегда неожиданна, даже тогда, когда с ее неизбежностью давно смирились и тот, кто покидает грешную землю, и тот, кто временно остается на ней. Так было и с Карлом II. 20 сентября 1700 года король слег и уже больше не вставал. Во всех церквах Испании служили молебны в его здравие. Во дворец привозили святые иконы, в том числе знаменитую икону Христа из собора в Толедо. У изголовья больного постоянно находился кардинал Портокарреро. Только представители «германской партии» — королева, великий инквизитор, духовник — не посещали короля.

Карл II скончался 1 ноября 1700 года в 15 часов. «Как только король Испании испустил дух, встал вопрос о вскрытии его завещания. Собрался Государственный совет. Все испанские гранды, находившиеся в Мадриде, вошли в его состав. Любопытство, вызванное столь редким событием, интересовавшим миллионы людей, привлекло весь Мадрид во дворец. Люди задыхались в комнатах, соседних с той, где гранды вскрыли завещание. Все иностранные послы собрались у дверей. Тот, кто узнал бы первым о выборе, сделанном только что умершим королем, мог об этом первым и сообщить своему двору. Блекур (французский поверенный в делах. — Ю. Б.) был вместе с остальными; он знал не больше, чем они. Граф Гарака, посол императора, надеялся, что завещание будет в пользу эрцгерцога. Он находился у самой двери (помещения, где собрался Совет. — Ю. Б.), совсем близко, с торжествующим видом. Это длилось довольно долго, чтобы возбудить всеобщее нетерпение. Наконец дверь открылась и опять закрылась. Герцог Абрантес (один из придворных короля. — Ю. Б.), человек умный, шутник, хотел доставить себе удовольствие объявить выбор наследника, как только гранды и Совет согласятся с этим, а затем примут соответствующее решение. Абрантеса окружили, как только он появился. Он смотрел во все стороны, важно сохраняя молчание. Блекур приблизился. Герцог очень пристально посмотрел на него, затем повернул голову, делая вид, что ищет что-то находившееся почти перед ним. Эти действия поразили Блекура и были поняты им как плохой признак для Франции. Затем, вдруг сделав вид, что он только заметил графа Гарака, неожиданно оказавшегося в поле зрения, Абрантес с радостным выражением на лице бросился ему на шею, громко сказав по-испански: «Сеньор, с большим удовольствием». И, сделав паузу, чтобы обнять графа покрепче,

добавил: «О, да, сеньор, я испытываю самое большое удовольствие в моей жизни»; вновь обнял Гарака, замолк еще раз и затем закончил: «И с чувством самого большого удовлетворения я расстанусь с Вами и покидаю высокий австрийский дом». Затем он прорывается сквозь толпу, и все бегут за ним, желая знать, кто же все-таки наследник»².

В Мадриде на заседаниях Государственного совета большинство его членов считали, что слабый король не спасет испанскую империю от раздела. Франция — соседка Испании имела лучшую армию в Европе. Вывод: следует пригласить на испанский престол второго или третьего сына дофина. Карл II, раздираемый противоречивыми чувствами, страдающий от болезней, обратился за советом к Иннокентию XII. Папа поддержал мнение Совета. Архиепископ Толедо подготовил завещание в пользу герцога Анжуйского. Карл II подписал его 7 октября 1700 года³.

Как только первые сведения о решении испанского короля стали известны в Версале, наступила пора трудного, поистине исторического выбора. Одним из первых, с кем беседовал Людовик XIV, был Талар. 2 ноября 1700 года он нанес в Версале визит Ментенон в присутствии Торси. Затем Людовик XIV беседовал с послом в своем кабинете. Талар сказал, что его радует возможность объединения двух монархий. Однако, по его мнению, ни Империя, ни Англия, ни Голландия не пойдут Франции на уступки и война станет «неизбежной». Посол считал полезным «посоветоваться» с историей. А опыт истории решительно отвергал любую попытку создания сверхдержавы в Европе. Надолго это не удавалось никому и никогда.

Взгляды Талара разделял Торси. И король, казалось, принял решение: он сообщил через своего посла в Гааге Хейнсиусу и Вильгельму III, что Франция сохранит верность соглашению о разделе испанского наследства. Такая же информация из Версаля поступила и в другие европейские столицы. Людовик XIV писал в Вену Вилару: «Ничто мне не помешает выполнить договор с королем Англии и Генеральными штатами». Настораживала Вилара, правда, многозначительная приписка: «Я направил войска к границам Испании, в Дофине и Прованс»⁴. Зачем понадобилось королю, сохраняющему верность международным обязательствам, посылать солдат на границу с соседней страной?

Два дня заседал в Версале Государственный совет. И оба раза в апартаментах Ментенон. Голоса разделились. За верность договору о разделе высказался герцог Бовилье, воспитатель внуков короля. Иную позицию занимал Торси. Он в своих «Мемуарах» пишет, что считал войну неизбежной и поэтому предложил принять завещание Карла II. По некоторым источникам, непризнанная королева разделяла мнение государственного секретаря. Но сам Торси излагает события иначе: «В последнее время ошибочно утверждали, что мадам де Ментенон присутствовала на этом Совете и высказала свое мнение»⁵. Решающее значение имела позиция дофина. Он словно переродился. Исчезла обычная апатия, что вызвало откровенное удивление и у короля, и у его министров. Наследник обратился к отцу «почтительно, но твердо» и сказал, что «позволяет себе свободу требовать у него наследство»⁶ (имелся в виду трон Испании).

Людовик колебался недолго. 12 ноября 1700 года он ответил регентскому совету в Мадриде: «Мы согласны с завещанием покойного католического короля в пользу нашего внука герцога Анжуйского. Наш единственный сын, дофин, также согласен». В письме подчеркивалось, что новый испанский король направится «в страну немедленно»⁷.

16 ноября Людовик XIV сказал испанскому послу, что он может приветствовать герцога Анжуйского как своего короля. Посол упал на колени перед Филиппом V и произнес речь на испанском языке, которого молодой монарх не знал. Вопреки обычаю, двери кабинета Людовика XIV были открыты, и он громко сказал: «Вот король Испании. Рождение предназначило его для этой короны». Затем, повернувшись к внуку, добавил: «Будьте испанцем. Это теперь ваша первая обязанность. Но помните, что вы француз». Посол поцеловал руку своего нового властелина и воскликнул: «Какая радость! Нет

больше Пиренеев: они разрушены, и мы едины»⁸. Произнес ли на самом деле испанец эти слова, ставшие легендарными? Увы, источники противоречивы!

Уже 4 декабря 1701 года Филипп V выехал в Мадрид. Кортёж неторопливо двигался к Луаре. Филипп и сопровождавшие его придворные развлекались, играли в шахматы, стреляли голубей. Их ждал праздник в Бордо. В Байонне молодой монарх попрощался с братьями, с Бовилье, с маршалом Ноай и пересек границу двух государств. 22 января 1702 года он прибыл в Мадрид.

Почему Людовик XIV согласился с завещанием Карла II? Прежде всего, в Версале считали, что международная обстановка была благоприятной для Франции. Она имела союзницу — Испанию. Союзные отношения с французским королевством сохранила Бавария. Профранцузскую позицию занимали Савойское герцогство и Португалия. Власть Филиппа V признали Португалия, Святой Престол, Бавария, Кёльн, Англия, Соединенные провинции, большинство итальянских княжеств.

И, тем не менее, реальная перспектива франко-испанской гегемонии в Европе пугала большинство правителей европейских государств. Со своей стороны, французская дипломатия энергично добивалась в европейских столицах одобрения перемен в Европе. Торси сообщил английскому послу в Париже, что Франция отказывается от договора о разделе испанского наследства. Из Версаля отправили курьера к Вильгельму III Оранскому с объяснительной запиской. Английский король писал Хейнсиусу 16 ноября 1700 года: «Нужно признать, что мы обмануты». И продолжал: «У меня никогда не было полного доверия к обязательствам Франции. Но, должен признать, я не думал, что она порвет перед лицом всего мира торжественный договор до того, как он будет полностью выполнен. Мотивы, на которые ссылаются авторы записки (присланной из Версаля), столь постыдны, что я не могу понять, как у них хватило наглости написать подобную бумагу»⁹.

Английский посол объявил о своем отъезде из Парижа. Талар, в свою очередь, был отозван из Англии. «Вы правы: моему достоинству больше не отвечает Ваше пребывание в Лондоне»¹⁰, — писал послу Людовик XIV.

В Вене известия из Парижа и Мадрида вызвали переполох. 18 ноября 1700 года собрались император и его придворные. С завещанием Карла II они не согласились. Волновала австрийский двор и судьба владений Австрии в Италии.

Положение Вилара стало нестерпимым. 4 декабря 1700 года он писал Торси: «Во имя Бога не заставляйте меня провести зиму в Вене»¹¹. Ночью дом посла пытались сжечь, взять штурмом. Ему грозили смертью. Уехал Вилар из столицы Австрии только 6 июля 1701 года, пережив, по его словам, самое тяжелое время жизни.

Французская дипломатия пыталась в 1701 году укрепить союзные отношения с европейскими странами. Но все ее напряженные усилия оказались напрасными. Людовика XIV поддерживали лишь мелкие германские князья. Они настойчиво требовали денег! Обстановка становилась все напряженнее. Но в Версале не считались ни с чем, позволяли себе недопустимые с точки зрения дипломатических принципов действия. 16 сентября 1701 года во дворце Сен-Жермен-ан-Ле умер Яков II Стюарт. Людовик XIV и папский нунций немедленно признали королем Англии его сына — Якова III, которого английский парламент обвинил в государственной измене и заочно приговорил к смертной казни за попытки реставрации свергнутого режима. Авантюристический шаг Людовика сплотил английское общество вокруг Вильгельма Оранского, способствовал победе на очередных парламентских выборах антикатолической партии вигов.

Дипломатическая обстановка в Европе складывалась неблагоприятно для Франции. В январе 1700 года Швеция вступила с морскими державами в союзные отношения. Позиция Пруссии была антифранцузской. 16 января 1702 года кур-фюрст Саксонии Август II заключил с императором Леопольдом I наступательный и оборонительный союз. Он получил 200 тысяч экю субсидий и за это обязался предоставить в распоряжение Империи 8 тысяч солдат, не признавать герцога Анжуйского королем Испании и оказывать помощь

союзникам Леопольда I. Иную позицию занимали германские князья. Они оптом и в розницу продавали своих подданных Людовику XIV: епископ Мюнстера — 1600 пехотинцев и 400 кавалеристов; прусский король — 5 тысяч солдат; ландграф Гессе Гассель — 2—3 тысячи.

Деньги — это главное. Поэтому многие правители германских государств, фрондировавшие против императора, не считались с решением от 28 сентября 1702 года общегерманского сейма, объявившего войну Франции.

Попытки французов перетянуть на свою сторону Швецию оказались безуспешными, хотя в начале 1703 года Людовик XIV предложил Карлу XII 600 тысяч экю в год, если он займет Пруссию и Померанию, а также 800 тысяч экю за военные действия против Саксонии или в поддержку венгров, восставших под руководством Ференца Ракоци против австрийского господства весной 1703 года. Ракоци готов был послать 5700 солдат на помощь французской армии. Он требовал от Людовика XIV 200—300 тысяч экю, а получал от него 10 тысяч экю в месяц.

Изменил Франции и Виктор Амедей II. Он занял пост генералиссимуса имперских войск в Италии. Французы в сентябре 1703 года разоружили войска герцога Савойского. Ему вручили личное письмо Людовика XIV, в котором говорилось: «Мсье! Так как религия, честь, интересы союзников и Ваша собственная подпись ничего не стоят, я посылаю моего кузена герцога Вандома во главе моей армии с целью объяснить Вам мои намерения. Он даст вам только 24 часа, чтобы определиться»¹². Герцог заявил офицеру, привезшему королевское послание, что его решение окончательное; грозы из Версаля никого не удивляют; у него нет ни другого ответа, ни других предложений. В ответ на действия Людовика XIV в Турине арестовали посланников Франции и Испании. Аналогичным образом поступили в Париже с послом Савойи. Своеобразный «обмен» отнюдь не дипломатическими любезностями!

Общеввропейская война стала неизбежной. Образовались две коалиции. В одну входили Австрия, Англия, Соединенные провинции, Пруссия, Дания, большинство мелких германских княжеств. Вторую создали Франция, Испания, Бавария, электор Кёльна, епископ Льежа. 14 мая 1702 года Англия и Голландия объявили войну Франции и Испании. На следующий день к ним присоединился император Леопольд I.

Собственно, к общеввропейскому конфликту толкали действия Людовика XIV и его дипломатии. Еще в феврале 1701 года он назначил правителем испанских Нидерландов герцога Баварского и изгнал оттуда голландские гарнизоны. Французы в колониях Испании получили те же права, что и испанцы. У Филиппа V сохранилось право на французскую корону, что создавало угрозу объединения двух соседних государств, разделенных Пиренеями.

Полеми сражений стали Европа, Америка, моря и океаны. Морская война развертывалась в неблагоприятных для Франции и Испании условиях. Они располагали кораблями общим тоннажем, в два раза меньшим, чем у стран антифранцузской коалиции. Правда, королевскому флоту помогали пираты из портов Франции. Их суда вооружали и снабжали французские коммерсанты, не хотевшие разрыва торговых связей с испанскими владениями. Французские власти закрывали глаза на то, что пираты занимались контрабандой, не брезговали и выгодными сделками с неприятелем.

По тем временам это была мировая война. Она имела и национальные аспекты. Голландцы стремились укрепить свои южные границы. Император претендовал на Эльзас и Лотарингию.

Военное положение Франции ухудшалось из года в год. Сражаться приходилось повсюду: в Италии, где французам не удалось после длительной осады взять Турин; в Испании, где австрийский эрцгерцог Карл укрепился в Каталонии. В Нидерландах французы потеряли крепости на севере этой страны.

Разумеется, война знала свои подъемы и спады. Ход военных действий был связан с именами крупных полководцев. На стороне антифранцузской коалиции это были герцог

Джон Мальборо (после смерти Вильгельма III Оранского 19 марта 1702 года он входил в близкое окружение новой королевы — Анны, сестры Марии — супруги покойного короля); принц Евгений Савойский, проявивший себя на службе императора талантливым стратегом. Принц — первый, но далеко не последний из знаменитых перебежчиков, неоцененных королем Франции и перешедших в лагерь его противников.

С французской стороны в войне за испанское наследство отличились герцоги Вандом и Вилар (да, тот самый — бывший посол в Вене), граф Тессе. С их участием на протяжении первых лет боевых действий французская армия одержала ряд побед. Но в 1703 году соотношение сил на европейском театре военных действий стало неблагоприятным для Франции. Герцог Савойский изменил Людовику. Португалия присоединилась к Англии. Крупная испанская провинция Каталония восстала против власти Филиппа V.

Ход войны круто изменился в 1704 году. Англо-голландская армия под командованием герцога Мальборо захватила архиепископство Кёльн и епископство Льеж, разбила франко-баварские войска у города Хохштадт на Дунае. Территория Баварии была оккупирована. Австрийский эрцгерцог высадился в Лиссабоне. В октябре 1704 года англичане захватили Гибралтар, в 1705 — Барселону.

Эрцгерцог занял Мадрид в июне 1706 года и был провозглашен королем Испании Карлом III. Не только на Пиренейском полуострове, но и на других фронтах французы терпели поражения. Войска антифранцузской коалиции захватили Неаполь и Сардинию, угрожали Сицилии. В Америке Франция потеряла Акадию. Решающее значение имела победа Мальборо 23 мая 1706 года в Бельгии под деревней Рамийе. Французские войска ушли из Нидерландов. 7 сентября принц Евгений Савойский вынудил французов снять осаду Турина.

В 1708 году англо-голландский флот захватил остров Минорку. Филипп V покинул Мадрид. Армию герцога Бургундского разбила принц Савойский и герцог Мальборо под Оденардом в Бельгии. После падения Лилля в декабре 1708 года союзники вторглись на французскую территорию.

События приняли для Людовика XIV угрожающий оборот. Но самая тяжелая катастрофа угрожала Франции изнутри. Разразился экономический и социальный кризис, обострившийся в результате невиданной в истории Европы суровой зимы.

В начале декабря 1708 года начались морозы. Через несколько недель, 6 января, Рона замерзла. Погибал скот. Затем наступила краткая оттепель, а с 6 февраля по 6 марта 1708 года снова резко похолодало. Надежды на урожай не было никакой. Эту страшную беду по ее трагическим последствиям можно было сравнить только с разрушительным землетрясением или массовой эпидемией. Люди умирали тысячами. Вдоль дорог лежали трупы. Смертность возросла вдвое. Женщины толпами шли в Версаль, требуя спасения от голода. Бездомные бродяги просили подавание. Резко увеличилась преступность. Обезумевшие от страданий крестьяне и горожане нападали на монастыри и замки в поисках пищи. В стране раздавался всеобщий крик: «Хлеба и мира!»

На улицах Парижа можно было в то время услышать «молитву»: «Наш отец в Версале, Ваше имя больше не прославляется, Ваше королевство перестало быть великим. Ваша воля не вершится ни на земле, ни на море. Дайте нам наш хлеб, которого нам повсюду не хватает. Простите нашим врагам, которые нас разбила, но не нашим генералам, которые позволили это сделать. Не поддавайтесь всем соблазнам Ментенон и освободите нас от Шамильяра (генеральный контролер финансов. — Ю. Б.)»¹³.

В 1709 году непосредственная угроза нависла над Парижем. Англо-голландские войска взяли города Турне и Монс. До столицы оставалось несколько сот километров. Положение стало катастрофическим. «Не хватало денег, склады опустели. Ни одно соглашение не было подписано по вопросам продовольствия, а зима, такая суровая, какой не было на памяти людей, разрушала надежды на сбор зерна, погубленного в земле морозами, сменившимися оттепелью»¹⁴, — писал в своих мемуарах Торси.

Даже в таких тяжелых условиях в Версале готовили военную экспедицию в Шотландию. Людовик XIV в декабре 1709 года решил направить туда 8 тысяч человек. Он подписал документы, в которых были перечислены корабли и войсковые части, предназначенные для вторжения на Британские острова. Возглавить войска должен был маршал Виктор Мари Эстре. План операции скрывали даже от наследника свергнутого режима Якова III Стюарта.

К вопросу об экспедиции в Шотландию на Государственном совете возвращались неоднократно. Решили провести ее в декабре 1710 года, собрав в Бретани ирландцев, находившихся на французской службе, чтобы затем при хорошей погоде посадить их на корабли в Бресте. Во французских портах готовили транспортные суда, оружие и снаряжение¹⁵.

Активно поддерживала план атаки на Англию Ментенон, используя, в частности, свои старые связи с Виларом, пользовавшимся большим влиянием при дворе. В конце 1709 года он после ранения приехал в Версаль и поселился в апартаментах покойного принца Конти. Вилар в беседе с королевой заявил, что для нападения на Шотландию не требуется большое число войск и военных кораблей. Столь оптимистический подход встревожил государственного секретаря по иностранным делам. Он посоветовал Вилару не проявлять активности в беседах с Ментенон.

Любопытно, что Торси не являлся противником «шотландского похода». Просто он стремился не допускать вмешательства влиятельных дам в государственные дела. На Совете Торси встречал противодействие со стороны герцога Бовилье, герцога Бургундского, канцлера Поншатрена, считавших затею «химической».

На заключительном этапе общеевропейской войны вторжение в Англию было действительно фантастическим замыслом. Людовик XIV и его министры пытались уйти от суровой действительности. А обстановка на фронтах, экономическое и финансовое положение Франции и ее армии требовали мира, активного использования дипломатии.

«Полет воронов над трупом благородной Франции»¹⁶ — так охарактеризовал историк Массой переговоры военных лет, когда союзники по антифранцузской коалиции выдвигали перед Людовиком XIV все более жесткие требования. В 1708 году голландцы хотели получить Испанию, Миланское герцогство, испанские Нидерланды, заключить с Францией выгодный торговый договор. Людовик XIV согласился на эти условия. Вел переговоры государственный чиновник Руйе. Король готов был отказаться от Турне, Лилля, Мо-бежа, Дюнкерка. Он соглашался даже изгнать из Франции признанного им в качестве наследника английского престола Якова III Стюарта. При дворе в Версале считали возможным оставить Филиппу V только Неаполь.

В мае 1709 года в Гааге в переговорах с Торси участвовали герцог Мальборо (государственный секретарь предложил ему «за содействие» фантастическую взятку в 4 млн. ливров. Безуспешно!), принц Евгений Савойский, Хейнсиус¹⁷. Присутствовали представители германских государств. Обстановка была для французских дипломатов сложной. Каждый день их противники требовали все новых уступок, все новых городов и провинций. В конце мая завершилась подготовка более 14 статей прелиминариев, в соответствии с которыми Людовик XIV брал на себя обязательство признать эрцгерцога Карла королем всех испанских владений. Франция получила два месяца для подготовки отречения от испанского трона Филиппа V. Его семья должна была покинуть Мадрид. В случае отказа Филиппа принять эти условия Людовик XIV и остальные участники переговоров должны были совместно выработать репрессивные меры. Из Испании отзывались французские войска и офицеры; король-дедушка не имел права оказывать помощь королю-внуку. Выдвигалось требование, чтобы никто из принцев французского дома не царствовал в Мадриде. Испанская Индия становилась недоступной для французской торговли. Страсбург, Кель, Ландау с их укрепленными районами отходили к императору. В Эльзасе у Франции оставалась одна провинция, объединившая 10 имперских городов. Все французские укрепления на Рейне разрушались. Людовик XIV

признавал власть королевы Анны и наследование английского престола по линии протестантов. Франция уступала Англии Новую Землю и свои владения в Америке, обязалась уничтожить укрепления Дюнкерка, подписать выгодный для англичан торговый договор. Соединенные провинции получали города Менен, Ипр, Лилль, Турне, Фюрн, Конде, Мобеж с прилегающими территориями и укреплениями. И герцог Савойский не был забыт: его владения пополнялись герцогством Савоя и графством Ницца, другими территориями.

А что за все эти уступки получила бы Франция? Немного. Перемирие на два месяца, необходимое, чтобы удовлетворить требования ее врагов: изгнать Филиппа V из Испании, передать крепость Дюнкерк англичанам. В случае невыполнения условий договора военные действия возобновлялись. Это было бы «окончательное удушение Франции»¹⁸. Справедливое замечание историка Массона!

Добавим к оценке Массона: Торси поставил свою подпись под унижительными для национального достоинства условиями. Понимая цену содеянного, он писал Людовику XIV: «Ваше Величество полностью свободны отбросить эти условия, если, как я верю, состояние дел позволит, или согласиться с ними, если, к сожалению, он считает своим долгом завершить войну любой ценой»¹⁹.

1 июня 1709 года Торси прибыл в Версаль, а уже на следующий день собрался Государственный совет. Рассматривался только один вопрос: капитулирует ли Франция? Неожиданную решительность проявил дофин. Он обратился к Людовику XIV с резким протестом против возможного решения сложить оружие, бросить Испанию на произвол судьбы. Присутствующие застыли в испуге. На их лица словно одели маски. Наследник престола заявил министрам, что в один прекрасный день он будет их господином и, если они посоветуют королю заключить мир, впоследствии ответят за свои действия. Сказав все это, разгневанный наследник престола вышел.

В итоге «партия мира» при французском дворе, добивавшаяся фактически безоговорочной капитуляции Франции, потерпела поражение. «Миротворцами» были Ментенон, герцог Бургундский, герцог Бовилье, генералы и дипломаты Аркур, Буфле, государственный советник Вуазен. Идейным вождем «придворной Фронды» являлся епископ Фенелон.

На короля оказывали давление с разных сторон. Вилар говорил, что лучше заключить мир на тяжелых условиях, вступив в войну с Филиппом V, чем потерять все. Он лишь повторял слова Ментенон, утверждавшей, что не было «другого решения, кроме объявления войны Испании»²⁰.

Ничего не скажешь: Людовик XIV обладал твердыми убеждениями отца и деда. Он не соглашался на использование оружия против внука. Он готов был откупиться, ежемесячно выплачивать голландцам миллион ливров. Но в Гааге это предложение отклонили. Переговоры были прерваны.

Несомненно, обстановка во Франции и на фронтах требовала решительных действий. «Состояние дел было достойно сожаления. Деньги полностью израсходованы. Кредит потерян. Войска не восстанавливали своих потерь. Офицеры и солдаты гибли от нищеты; не было складов и средств для их создания. Не знали, как армия будет существовать во время кампании. Сомневались даже в том, сможет ли она приступить к боевым действиям. Не хватало генералов для командования войсками»²¹. Это запись Торси в его дневнике 19 февраля 1710 года.

Опасность придала министрам короля мужества. Они осмелели. На Государственном совете 26 марта 1710 года Торси предложил оставить Филиппу V только Неаполь и Сицилию. При этом государственный секретарь решил предложить Людовику XIV оказать давление на внука с целью получить его согласие на условия антифранцузской коалиции, в противном случае угрожая участием Франции в войне против Испании.

Торси предлагал «откупиться» от участников антифранцузской коалиции — дать им деньги на войну с Филиппом V, если он не согласится на раздел его владений. Против этого плана выступили дофин, герцог Бургундский, канцлер Поншартрен, заявившие, что не видят различий между военными операциями против Испании и финансированием ее врагов.

В окружении Людовика XIV господствовало убеждение, что он не выступит против членов своей семьи. По словам Торси, «это был барьер, который не разрешено было переступить, и никогда король не хотел даже попытаться оказать более сильное давление на короля-внука, разъясвив ему неопределенность его положения и пользу, которую он мог бы извлечь для себя, если бы согласился на умеренный раздел, чем на уход в частную жизнь»²².

Ничто не вечно под луной. И обстановка в Европе неожиданно изменилась в лучшую для Франции сторону. В декабре 1710 года победа армии Вандома в Испании над объединенными англо-португальскими силами оказала большое воздействие на развитие событий. 11 января 1711 года Торси записал в своем дневнике: «Большие успехи в Испании начинают менять положение дел. В Голландии произносят менее громкие речи. Деньги стали в этой стране редким явлением, и те, кто писал (по вопросам войны за испанское наследство. — Ю. Б.), изменили свой стиль»²³.

Большие перемены происходили и при английском дворе. Королева Анна с недоверием относилась к герцогу Джону Мальборо, командовавшему английскими войсками. Анна вела жесткую политику в отношении голландцев, пытавшихся давать ей советы. Эти советы она не хотела слушать, а тем более выполнять. Королева была недовольна имперцами, бездействовавшими на Рейне. К тому же в ноябре 1710 года в Англии состоялись парламентские выборы, на которых партия тори — сторонники мира — одержала победу.

Появились и новые причины для тревоги: изменилась политическая обстановка в Вене. В 1711 году умер император Иосиф I. На престол вступил его брат Карл VI, ранее провозглашенный испанским королем Карлом III. Возникла реальная угроза объединения Испании и Австрии под одной короной. Война не только потеряла всякий смысл для Англии, но и становилась для нее опасной. Учитывая это, английское правительство изменило австрийскому союзу и вступило в тайные переговоры с французскими дипломатами.

Путь уже был проложен. Когда в 1701 году Талар уехал из Лондона, он оставил там своего духовника Франсуа Готье, нормандца по происхождению, сына торговца из Сен-Жермен-ан-Ле. Готье переписывался с Торси, сообщал ему о событиях при дворе Анны. Сен-Симон считал Готье «человеком разума и, более того, здравого смысла; он вел торговые дела в Англии»²⁴. Готье действовал через Анну Магели, доверенную даму королевы, и активно боролся с влиянием герцогини Мальборо.

После начала войны за испанское наследство Готье служил у посла императора в английской столице. Он познакомился с влиятельной при дворе Анны графиней Жерсей. Она рассказала о Готье своему мужу маршалу Англии, активному стороннику сепаратных и тайных англо-французских переговоров. Они начались между Готье и лордом Жерсей. Информацию из Лондона Готье пересылал Торси через своего агента — банкира Левассер, жившего в Париже.

Заслуги Готье сразу же были высоко оценены в Версале. Уже в июне 1710 года он получил от Людовика XIV пенсию в 1200 ливров в год. Через несколько месяцев Торси послал Готье 2 тысячи ливров. С 1711 года Готье стал постоянным агентом французского короля в Лондоне с жалованьем в 6 тысяч ливров. За свои заслуги бывший духовник Талара стал аббатом. От Испании Готье получил пенсию в 12 тысяч ливров, и от Англии — в 6 тысяч ливров. Готье умер в июне 1720 года.

Первая встреча государственного секретаря по иностранным делам с Готье состоялась 21 января 1711 года. Посланец из Лондона не имел при себе ни официальных

бумаг, ни писем. Но он сообщил, что влиятельные люди в британской столице заинтересованы в начале англо-французских переговоров. Среди них — Солсбери, государственный секретарь Вильгельма III Оранского, посол во Франции в 1713 году, вице-король Ирландии; Харлей — главный казначей; граф Жерсей — маршал Англии, государственный секретарь и советник короля. Эти деятели считали, что необходимо закончить войну и подписать мирный договор. Они предлагали, чтобы Людовик XIV возобновил переговоры в Гааге, которые вел Торси и другие французские дипломаты. Через Гаагу в Лондоне рассчитывали получить французские предложения и информировать о них королеву Анну. Затем Людовик XIV мог бы послать в Лондон «мудрого человека» для тайных переговоров с английским двором без ведома голландцев. Выслушав предложения Готье, Торси пришел к выводу, что они создают «большие трудности». Он считал, что сторонники продолжения войны — «военная партия» в Соединенных провинциях, узнав, что французы хотят мира, использовала бы мирную инициативу Франции, чтобы отвести упреки в разрыве переговоров и прекращении англо-французской торговли. «Молчание Франции возбудило нетерпение населения», — замечал Торси. По его мнению, новые мирные предложения французской стороны «дали бы основания сказать, что скрытые раны вынуждали Францию воззвать к милосердию ее врагов в то время, когда она, казалось, вела себя по отношению к ним вызывающе»²⁵.

Торси также утверждал, что перспектива близкого мира ограничит усилия французских офицеров по укреплению своих войск, замедлит их подготовку к военной кампании. А времени терять не следовало. Возникали также вопросы: что скажут в Мадриде, узнав о мирных переговорах? Не сочтут ли испанцы себя брошенными, покинутыми? Не приведет ли это к революции в Испании? Людовик XIV не хотел переговоров на базе предварительных требований, выдвинутых англо-голландцами. Не соглашался король и на отречение Филиппа V от власти. А без этих условий голландцы не хотят что-либо обсуждать. В итоге они от переговоров откажутся, и это даст лишь новые аргументы врагам Франции.

В ходе беседы Готье подчеркивал, что в Лондоне не требуют отречения Филиппа V. Если мирная конференция состоится, то для проформы английские дипломаты будут настаивать на отречении испанского короля, но они получают тайный приказ: ограничиться защитой интересов английской торговли. «Итак, не опасайтесь, что Вас вынудят согласиться с тем, чтобы католический король покинул Испанию; англичане видят, что этот проект стал химерическим, а они нуждаются в мире»²⁶, — заметил Готье. Он считал, что Англия убедит Соединенные провинции возобновить переговоры с Францией или заключит мирный договор без них и даже без консультаций с ними. Государственный секретарь настаивал, чтобы испанцы и баварцы участвовали в переговорах.

Готье сообщил, что «движущей силой» переговоров является главный казначей Харлей, непримиримый враг Мальборо, который отнял у него должность государственного секретаря и хотел отправить на эшафот. Взгляды Харлея отражали настроения королевы, считавшей, что слава Мальборо преувеличена, а его политические амбиции чрезмерны. Анна встретила Мальборо холодно. Аудиенция была короткой, в присутствии многочисленных свидетелей, то есть отнюдь не доверительной. У Мальборо были сильные враги. Но его успехи на поле брани превзошли все ожидания. Готье считал, что вопрос об отставке Мальборо возникнет, когда он неизбежно совершит ошибки в роли фаворита королевы Анны. Она с трудом переносила упрямого и воинственного герцога. Перед отъездом из Лондона Готье спросил у маршала Жерсей, знает ли королева о его миссии в Версаль. Лорд занял осторожную позицию: «Ответ получите после возвращения в Лондон».

24 января 1710 года Никола Демаре, генеральный контролер финансов, сообщил Торси, что армия Франции готова к новой кампании, прежде всего на Севере. Министры короля учитывали, что союзников по антифранцузской коалиции раздирали противоречия. Торси и Демаре пришли к выводу, что король, выступая с мирными предложениями, даже

в самой общей, неконкретной форме, терял свои преимущества. Поэтому начинать новые переговоры с голландцами не следовало.

На следующий день Государственный совет согласился с мнением Торси и Демаре. Готье сообщили, что французская сторона к Генеральным штатам обращаться не намерена. Настойчивый аббат продолжал сновать, как челнок, между Лондоном и Парижем под псевдонимом «Делорм» или «кузен Делорм».

В итоге напряженных переговоров, продолжавшихся более полугодом, 8 октября 1711 года в Лондоне были подписаны предварительные англо-французские условия мирного договора. Людовик XIV взял на себя следующие обязательства: признать электора Ганновера наследником английской короны (Ганноверская династия правила в Англии с 1714 по 1901 гг.); разрушить Дюнкерк; уступить англичанам Гибралтар, Пор-Маон на Балеарских островах, остров Сент-Кристофер на Антилах, Новую Землю; передать торговлю неграми английским компаниям; отказаться от объединения корон Франции и Испании. Голландии возвращалась линия оборонительных крепостей в том виде, в каком они были до начала военных действий. Договорились о подписании выгодного для Англии торгового договора. Эти условия существенно отличались от тех, которые ранее выдвигали император и герцог Мальборо. Главное — Филипп V сохранял испанский трон.

Подписание предварительных условий мирного договора не положило конца войне. Но с июня по декабрь 1712 года военные действия были прекращены. Затем перемирие продлили до заключения окончательного мира.

В Англии палата общин согласилась с итогами англофранцузских переговоров. Вопли гнева и возмущения раздавались в Вене, Гааге, в лагере английских вигов. Но дело было завершено.

Не совсем, конечно. С 1712 по 1714 год переговоры между Испанией и Францией продолжались в Утрехте и Раштадте (город на западе Германии, в Баден-Вюртемберге). В результате были подписаны 14 соглашений. Судьба мирного договора между Империей и Францией решалась необычно, в ходе дипломатического поединка — один на один — между Виларом и Евгением Савойским.

26 ноября 1713 года Вилар прибыл в Раштадт. Дипломаты-генералы встречались каждый вечер. Они поочередно обедали друг у друга. Но переговоры не продвигались. Когда Вилар изложил требования Людовика XIV, принц резко поднялся с места и заявил, что в Версале «стремятся только выиграть время. Итак, следует еще раз положиться на силу оружия». Сказав это, принц направился к выходу. Вилар его остановил, настаивал на необходимости сблизить позиции. Австрийцы требовали, в частности, Неаполь, Сицилию, крепости в Нидерландах, захваченные французами. На таких условиях они готовы были обсуждать вопрос о возмещениях герцогу Баварскому. В 1704 году он лишился всех своих владений, всего имущества. Сражался во французской армии. Затем эмигрировал во Францию, где Людовик XIV предоставил ему дворец в Компьене. Евгений Савойский соглашался вернуть герцогу его земли, но возражал против материальных компенсаций. Он грозно заявил: «Если король Франции будет настаивать на своих намерениях, то новая война станет неизбежной».

Вилар избегал разрыва. И его собеседник прекрасно это понимал. Он писал императору: «Вилар стал боязливым, он желает мира любой ценой». Обманчивое впечатление. Иной была позиция Версаля. По словам Торси, Франция не предлагала переговоры: она на них согласилась. Людовик XIV подчеркивал: «Я желаю мира, но ничто не вынуждает меня его заключить»²⁷.

Переговоры в Раштадте зашли в тупик. Вилар сообщил в Версаль: «Принц Савойский мне заявил, что, только если французские армии будут в Линце (крупнейший речной порт на Дунае), они смогут ставить ему такие условия». Австрийский генерал явно шантажировал своего коллегу. Он все время грозил отъездом. Но переговоры были продолжены. Французская сторона пошла на уступки. Король согласился выплатить герцогу

Баварскому 2 миллиона ливров и приказал своему послу в Гааге выкупить у ростовщиков драгоценности, камни и золотую посуду «баварского изгнанника».

В Вене торопили Евгения Савойского, и он прибег к явной провокации. 29 декабря в 10 часов вечера принц пригласил к себе Вилара и сообщил ему: «Выделено 5 миллионов флоринов для продолжения военных действий». Аргумент более чем странный. Вилар понял это. На следующий день он находился в прекрасном настроении. На вопрос принца, чем вызван душевный подъем, Вилар ответил: «Я совершенно не огорчен тем, что придется продолжать войну». Евгений Савойский понял, что он переиграл, и немедленно переменял позицию: «Империя не только не делает никаких приготовлений, но я Вам признаюсь, что пока я нахожусь здесь, наши не продвинутся вперед». Провокация не удалась. В выигрыше оказался Вилар.

Переговоры затягивались. Не уступали ни французская, ни австрийская стороны. Тем не менее в результате шести недель напряженных усилий был подготовлен договор, состоявший из 25 статей. В Версале приняли только пять. Словно удар был нанесен Вилару. Его обвинили в слабости, в неумелой защите интересов короля. Осложнилось и положение Евгения Савойского. Окружение императора ожесточенно критиковало генерала. Вилар сказал принцу: «Ваши враги — в Вене, а мои — в Версале». Казалось, что переговоры обречены на полный провал. Людовик XIV писал Вилару, что, если Евгений Савойский «уедет, уезжайте и Вы, если он останется — Вы также остаетесь. Я не хочу быть первым».

В столь напряженной обстановке генералы прибегли к дипломатической уловке. Они решили, что принц передаст Вилару записку с требованиями императора, и она сразу же будет отправлена в Версаль. А пока «друзья поневоле» расстанутся: Вилар поедет в Страсбург, Савойский — в Штутгарт, но оба будут готовы немедленно возобновить переговоры при благоприятных условиях.

С приехавшим в Версаль посланцем Вилара Котадом встретились два государственных секретаря — Вуазен (по военным делам) и Торси. Котада принял король, упорно не соглашавшийся с тремя статьями соглашения. В связи с этим Вилар писал из Страсбурга Торси: «Я совершенно убежден в том, что Вы никогда не будете иметь мира более выгодного, по крайней мере пока у императора не будет веревки на шее (это выражение принца Евгения)»²⁸.

По поручению Людовика XIV Котада приехал в Штутгарт 22 февраля и немедленно встретился с Евгением Савойским. Оба «переговорщика» — принц и герцог — вернулись в Раштадт 28 февраля и подписали мирный договор между Францией и Империей 7 марта 1714 года.

Через несколько дней Вилар был принят Людовиком XIV. Король публично назвал генерала маршалом и назначил его 11-летнего сына губернатором Прованса. 13 апреля глашатаи кричали на всех перекрестках Парижа о заключении доброго и прочного мира.

Людовик XIV осыпал нового маршала почестями. Вилар удостоился высшей чести: он получил право свободно и в любое время, везде, где бы ни находился король, входить без разрешения, даже во время обсуждения секретных дел.

Договоры, подписанные в Утрехте и Раштадте, изменили обстановку в Европе. С начала XIV века не было столь глубоких перемен на Европейском континенте. Война с Аугсбургской лигой и война за испанское наследство — два этапа одного кровавого общеевропейского конфликта с кратким по времени перемирием, разделявшим их.

Гегемонии Франции в Европе был положен конец. Но она сохранила свою границу 1678 года на севере. Это почти современная граница страны. На востоке граница проходила по Рейну, на юго-востоке — по Альпам. Король отказался от Ниццы и Савойи, но получил долину Барселонет (в Альпах верхнего Прованса). Основные французские позиции в Европе остались незыблемыми.

Угроза объединения Франции и Испании в единое государство отпала. Филипп V отказался от французской короны, а французские Бурбоны — от испанской. Якова III

Стюарта изгнали в Лотарингию. Но для Людовика XIV решающее значение имело сохранение Филиппом V испанского трона, хотя он и отдал императору Карлу VI Нидерланды, оставил голландские гарнизоны в крепостях «барьера» и потерял свои итальянские владения (Неаполь, Миланское герцогство).

Но и потери Франции были велики. Начался распад ее колониальных владений в Америке. Англия получила Акадию, земли у Гудзонова залива, «сахарный остров» — Сент-Кристофер. Франция вернулась к торговой политике, проводившейся до 1664 года. Ее рынок был открыт для английских товаров. А свой рынок англичане для французов закрыли. Доходнейшая торговля неграми на 30 лет полностью перешла в руки британских компаний.

Международное положение Англии окрепло. Она приобрела на Балеарских островах Пор-Маон. Обладание Гибралтаром укрепляло английские позиции на Средиземном море и в Атлантическом океане. Разрушение порта и крепости Дюнкерк означало господство Англии в Ла-Манше. В ее пользу поступились своими торговыми и морскими интересами Соединенные провинции, получившие за это компенсацию — испанские Нидерланды.

Завершилась многолетняя борьба Бурбонов и Габсбургов. Теперь их разделили нейтральные территории: Германия, Италия, Голландия. Карл VI согласился с тем, что его владения должны быть в границах Рейна.

Произошли большие перемены и в Империи. Герцог Ганновера, расположенного между реками Эльбой и Везер, Георг I стал электором. Усилилась Пруссия Фридриха Вильгельма I.

На Апеннинском полуострове Венеция по-прежнему играла роль моста между Западом и Востоком Европы. Святому Престолу противостояло мощное Неаполитанское государство. Савойское герцогство контролировало альпийские дороги на северо-востоке Италии.

Так закончилась одна из самых кровопролитных и разорительных войн в истории Европы. Ее итоги? Десятки тысяч убитых и раненых — солдат, офицеров, моряков, мирных жителей. Сотни разрушенных городов, деревень, храмов, общественных зданий. Передел территорий на Европейском континенте и за океаном. Новая расстановка сил в Европе, сложившаяся в ущерб Франции, едва устоявшей на краю пропасти национальной катастрофы.

Людовик XIV перевернул еще одну страницу своей биографии. Столь любимые им понятия «слава» и «величие» исчезли из ее заключительной главы. Да и могло ли быть иначе, если на пушках французской армии было написано: «Последний аргумент короля»? Последний, да. Но, увы, столь часто ведущий в бездну.

22

Свой человек в Мадриде

Холодной декабрьской ночью 1714 года карета, сопровождаемая вооруженными всадниками, из замка Кадрок под Мадридом на большой скорости направлялась к франко-испанской границе. По числу гвардейцев можно было предположить, что охраняли видного государственного деятеля или опасного преступника. Ни то, ни другое! В карете находилась пожилая женщина с тонким лицом, сохранившим следы былой красоты. На ней не было теплой одежды. Пышное придворное платье не защищало от мучительного холода. Сидевшая рядом служанка не могла предложить своей госпоже ни крова, ни пищи. Кто же была эта аристократка, которую так стремительно выдворяли из Испании? Принцесса Юрсен, почти полтора десятилетия являвшаяся фактически правительницей испанского государства.

Девичье имя Юрсен — Мария Анна де ла Тремуай. Она прожила 80 лет. Редкое по тем временам долголетие! В 15-летнем возрасте вышла замуж за принца де Шале де

Талейрана, дальнего предка Шарля Мориса Талейрана. Жила в Испании, затем в Италии, где ее супруг внезапно скончался. Вышла замуж во второй раз за герцога Браччиано.

Женщина честолюбивая, властная, энергичная, смелая, она обладала и привлекательной внешностью. Высокий рост. Тонкая талия. Голубые глаза. Каштановые волосы. Красивое лицо, хотя его и портил длинный галльский нос. Всем своим поведением, обходительностью, вежливостью, доброжелательностью она привлекала людей.

Событием, оказавшим решающее влияние на жизнь Юрсен, было знакомство с мадам Скаррон, в будущем маркизой Ментенон, второй женой короля. Дамы быстро нашли общий язык¹. Они, испытывая друг к другу уважение, подружились. Когда герцог Анжуйский стал королем Испании Филиппом V, встал вопрос о его женитьбе. По рекомендации Ментенон Юрсен принимала участие в выборе невесты. 3 декабря 1700 года принцесса писала послу в Мадрид Аркуру: «В Версале не считают, что королю нужно дать в жены эрцгерцогиню; склоняются к принцессе Савойской» (Марии Луизе, дочери Виктора Амедея II, было всего 13 лет). Этот выбор поддержала и Ментенон, убеждавшая Аркура в том, что привести молодую девушку в Испанию должна именно Юрсен. Она «умна, обходительна, вежлива, знает иностранцев»², — замечала супруга Людовика XIV. 20 апреля 1701 года Торси сообщил, что король выбрал принцессу для сопровождения королевы Испании из Турина до Мадрида.

Юрсен была для Марии Луизы и воспитательницей, и подругой. Она ухаживала за королевой, как за ребенком: одевала, раздевала, укладывала спать, следила за питанием. Здесь трудностей не возникало. А вот сложности испанского этикета преодолеть было не просто. Ужас у Юрсен вызывали национальные костюмы. Придворные дамы одевали 5—6 обручей — от талии вниз по ногам, — поддерживавших море юбок. Сзади был прикреплен длинный шлейф, а спереди — нечто вроде фартука, скрывавшего ноги. Женские ноги показывать в Испании запрещалось. Церковь рассматривала это как преступление. Юрсен решила снять шлейф и фартук. Вопрос был серьезный: этикет при дворе в Мадриде соблюдался свято. Юрсен обратилась за советом к Торси. Государственный секретарь считал, что не следует нарушать традиции страны. Тогда Юрсен послала в Версаль куклу, одетую в испанское платье. Людовик XIV и Ментенон вынесли приговор: при появлении на публике королева должна быть одета в строгом соответствии с обычаями Испании.

Именно Юрсен превратила в королеву 13-летнюю девочку. Правда, девочка была от природы понятлива и восприимчива к советам своей воспитательницы. Мария Луиза обладала высокими человеческими качествами, которых был лишен ее супруг. Она была умна, энергична, решительна. Между двумя женщинами всегда царил согласие, основанное на взаимном восхищении и уважении. Юная королева стремилась использовать уроки своей наставницы, чтобы помочь мужу стать человеком действия. Он не обладал характером настоящего мужчины. Апатичный, пассивный, трусоватый, король легко становился игрушкой в руках людей корыстных и нечестных. Сколько раз спасала его от беды верная Юрсен.

Юрсен не претендовала на пост первого министра Испании. Но именно она определяла политические настроения Марии Луизы, а через нее — короля, нежно любившего свою жену. По словам Сен-Симона, принцесса «прибрала к рукам» Филиппа V и Марию Луизу, она «хотела править, а не удовольствоваться простым влиянием»³. Торси считал, что государственные дела «находились исключительно в руках королевы и Юрсен» и, «если бы хотели создать человека, который мог бы занять место принцессы, следовало бы его делать по ее модели».

Не будем преувеличивать достоинства Юрсен. Она имела и серьезные недостатки, причинявшие окружающим немало забот. Это была женщина экспансивная, несдержанная. Когда ее оскорбляли, она никогда не думала о последствиях своих ответных действий, проявляла поспешность и неосторожность. Принцесса не побоялась

обвинить Торси в двуличии, Людовика XIV — в легковерии. Она фактически правила Испанией, используя свои связи при французском дворе. Энергичная женщина поддерживала тесные отношения с государственными секретарями по иностранным делам Круасси и его сыном Торси, с канцлером Поншартреном, с маршалами Вилеруа и Ноай.

Однако решающее значение для положения Юрсен при испанском дворе имела ее дружба с супругой Людовика XIV. По словам летописца двора Данжо (запись в его дневнике от 3 октября 1703 г.), Юрсен убедила Ментенон, что непризнанная королева «будет управлять Испанией через ее посредство»⁴.

Какими мотивами руководствовалась Ментенон в своей «испанской политике»? Она прекрасно понимала, что положение в Испании после воцарения Филиппа V оказывало влияние на всю систему международных отношений в Европе, на внешнюю и военную политику Франции. Влиять на испанские дела — означало пользоваться реальной властью, к которой всегда стремилась непризнанная королева. А для этого надо было действовать через голову Торси и послов короля в Мадриде, иметь в этом городе личного посла Ментенон, своего человека. Этим доверенным человеком и была Юрсен.

Без участия принцессы в Мадриде не принимали ни одного серьезного решения. Она выступала в роли посредницы между Францией и Испанией и была в большей мере французским послом в Мадриде, чем сам посол. Эта талантливая женщина, обладавшая дипломатическими способностями, говорила на трех языках. Знала дворы Европы. Ее высокое происхождение позволило ей познакомиться с дипломатией Ватикана. Образцом для Юрсен всегда была французская дипломатия. Она распространяла при испанском дворе нравы и обычаи Версаля. Ее переписка с Людовиком XIV, с Ментенон, с министрами, генералами, дипломатами короля, ее сообщения о положении в Испании говорили о глубоких знаниях законов, финансовых, военных, религиозных проблем этой страны. Она уже после года своего пребывания в Мадриде прекрасно разбиралась в интригах двора. По просьбе Людовика XIV и Торси Юрсен отправляла в Версаль еженедельные доклады.

На протяжении 15 лет советником и другом Юрсен был некий Обиньи, человек незнатный, «серое преосвященство», ее доверенное лицо и, как утверждали, фактически муж. Никакого государственного поста Обиньи не занимал, но его принимал Людовик XIV при каждом приезде в Париж. Ментенон писала после первой же встречи с Обиньи, «послом» Юрсен: «Трудно найти более разумного, более вежливого, более скромного человека, чем он. Здесь весьма им довольны». Эту высокую оценку разделял и Людовик, он был «очень доволен Обиньи».

Фактически Юрсен была наместницей Людовика XIV и Ментенон в Испании и активно занималась государственными делами. Ей помогал финансист Жан Ори, сын книготорговца. По словам принцессы, этот человек обладал умом «глубоким, деятельным, способным к решительным действиям, то есть таким, какой необходим для этой страны»⁵.

Послом в Мадриде был назначен престарелый кардинал Эстре. Ему исполнилось 74 года. Человек неумный, высокомерный, деспотичный. Он обладал именно теми качествами, какие не следовало иметь французскому представителю в суровой, замкнутой стране. Но в Версале этому не придали никакого значения. Более того, кардинала официально назначили первым министром Испании. Сенсационная новость была обнародована и очень встревожила испанских аристократов. «Я боюсь, что нация, естественно обладающая гордостью, расценит как знак презрения со стороны Франции то обстоятельство, что в Испанию прислали, может быть, одного из самых выдающихся гениев, но, тем не менее, не в качестве советника, а в качестве правителя»⁶. Ироническая оценка Юрсен, с которой трудно не согласиться.

Силы сторон были неравные. Кардинал — стар, неумен, груб. Принцесса — сообразительна, дипломатична. Она создала своего рода лестницу управления, где каждому было отведено свое, строго определенное место. Ментенон руководила Юрсен,

Юрсен — Марией Луизой, Мария Луиза — супругом, Филиппом V. В этой системе кардинал был чужим, посторонним лицом. А между тем Эстре засыпал Версаль жалобами, утверждая, что принцесса не заботилась об укреплении французского влияния в Испании.

Со своей стороны, Юрсен бомбила Версаль письмами, настаивая, чтобы кардинал был послом, а не главой испанского правительства. Она сообщала об опасных настроениях аристократов, о недовольстве французской политикой в Испании такого влиятельного человека, как кардинал Порто-карреро.

В конечном счете король согласился с Юрсен, и Эстре занял пост посла в Мадриде. Война между ними стала открытой, когда принцесса, ссылаясь на испанский этикет, запретила Эстре входить к королеве. Посол ненавидел Юрсен. В своих чувствах он был не одинок. Эстре поддерживал герцог Бовилье, бывший воспитатель герцога Анжуйского, считавший, что «выскачка» забрала слишком большую власть над Филиппом V и его женой. Но Юрсен не сдавалась. Она посылала в Версаль одно за другим тревожные письма, утверждая: «Кардинал больше не тот, каким он был. Его разум сильно ослабел, его живость выродилась в ярость... Он уже не хозяин своих чувств, еще в меньшей степени своего языка»⁷.

Главная сила Юрсен заключалась в поддержке Марии Луизы, которая не терпела Эстре, заявляя: «Для меня этот человек — чудовище». Конфликт завершился отзывом кардинала из Мадрида. Заменял кардинала его племянник — аббат Эстре. Он уже не мог сделать ни шага без согласия Юрсен. Но аббат пошел по стопам своего дяди и обвинял герцогиню во всех смертных грехах, в том числе и в любовной связи с Обиньи. В письме аббата, вскрытого Юрсен (она проделывала эту операцию регулярно), против строк, где говорилось о ее отношениях с Обиньи, она написала: «Что касается женитьбы — нет!» Невероятная для дипломатии история. Но принцесса пошла еще дальше. Копии с ее пометкой на полях были отправлены брату Юрсен и Аркуру. Письмо попало в Версаль. Его зачитали на Государственном совете вместе с «резолуцией» Юрсен. Людовик XIV был возмущен. Он никому не прощал попрание тайны дипломатической переписки!

И вот словно Юпитер-Громовержец ударил молнией по грешной земле. 10 апреля 1704 года Людовик предписал Юрсен выехать во Францию или Италию. Она немедленно покинула Мадрид. Мария Луиза написала королю длинное письмо, восхвалявшее принцессу, ее способности наставницы. Как писала королева, она носит национальный испанский костюм, никуда не выходит, не пишет писем, проводит время за вязанием и игрой в карты. Подданные — испанцы в восторге!

Добрые намерения Марии Луизы несомненны. Она хотела защитить свою воспитательницу-подругу. Поздно. Король принял соломоново решение: не возвращать в Мадрид Юрсен и отозвать аббата Эстре. Вместо него Людовик XIV назначил послом герцога Грамона, представителя старой аристократической семьи. Грамон говорил Марии Луизе, что она больше никогда не увидит свою «матрону». Реакция королевы была неожиданной: «Скажите мне, герцог Грамон, какие претензии у короля к мадам Юрсен? Что сделала эта бедная женщина, чтобы с ней так недостойно обращались?»

Мария Луиза просила Людовика XIV принять Юрсен. Более осторожно на том же настаивала Ментенон. В Мадриде Мария Луиза действовала энергично. Она ограничила вмешательство Грамона и версальской администрации в деятельность правительства. Перед французами, к радости испанцев, Филипп V поставил непробиваемую стену секретности. Изменился и характер переписки с Версалем: из нее исчезла доверительность; официальные документы стали неконкретными, пустыми, а письма королевы — насмешливо-ироническими.

Юрсен остановилась в Тулузе. Как пишет Сен-Симон, она «не теряла мужества, имея такую надежную защитницу, как мадам де Ментенон». Королева хотела управлять Испанией и «глубоко была убеждена в том, что сможет сделать это только при помощи принцессы Юрсен»⁸, как замечает Сен-Симон.

В Тулузе с согласия короля Юрсен посетил граф Тессе, «герой Савойи». Они проговорили день и часть ночи. Выводы Тессе убедили Людовика XIV в необходимости познакомиться с принцессой. Она приехала в Париж 4 января 1705 года. Король принял ее через неделю. Беседа длилась неслыханно долго — около трех часов, без свидетелей, с глазу на глаз. На следующий день Юрсен встретила с Ментенон. Король убедился в том, что принцесса прекрасно знала Испанию и будет ему полезна в этой стране. Он решил вернуть ее в Мадрид. Сообщили об этом и Грамону, который попытался убедить Филиппа V, что принцесса осложнит его семейную жизнь: Мария Луиза будет делить между нею и мужем «свою нежность и свое время». Король-внук отправил письмо королю-деду, настаивая на том, чтобы Юрсен не возвращалась в Испанию. Узнав об этом, Мария Луиза устроила супругу ужасную сцену, и он в тот же вечер опроверг свое послание.

События развернулись совсем не по тому сценарию, который вначале подготовили в Версале. До приезда Юрсен Людовик XIV и его супруга считали, что ей не следует возвращаться в Мадрид. Они думали, что Мария Луиза успокоится, отвыкнет от своей наставницы. На испанскую королеву давили со всех сторон, добивались, чтобы она отказалась от принцессы. В конечном счете выяснилось, что это невозможно. И Людовик XIV пришел к выводу: судьба отношений между Испанией и Францией, поддержка Филиппом французской политики зависят от присутствия в Мадриде Юрсен.

Король уверовал в принцессу, советовался с ней, обсудил даже возможные кандидатуры на пост посла в Мадриде. Амнистия Юрсен означала обвинительный приговор Грамону. Принцесса не хотела видеть рядом с собой послов-аристократов. Слишком капризными, избалованными и своевольными были эти люди. Она предпочитала делового буржуа, без претензий, профессионального дипломата. Юрсен назвала Амело, представлявшего Францию в Португалии, Венеции, Швейцарии.

Беседы с Амело проходили в апартаментах Ментенон. Были уточнены основные цели французской политики в Испании. По просьбе Торси Юрсен подготовила записку о положении дел в этой стране. Она предлагала предоставить Филиппу V 2—3 миллиона ливров для приведения его дел в порядок.

На принцессу сыпались, как из рога изобилия, королевские дары. Король увеличил ее пенсию на 10 тысяч франков; пожаловал 12 тысяч экю на поездку в Испанию. Брат Юрсен Нуармутье стал герцогом. Другому брату — аббату Тремуай была обещана кардинальская мантия.

Итак, победа! И ловкая аристократка решила показать характер, не торопиться с отъездом в Мадрид. Ссылаясь на крайнюю усталость, плохое состояние здоровья, она писала Грамону (он еще не покинул свой пост) 21 января 1705 года: «Если я решу возвратиться в Мадрид, то уеду только весной. Я очень устала от путешествия, которое недавно совершила. Время года меня пугает, и к тому же у меня есть несколько домашних дел, которые я хотела бы закончить, если это возможно»⁹.

Последняя беседа Юрсен с Людовиком XIV и Ментенон состоялась в Версале 22 июня 1705 года в 5 часов утра.

В такое раннее время собирались столь влиятельные люди! Умели работать в Версале. После приема у королевской четы Юрсен выехала в Мадрид. Она получила от пребывания во Франции значительно больше, чем могла надеяться. Король назначил посла по ее рекомендации. Принцесса заручилась поддержкой государственного секретаря по иностранным делам Торси. Наконец, — и это было главным — сам Людовик XIV знал теперь, чего она стоит. И он пришел к выводу, что на эту женщину можно положиться.

Итоги поездки оказались блестящими, а возвращение — триумфальным. В ее честь устраивали праздники, полыхали фейерверки. Рекой лилось вино на приемах. В Канилласе, в 7—8 километрах от Мадрида, толпа послов и придворных ожидала Юрсен. Вечером за ней приехала карета короля.

Самые радужные перспективы открывались перед принцессой. Людовик XIV энергично ее поддерживал. 21 декабря 1705 года он писал Амело: «Мое решение состоит в

том, чтобы Вы сообразовывались полностью с ее чувствами... Я убежден в правоте ее намерений, и Вы не можете ошибиться, следуя ее советам»¹⁰.

Со своей стороны, Юрсен расхваливала Амело, с которым действительно тесно сотрудничала. 6 января 1706 года она писала из Мадрида: «Король никогда не будет иметь посла столь усердного на службе, столь прилежно относящегося к делам».

В Версале Юрсен шли навстречу по всем вопросам. Вот один пример. В течение года она не получала денег из Франции. Война лишила ее денежных поступлений и в Испании. В августе 1707 года она поплакалась Торси. Он прочел письмо Юрсен королю и получил приказ полностью выплатить ей все «недоимки».

И Людовик XIV, и Ментенон были довольны своей представительницей в Мадриде. Они положительно оценивали и деятельность Амело. Юрсен действовала по всем финансовым и военным вопросам в полном согласии с послом. Обстановка представлялась безоблачной, и Ментенон писала принцессе 10 октября 1706 года, что «нет ни малейшей тучки в разуме короля в отношении Вас с тех пор, как Вы уехали».

Казалось, ничто не могло подорвать дружбу двух женщин. Ментенон писала Юрсен 29 августа 1706 года: «Я прошу Вас и Вашего посла гордиться мною. Какой бы глупой я ни была, невозможно допустить, чтобы я не знала помыслы короля о Вас»¹¹.

Разумеется, Ментенон и Юрсен отличались друг от друга характерами, поведением, взглядами. Принцесса была энергичной, решительной оптимисткой. Ментенон, наоборот, все видела в черном цвете. Она в ходе войны за испанское наследство испытывала пораженческие настроения, поддерживала самые тяжелые условия перемирия и мира, означавшие капитуляцию Франции.

Ментенон — в разных формах и под разными предлогами — настаивала на отречении Филиппа V от престола. Но позиция королевской семьи была жесткой. Король-внук писал королю-деду: «Могут вообразить — и я возмущен этим, — что меня вынудят покинуть Испанию. Пока в моих венах течет кровь, этого, несомненно, не произойдет»¹².

В Лувре можно увидеть литографию: король и королева Испании сидят за столом. За их спинами видна Юрсен. Посол Амело стоя выслушивает заявление короля: он и его жена не покинут свой народ, не побегут перед врагом. Филипп V произнес знаменитую фразу: «Скорее погибнуть, чем уступить корону».

В Версале думали иначе. Министры и придворные были смертельно напуганы поражениями армии Франции. Ее генералы проигрывали одну битву за другой. 20 августа 1706 года войска Филиппа V были разбиты под Сарагосой, столицей провинции Арагон. Торси, выражая настроения Ментенон и «партии мира» при версальском дворе, настаивал на отречении испанского короля от престола. Он считал, что его семья должна покинуть Испанию. Но испанцы не хотели сдаваться. 31 гранд — виднейшие аристократы — направили письмо Людовику XIV с просьбой о военной помощи.

Филипп V не хотел расставаться с тронном. А Торси стремился к заключению мира. Для государственного секретаря позиция Испании имела решающее значение. В Версале решили направить маршала Ноай в Мадрид, чтобы выяснить ситуацию на месте. По поручению Торси он должен был получить от Филиппа V письмо, дающее Людовику право договариваться о судьбе испанской короны с эрцгерцогом, если к этому вынудит военная ситуация.

Планы Ноай, продиктованные Торси, разбились о сопротивление Юрсен. Она не хотела слышать никаких аргументов, ни угроз, ни обещаний, заявляя вместе с королевской четой, что, если Франция объявит Испании войну, испанцы выступят с оружием в руках против французов. Маршала убедили, что войну со странами имперской коалиции можно и нужно продолжать.

Вернувшись в Версаль, Ноай немедленно сообщил свои выводы королю. Его Величество отбросил колебания. 19 октября Государственный совет решил направить в Испанию 27 пехотных батальонов и 6 тысяч кавалеристов. Ноай выехал для организации военных действий в Руссильон. Людовик писал герцогу Вандому: «Мое решение принято.

Следует исходить из того положения Испании, которое Вы мне представили, и использовать, в течение по крайней мере шести месяцев, мои войска, чтобы облегчить католическому королю успех действий, имеющих своей целью сохранение его на троне»¹³.

Итак, Ментенон потерпела поражение от Юрсен. По крайней мере, именно так французская королева оценила решения, принятые ее супругом. Своего гнева Ментенон никак не проявила: она всегда внешне безропотно подчинялась монаршей воле. Более того, Ментенон после месяца молчания пишет Юрсен письмо, в котором восхваляет ее «благородное, честное и незаинтересованное поведение». Лицемерие всегда было излюбленным оружием бывшей мадам Скаррон.

Но вопросы войны и мира оставались нерешенными. Между союзницами-противницами расхождения усиливались. Ментенон всеми силами стремилась добиться мира, Юрсен энергично выступала за продолжение войны, замечая, что «следует бояться неожиданных резких действий со стороны Испании, приходящей в ярость от того, что она будет раздроблена». Такая постановка вопроса вызвала недовольство Ментенон. Она писала в Мадрид 10 октября 1706 года: «Вы, мадам, — добрая француженка и добрая испанка — заслуживаете сожаления»¹⁴. Но эта сравнительно сдержанная оценка сохранится недолго. Вскоре супруга короля упрекнет Юрсен в том, что она в большей мере испанка, чем француженка. Это был первый тревожный для принцессы сигнал, правда, не имевший далеко идущих последствий. Дело в том, что дипломатическая ситуация круто изменилась. В Лондоне и Гааге отклонили французские предложения. Людовик XIV 28 ноября 1706 года писал королю-внуку, что больше ему ни о чем не следует думать, кроме войны. И вскоре, 25 апреля 1707 года, англо-португальские войска потерпели поражение от испанцев и французов. Через три дня Юрсен писала Ментенон, что эта победа сделала Филиппа V «настоящим королем Испании».

Все острее сталкивались два противоположных подхода к войне. Ментенон, опасаясь краха монархии во Франции, любыми доступными средствами добивалась мира. Ее поддерживал Торси. Позиция Юрсен была иной. Она понимала, что речь шла о судьбе Филиппа V и его империи, ее личной судьбе, и делала все возможное, чтобы противостоять пораженческим настроениям в Версале. В своих письмах Юрсен убеждала Ментенон в необходимости продолжать войну, в возможности ее выиграть. Она выдвигала оригинальные, хотя и не всегда обоснованные, планы ведения военных действий, укрепления финансов. Сотни писем принцесса отправила французским министрам, генералам, дипломатам. Цель была одна: доказать, что союзники требовали капитуляции, «недостойной французов».

Ментенон оставалась на прежних позициях. 24 мая 1708 года она писала Юрсен: «Действительно, мадам, нам очень необходим мир». Да, военная обстановка продолжала ухудшаться для Франции. Пал на севере страны важный в стратегическом отношении город Лилль. (Именно после этого события папа признал Карла III королем Испании.) Требования руководителей антифранцузской коалиции становились все более жесткими. Но Юрсен настаивала на продолжении войны. Она писала Торси 22 ноября 1708 года: «Вспомните, я умоляю Вас, что Вы еще имеете более 100 тысяч человек во Фландрии. Все идет хорошо в Испании, и это дает основания надеяться на лучшее»¹⁵.

Безвыходная, казалось, обстановка оказывала на Людовика XIV влияние. Он колебался, испытывая давление со стороны «партии мира». В апреле 1709 года король писал Филиппу, что голландцы не хотят лишиться его всех владений. При такой политике Юрсен становилась помехой для версальского двора. Понимая это, принцесса (скорее всего рассчитывая получить отказ и в Версале, и в Мадриде) настаивала на своем отъезде. Возражал посол Амело. 30 апреля 1709 года он писал Людовику XIV: «Я считаю очень важным, чтобы мадам Юрсен оставалась при испанской королеве».

Голландцы и англичане в Гааге требовали от Торси, чтобы французы силой изгнали из Испании Филиппа V. Информирова Юрсен о своих переговорах в Голландии,

Торси сообщил ей 27 мая 1709 года: «Нет ничего более печального, чем ежедневно выслушивать несправедливые требования и рассуждения, быть вынужденным уступать силе и бесполезно использовать добрые доводы, которые с трудом выслушивают». Юрсен отвечала государственному секретарю: «Самое лучшее, что Вы могли бы сделать, это вернуться в Версаль, ничего не подписав»¹⁶ (речь идет об англо-голландских предварительных условиях мирного соглашения, унижительных для Франции).

В Версале готовились отдать приказ об отзыве французских войск из Испании. В Мадриде решительно возражали против такого решения. Ментенон с нескрываемым раздражением писала. Юрсен 17 июня 1709 года: «Итак, Вас следует оставить с испанцами, так как мы больше не можем вас поддерживать; более того, нам трудно поддерживать самих себя. Отомстите, мадам, за наше плохое поведение, сопротивляясь собственными силами всем нашим врагам. Здесь имеются военные, которые считают, что Вы можете это сделать. Другие говорят, что Вы будете подавлены. Я всегда надеялась на чудо для Вашего короля и Вашей королевы. Вот и Вы находитесь в таком положении, когда Вам следует ожидать чудес и их требовать».

Но в Мадриде надеялись не на чудо, а на военную помощь Франции. Мария Луиза умоляла Людовика XIV, чтобы он не выводил своих солдат из Испании. Она писала Ментенон: «Сделайте все, что Вы умеете так хорошо делать, когда хотите оказать услугу Вашим друзьям»¹⁷. Юрсен настаивала на отправке 20 батальонов французских войск в Испанию.

Словесная перепалка между бывшими союзницами продолжалась. «Все мое преступление перед Вами состоит в том, что я желаю мира... Бесполезно Вам говорить, в каком положении мы находимся, так как Вы не хотите верить»¹⁸, — писала Ментенон принцессе 21 июля 1709 года.

Между тем Юрсен — то ли набивая себе цену, то ли всерьез — ставила вопрос об отъезде из Мадрида. В июле — августе 1709 года она неоднократно говорила об этом королю Испании и его жене. Мария Луиза в двух письмах Ментенон сообщала, что находится в полном смятении: она не сможет обойтись без принцессы. Но в Версале не хотели считаться ни с чем и нанесли Юрсен тяжелый удар: в сентябре 1709 года Амело отозвали из Мадрида.

Положение Юрсен становилось все более сложным. Она понимала: ее плохо встретят при французском дворе. Слишком много она знала о делах и людях и в Версале, и в Мадриде. К тому же влияние ее упало: в Версале Юрсен больше не слушали да и не хотели слушать министры и придворные. Если раньше Ментенон поддерживала малейшее желание принцессы, то теперь она испытывала к ней растущую неприязнь. Юрсен поняла, что больше играть «в отъезд» нельзя и ей необходимо остаться в Мадриде. 1 сентября 1709 года она сообщила Ментенон: «Король завтра уезжает, чтобы стать во главе армии, твердо решив скорее погибнуть, чем позволить покрыть себя позором. Он оставляет королеву регентшей. Оба они мне твердо приказали не уезжать, считая, что не смогут обойтись без меня в такое время. Министры утверждают то же самое, и я вынуждена, несмотря на все принятые мною решения, подчиниться Их Величествам»¹⁹.

Ментенон уже не скрывала своего раздражения. Она писала принцессе: «Ваше отдаление от Франции доходит до враждебности»; обвиняла ее в борьбе против мира, в поисках денег для продолжения войны, для закупок зерна, оружия, снаряжения. В другом письме супруга короля упрекала Юрсен за ее «оскорбительную иронию», за ее «химерическую» надежду сохранить Испанию под властью династии Бурбонов. Она считала, что предложения принцессы неосуществимы и к тому же в Версале «не любят, когда дамы говорят о делах». Ментенон обвиняла Юрсен в том, что она перестала быть француженкой. Ответ из Мадрида был написан в достаточно резких выражениях: «Добиваясь продолжения войны, я, возможно, более француженка, чем любая другая... Тем лучше, если во Франции не любят, когда женщины говорят о делах; мы во многом можем упрекать мужчин, не подпускающих нас к делам. Беда в том, что некоторые

женщины имеют больше чести, чем они, и их ошибки делают нас мученицами в этом мире»²⁰.

Разумеется, Людовик XIV не вмешивался в словесную перепалку двух влиятельных женщин. Да, возможно, и не знал о ней. Объективно же король давал бывшим союзницам пищу для раздоров. Позиция короля в «испанском вопросе» была неустойчивой, колеблющейся. С одной стороны, гордыня Людовика и несомненно присущие ему родственные чувства не позволяли выступить против собственного внука и отдать его на растерзание противникам. С другой — неблагоприятный для Франции ход войны вынуждал к поискам мира. На этом настаивало и ближайшее окружение монарха. И, тем не менее, король устраивал настоящие разносы министрам, которые хотели убедить его в необходимости завершить войну любой ценой.

Дважды Людовик поручал Ментенон сообщить Юрсен, что она сама должна решить вопрос о своем пребывании в Мадриде. Торси, считая просьбы принцессы об отъезде лицемерными, писал, что она «ежедневно ищет новые отговорки, чтобы избежать отъезда из Испании». По совету Ментенон маршал Вилеруа рекомендовал Юрсен не ехать в Версаль, а дожидаться заключения мира где-нибудь в Лангедоке или в Провансе либо отправиться в Рим. Но, как всегда, последнее слово принадлежало королю. 17 марта 1710 года он сообщил принцессе, что ей следует оставаться при Марии Луизе: Людовик опасался, что в противном случае королевская семья будет в моральном отношении полностью деморализована.

Приказ короля еще более ожесточил Ментенон. По словам Торси, она была «убеждена в том, что не было другого решения, кроме войны с Испанией». Естественно, враждебность непризнанной супруги короля к принцессе возрастала. Она прямо писала Юрсен 27 июля 1710 года: «Вы ожесточены против нас... Я не могу больше искать у Вас утешения»²¹.

Ментенон искала утешения у других, настраивала их против Юрсен, критикуя ее политику. Королева писала маршалу Ноай 23 ноября 1710 года: «Умные головы всегда были убеждены в том, что нам не удастся добиться мира, сохраняя Испанию, и каждый добрый француз должен желать, чтобы Филипп V удовольствовался разделом, ожидая более благоприятных обстоятельств. Они считают, что король должен потребовать от мадам Юрсен поддержать эту точку зрения и постепенно добиваться ее осуществления».

Ментенонне учитывала, что военное счастье переменчиво, как погода в весеннее время. В 1710 году маршал Вандом одержал победу над имперскими войсками под деревней Виллевиозиоза, имевшую решающее значение для хода войны. Как отмечал Торси, эта победа «меняет, бесспорно, весь характер дел в Испании и одновременно в Европе»²².

По словам Торси, Ментенон была «не очень довольна» победой Вандома. Но со свойственным ей лицемерием она писала Юрсен, которую совсем недавно обвиняла во всех смертных грехах, 11 октября 1711 года: «Я говорю и буду говорить всю мою жизнь, до тех пор, пока не увижу что-либо новое, что я знаю в Вас, мадам, только такие качества, как справедливость, честность, благородство, прямота и доброта». Вот уж, поистине, не верь глазам своим!

По всем внешним признакам сотрудничество между двумя высокопоставленными дамами было восстановлено. Этому способствовало улучшение дипломатической ситуации. Завершились секретные англо-французские переговоры. Реальной стала перспектива мира в Европе. И в этих условиях Юрсен твердо стояла на страже интересов испанской королевской семьи. Она вела тайную войну с претендентом на испанский трон в случае отречения Филиппа V. Это был герцог Орлеанский, сын брата Людовика XIV — Филиппа и его второй жены — Элизабеты-Шарлотты.

Юрсен стремилась подорвать престиж герцога Орлеанского, обвинить его в заговоре. По ее инициативе захватили бумаги, из которых следовало, что испанские аристократы, если Франция их покинет, хотели бы иметь во главе герцога Орлеанского и

были готовы, «чтобы его поддержать, пожертвовать своим имуществом и своими жизнями». Людовик XIV получил от Филиппа V письмо, разоблачавшее заговор сторонников герцога. Двух испанских генералов бросили в тюрьму. История получила огласку. К недовольству Версаля, Юрсен разжигала конфликт. Дофин потребовал головы герцога Орлеанского. Канцлер Поншартрен получил приказ короля привлечь герцога к суду. Понимая, что эта история представляла опасность для династии, Людовик XIV просил внука и его жену «смягчить дело», простить мятежного родственника.

В события вмешалась смерть. 3 марта 1711 года скончался дофин. Жестокая в те времена болезнь — оспа — унесла жизни и наследника престола, и его жены. Герцога Орлеанского обвинили в отравлении супругов. Он требовал от Людовика XIV публичного суда, готов был сам отправиться в Бастилию. Король избегал скандала. Но Юрсен продолжала «военные действия». По ее наущению в Пуату арестовали монаха-францисканца, подозреваемого в подготовке убийства короля Испании. И опять немедленно распространился слух, что следы вели к герцогу Орлеанскому. Герцог в глазах многих был жестоким, беспощадным отравителем. Его часто видели пьяным. Разговаривал он языком человека галер. Богохульничал.

Людовик XIV, тем не менее, упорно отстаивал честь семьи. Он был недоволен поведением Юрсен, ее атаками на племянника-авантюриста. Вскоре, правда, принцессе стало не до интриг.

Всегда и везде хорошее идет рука об руку с плохим, жизнь — со смертью. Роковой для судьбы Юрсен стала смерть королевы Марии Луизы 13 февраля 1714 года. Она долго и мучительно болела туберкулезом. Для принцессы это была огромная, невосполнимая потеря. Но Юрсен хотела сохранить свое политическое влияние в Испании и с этой целью обрела, как писал Сен-Симон, Филиппа V на «странное одиночество». Король выходил «на публику» только с Юрсен²³. Без ее приказа министры ничего не делали.

Бесчисленная рать врагов принцессы ожила. Они действовали против нее в Версале. В Мадриде гранды не прощали ставленнице Людовика XIV настойчивого внедрения в Испании французских традиций и образа жизни. По тем же мотивам против Юрсен выступали могущественные силы — католическая церковь, инквизиция. К тому же принцесса была плохим психологом, не всегда разбиралась в истинных целях как друзей, так и врагов. Доказательства? Выбор второй жены Филиппа V.

Среди многочисленных кандидаток Юрсен остановилась на дочери герцога Пармы—Элизабет Фарнез. Ей было 22 года. «Засиделась» по тем временам в девицах. И, видимо, не случайно: Элизабет перенесла оспу, лицо ее было рябым. Но она в избытке обладала такими качествами, как практицизм, решительность, знание своих целей и возможностей. Это была женщина злобная, завистливая, обеими руками ухватившаяся за сделанное ей брачное предложение.

Ментенон оказалась более прозорливой, чем Юрсен. Она писала принцессе 26 сентября 1714 года: «Описание королевы Испании, которое Вы мне прислали, очень двусмысленное: одного слова, когда Вы ее увидите, мне будет достаточно, чтобы составить о ней верное представление. Латинский, немецкий, французский языки, танцы, живопись — приятные таланты, когда они сочетаются с любовью и разумом. Если имеются только эти качества, то я не придаю им значения. Вы, надеюсь, также»²⁴.

Выбор Фарнез был не единственной ошибкой Юрсен. Она доверилась в качестве посредницы в отношениях с двором Пармы лицемерному и коварному аббату Альберони. В 1702 году герцог Вандом представил его Людовику XIV. Затем аббат попал на службу к Филиппу V. Человек честолюбивый, мечтавший о том, чтобы стать кардиналом до 60 лет, а затем папой, аббат решил изгнать из Мадрида принцессу. «Обвинительный материал» у Альберони имелся. Юрсен была несдержанной в словах, позволяла себе критиковать Элизабет. Все эти опасные промахи Альберони фиксировал. Он собирал «досье» для подходящего случая.

15 августа 1714 года в Парме заочно (в отсутствии жениха — так было принято у аристократии) состоялась свадьба Филиппа V и Элизабет. Представитель Людовика XIV имел при себе письмо короля, в котором говорилось, что «герцогиня Юрсен, отлично ориентирующаяся в состоянии дел в Испании, верная католическому королю, занимающаяся воспитанием принцев — его детей, пользующаяся к тому же покровительством короля, заслуживает самого бережного обращения со стороны новой королевы; это будет в то же время самым надежным путем к счастью и к любви короля, ее мужа». Но, как писал Обиньи, Элизабет решила «лететь на своих крыльях».

Альберони подготовил коварный план и согласовал его с герцогом Пармским и его дочерью. Он предложил Элизабет «радикальное лекарство»: изгнание Юрсен. Согласно плану аббата, при встрече Элизабет офицеры охраны арестуют принцессу и не будут спускать с нее глаз. Был подготовлен приказ об аресте Юрсен и письмо Элизабет королю Испании. Королева должна была переписать эти бумаги. Альберони считал, что Филипп смирится со свершившимся фактом. Аббат учитывал, что молодого короля тяготила зависимость от Юрсен, вмешивавшейся в семейные дела. Сообщив Элизабет свой план, он предложил ей подумать до утра. Она всю ночь не смыкала глаз и в конце концов согласилась с Альберони.

Юрсен выехала из Мадрида 19 декабря 1714 года и ждала королеву в замке Кадрак. Элизабет приехала ночью. Принцесса встретила ее не у двери кареты, как полагалось по правилам испанского этикета, а на лестнице. Предлог — холод на улице. Но нарушение этикета было бесспорным. Однако Элизабет сделала вид, что ничего не заметила. Женщины шли бок о бок и вместе скрылись за дверью. Свидетелей их беседы не было. В своем письме Людовику XIV принцесса сообщила, что Элизабет назвала ее «наглой» и «дерзкой». Затем она позвала офицера, начальника гвардейцев, и приказала ему отвести Юрсен в ее комнату, не позволяя ни с кем встретиться и переговорить. В 11 часов вечера карета в сопровождении 50 гвардейцев отправилась в путь к границе Франции. На улице шел снег. Пять суток продолжалась поездка. Спала принцесса на соломе. А ведь она 14 лет делала все возможное, чтобы сохранить Филиппа V на испанском троне!

Чувство благодарности незнакомо королям. Некоторые авторы утверждают, что изгнание Юрсен было согласовано с Филиппом V. Он хотел наконец освободиться от тирании женщины, которая давила его разум, волю и чувства на протяжении многих лет. Документы, подтверждающие эту версию, не известны. Но известно, что король встретил жену в Гвадалахаре как ни в чем не бывало. Он встретил ее на лестнице, проводил в часовню. Свадьба состоялась в их апартаментах.

Филипп оказался мстительным человеком. Он не только выслал двух племянников Юрсен из Испании, но и в самых резких тонах отозвался о своей бывшей наставнице в письме Людовику XIV. Со своей стороны, Элизабет написала в Версаль, что принцесса невоспитанна и груба, и любое проявление внимания к ней она будет рассматривать как оскорбление. Герцог Орлеанский, не забывший обид, потребовал, чтобы ни один член его семьи не виделся с опальной Юрсен. Ворота Версальского дворца для нее закрылись. Торси передал Филиппу V слова Людовика: «Что касается мадам Юрсен, не следует отрицать, что достойна сожаления потеря женщины, которой оказывалось доверие. Но если это делается для блага моего внука, то утешиться легко»²⁵.

Вот самой Юрсен утешиться было трудно. За свое долгое служение династии Бурбонов она не была вознаграждена. Правда, по статье 7 мирного договора, подписанного в Утрехте, Юрсен должна была получить 30 тысяч экю. Предусматривалось также, что английская королева Анна передаст ей герцогство Лимбург или другие земли в испанских Нидерландах. Это было важно для Юрсен. Она никогда не была богатой и в завещании назвала сумму своих долгов — 100 тысяч экю. Долгов можно было избежать, получив земельное владение. Людовик XIV поручил Вилару, который вел переговоры в Раштадте, отстаивать интересы принцессы. Ее противниками были представители императора. С ними французам надо было побороться. Но в Версале избегали

дипломатического торга. В конечном счете Юрсен не получила ни земельной собственности, ни денег.

Так бесславно закончила свою долгую и сложную политическую карьеру французская аристократка, верой и правдой служившая Филиппу V. Ее отношения с Ментенон не восстановились и после смерти Людовика XIV. Политика сблизила двух честолюбивых женщин, она же их и развела. Нечистое и недоброе это дело — политика!

23

Мадемуазель Пети — самозванный посол короля

Несколько минут неторопливой ходьбы — и вы, пройдя всю улицу Мазарин, в шестом округе Парижа, выйдете к Сене, на площадь Института Франции. Небольшая улочка — всего 414 метров. Свое нынешнее название она получила в 1687 году. Недолгое время на улице Мазарин существовала академия музыки, колыбель нынешней Парижской оперы ¹. Но не искусством славился во времена Людовика XIV этот городской район. Его главную достопримечательность составляли укромные места развлечений любого рода — от гастрономических до любовных и картежных. Хозяйкой одного из таких заведений — игорного дома, широко известного и активно посещаемого, — была 27-летняя женщина по имени Мария Пети, блондинка с голубыми глазами. Большинство мужчин считали ее красивой.

События, которые, казалось, не могли иметь никакого отношения к истории дипломатии Людовика XIV, произошли в 1702 году, когда в игорном доме мадемуазель Пети появился Жан Батист Фабр, 50-летний торговец из Марселя. Его семья имела коммерческие интересы в Турции. В 1675 году Фабр руководил торговой конторой в Константинополе. Хозяйка заведения и ее гость быстро нашли общий язык, видимо, по всем без исключения волновавшим их вопросам. По крайней мере, откровенность и взаимное доверие возрастали с каждым днем. В одной из особо доверительных бесед Жан Батист сообщил Марии, что канцлер Поншартрен обещал назначить его послом в Персию. Сердце молодой женщины, склонной к авантюрам, не выдержало. Она попросила взять ее с собой и заявила, что, если ее просьба будет исполнена, она отдаст Фабру свои сбережения ². Сумма не называлась, но, как говорится в дипломатии, стороны пришли к соглашению.

Но, прежде чем продолжить историю Фабра и Пети, сделаем краткий экскурс в историю.

Далекая Персия привлекала внимание французских государственных деятелей. По инициативе Кольбера в декабре 1664 года из Марселя на корабле «Дофин Франции» отплыла французская миссия в составе администратора компании Восточной Индии и представителей короля (с письмом к шаху). В Измире с помощью французского консула участники миссии присоединились к большому каравану и вместе с ним прибыли в Исфаган (в XVI — XVIII вв. — столица Персии). Их принял шах. Главный результат переговоров состоял в том, что в 1665 году французские товары на 3 года были освобождены в Персии от таможенных и других сборов. Но эту привилегию французские торговцы не сумели использовать: предприятие оказалось слишком дорогостоящим, невыгодным.

Прошло несколько лет. В 1670 году Кольбер послал эскадру на Восток, чтобы создать в нескольких местах укрепленные пункты для защиты французских товаров и самих коммерсантов от многочисленных любителей поживиться за чужой счет, например пиратов. Эскадра действовала в Индийском океане. Но торговые связи Франции с восточными странами развития не получили.

Со времен Кольбера, в течение более 30 лет, «персидская политика» короля безмятежно дремала. Только в 1699 году в Версале от французского миссионера в Персии аббата Годеро стало известно, что шах хотел бы с помощью французского флота

захватить у арабов Маскат (столицу Омана). Взамен персы предлагали передать Франции порт Бушир в Персидском заливе и возобновить торговые привилегии 1665 года. Но только спустя несколько лет, в 1703 году, коммерсант из Марселя Жан де Кансевиль прибыл в Исфаган для переговоров. Но они были сорваны английскими и голландскими агентами, стремившимися избежать конкуренции со стороны французов, закрыть им путь в Персию³.

В таких условиях в Версале решили активизировать действия французской дипломатии в Персии и направить туда посла короля. Пети непременно хотела поехать в составе посольства. Она рассчитывала выгодно вложить свои сбережения во франко-персидскую торговлю, посмотреть новые страны — «проехаться по миру», приобрести дипломатический опыт. Добиться своих целей Пети могла только с помощью Фабра. Со своей стороны мадемуазель-авантюристка обещала новоиспеченному дипломату полную поддержку. 2 декабря 1702 года Пети подготовила следующий документ: «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь следовать за Ж. Б. Фабром в его поездках в Константинополь и в другие места, куда он должен будет выехать либо по службе короля, либо по своим собственным делам»⁴.

Прошел год. Фабр все еще не покинул Францию. Но он начал получать зарплату посла — 1500 ливров в месяц. Вместе с Марией они составили список подарков короля шаху и его приближенным — ковры, часы, ткани, вазы, копии картин (всего на 15 тыс. ливров). Обычное дело для дипломатов. Но купили еще на несколько тысяч ливров завалывшиеся вещи для продажи в Персии. Даже не выбирали — торопились.

Правда, странная была торопливость в Версале. Торопливость крестьянской телеги. Только 24 июля 1704 года Фабр получил верительные грамоты, подписанные Людовиком XIV. Теперь действительно пришло время отправляться в путь. Фабр сам разработал маршрут. Из Марселя он намерен был морем добраться до Александрии, затем продолжить путь по суше через владения султана — Халеб в Сирии (в те времена — Алеппо), Багдад. Миссия была многочисленной — 50 человек. После шести недель морского путешествия прибыли в Александрию. Без приключений. Но в Халебе посла ожидали суровые испытания. Визирь заявил, что не даст разрешения на выезд французов в Персию, так как султан является противником франко-персидской торговли. Паспорта Фабра и сопровождавших его лиц оставались в руках у турок.

В Версале были встревожены судьбой Фабра. Посольство в Константинополе получило указания: начать переговоры с турецкими властями. Вел их посол Фериоль, сменивший Шатенефа, против которого долго и упорно вел борьбу, обвиняя в приверженности к исламу. Это был лишь один из эпизодов в сложной карьере Фериоля. В прошлом мушкетер короля, он покинул Францию после неудачной любовной истории. Обосновался в Польше, но вынужден был покинуть и эту страну, ввязавшись в драку, завершившую крупную карточную игру. Фериоль сражался на Крите против турок, а в Венгрии — на стороне турок против солдат императора.

Буйный нрав французского посла не давал никому покоя. И прежде всего самим туркам. В Константинополе только султан и великий визирь имели яхты, покрытые тентом пурпурного цвета. Фериоль построил яхту, выдержанную в тех же тонах. А это уже" было недопустимое посягательство на величие монарха и его первого министра. Такое преступление сурово наказывалось. Сначала главный охранник султана приказал дать сто ударов палкой рулевому на яхте посла. А самого Фериоля официально предупредили, что при повторении тяжкого проступка судно расстреляют из пушек.

Фериоль не церемонился и со своими коллегами-дипломатами. Несколько французов, дезертировавших из германских войск, арестовали слуги посла императора. По приказу Фериоля дезертиров отбили силой. Посольства вооружились, мобилизовали своих граждан. В Константинополе могло начаться настоящее сражение имперцев с французами, если бы не энергичное вмешательство голландского посла, охладившего страсти⁵.

В общем, в буйной энергии Фериолю не откажешь. Он активно вмешался и в защиту Фабра и его спутников от турецких чиновников. Но власти султана не уступали. В Версале негодовали. 2 сентября 1705 года Фериоль получил приказ короля: решительно требовать выезда посольства в Персию. Аргументация французской стороны усложнялась. Фабра в качестве посла короля в Исфагане туркам никто не представлял. В документах его должность также не указывалась. Поэтому 7 октября 1705 года Поншартрен предложил послу объяснить туркам, что Фабр является не дипломатом, а коммерсантом, направлявшимся по делам торговой компании, уже имевшей свои представительства в Персии⁶.

Мадемуазель Пети, уставшая от бесконечных ожиданий и долгих сборов, чувствовала себя в Халебе свободной. Ее с огромным трудом удерживали от выходов в город в костюме амазонки, в шляпе с перьями, с открытым лицом. В результате такого «выхода в свет» могли возникнуть даже волнения среди оскорбленных поведением «неверной» мусульман. Пети, не получив выхода на городскую сцену, превратила помещение французского консульства в парижскую таверну с азартными играми, выпивками и вольными танцами.

Какое положение занимала мадемуазель в посольстве? Она не имела никакой официальной должности. Фабр взял ее с собой в двух основных качествах: как свою любовницу (что, разумеется, для сопровождавших посла являлось секретом Полишинеля) и как делового партнера, вложившего деньги в «предприятие». «Внешнему миру» Марию представляли в качестве жены первого слуги посла Амеля. «Жене» пришлось из консульства переехать в соседний дом вместе с лже мужем и прислугой. Но тучи над ее головой сгущались. Любопытство местных жителей перехлестывало через край. Дело доходило до драк между охотниками хотя бы одним глазом посмотреть на парижанку. Под угрозой оказался общественный порядок в городе.

А Фабр в Халебе работал. Он направил в Версаль сведения о военных приготовлениях турок в Дамаске, о паше Иерусалима, о морской торговле. Как и полагается дипломату, посол вел свой дневник. Но положение миссии с каждым днем становилось все более тяжелым. Деньги потратили, а о получении жалованья в пути и мечтать было нельзя. Начались финансовые трудности. Появились назойливые кредиторы. Оставался один выход — бежать из Халеба.

В один из февральских дней 1706 года миссия в полном составе покинула Халеб и приплыла на турецкой лодке на остров Самос. Здесь Фабр из-за отсутствия денег, необходимых для продолжения поездки, оставил багаж и свиту, а сам вместе с Пети отправился в Константинополь. У Фериоля Фабр не был, никаких сведений о себе не сообщил: он опасался появляться у французов вместе с Пети, так как знал, что к их совместной поездке плохо отнесутся в Версале. Более месяца Фабр и Пети провели в персидском посольстве, пользуясь гостеприимством посла. Фабр именовал перса «большим господином»: в поездках его сопровождали 700 человек. 8 и 12 марта 1706 года Фабр отправил в Версаль две зашифрованные депеши, сообщавшие, что в конце месяца он выедет в Персию. С большими предосторожностями Жан Батист и Мария покинули свое убежище. В Скутари, предместье Константинополя, их встретили специально приехавшие персы — сопровождающие. Поездка до границы Персии прошла без происшествий⁷.

Грозный Фериоль рвал и метал. Фабр его полностью игнорировал: не только не посоветовался с ним об организации дальнейшей поездки в Исфаган, но даже и не встретился. Посол писал 15 апреля 1706 года Поншартрену: «Враги Фабра — это и его кредиторы, и его тщеславие, и его разврат. Если он хотел оставаться инкогнито, то ему это удавалось в течение 6 месяцев». Гнев посла не ослабевал, скорее усиливался. Он ставил один вопрос за другим: «Почему Фабр скрывался в Константинополе? Разве можно считать преступлением поездку в Персию? Что скажут его кредиторы? Почему он не обратился ко мне?»⁸. Вопросы, вопросы... — недоуменные, сердитые. На них ответил Поншартрен в своем письме Фериолю 19 мая 1706 года: «Я был информирован о плохом

поведении Фабра во время его пребывания в Алеппо. Мне сообщили, что он везет с собой несчастную женщину, хотя считали, что он оставит ее в торговой конторе... Заявите ему, что, если он не отправит девицу, которую выдает за жену своего первого слуги, и большую часть сопровождающих его совершенно бесполезных людей, он будет строго наказан: это послужит примером для других. Если бы расходы в связи с этой поездкой не были столь значительными, король вернул бы его во Францию; но с другим пришлось бы все начинать сызнова, и поэтому Его Величество счел целесообразным продолжать поездку, если он сможет ее осуществить»⁹.

Итак, свою репутацию в Париже Фабр подорвал. Но до Парижа было далеко. А маршрут посла и его подруги в персидскую столицу проходил через Ереван. Армения в то время находилась в вассальной зависимости от Персии (частично — и от Турции). Персидские сановники в Ереване не верили ни глазам, ни ушам своим, когда француз, плохо одетый и истощенный, похожий на бродягу, представлял себя послом Франции. Напрасно Фабр рассказывал о верительных грамотах короля, о своей свите, насчитывавшей, по его словам, после выезда из Парижа 550 человек и разогнанной турками, об оставшемся на острове Самосе багаже с богатыми подарками шаху: бесценном рубине, 20 сундуках с золотыми тканями. Наверное, персы не поверили бы рассказам злополучного дипломата, если бы он не догадался представить Пети в качестве принцессы, одной из родственниц Людовика XIV. Хан доверился не столько словам Фабра, сколько привлекательности, обходительности и искренним речам молодой женщины. Тем не менее прошло почти два месяца, пока ереванский правитель признал Фабра послом. Все, казалось, налаживалось. Но Фабр на охоте простудился и 16 августа 1706 года умер в объятиях Пети.

Положение Марии было катастрофическим. Что в таких обстоятельствах случилось бы с женщиной ординарной? Растерянность и паника, нищета и гибель — наиболее вероятная судьба. Ничего подобного не произошло с бывшей содержательницей игорного дома. Она, как принцесса Франции, объявила себя преемницей Фабра, послом короля. Хан не только признал Пети, но и дал ей переводчика — графа Загли, армянина необычной биографии. Он был мушкетером во Франции и женился на дочери исследователя Персии барона Обон. Военное ремесло его устраивало, и граф направился искать счастья в Стокгольм. Но и здесь он не задержался и вскоре уехал, забыв отдать французскому посланнику взятые у него в долг 2 тысячи экю. Авантюрист нигде надолго не приживался. Он мелькал в Польше, Германии, Константинополе и, наконец, появился в родном Ереване, где получил теплое место армейского инспектора. Эта должность не мешала ему служить послу Людовика XIV в образе очаровательной французенки¹⁰.

Неожиданно для графа Загли у него оказалось много работы. Энергичная парижанка всерьез занялась изучением персидской политики. С помощью своего переводчика она ознакомилась с состоянием экономики Персии, ее торговлей, взаимоотношениями с вассальными кавказскими территориями. Сумела ли Мария отправить какие-либо материалы в Париж? Документы не дают ответа на этот вопрос.

Видимо, Пети на роду было написано попадать в трудные обстоятельства. С острова Самоса прибыли «люди Фабра» с оставленным там посольским багажом. Приятный сюрприз для самозваного посла! Но, увы, как часто добро оборачивается неприятностями. Приехавшие в Ереван французы сразу же заинтересовались судьбой первого слуги покойного посла Амеля. А он находился в тюрьме, куда попал по обвинению в воровстве. Это был результат тайной интриги Пети, использовавшей для расправы с лжемужем ереванского хана. «Самосцы», как их называла Мария, штурмовали тюрьму и освободили Амеля. Но тюремщик бросился за помощью к хану. Ночью 500 вооруженных людей окружили помещение, где находились французы. Вместо того чтобы вступить в переговоры, они забаррикадировались, но подверглись штурму и оказались в плену. Через несколько дней Мария добилась освобождения арестованных. Освободили

всех, но несчастного Амеля вернули в тюрьму, где он и умер. Пети за него не вступилась. Она обладала жестким характером.

Главная опасность подстерегала мадемуазель-посла не в Ереване, а в Константинополе. Фериоль действовал быстро и энергично. Узнав о смерти Фабра, посол на свой страх и риск, не имея на то никаких полномочий, нашел покойному замену в собственном посольстве. Это был Луи Мишель — выходец из Марселя, 28-летний дипломат, добросовестный чиновник, мечтавший о политической карьере. Он обладал еще одним особенно важным для Фериоля качеством — личной преданностью своему начальнику¹¹.

Мишель с переводчиком и слугами отправился на розыск Пети. Через 30 дней, в сентябре 1706 года, они прибыли в Эрзурум, город на северо-востоке Турции, и тайно пересекли персидскую границу. Тайно? Разумеется. Мишель не имел официальных полномочий. Он был «вооружен» только письмами своего посла.

Пока посланцы Фериоля совершали свой долгий путь, Пети, наконец, покинула гостеприимный Ереван. Да, все это время она находилась во владениях ереванского хана. Персы и армяне окружили ее вниманием, почестями. Но предстать перед шахом послу короля было необходимо. И из Еревана Мария направилась в Нахичевань. В этом городе ее догнал Мишель. Беседа с молодой женщиной оказалась для него трудной и безрезультатной. Она намерена была продолжать путь в Исфаган, к шахскому двору, в качестве посла (все еще самозваного) Людовика XIV. Правда, и Мишель не получил официального назначения из Версаля.

Пришлось Мишелю отступить, совершить обходный маневр. Он уехал в Тебриз, город на северо-западе Персии, собрал монахов-капуцинов и перед ними провозгласил себя послом короля, хотя не имел на это никакого права. Шаху в его столицу отправили письмо, разоблачавшее самозванку Пети и требовавшее ее ареста. Но, как это нередко бывало, когда верные католики имели дело с верными сынами Аллаха, предвидеть развитие событий оказалось невозможным. В Тебризе хан спросил у Мишеля: тот ли он посол, который сопровождал, по сведениям, полученным из Еревана, дочь короля Франции. Ответ: нет, не тот. На этом и закончились переговоры Мишеля в Тебризе.

Пети благополучно добралась до персидской столицы. При шахском дворе ее встретили вниманием и почестями. Она начала переговоры о заключении франко-персидского торгового договора. Казалось, что они успешно продвигаются вперед. И вдруг без каких-либо известных причин Мария решила расстаться с дипломатической карьерой и выехать в Тебриз для объяснения с Мишелем. Что же случилось? Ее сломила усталость? Сдали нервы? Или появился страх перед угрозой неминуемого наказания? Возможно, и то, и другое, и третье, вместе взятые.

Мария прибыла в Тебриз на верблюде, гордо восседая в ивовой «клетке», окруженная персами. Она попросила приюта у Мишеля, и несколько дней бывшие противники провели вместе. Мишель снабдил Пети деньгами, видимо, в счет расходов на посольство короля в Исфагане. С чеком на 12 200 ливров и 500 экю наличными героиня, заявив Мишелю, что она намерена развлечься и отдохнуть, направилась в зависимую от Персии Грузию (в Тбилиси)¹².

Умевшей себя подать француженке было оказано грузинское гостеприимство. Распространились даже слухи, что она намерена выйти замуж за грузина. Посланцы Луи Мишеля, приехавшие просить местного князя не задерживать гостью, не получили никаких обещаний. Князь не торопился. Автор книги не располагает данными, которые могли бы послужить основанием для обвинений молодой женщины в безнравственности, хотя сомнительно, чтобы подобные условности могли волновать ее мятежное сердце. Известно только, что Пети больше месяца находилась в Тбилиси и уехала из этого города в конце сентября

1707 года в сопровождении небольшого эскорта. Она прибыла в Трапезунд, порт на Черном море, на северо-востоке Турции (ныне Трабзон). Но зима прервала навигацию, и

мадемуазель сообщила Фериоллю, что вынуждена на короткое время приехать в Константинополь.

А между тем был решен вопрос о назначении посла Людовика XIV в Исфагане. Сложная административная машина в Версале, наконец, сработала, и Поншартрен в марте 1708 года прислал верительные грамоты Мишеля. Правда, Фериоль считал, что «дела, по которым, согласно инструкциям Фабра, следовало вести переговоры в Персии, не стоили расходов и на одного посланца». Но, тем не менее, Мишель получил чек на 16 421 ливр и отправился в путь. Через несколько месяцев, 7 июня, его принял шах, заинтересованный в сближении с Францией. В Исфагане по-прежнему надеялись получить помощь французского флота в захвате Маската. Поэтому и приняли дипломата с особыми почестями. В его честь устраивали праздники, открывали скрытые от глаз помещения дворцов, показали зоологический сад с редкими животными.

В сентябре 1708 года был подписан торговый договор между Францией и Персией, открывший французским товарам в течение пяти лет свободный, беспошлинный доступ на персидские рынки. Никаких политических и тем более военных обязательств Мишель на себя не взял. Но и коммерческий успех оказался мнимым. В Версале договор не ратифицировали, так как англичане и голландцы сорвали его осуществление, не пустили французов в Персию, фактически полностью перекрыли путь для развития франко-персидских торговых отношений. Война за испанское наследство не помешала им защитить в Исфагане свои интересы.

Мадемуазель Мария в марте 1708 года приехала в Константинополь. Стоило появиться привлекательной парижанке, как свершилось чудо: совсем еще недавно метавший по ее адресу громы и молнии Фериоль поселил молодую женщину в своем дворце, поил и кормил ее на свой счет. Удивлению окружающих не было предела. Посла боялись и не любили. Добропорядочных католиков раздражало поведение Фериоля: на мессе он появлялся в тюрбане и в турецкой одежде. Возможно, послу надоела его последняя привязанность — двенадцатилетняя черкешенка. По этому поводу он не оставил никаких воспоминаний. Но факт бесспорен: отпускать Пети Фериоль не хотел, ссылаясь на отсутствие французского корабля в Константинополе. Кардинально изменилось и его отношение к молодой женщине. Если раньше он писал о ней как о «воровке, укравшей казенные бриллианты», то теперь сообщал в Версаль, что все подарки короля целы и невредимы, не хватало только нескольких часов. Более того, посол считал, что Пети всегда действовала в соответствии с обстоятельствами и никакие силы не остановили ее по дороге в Исфаган. Наверное, в Версале не без удивления читали слова Фериоля: «Я не могу осудить ни одного ее действия»¹³. Правда, вскоре нашли простое объяснение: в мае 1709 года после кровоизлияния в мозг у дипломата появились признаки безумия. Его поступки невозможно было предвидеть. На приеме у визиря речь Фериоля была бессвязной. Но сообразительный переводчик придал нужную форму его высказываниям. 18 сентября 1709 года Торси и Поншартрен поручили консулу в Измире взять на себя обязанности посла короля в Константинополе.

Вернемся к Пети. В турецкую столицу одна за другой приходили все более настойчивые депеши из Парижа с требованием ее немедленного выезда в Марсель. «Она будет наказана за устроенный ею скандал и за свое плохое поведение»¹⁴, — писал Поншартрен. Так оценивали в Версале самозваного посла. Грубо и несправедливо! Зная о разыгравшихся вокруг нее страстях, предусмотрительная мадемуазель обзавелась хвалебными письмами Мишеля и грузинского князя. «Защитную грамоту» дал ей и Фериоль. Но к суду в Марселе ее все-таки привлекли. В этот город вернулся и Мишель. Он обрушился на Пети, обвинив ее в воровстве, переходе в мусульманство, преследованиях миссионеров и даже в убийствах французов. Доказательств у Мишеля не было. Но королевское правосудие, проявляя иезуитскую осторожность, несколько лет продержало молодую женщину в тюрьме. Благодаря усилиям Поншартрена она в 1713 году получила

свободу. Судя по всему, в своем отношении к молодой женщине канцлер позволил себе не присущее ему чувство — гуманность.

Дело, начатое в Исфагане парижанкой, не пропало даром. Именно она поставила при шахском дворе вопрос об отправке посольства в Версаль. И 15 марта 1714 года из Еревана во Францию выехал посол шаха — Риза Бег. Он на французском корабле прибыл в Марсель. 19 февраля 1715 года состоялась аудиенция у Людовика XIV.

Король был тяжело болен. Ему оставалось полгода жизни. Возможно, это и была одна из причин, по которой прием перса в Версале, последний в истории царствования Людовика XIV, был обставлен с необычной роскошью. Из дворца Турнон Риза Бег выехал на коне. Перед ним везли знамя и сундук с подарками шаха, верительные грамоты, прикрытые шелковой тканью. Огромная толпа (по свидетельствам очевидцев, не менее 50 тыс. человек) заполнила улицы Парижа. Во дворе Версальского дворца посла встречали 2 тысячи солдат — швейцарцев и гвардейцев.

Риза Бег с саблей и кинжалом на поясе поднялся по большой лестнице в знаменитую Зеркальную галерею, где находился в сборе весь двор. Дамы блистали золотыми украшениями и драгоценными камнями.

Трон Людовика XIV, к которому вели восемь ступеней, находился под серебряным балдахином с золотым шитьем. Черная ткань кафтана короля была расшита золотом и сверкала бриллиантовыми пуговицами. Бриллиантами был усыпан и крест ордена Святого Духа. Стоимость драгоценных камней, украшавших Его Величество, исчислялась в 12 с половиной миллионов ливров.

Короля окружали близкие, принцы и принцессы крови. Посол поднялся по ступенькам трона и вручил королю верительные грамоты, тут же переданные в руки, Торси. Состоялся традиционный обмен официальными приветствиями¹⁵. В Версале считали, что это был исторический день во франко-персидских отношениях. Подобных приемов не знала история французской дипломатии.

Впрочем, внешнего блеска было много, но серьезных результатов миссия не дала. Риза Бег не торопился с отъездом. Слишком хорошо жилось ему в Париже. Прекрасно обставленный дом. Обильный стол. Экипаж с сильными, красивыми лошадьми. Любовные интриги. Подождет далекая и суровая Персия!

Пока Персия ждала своего посла, с ним вели переговоры Торси, Поншартрен, генеральный контролер финансов Демаре. Они старались не объединять политические и торговые вопросы. А именно в этом состояла главная цель Риза Бега. Шах хотел союза с Францией против арабского владыки Омана, державшего в своих руках ключи от Персидского залива. Французам за их военную помощь в Исфагане готовы были отдать город Маскат с его укреплениями. Людовика XIV соблазняла перспектива стать арбитром на Ближнем Востоке, но совсем недавно отгремевшая война за испанское наследство резко ограничила его аппетиты. Дискуссии завершились подписанием политического протокола самого общего характера без каких-либо формальных обязательств. Но устно Торси заявил послу, что персы могут рассчитывать на Францию. В Версале решили отправить в Персию специалиста по Востоку капитана Жеральдена для обмена ратификационными грамотами, изучения положения в районе Персидского залива¹⁶.

Торговый договор был подписан 13 августа 1715 года. В Персию французские коммерсанты могли ввозить промышленные товары, закупать в этой стране сырье — шелк, шерсть, продовольствие, розовую воду, сухие фрукты, табак, тмин. Была достигнута договоренность о вывозе из Персии лошадей.

Прощальная аудиенция у короля, состоявшаяся в день подписания договора, была короткой. Послу вручили подарки для шаха на сумму в 200 тысяч ливров. Сам Риза Бег получил 10 тысяч экю.

Риза Бег выехал из Гавра на французском фрегате и посетил Копенгаген, Гамбург, Берлин. В Данциге у него родился сын: предприимчивый перс увез с собой любовницу — мадам Эпине. Она путешествовала в ящике, служившем ей постелью. Женщина на

корабле, по древнему поверью моряков, приносит беду. И беда пришла. У посла украли часть багажа и деньги. 21 месяц добирался Риза Бег до Исфагана, куда он прибыл только в мае 1717 года. Обстановка при шахском дворе изменилась. Торговый договор с Францией сурово осудили как невыгодный для Персии. Увы, Риза Бег прибег к последнему средству — отравился. Но парижанка Эпине не последовала его трагическому примеру. Она поступила умнее: приняла мусульманство и вышла замуж за брата неудачливого посла. Так бесславно закончилась история последнего посольства при Людовике XIV — персидского посольства.

А какова судьба нашей героини? Во время визита Риза Бег она находилась в Париже. Но ее полностью изолировали от перса. Жандарм постоянно дежурил у дома. Это были последние «знаки внимания» со стороны королевской администрации. Еще несколько лет Пети прожила в полном одиночестве и умерла молодой.

Необычную историю самозваного посла короля хорошо знал Поншартрен. Он познакомил с этой историей Алена Лезажа, автора нескольких романов. Писатель живо заинтересовался приключениями Пети. Он пришел к выводу, что она верой и правдой служила королю и нации. Патриотические цели преследовали все ее демарши, «которые французы плохо объясняли»; в большинстве случаев считали, что «она лишь развлекалась; а именно тогда она самым серьезным образом занималась делами»¹⁷.

Но вскоре позиция Лезажа кардинально изменилась. Он получил дневники Пети. Ознакомившись с ними, писатель 18 июня 1715 года сообщил Поншартрену, что его старые представления «ниспровергнуты». Молодая женщина была авантюристкой. И он, Лезаж, не хочет писать о ней, не намерен лгать. Так и не появился роман о противоречивой и легкомысленной, но энергичной и талантливой женщине-дипломате.

А жаль! Она заслужила внимания и писателей, и историков.

24

Россия и Франция: трудное сближение

«С Францией не ладилось у нас с самого начала. Петр был воспитан под впечатлением этих неладов... Россия Петра и Франция Людовика XIV — что могло быть противоположнее?»¹, — писал русский историк С. М. Соловьев. Да, различия были велики. И в экономике. И во внутренней политике. И в культурном развитии двух стран. И в сфере международной жизни. Французское королевство выступало на авансцене европейской политики. Подпись же великого князя Московского под одним из Вестфальских мирных договоров, заключенным в 1648 году на Оснабрюкском конгрессе, была предпоследней. За ним следовал только правитель Трансильвании.

До середины XVII века в Западной Европе писали и говорили: «Московия» — и лишь позже стали употреблять название «Россия». «До 1654 года Россия была для нас несущественным фактором; с 1654 по 1723 год она вызывала затруднения, главным образом косвенные, так как она нападала на наших союзников на Востоке»². Эти слова принадлежат составителям сборника документов (их фамилии не упомянуты) о русско-французских дипломатических отношениях, изданного в Париже в 1890 году.

«Вызывала затруднения»... Мягко сказано. Русские и французские дипломатические интересы в то время были противоположными. Кардинал Ришелье, выступая против захватнической политики империи Габсбургов, создал против нее союз Швеции, Польши и, следуя традиции Франсиска I, Турции. Но друзья Франции — шведы, поляки и турки — были врагами царя, а с враждебной Парижу Веней Москва тесно сотрудничала. Иными словами, две взаимоисключающие внешнеполитические линии.

К тому же французы и русские плохо знали друг друга. Информация из Парижа в Россию и из Москвы во Францию поступала редко и к тому же из косвенных или случайных источников. Не было ни посла французского короля в Москве, ни посла

русского царя в Париже. И поэтому случались странные события. Людовик XIV направил письмо царю Михаилу Федоровичу через 12 лет после его смерти. А московская дипломатия упорно добивалась французской помощи в борьбе против Польши и Турции, не считаясь с тем, что такой курс противоречил главным целям внешней политики Франции.

Трудности на пути становления отношений между Россией и Францией были не только принципиального характера. Русские дипломаты, приезжавшие в Париж, как правило, не говорили по-французски и не имели своих переводчиков. Сроки русско-французских переговоров в Париже многократно переносились. У Людовика XIV имелись два переводчика с русского языка. Но обоих постигла роковая участь: один умер, другой сошел с ума. В Париже был известен только один преподаватель русского языка — поляк, 15 лет проживший в Москве. Прибегали к его услугам. Иногда обращались за помощью даже к такой сомнительной переводчице, как бывшая рабыня в Турции (там она немного научилась говорить по-русски, а затем неизвестными путями попала во Францию).

Четыре основные темы постоянно находились в центре русско-французских дипломатических контактов: Польша, Турция, Швеция и торговля. Ни по одной из этих проблем за годы царствования Людовика XIV дипломатам России и Франции не удалось прийти к соглашению.

Русский рынок издавна привлекал французских торговцев. Уже в 1628 году они направили Ришелье записку, в которой предлагали создать компанию для торговли с Москвией через Белое и Балтийское моря, Финский залив. Французы хотели ввозить в Россию шелковые и шерстяные ткани, соль, бумагу, а импортировать меха, кожу, воск, лен, коноплю, канаты, паруса. Торговые люди надеялись, что кардинал обратится к московскому князю с просьбой обеспечить им безопасность и свободу отправления католического культа. Они попытались «соблазнить» Ришелье возможностью распространения католицизма в России³.

Обращение французских коммерсантов имело продолжение, и очень быстрое. Осенью 1629 года в Москву для установления торговых отношений приехал известный при французском дворе аристократ Луи де Курменен. «Это был достаточно умный молодой человек, но необузданное честолюбие привело его к гибели»⁴ — так писал о Курменене Ришелье. Судьба накрепко связала каждого из этих людей — кардинала и дипломата — с враждующими политическими лагерями. Но об этом позже.

Воевода Пскова и Новгорода Димитрий Пожарский получил высочайший приказ оказать внимание послу. Навстречу ему отправили пристава Окунева с лошадью. Сразу разгорелся конфликт. Французский дипломат категорически отказался идти слева от пристава (по принятому в Париже церемониалу посол должен был шествовать впереди встречающих), хотя последний ссылался на прецеденты — встречи турецких, татарских, германских и других иностранных представителей. Курменен был неумолим: он и слышать не хотел о примере нехристианских стран — Турции, Крымского ханства, говорил, что его оскорбили, и хотел уехать. Но Окунев не отпускал посла без приказа царя. Спор длился до ночи. Наконец местные «власти» последовали совету архиепископа Пскова: Курменена сопровождали, с одной стороны, Окунев, с другой — боярин.

В ходе переговоров в Москве Курменен изложил программу французской дипломатии: король хочет дружбы с царем; торговлю между двумя странами следует освободить от таможенных досмотров и сборов; французские коммерсанты в России должны быть гарантированы от ареста и заключения в тюрьму; их споры, конфликты, преступления не подлежат местной юрисдикции; французы могут иметь своих духовников и католиков-проповедников, имперцы не должны торговать на Востоке и оказывать помощь Польше; коммерсантам из Франции следует разрешить проезд через русскую территорию в Персию. «Император римский и польский король объединены; почему царь и король Франции не могут быть друзьями, тесно объединенными против их врагов?»⁵ — заявил Курменен.

Бояре долго думали над ответом. Они не предоставили таможенных льгот французским торговцам, предложили им покупать персидские товары у русских купцов, отказали в свободе католического культа в России.

Долго думали бояре и над письмом Людовику XIII. В письме, подписанном царем и датированном 12 декабря 1629 года, отмечалось, что царские титулы не забывают ни турецкий султан, ни персидский шах, ни татарский хан. Забывает только французский король. Но изложение «обид» не заменило позитивного содержания послания. Царь одобрил дружбу двух стран, высказался за развитие торговых отношений. В письме говорилось, что французы могут свободно торговать в России, приплывая по морю в Архангельск и затем переезжая по суше через Новгород в Москву. В казну им следовало платить обычный сбор — 2 процента. Свободно могли они исповедовать католическую веру с участием своих пастырей, но без публичных богослужений. Русские судьи, как отмечалось в письме царя, не будут вмешиваться в споры между подданными Людовика XIII. Дипломаты и курьеры из Франции смогут через русскую территорию следовать в Персию, к татарам. А вот товары Востока французам следует покупать у русских по низким ценам, а не искать в другом месте. В Москве не хотели терять большие и верные доходы!

Курменен подписал первый русско-французский торговый договор. Реализовать этот договор не удалось. Россия не имела своих портов на Балтийском море. Перевозка товаров по суше была сопряжена с огромными трудностями. Курменен, тем не менее, выполнил свою задачу. Но не переговоры в Москве сделали его знаменитым.

Молодой дипломат примкнул к партии Гастона Орлеанского, младшего сына Генриха IV и Марии Медичи, участника заговоров против Ришелье и Мазарини. Курменен вербовал противников кардинала при дворе императора. Главнокомандующий войсками Империи в Тридцатилетней войне 1619—1648 годов Альбрехт Валленштейн обещал Курменену дать солдат для войны с кардиналом. Одного этого было достаточно для обвинения в государственной измене. Курменена арестовали в августе 1632 года и судили вместе с маршалом Франции Монморанси, непримиримым врагом Ришелье. Обоих мятежников обезглавили.

Но эти трагические события произошли через три года после поездки Курменена в Москву. Проведенные им переговоры проложили дорогу для русско-французских торговых связей. Капитан Бертран Боннефуа дважды — в 1630 и 1631 годах — приезжал в русскую столицу с письмами Людовика XIII с целью закупок пшеницы, ржи, ячменя для французских войск в Италии и для провинций Франции, пострадавших от неурожая. Цены в Москве назвали такие же, как для англичан, датчан, шведов⁶. Солдаты Ришелье питались русским хлебом! Вот где истоки наших «родственных» отношений.

Время от времени русские миссии посещали Париж. При царе Алексее Михайловиче началась 13-летняя война России с Польшей (1654—1667 гг.) за возврат Смоленской и Черниговской земель, Белоруссии и воссоединение Украины с Россией. В Москве хотели дать свое объяснение причинам конфликта с поляками и повлиять на позицию Франции. С этой целью в Париж прибыл в 1654 году князь Константин Мачекин и дьяк (начальник и письмоводитель канцелярии) Андрей Богданов. Их принимали Людовик XIV и государственный секретарь по иностранным делам Бриен. Переговоры не дали результатов. Французы даже не оказали послу почетного приема. Жил он в Сен-Дени в скромной гостинице «Королевская шпага». Деньги на содержание посольства министр финансов Сервьен выделил скромные. Но русские представители и не требовали многого. Достопримечательности французской столицы они осматривать отказались. Все время сидели взаперти, ели и пили. Однажды посол и дьяк что-то не поделили между собой, подняли шум. Пришли солдаты охраны — наемники-швейцарцы. Их усадили за стол и полупьяных продержали до полуночи. Получив письмо Людовика XIV царю и скромные подарки, дипломаты государства Российского отбыли восвояси⁷.

Перемирие, заключенное в 1667 году в деревне Андрусово близ Смоленска, на тринадцать с половиной лет между Россией и Речью Посполитой положило начало сближению двух государств в их борьбе против Оттоманской империи, а в начале XVIII века — и против Швеции. Важнейшая проблема русской дипломатии была решена одним из ее талантливых представителей — Афанасием Ордин-Нащокиным. Он в результате переговоров с поляками добился возвращения России Смоленского и Черниговского воеводств, Киева, присоединения Левобережной Украины.

На волне дипломатического успеха и направился в 1668 году в Западную Европу стольник (придворный чин, необходимый для занятия должности посла, воеводы) Петр Потемкин и дьяк Семен Румянцев. Из Архангельска они приплыли в Кадикс и 1 сентября 1668 года, после семимесячного пребывания в Испании, приехали в Париж, где разместились в резиденции послов на улице Турнон. Неслыханное дело — уже через три дня посланца царя принял во дворце Сен-Жермен-ан-Ле Людовик XIV. Аудиенция была обставлена со всей торжественностью. Король восседал на троне; справа от него находился дофин, слева — герцог Филипп Орлеанский. Королева-мать сидела в ложе. И подарки послу приготовили дорогие. Привлекала всеобщее внимание сабля дамасской работы, усыпанная драгоценными камнями. И Людовику Потемкин вручил подарки «знатные»: саблю, отделанную серебром, золотом, яшмой и бирюзой, меха (соболиные, горностаевые, лисьи). Всего на 1248 рублей.

Переговоры на этот раз проходили в дружественной обстановке. По отзывам современников, посол производил приятное впечатление на окружающих. У него были правильные черты лица. В глазах светились ум и энергия. Русскому дипломату были присущи не столь уж частые по тем временам качества: вежливость и знание этикета. Одет был Потемкин по-восточному. На голове его красовалась шапка с султаном. Длинный кафтан был вышит жемчугами. Сапоги из рыжей кожи ошеломляли своим ярким блеском придворных. Внешний вид посла привлекал внимание любопытных во время посещений им Версаля, Венсена, Тюильри, Лувра, Королевской площади в Париже, театров, мануфактуры гобеленов. В отличие от своих предшественников, царский стольник был любознателен.

Впечатления у посла от Парижа остались яркие. Он сообщил, что в Версале дом королю «строят весь вновь, палаты каменные великия; длина тому королевскому дворцу будет с полверсты». О французах Потемкин отзывался доброжелательно, заметив, что «люди во Французском государстве человечны и ко всяким наукам, к философским и к рыцарским, тщательны». И с продовольствием дела во Франции обстояли неплохо: «Хлеба и винограда, и овощей, и птиц всяких, и скота во французской земле много»⁸.

Переговоры с послом по политическим и торговым вопросам вели Лион, Кольбер, маршал Вилеруа. Они предлагали посредничество Франции в конфликте между Россией и Польшей с целью продления русско-польского примирения. Потемкин сообщил, что «перемирие учинено с польским королем», и предложил подписать договор о дружбе между Россией и Францией, направить в Москву посла. Французы выразили согласие подписать договор о мире, вечном союзе и дружбе. Существовал ли проект договора? Документы не дают ответа на этот вопрос.

Главное место в переговорах заняли вопросы торговых связей между двумя странами. Царский посол говорил о необходимости сделать торговлю свободной, «чтоб от того великим государствам прибавленья и разширенья прибывало». Обсуждался и вопрос о торговом пути. Товары в Россию французские коммерсанты могли привозить морем (в Архангельск), а затем по суше, через российскую территорию. Царь готов был разрешить французским торговцам беспошлинный проезд в Персию и «до иных окрестных государств»⁹.

Со своей стороны, дипломаты короля заявили, что для русских, живущих во Франции, «налогов и обид не будет; подати платить им, как платят французские торговые люди; для своих расправ держать им своего судью, и службу божию отправлять им по

своей воле со всякою вольностию». Условия благоприятные. В известной мере экстерриториальные: свой суд, независимое богослужение. Но торговый договор не был подписан. Потемкин не дал даже письменного ответа государственному секретарю по иностранным делам, заявив, что «о торговых делах договариваться им не наказано, пусть король отправляет за этим делом свое посольство в Москву»¹⁰.

В Париже времени не теряли. Парижские коммерсанты посетили русского дипломата. Они сообщили, что «впредь грядущее лето французские корабли с товарами у Архан-гельскаго города будут». Посол предупредил, чтобы французы не продавали «заповедных товаров»: алкоголь и табак, а ввозили бархат, атлас, красные и белые вина, сукна, вывозили шкурки соболя, горносталя, куницы, белки, выдры, норки, выхухоля, а также сало, пеньку, поташ.

Уезжал посол отнюдь не в дружественной обстановке. Он отказался принять участие в обеде, который перед отъездом давала французская сторона, пока в письме Людовика XIV титулы царя не будут написаны полностью: «не только нам есть, и на свете зреть не можем», «видя страшное нарушение, что меж такими великими государи не к любви склоняется, но к разорванью вечному». Дополнения в текст королевского послания царю Алексею Михайловичу государственный секретарь внес, но бумага оказалась подчищенной. «Такой чищеной грамоты нам не имывать!» и к царю «с такую грамотою нам не езжать», — заявил Потемкин. Он потребовал документы «переписать вновь»¹¹. Так и было сделано.

Кольбер сделал выводы из переговоров с Потемкиным. Вскоре после его отъезда из Парижа генеральный контролер финансов послал в Москву своего торгового агента. Кольбер думал и о перспективах русско-французской торговли. В 1669 году он создал в Ларошели компанию Севера. Решение, видимо, было преждевременным. Отсутствие политических отношений между Россией и Францией не позволяло активно развивать торговлю между двумя странами.

Обстановка не изменилась и через несколько лет, когда в 1681 году Потемкин во второй раз приехал во Францию. Он поставил перед государственным секретарем Круасси вопрос о заключении торгового договора и определил его условия: французским коммерсантам разрешалось торговать в Архангельске и других русских портах на условиях наибольшего благоприятствования. Потемкин проявил настойчивость и гибкость. «Все, что говорил посол, свидетельствовало о его разуме и образованности, позволяло с выгодной стороны узнать его нацию, которую рассматривали как варварскую, основываясь на том неразумном соображении, что она еще не связала свои политические интересы с политическими интересами Западной Европы»¹². Меткая оценка. Принадлежит она Флассану.

И вторая миссия Потемкина закончилась безрезультатно. Не будем, правда, нагнетать страсти. Зерна не погибли в почве. Они еще принесут урожай. Но это будет значительно позже. В 1682 году царями были провозглашены два сына Алексея Михайловича — Петр и Иван. Но правила за них до 1689 года сестра Софья. Властная правительница вместе со своим советником и фаворитом князем Василием Голицыным, начальником Посольского приказа, добилась подписания в 1686 году «Вечного мира» с Польшей, но потерпела неудачу в двух антитурецких походах к Перекопу.

В Москве вернулись к идее вовлечения Людовика XIV в антитурецкую лигу. Идея мертворожденная. Против Турции вели борьбу враги короля — император и папа Иннокентий XI. К тому же в Западной Европе сильны были антифранцузские настроения, вызванные захватническими действиями «Объединительных палат» (политика «реюньон»), атаками на Люксембург, Казаль, захватом Страсбурга, вооруженным вмешательством Людовика XIV в судьбу пфальцского наследства, конфискациями владений Оранского дома и Швеции (княжество Цвейбрюкен). В общем, вера в честность короля Франции и в его преданность христианским идеалам была в «европейском

масштабе» основательно подорвана. При дворах Европы зло шутили по поводу «тюрбанизации Франции».

Россия в европейских делах не участвовала. Агрессивная политика Людовика XIV ее непосредственно не затрагивала. И в мае 1685 года русское посольство в составе стольника Ерофеева и дьяка Дмитриева прибыло во Францию. Послы сообщили о вступлении на престол царей Ивана и Петра. Они предложили создать союз Франции, Польши и России, направленный против Турции, но (само собой разумеется) не получили поддержки в Версале.

Однако в Москве по-прежнему опасались «тюрбанов» и не теряли надежду договориться с «париками». Именно с этой целью в августе 1687 года в Дюнкерк приплыли послы царей князя Яков Долгорукий и Яков Мышецкий. Их сопровождала внушительная свита — 150 человек. На французской земле у русских дипломатов сразу же начались серьезные неприятности, поставившие под угрозу срыва саму возможность равноправных переговоров. Багаж послов опечатали. Им грозили оружием. И по тем временам это было неслыханно: неприкосновенность послов, их имущества и переписки уже давно была общепризнанной. Инцидент в Дюнкерке французские власти не без труда урегулировали. Но и в Версале послов встретили недружественно. Людовик XIV, столь болезненно относившийся к вопросам собственного престижа, предложил Круасси дать письменный, чисто протокольный, ответ царям без официальной церемонии. Долгорукий энергично протестовал. Он заявил, что примет письмо только на аудиенции у короля и из его рук. От подарков послы отказались. Французы попытались «дары» силой засунуть в их багаж. Дипломаты заявили, что в таком случае они вообще откажутся даже от своих экипажей. Тогда при дворе решили взять «мятежных гостей» измором. Их покинула прислуга. Из занимаемых помещений вывезли мебель. Куда только девалась пресловутая французская вежливость! И все-таки король вынужден был уступить. 1 сентября 1687 года Круасси встретился с послами. Они поставили вопрос о вступлении Франции в антитурецкую лигу. По словам государственного секретаря, Людовик XIV не будет «столь неосторожным, он мудр». Только имея серьезные поводы, можно объявить войну туркам. Если же ограничиться полумерами, продолжал Круасси, и послать небольшие отряды солдат, то и это потребует крупных расходов. Владения Турции расположены далеко от Франции. И в первом, и во втором случае французская торговля в Леванте пострадает. Итог рассуждений Круасси: «Король не может вступить в союз, так как между императором и им существует незапамятная, вечная вражда. Наоборот, султана и короля объединяют вечный мир и прочная дружба»¹³. Французская позиция изложена ясно. Московское посольство не имело никаких шансов на успех.

При отъезде история повторилась. Послы настаивали, чтобы в письме Людовика XIV царя именовали «великим государем». Французы возражали, утверждая, что такой титул они никогда не применяли. Гости не отступали. Хозяева опять лишили их услуги, прекратили выплату «кормовых», как говорили на Руси, и даже не разрешили по французской территории проехать в Испанию. Посольство отправилось морем из Гавра в Сент-Себастьян, взяв королевские подарки под угрозой применения силы. Редкий по грубости и бесцеремонности нарушений элементарных протокольных норм эпизод в дипломатической истории Европы.

При первой же возможности в Москве ответили враждебностью на враждебность. Вскоре после досадных приключений царских дипломатов в Париже два французско-иезуита прибыли в русскую столицу и просили пропустить их в Китай. 31 января 1688 года Посольский приказ предложил непрошеным гостям вернуться домой, прямолинейно объяснив свое решение следующим образом: «Когда у короля вашего были царские послы, тогда государь ваш во время посольства их показал многую противность с бесчестьем на сторону их царского величества»¹⁴. Ничего не скажешь: взаимность — неперенное условие успеха как в любви, так и в дипломатии.

С конца 80-х годов русско-французские отношения были заморожены. Став российским самодержцем, Петр был поглощен внутренними делами и конфликтом со Швецией. Людовик XIV вел войну с Аугсбургской лигой. Интересы двух монархов остро столкнулись в Польше.

Польский король Ян Собеский умер в июне 1696 года. Престол Речи Посполитой год оставался вакантным. Большие шансы на получение польской короны имелись у кузена Людовика XIV принца Франсуа Луи Конти. Но его избрание означало бы выход Польши из антитурецкого союза. Это тревожило царя, и он поддержал кандидатуру курфюрста Саксонии Фридриха Августа I. На всякий случай в Москве решили подтянуть к польской границе войска князя Михаила Ромодановского. Этот шаг царь считал необходимым: он решительно вмешался во внутренние польские дела. Из Кенигсберга Петр послал панам письмо: «Мы такого короля французской и турецкой стороны видеть в Польше не хотим; хотим, чтобы вы выбрали из какого ни есть народа, только бы он был в дружбе и союзе с нами и цесарем римским (так именовали в Москве императора. — Ю. Б.) против общих неприятелей креста святого»¹⁵.

11 тысяч русских солдат готовы были выступить на стороне Фридриха Августа против Конти и его союзников — литовского гетмана Сапеги и «французской партии» в Варшаве во главе с кардиналом Радзиевским, примасом Польши, получившим за поддержку французского принца 60 тысяч экю и аббатство во Франции.

Людовик XIV пристально следил за событиями в Польше. Он знал настроения и возможности шляхты и поэтому прежде всего заботился о деньгах на ее подкуп. 6 сентября 1696 года король писал своему представителю в Варшаве аббату Полиньяку (на помощь ему из Версаля прислали еще одного дипломата — аббата Шатенефа): «Имущества, которым владеет во Франции мой кузен принц Конти, достаточно, чтобы выполнить все обязательства, которые Вы возьмете на себя от его имени»¹⁶. Конти продал часть своих владений и послал в Варшаву 600 тысяч ливров.

Выборы польского короля состоялись 27 июня 1697 года. Провозгласили обоих претендентов. Но кардинал Радзиевский подтвердил избрание французского принца. Конти находился в Версале, и ему надо было срочно выезжать в Варшаву. Время торопило. А избалованный принц развлекался, не решался оставить свою любовницу, расстаться с удобствами королевского дворца.

Из Варшавы поступали тревожные сигналы. Несмотря на свой молодой возраст — 32 года, аббат Полиньяк был опытным дипломатом. Это о нем папа Александр VIII сказал: «Мне всегда кажется, что Вы разделяете мое мнение, но в конце концов берет верх Ваше».

Аббат не терял времени. Он писал в Версаль, что успех Конти полностью зависел от того, насколько быстро и решительно принц будет действовать. Сам Полиньяк твердо следовал советам, которые он давал другим. Дипломат выступил с речью в польском сейме, подписал договоры с кардиналом, с польскими сенаторами, дворянами. Стоило это 500 тысяч ливров.

А Конти все медлил. Прошел июль. За ним и август. 1 сентября Людовик беседовал с Конти. Он дал кузену 2 миллиона ливров наличными и обменные документы на получение денег на месте у банкира Самюэля Бернара. На этот раз принцу Конти пришлось расстаться с прелестями столичной жизни и через два дня выехать в Дюнкерк. Казалось, сама судьба благоприятствовала своему баловню. Он по дороге растерял 300—400 пистолей, выпавших из плохо закрытого сундука. Но крестьяне нашли и вернули их. 6 сентября принц поднялся на корабль знаменитого корсара Жана Барта (в Дюнкерке ему поставлен памятник), и эскадра в составе 5 фрегатов и 3 корветов вышла в море.

Конти прибыл в Данциг 25 сентября, через три месяца после своего избрания. У него были несомненные преимущества. Сейм подтвердил избрание французского принца. Фридриха Августа объявили врагом Польши. Князя Сапегу шляхтичи избрали генералиссимусом. Но саксонский курфюрст уже успел сделать многое. В Кракове он

захватил королевскую корону. По традиции нового короля провозглашали во время похорон умершего. Но гроб с телом покойника находился в руках кардинала и его сторонников. Фридриха Августа это не остановило: он распорядился поставить в соборе пустой гроб и провел коронацию. Кардинал протестовал: созвал дворян и готов был к активным действиям.

Ждали решительных шагов со стороны Конти. А он находился в состоянии глубокой апатии, словно сознательно проваливая дело, ради которого приехал: в глубине души не хотел получить польский трон. Конти лишь уступал давлению грозного Людовика XIV. Власти Данцига, находившиеся под русским влиянием, запретили вход в порт французских кораблей, отказали капитанам в продаже продовольствия. Да и денег у претендента оказалось мало. Только для содержания Сапеги требовалось не менее 10 миллионов ливров. Но войска гетмана даже не прибыли в район Данцига.

Да, Конти бездействовал, а Фридрих Август не терял ни дня. Но ни тот, ни другой не определяли хода событий. Решающую роль играла Россия, с которой все еще не хотели считаться в Версале.

Петр I внимательно наблюдал за действиями французов в Речи Посполитой. Он обладал обширной и полной информацией. 31 мая 1697 года царь обратился с письмом к кардиналу Радзиевскому, поставив перед ним вопрос: «Когда б еще и в Полском государстве француз королем был, какова б целость общему союзу и вечному миру и соединению христиан и истинное приятство имело быть?»¹⁷. Петр настороженно следил за развитием событий в Польше. Он писал 14 октября 1697 года Андрею Ви-ниусу, думному дьяку: «Де-Контей подо Гданск пришел во 6-ти фрегатах малых, а на земли по ся поры еще не ночевал. В город Гданск ево не пустили с войском и собрали на отпор 6000, и для того король Французской приказал всем копором Гданские корабли брать. Войско де-Контей нанел толко еще 400 человек; хотя много дает, да никто не идет; и для того чаем, что при помощи Божией, ничево не зделав, домой пойдет»¹⁸. Расчет оказался правильным. Русская дипломатия не стояла в стороне от событий. Она активно действовала.

В сентябре 1697 года в своей грамоте бургомистрам Данцига царь благодарил их за то, что Конти, приплывшего с эскадрой, в город не пустили и населению торговать с моряками запретили. Петр хотел, чтобы жители города «и впредь при таком же своем намерении постоянно пребывали». Вывод он делал ясный и определенный: французского принца королем Польши «как до сего времени быть не желали, так и ныне не желаем». Царь предупреждал сторонников Конти, которые, «забыв Бога и права и целость своего народа, для своего малого пожитку, а имянно пре-лстився на французские денги, при нем стоять и нечто творити вымышляют, чего им сила Божия не допустит». И не только сила божья, но и сила оружия. В грамоте говорилось, что царь имеет войска, «которых уже знатное число на Литовской границе в готовности обретается»¹⁹.

Людовик XIV и Конти проиграли. 29 октября принц заявил кардиналу и шляхте, что в течение месяца не получил от них серьезной помощи и поэтому покидает Польшу. Он прибыл в Версаль 13 декабря 1697 года. Виновными во всем были, разумеется, объявлены стрелочники: аббаты Полиньяк и Шатенеф. Их отлучили от двора. А Конти король возместил все расходы. В Версале нанесли удар и по Польше. Пять польских кораблей, захваченных Бартом в Данциге, отдали «на хранение» датчанам. Так бесславно закончилась польская авантюра Людовика XIV.

Итак, «польское дело» выиграл царь Петр I, посадивший на престол Польши «своего человека» — курфюрста. Саксонии, отличавшегося, как выяснилось позже, коварством и вероломством. В Версале затаили злобу. Высокомерие короля поистине не имело предела. В 1698 году, когда Великое посольство царя находилось в Голландии, русская сторона поставила вопрос о посещении Версаля. По словам Сен-Симона, Петр I «был оскорблен вежливым отказом короля, не хотевшим себя стеснять». Член Французской академии историк Оссонвиль в своей работе, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, утверждает: при версальском дворе опасались, что русские

дипломаты будут нарушать этикет. Нелепый аргумент! Принимали же в Версале послов Турции и Персии, не блиставших изысканными манерами. Причина была в другом: Людовик XIV и его окружение все еще не понимали, что на европейскую сцену вышла новая могучая политическая и военная сила. А в Версале упорно именовали Петра I не царем, а великим князем Московским.

Однако обстановка в Европе после смерти короля Испании Карла II становилась все более предгрозовой. В Версале не расставались с мыслью получить поддержку царя в «испанском вопросе», ничего фактически не обещая ему взамен. В феврале 1701 года Петр I в местечке Биржы в Курляндии встретился с французским посланником при польском дворе Эроном, поставившим вопрос об участии России в решении судеб испанского наследства. Царь не дал конкретного ответа. Он в общей форме высказался за дружбу с Францией, за развитие с ней торговли.

Россия и Франция все еще не нашли друг друга. Постоянных посольств в двух столицах по-прежнему не было. Но в Версале в связи с начавшейся войной за испанское наследство решили осуществить в Москве дипломатическую разведку. В конце 1703 года в русскую столицу выехал дипломат Жан-Казимир Балюз, находившийся в Варшаве. В этом городе он родился в 1648 году. Его крестным отцом был король Ян Казимир. Балюз занимал должности поверенного в делах в Венгрии, а затем дипломатического представителя короля в Польше.

Одна из задач посла состояла в изучении внутреннего положения России. В Версале от него ждали сведений о размерах российского государства и его границах на Востоке, о личности царя, о царской семье, ее доходах, об организации управления, об армии и флоте России. Балюз сообщил в Версаль: «Сила царя на суше очень велика... Что касается его морского могущества, то оно систематически возрастает»; «он любит своих солдат и любим ими»; Петр установил «твердый порядок» в стране²⁰.

Миссия Балюза преследовала далеко идущие цели. Ему поручалось примирить Россию и Швецию (явная недооценка глубины противоречий между двумя странами); добиться выступления русской армии через Польшу, Трансильванию или Италию против императора (наивный расчет на использование царя как мелкопоместного германского или итальянского князя на жалованье у Короля-Солнца); получить у Петра I крупный заем (словно у ростовщика Самюэля Бернара). Расчеты, построенные на песке. Они должны были рухнуть и рухнули.

Нереальной была главная цель французского дипломата, о которой он сообщил генерал-адмиралу и начальнику Посольского приказа Федору Головину: «Я теперь прислан от короля для заключения союза между обоими великими государями». Казалось, что основания для такого заявления были: в 1701 году царь в беседе с Эроном в Курляндии высказался за дружбу с Францией, за подписание с ней торгового договора, даже за содействие избранию французского принца на польский престол, если в будущем такой вопрос вновь возникнет²¹.

Со времени беседы царя с Эроном прошло два года. Русская армия одержала первые победы над шведами. А войска французского короля в ходе войны за испанское наследство терпели поражения. Но внешнеполитическая ориентация Людовика XIV не изменилась. Франция по-прежнему сохраняла дружественные отношения с врагами России — Швецией и Турцией, сражалась с Империей, с которой сотрудничала российская дипломатия. Поэтому в Москве не были заинтересованы в сближении с Францией, не проявляли инициативы и ожидали предложений от французов. Шел месяц за месяцем. Балюз без дела находился в Москве. Переговоры фактически не велись. Король сохранял высокомерие, напрасно рассчитывая на уступчивость русской стороны. В июле 1703 года он счел бесполезным дальнейшее пребывание Балюза в Москве и предложил ему вернуться в Варшаву. Но царь не торопился, задерживал отъезд посла, не возвращая ему паспорт и не предоставляя охрану²².

Послу все же дважды удалось встретиться с Петром I. В беседах царь не затрагивал политических вопросов. Его интересовала торговля с Францией. А условий для ее развития, особенно в период тяжелейшей войны за испанское наследство, не существовало. В марте 1704 года Балюз вернулся в польскую столицу с пустыми руками.

Итак, реальных мотивов для сближения России и Франции не было. Поэтому и своих послов царь в Версаль не посылал. В Москве удовлетворялись тем, что с 1703 года в Париже жил русский дворянин Постников, не имевший официальных полномочий. Однако он переводил на французский язык и передавал Торси (а государственный секретарь — королю и министрам) сведения о ходе войны между Россией и Швецией, о внутреннем положении российского государства, о его законах, финансах, флоте. В Версале прекрасно понимали ценность такой информации. Неаккредитованный дипломат выполнял функции и торгового представителя. Он закупал инструменты, ткани, одежду. Попытался нанять на русскую службу 12 хирургов при содействии Торси. Безуспешно. Французские врачи отказались: «Чают в край света ехать к Москве»²³.

Потепления в отношениях между двумя странами упорно не наступало. Наоборот, корсары Дюнкерка захватили два русских торговых судна и продали их вместе с грузом. Для разрешения конфликта в Париж приехал русский посол в Гааге Андрей Матвеев. Его миссия продолжалась месяц — с 9 сентября по 9 октября 1706 года. В случае возврата захваченных пиратами русских кораблей Матвеев должен был предложить подписать договор «касательно свободной торговли, дабы без задержания везде и во всех пристанях французских россияне могли производить свои торги».

В Версале предложение не приняли и русскому дипломату заявили, что после прекращения войны на севере «король потщится в теснейший с Россией вступить союз».

Корабли французы вернуть уже не могли, возместить ущерб были не в состоянии. Военное и финансовое положение Франции ухудшилось. «Здесь конечная в деньгах, а больше в людях скудость; к Рагоци и к шведу, и к курфюрсту баварскому посылки денежные и продолжение войны вычерпали деньги, конечно, уже», — сообщал Матвеев. Петру I не удалось договориться и о торговом договоре. Торси заявил, что сделать это до заключения мира (имелось в виду прекращение войны за испанское наследство) невозможно. Итоги посол подвел в следующих словах, не нуждающихся в комментариях: «Сменять дружбу англичан и голландцев на французскую не обещает нам прибытку»²⁴.

Свою миссию Матвеев считал бесполезной. Вернуть захваченные пиратами русские торговые корабли послу не удалось. С французской стороны вел политические и торговые переговоры с Матвеевым Ибервиль — моряк и исследователь, основатель в Америке колонии Луизианы и первый ее губернатор. Дипломаты нашли общий язык. Ибервиль писал о Матвееве, что он «умнее, лучше знает дела Европы и более вежлив, чем можно было ожидать»²⁵. Именно дипломатическая вежливость вынуждала Матвеева выслушивать Ибервиля, когда он утверждал, что царь не хочет даже слышать о французах и в России опасно с похвалой отзываться о Людовике XIV — за это могут и преследовать; Петр ненавидел католическую веру и в Польше якобы лично обезглавил офицера Бодуэна только за то, что он француз. Посол опроверг все эти вымыслы, заявив, что в Москве считают французского короля образцом правителя, которому должны подражать все монархи.

Плачевный итог переговоров был неизбежным. Французская дипломатия вела на Востоке активную антирусскую политику. Первый постоянный посол царя в Константинополе граф Петр Толстой перехватил письма посла Фериоля, свидетельствующие о том, что французский дипломат провоцировал султана и крымских татар на войну с Россией. Через посланника Людовика XIV при князе Трансильвании царь пытался добиться посредничества Франции в русско-шведских отношениях. Петр хотел мира со Швецией, но требовал предоставления ему порта на Балтийском море. А русские войска приняли бы участие в войне за испанское наследство. Но Карл XII был неумолим: он хотел вести переговоры с русскими «только в Москве» (после ее захвата, разумеется).

В Версале поддерживали Швецию как союзника в войне за испанское наследство и упорно подталкивали турок к вооруженному конфликту с Россией. В марте 1706 года, например, французский посол в Константинополе в одном из своих донесений подчеркивал, что «все толкает царя на войну с Турцией: настроение у греков и валахов и его чрезвычайная амбициозность. Поэтому надо опередить царя и напасть на него (речь идет о турках. — Ю. Б.), пока он не может справиться со Швецией»²⁶.

Царь был информирован о французских интригах при дворе султана. Он писал: «Тогда же посол французский при Порте по указу своего короля сильные вспомогательства чинил королю шведскому и Порту побуждал к разрыву мира с Россиею, и немалую сумму денег тот посол французский, будучи у короля шведского в Бендере (Бендеры на Днестре, где временно находился Карл XII. — Ю. Б.), оному привез»²⁷.

И, тем не менее, весной 1707 года царь хотел французского посредничества в Северной войне, предлагая вернуть Швеции все занятые русскими войсками в Прибалтике территории, кроме Петербурга и его окрестностей. Французский посол в Стокгольме Жан Виктор де Базанваль вступил в переговоры с Карлом XII. Высокомерный монарх потребовал возвращения всех завоеванных русскими земель и полного возмещения военных расходов. Базанваль считал позицию шведского короля безумной. У Швеции, замечал он, «кампания против России будет трудной и опасной, ибо шведы научили московитов военному искусству и те стали грозным противником; к тому же невозможно сокрушить такую обширную могущественную страну».

Посол был прозорлив. Международные позиции России после поражения шведов под Полтавой в 1709 году окрепли. «Царь недавно осуществил завоевания, которые делают его хозяином Балтийского моря», — писал Торси в записке о возможных русско-французских переговорах, подготовленной им через несколько месяцев после Полтавской битвы. Государственный секретарь по иностранным делам замечал: «Нельзя было предвидеть, что царь сможет в столь короткое время осуществить столь значительные завоевания». Торси отдавал должное Петру, замечая, что «Московия получила известность с того времени, когда правящий в ней государь вызвал к себе уважение других наций своими великими деяниями и своими личными качествами»²⁸.

Личные качества царя, проявлялись и в том, что он не закрывал двери для сотрудничества с Францией. Так, в январе 1710 года канцлер Гавриил Головкин поручил Постникову, проживавшему «при французском дворе девять лет без всякого характера (т. е. без официальных полномочий. — Ю. Б.), предложить Торси посредничество России «в нынешнем между Францией и на оную нападающих держав несогласии». Ответа Людовик XIV не дал: он предался «размышлениям». И, тем не менее, Петр в 1711 году сообщил о своем намерении назначить во Францию посла — Бориса Куракина, одного из своих ближайших сподвижников. Но история пошла иным путем. Занял пост в Париже Куракин только в 1724 году.

Дипломатические контакты становились все более необходимыми для обеих сторон. Балюз во второй раз приехал в Москву и в течение нескольких месяцев — с апреля по сентябрь 1711 года — вел переговоры о русско-французском дипломатическом сотрудничестве с царем, канцлером Гавриилом Головкиным, князем Григорием Долгоруким. Обстановка для взаимопонимания и достижения соглашения была неблагоприятной. В результате усилий французских и шведских дипломатов Турция в сентябре 1710 года объявила войну России. Балюз, фактам вопреки, пытался доказывать, что Франция не имела отношения к турецкой агрессии и готова содействовать заключению мира между российским государством, с одной стороны, Швецией и Турцией, как якобы союзными странами, — с другой.

16 мая 1711 года Петр в беседе с Балюзом заявил, что посредничество Людовика XIV возможно лишь с целью заключения мира «с одной Портой, независимо от Швеции». Такая позиция не устраивала французского короля. Он хотел, чтобы за мир с турками Россия заплатила выгодными для шведов мирными условиями. В Версале всерьез и не

выбирали между шведским и русским союзом, сохраняли верность «старой привязанности» — Швеции.

Даже перед угрозой полного разгрома в войне за испанское наследство, фактически с «петлей на шее», Людовик XIV и его окружение рассчитывали использовать влияние царя на Англию и Голландию, заинтересованных в торговле с Россией, «соблазнить» Москву предоставлением трона Венгрии царевичу Алексею ценой русской помощи венгерским повстанцам; добиться от Петра возражений против избрания императором представителя дома Габсбургов (Иосиф I умер в 1711 г.). Иллюзии! Это стало очевидным после подписания русско-турецкого Прутского мирного договора, по которому Турция получила Азов; подлежали сносу крепость в Таганроге и другие укрепления. Царское правительство обязалось не вмешиваться в польские дела и свободно пропустить Карла XII через свою территорию. Царь «обязан был главным образом Франции этой несчастной войной и нетерпимым договором, который положил ей конец»²⁹. Написано в коллективной работе французских историков. Оценка верная.

Людовик XIV до конца своей жизни сохранил удивительную верность «принципам». Он им не изменял. После полтавского разгрома Швеция уже не смогла восстановить свои силы. И, тем не менее, она оставалась на содержании у Франции. По условиям подписанного в Бендерах в сентябре 1712 года франко-шведского договора о союзе Людовик XIV обязался вовлечь Турцию в войну с Россией; восстановить шведского ставленника Станислава Лещинского, не признанного шляхтой, на польский трон, который он занимал в 1704—1711 годах; с помощью Лещинского вернуть туркам территории, потерянные ими по Карловицкому миру 1699 года, заключенному между членами «Священной лиги» — Австрией, Венецией, Польшей, Россией — и потерпевшей поражение в войнах 1683—1699 годов Османской империей; добиться от царя возврата Польше Киева и земель на правом берегу Днепра. В случае продолжения войны за испанское наследство шведский король обязался атаковать Империю. Как всегда, французы выплатили своему ослабленному союзнику огромную сумму — миллион ливров и согласились на ежегодные субсидии.

Французская дипломатия вновь спровоцировала Турцию на войну с Россией. Она началась 31 октября 1712 года. Посол Людовика XIV в Константинополе Дезальер сформулировал и турецкие требования к царю: восстановление Лещинского на польском престоле; передача Украины султану; возврат всех русских завоеваний на Балтике Карлу XII, чья военная слава окончательно померкла. 10 ноября 1714 года шведский король явился с одним солдатом в крепость Штральзунд. Пятнадцать лет назад, когда он начал свой завоевательный поход, шведская армия насчитывала 60 тысяч человек.

До последнего дня царствования Людовика XIV существенных перемен в русско-французских отношениях не произошло. Но вместе с закатом Короля-Солнца уходила в прошлое и политика постоянной вражды с династией Габсбургов и ее союзниками. Это было неизбежное следствие поражения Франции в войне за испанское наследство. В Европе сложилась новая расстановка сил. Россия Петра Великого вышла на большую международную сцену.

...Прошло два года после смерти Людовика XIV, и 15 августа 1717 года в Амстердаме был подписан первый русско-французский союзный договор. Под ним стояла также подпись представителя Пруссии. В преамбуле документа говорилось, что монархи «выразили желание установить и сохранить тесную связь, дружбу и союз прочный и длительный»³⁰.

Это было рождение взаимовыгодного сотрудничества России и Франции, начавшегося несмотря на все зигзаги, спуски и подъемы исторического пути.

***Вместо заключения:
только Бог велик***

Жизнь конечна. Даже у королей...

10 августа 1715 года Людовик XIV почувствовал себя плохо. В последующие дни его на руках относили в часовню, но он не изменил своего обычного распорядка дня и по-прежнему работал с министрами. 20 августа короля в последний раз одели. По традиции 25 августа, в день святого Людовика, фанфары звучали под его окнами, скрипачи играли в приемной. А король уже готовился к смерти. 30 августа он потерял сознание. Гангрена охватила колено и все бедро. 1 сентября в 8 часов 15 минут утра Его Величество скончался. Как только смерть была установлена, офицер в шляпе с черным султаном вышел на балкон дворца в Версале и громким голосом произнес: «Король умер!» Затем он удалился и, появившись в шляпе с белым султаном, провозгласил: «Да здравствует Людовик XV!»

Умер человек или посланец Бога на земле? Человек — со всеми его слабостями и противоречиями. Людовик XIV не обладал выдающимися способностями, но умел использовать чужие мысли и идеи. Король не был великим полководцем, но именно ему доставалась вся слава побед, и никогда его имя не связывали с поражениями армии Франции. Его Величество провозгласил себя главой христианства, что не мешало ему поддерживать дружественные отношения с султаном. С мусульманами он сотрудничал, а своих подданных-протестантов беспощадно преследовал, силой принуждал к переходу в католичество. Людовик XIV был благочестив, но это не мешало ему иметь любовниц и от них многочисленных детей, получавших почетные звания и высокие должности, дворцы и деньги.

Таким был этот монарх, более полувека правивший богатейшим королевством Европы. Каковы уроки его царствования?

Говорят, что все новое — это хорошо забытое старое. Действительно подлинно новые идеи ценятся на вес золота. Но и творцы новых идей, как правило, имеют своих предшественников. Разумеется, тождество событий и фактов невозможно. И, тем не менее, система жестко централизованной власти, созданной при Людовике XIV, явилась примером для многих политических режимов.

Правилен ли вывод, что абсолютная монархия была только и исключительно общественным злом? Нет, конечно, «абсолютного зла» не существует в политике. Иначе монархия Короля-Солнца не просуществовала бы во Франции еще три четверти века после его смерти. При Людовике XIV феодальные междоусобицы прекратились. Разгром Фронды утихомирил аристократов. Укрепилась национальная и территориальная целостность страны. Функционировал единый внутренний рынок. Жесткая регламентация и государственная поддержка промышленного производства способствовали росту продукции, повышению качества многих товаров.

Абсолютная власть немыслима без культа сильной личности, стоящей во главе страны и никем не контролируемой. В его основе, в зависимости от эпохи, лежат различные идеи: божественного происхождения царя или короля; спасителя отечества от внутренних и внешних врагов; руководителя, сочетающего в одном лице теоретика, практика, провидца, организатора; концентрации власти, важнейших государственных постов в руках одного человека на время вывода государства из кризисной ситуации. (Увы, хорошо известно, что нередко именно временное оказывается самым устойчивым и постоянным.)

Сильная личность — Людовик XIV — имел и самую сильную в Европе армию. Луваа модернизировал ее вооружения. Изменились организация управления войсками, их структура и тактика. Появились новые службы: артиллерийская, саперная, интендантская, инженерная, медицинская. Был фактически заново создан военно-морской флот, способный противостоять мощным флотам Англии и Голландии. Однако все еще сохранялись пережитки феодально-рыцарского прошлого. Командные должности продавались и покупались. Солдат вербовали путем подкупа и насилия. Целые полки

состояли из иностранцев-наемников. Вместе с тем началось создание регулярной армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности; массовая милиция в провинции.

А руководители военного и финансового ведомств, генералы и министры — умело ли подбирал их король? Историк Камил Руссе считает: «В своем правительстве Людовик XIV представлял главным образом министерство подписи»¹. Трудно с этим согласиться. Да, монаршая подпись под документами первостепенного значения, которые готовили государственные секретари Кольбер (финансы) и Лувуа (военное ведомство), стоила дорого. Эти люди-антиподы были на своих местах. Они являлись выдающимися государственными деятелями. «Кольбер и Лувуа, скрытые соперники, руководили делами. В их руках находилось правительство, вдохновляемое Людовиком XIV. Но всемогущий Кольбер увидел, что его влияние начало падать. Вынужденный покрывать расходы и изыскивать крайние средства, чтобы удовлетворить потребности страны, он учил сдержанности и предостерегал от тягот войны, от вреда, который она наносила реформам и многим полезным свершениям. В то же время Лувуа, организатор побед, гениальный в своей сфере человек, потакал страстям монарха, подталкивая его к завоеваниям»². Оценка герцога Ноай, хорошо знавшего коридоры власти французского королевства.

Кольбер и Лувуа жили в то время, когда в окружении короля было много талантливых людей. Среди маршалов — Конде, Тюренн, Вобан. Среди дипломатов — Лион, Помпон, Аво, Талар. Вторая же половина царствования Людовика XIV — время посредственностей. Чем это объяснить? Необузданным высокомерием короля, неоправданно полагавшегося на собственный выбор. Вопреки взглядам, которых Людовик придерживался в молодости, оценивая людей по их уму и энергии, он в зрелом возрасте стал привлекать в сферы политики, финансов, дипломатии, управления армией и флотом аристократов, не блиставших ни знаниями, ни способностями, ни трудолюбием. Люди, подобные Кольберу и Лувуа, вышли из моды и вспоминались после их смерти как нелепая диковинка.

Конечно, выдающиеся личности оказывают влияние на ход событий, но не определяют его. Если бы Кольбер и Лувуа, Конде и Тюренн имели по две жизни в запасе, то и тогда им не удалось бы утвердить на длительное время господство Франции в Европе. Некоторые историки думают иначе: «Начиная с 1661 года и в течение пятидесяти лет Франция пользовалась в Европе военной славой и занимала преобладающие позиции в большей мере, чем ранее Испания и затем Англия»³. Слова Жоржа Дюби. Правильны ли они?

Отчасти. Да, военная слава Короля-Солнца была громкой. На определенных этапах европейской истории Франция являлась могучей политической и военной силой на Европейском континенте. Надолго ли? Нет, конечно. Это аксиома истории. Никому не удавалось на длительные сроки силой оружия подчинить себе народы Европы, заставить их жить под иностранным игом.

Людовик XIV мечтал о завоеваниях Карла I Великого, короля франков и императора Запада, и активно действовал силой оружия и словом дипломатов. Итог его усилий оказался плачевным. Планы, вынашиваемые в Версале, не выдержали испытаний общеевропейских войн, рухнули.

Значит ли это, что Людовик XIV, под властью которого Франция более 30 лет не покидала поля сражений в Европе и за океаном, всегда действовал вопреки национальным интересам своей страны? Не следует картины прошлого рисовать одной черной краской. История обязательно перемешивает цвета и оттенки во всем их разнообразии. На самом деле при Короле-Солнце формирование территории французского государства было в основном завершено. Бездна спор: плохо или хорошо, что Франция силой присоединила около 50 тысяч квадратных километров (Эльзас со Страсбургом, Франш-Конте, Руссийон, часть Фландрии, Эно, Оранж, долина Барселонет, Безонсон, Лилль, Дюнкерк)? «Железный пояс» крепостей, построенных на севере страны Вобаном, защищал Париж от иностранного вторжения. Бурбоны на троне в Мадриде обезопасили

франко-испанскую границу. В Лотарингии, Савойе, Ницце укрепилось французское влияние. Да, территориальные захваты. Да, оружие и кровь. Но скажите: где и когда пограничные столбы между государствами ставили в обстановке дружбы и согласия, уважения и взаимопонимания? Уверен, к сожалению, что список стран и народов будет предельно кратким.

Войны... Франция вела их при Людовике XIV с Испанией, с Республикой Соединенных провинций, со странами Аугсбургской лиги, с многочисленными участниками могучей антифранцузской коалиции, претендовавшей на испанское наследство. Силой пытался король решать международные вопросы. А внешняя политика выступала в качестве подспорья армии, прокладывая ей дорогу в международных отношениях, «зализывала» раны, закрепляла победы и смягчала последствия поражений. Внешнюю политику Людовика XIV французский историк Жан Денфревиль считает осторожной, сдержанной, ловкой. Это преувеличение. Внешняя политика короля была осторожной лишь после тяжелых военных поражений, сдержанной только в периоды перемирий между двумя войнами, нередко столь же ловкой, как слон в посудной лавке. Королевская дипломатия страдала от острого недостатка реализма. На самом деле главным противником для Людовика XIV являлась империя Габсбургов, которую он охотно увидел бы завоеванной турками. При этом в Версале забывали, что от Вены недалеко до Парижа. Король упорно ориентировался на союз со Швецией, а она перебегала из лагеря в лагерь; платил огромные деньги электору Бранденбурга, изменявшему французам через час после получения очередной взятки; искал сотрудничества с герцогом Савойским, прославившимся коварством, вероломством; поддерживал свергнутую династию Стюартов, подрывая тем самым возможность соглашения с протестантской Англией; беспощадно преследовал гугенотов, ослабляя позиции французского королевства в Европе; вел борьбу со Святым Престолом, в то же время претендовал на роль лидера христианского мира. Со времен Ришелье для королевской дипломатии незыблемой оставалась идея «восточного барьера» — союза Польши, Швеции, Турции против Габсбургов. Вот новой роли России, открывшей при Петре I окно в Европу, не понимали и не хотели понимать Людовик XIV и его министры. Не поняли и тогда, когда отгремели пушки на полях Полтавской битвы и Карл XII превратился в эмигранта без армии и флота.

Таким образом, французская дипломатия допускала просчеты, нередко грубые. Многие из ее ошибок объясняются не только субъективными, но и объективными причинами: Людовик XIV хотел большего, чем мог. Впрочем, кто и где в дипломатии не делал ошибок? При всем том дипломатическая служба Его Величества, несомненно, была лучшей в Европе. Во Франции сложилась продуманная система принятия решений, в которой «ведущими звеньями» в административной цепи были государственный секретарь по иностранным делам и его аппарат, генеральный контролер финансов и военный министр, Государственный совет и, наконец, король — вершина политической иерархии. Необходимая информация, выводы и рекомендации по различным аспектам двусторонних и многосторонних отношений регулярно поступали в Версаль от французских посольств в европейских столицах, в Константинополе. Делеша охватывали широчайший круг политических, экономических, финансовых, культурных, религиозных проблем, сотрудничества и противоречий между монархами, странами и регионами. Послы и посланники прогнозировали развитие событий, давали характеристики государственных деятелей, фаворитов и фавориток, администраторов и генералов, кардиналов и епископов в стране пребывания. Ведущие дипломаты короля были выходцами из аристократии, высшего духовенства, военных кругов. Многие дипломатические представители Людовика XIV являлись опытными профессионалами. Но нередко его выбор падал на дилетантов, наносивших ущерб международным позициям Франции. В отличие от них, активную роль во внешней политике играли некоторые

высокопоставленные женщины. Важные дипломатические вопросы успешно решали в критических ситуациях маркиза Ментенон, герцогиня Орлеанская, принцесса Юрсен.

Везде и всегда, во всех случаях король слепо верил в силу денег. Его дипломатия широко использовала подкуп монархов и князей, английских и голландских парламентариев, польских панов и турецких визирей. Средства тратились баснословные, а результаты во многих случаях были ничтожными. Но это не останавливало французских дипломатов. Они содержали армии союзных с Францией государств, подкупали участников двусторонних и многосторонних переговоров. Зловещая, но живучая традиция. У нее немало своих героев в разные времена и у разных народов.

Какие же плоды приносило Людовику XIV ядовитое древо коррупции с его разветвленными корнями? Создавались военно-политические союзы, устойчивые и временные. Десятки тысяч иностранных солдат сражались на стороне Франции. Но французских союзников перекупали. Коалиции, созданные королем, распадались. Друзья становились врагами. И на заключительных этапах войн с Аугсбургской лигой из-за раздела испанского наследства Франция оказалась в состоянии международной изоляции.

Вина ли это французской дипломатии? Скорее ее беда. Дипломаты короля нередко обладали высокими личными качествами: опытом бесчисленных переговоров; подлинным профессионализмом; знанием консульских, торгово-экономических, колониальных вопросов. Дипломатические задачи, как правило, решались успешно. Почему же результаты усилий французских дипломатов столь часто оказывались плачевными? Ответ однозначен: экономические, финансовые, военные возможности Франции не отвечали агрессивным замыслам монарха и его окружения, всегда отдававшим предпочтение силе и только силе. А это и триста лет назад, и в наши дни никогда не приводило и не приводит к добру. Дипломатия являлась для Людовика XIV орудием вспомогательным, второстепенным. Она представляла собой своего рода пожарную команду, гасившую всеуничтожающее пламя, разгоравшееся в ходе локальных и общеевропейских войн, спасавшую страну и армию от полного разгрома в катастрофических ситуациях.

Итак, Людовика XIV не назовешь ни великим полководцем, ни великим дипломатом. Говорить о «золотом веке» его царствования можно только применительно к сфере культуры. Вот здесь Король-Солнце был действительно великим. Он активно способствовал созданию бессмертных творений, духовно обогативших французскую нацию и все человечество. Конечно, не только высокие идеалы служения прекрасному вдохновляли Его Величество. Отнюдь. Архитекторы и художники, писатели и поэты своим искусством творили культ государя. Политический характер заботы Людовика о деятелях культуры очевиден. Но разве от этого менее прекрасными стали Версаль и Большой Трианон, Дом Инвалидов и колоннада Лувра, ворота Сен-Дени и Сен-Мартен в Париже? Незабываемо творчество архитектора Ардуэна-Монсара, художников и скульпторов Лебрена, Жирардона, Леклерка, Латура, Кузевокса, Риго, писателей, поэтов и драматургов Мольера, Расина, Буало, Лафонтена, Перро. При Людовике XIV возникли академия наук, академия музыки, академия архитектуры, французская академия в Риме.

Королевское солнце ярко светило, но не согревало души простых людей. Французский народ не оплакивал монарха, царствовавшего 72 года. Когда траурный кортеж с гробом Людовика XIV направлялся из Версаля в Сен-Дени, вдоль дороги бурно разлилась волна народных гуляний. Их участником был молодой француз Мари Франсуа Аруэ, вошедший в историю под именем Вольтера. Он вспоминал: «Я видел небольшие тенты, стоявшие по дороге в Сен-Дени, там пили, пели, смеялись». Это зрелище заставило одного из герцогов, провожавших короля в последний путь, открыть окно своей кареты и презрительно бросить оскорбительную фразу: «Квакайте, жабы, теперь, когда солнце зашло»⁴.

Герцог был прав в одном: «солнце» зашло навсегда. Угасло величие короля. Считали ли его великим современники? Они начали судить Людовика XIV уже в день его

похорон, когда в надгробной речи католический епископ подвел итоги бурного, неслыханно долгого царствования одной фразой:

— Только Бог велик!

Не правда ли, полезное напутствие всем земным правителям — как нынешним так и грядущим?

Примечания

1. Падение Никола Фуке

- ¹ См. Lair J. Nicolas Fouquet. — Т. I. — P., 1890. — P. 9, 79, 83, 226, 270, 307.
- ² Clement P. Histoire de la vie et de l'administration de Colbert. — P. 1845. — P. 17.
- ³ См. Bordonove J. Fouquet. Coupable ou victime. — P., 1976. — P. 175.
- ⁴ Lair J. Op. cit. — P. 508.
- ⁵ Grece M. Louis XIV. — P., 1979. — P. 123.
- ⁶ Цит. по Lair J. Op. cit. — P. 36.
- ⁷ Ibid. — P. 42.
- ⁸ Цит. по Environs de Paris. — P., 1966. — P. 191.
- ⁹ См. Clement P. Op. cit. — P. 3.
- ¹⁰ Bordonove J. Op. cit. — P. 182.
- ¹¹ См. Samaran Ch. D'Artagnan. Capitaine des mousquetaires du roi. — P., 1912. — P. 19—21.
- ¹² Ibid. — P. 265.
- ¹³ Цит. по Grece M. Op. cit. — P. 124.
- ¹⁴ Цит. по Clement P. Op. cit. — P. 21.
- ¹⁵ Ibid. — P. 23.
- ¹⁶ См. Matte L, Crimes et Proces politiques sous Louis XIV. — P., 1910. — P. 184.
- ¹⁷ Clement P. Op. cit. — P. 42.
- ¹⁸ Цит. по Lettres, instructions et P., MDCCCLXIII. — Т. I. — 1-ere partie.
- ¹⁹ См. Clement P. Op. cit. — P. 37.
- ²⁰ Цит. по Bordonove J. Op. cit. — P. 287.
- ²¹ Цит. по Samaran Ch. Op. cit. — P. 182.
- ²² Ibid. — P. 212.
- ²³ См. Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. — М., 1985. — С. 177, 204—208.
- ²⁴ Clement P. Op. cit. — P. 70.
- ²⁵ Lettres. — P. 1.
- ²⁶ Grece M. Op. cit. — P. 95.
- ²⁷ Bordonove J. Op. cit. — P. 265, 266.

2. Наследие Ришелье и Мазарини

- ¹ Цит. по Grandes figures de France a travers l'histoire. — Т. II. — P., 1968. — P. 47 (далее: Grandes figures).
- ² Цит. по Cole de l'Atlantique. — P., 1973. — P. 92.
- ³ Цит. по Grandes figures. — P. 41.
- ⁴ См. Duby G. Histoire de la France. — P., 1970. — P. 270, 271.
- ⁵ Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. — М., 1990. — С. 374.
- ⁶ Duby G. Op. cit. — P. 269.
- ⁷ Ibid. — P. 269.
- ⁸ Bourgeois E. Manuel historique de politique etrangere. — Т. I. — P., 1925. — P. 18 (далее: Manuel).

⁹ Rain P. La diplomatie française de Henri IV à Vergennes. — P., 1945. — P. 137.

¹⁰ Цит. по Picavet C. La diplomatie française au temps de Louis XIV (1661 — 1715). — P., 1930. — P. 7.

¹¹ Ibid. — P. 7.

¹² Ibid. — P. 8.

¹³ См. Duby G. Op. cit. — P. 275, 276.

¹⁴ См. Rain P. Op. cit.

¹⁵ См. Grandes figures. — P. 152.

¹⁶ Fiasson. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. — Т. 3. — P., 1811. — P. 253—255.

3. Человек или полубог?

¹ Цит. по Савин А. Н. Век Людовика XIV. — М., 1930, — С. 39.

² Цит. по La France au temps de Louis XIV. — P., 1965. — P. 29.

³ См. Bertrand L. Louis XIV. — P., 1923. — P. 391, 393—395.

⁴ См. Saint-Germain J. Louis XIV secret. — P., 1970. — P. 56—58.

⁵ Сен-Симон. Мемуары. — Т. II. — М., 1936. — P. 70.

⁶ Цит. по Bordonove J. Les rois qui ont fait la France. — 1983. — P. 9.

⁷ Ibid. — P. 9.

⁸ Цит. по Grece M. Op. cit. — P. 294.

⁹ Duby G. Op. cit. — P. 285.

¹⁰ Goubert P. Louis XIV et vingt millions de français. — P., 1966. — P. 224.

¹¹ Савин А. Н. Указ. соч. — С. 43.

¹² Сен-Симон. Мемуары. — Т. I. — М., 1934. — С. 248.

¹³ См. Савин А. Н. Указ. соч. — С. 161.

¹⁴ Цит. по Erlanger Ph. Les idées et les mœurs au temps des rois. — P., 1969. — P. 162.

¹⁵ Цит. по Савин А. Н. Указ. соч. — С. 44.

¹⁶ См. Chandernagor F. L'allée du roi. — P., 1981. — P. 317, 318.

¹⁷ См. Gaxotte P. La France de Louis XIV. — P., 1946. — P. 146.

¹⁸ См. Bordonove J. Les rois qui ont fait la France. — P. 308.

¹⁹ См. Clement P. Histoire de la vie et de l'administration de Colbert — P., 1845. — P. 402.

²⁰ Кареев Н. Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. — СПб., 1908. — С. 112.

²¹ См. Grece M. Op. cit. — P. 264.

²² См. Bertrand A. Versailles. — P., 1906. — P. 203.

4. «Франция — это я»

¹ Савин А. Н. Указ. соч. — С. 9.

² Цит. по Кареев Н. Указ. соч. — С. 325.

³ Там же. — С. 328.

⁴ Цит. по Duby G. Op. cit. — P. 286.

⁵ Цит. по Кареев Н. Указ. соч. — С. 326.

⁶ Цит. по Methivier H. Le siècle de Louis XIV. — P., 1968. — P. 35.

⁷ Mémoires de Louis XIV présentés et annotés par Jean Longnon. — P. 1978. — P. 203 (такие: Mémoires).

⁸ Цит. по Grece M. Op. cit. — P. 109.

⁹ Цит. по Lucai H. Les engins du pouvoir ministériel en France. — Ceneve, 1976. — P. 112.

¹⁰ Сен-Симон. Мемуары. — Т. II. — С. 99.

- ¹¹ Там же. — С. 177.
¹² Кареев Н. Указ соч. — С. 83.
¹³ Сен-Симон. Мемуары. — Т. I. — С. 329.
¹⁴ Dangeau. Journal. — P., 1858. — Т. 13. — P. 433.
¹⁵ Сен-Симон. Мемуары. — Т. I. — С. 297.
¹⁶ Цит. по Gaxotte P. Op. cit. — P. 168.

5. Внешняя политика: принципы и беспринципность

- ¹ Цит. по Кареев Н. Указ. соч.
² Picavet C. Op. cit. — P. 232.
³ Ibid. — P. 170, 169.
⁴ Memoires. — P. 175.
⁵ Цит. по Picavet C. Op. cit. — P. 175.
⁶ Ibid. — P. 236.
⁷ Ibid. — P. 244.
⁸ См. Corvisier A. La France de Louis XIV. — P., 1979. — P. 128.
⁹ См. Rousset C. Histoire de Louvois et de son administration politique et militaire. — Т. III. — P., 1891. — P. 285, 236.
¹⁰ Memoires. — P. 34—37.
¹¹ См. Michaud C. L'Europe de Louis XIV. — P., — P. 82.
¹² Memoires. — P. 37—39.
¹³ Кареев Н. Указ. соч. — С. 97.

6. Дипломатическая служба Его Величества

- ¹ Picavet C. Op. cit. — P. 324, 325.
² La France au temps de Louis XIV. — P., 1965. — P. 254.
³ Цит. по Picavet C. Op. cit. — P. 111.
⁴ Ibid. — P. 89, 90.
⁵ Memoires. — P. 48.
⁶ Цит. по Lucat H. Op. cit. — P. 72.
⁷ Memoires. — P. 280.
⁸ Picavet C. Op. cit. — P. 38.
⁹ Сен-Симон. Мемуары. — Т. I. — С. 169.
¹⁰ Memoires. — P. 281.
¹¹ Rousset C. Op. cit. — Т. III. — P. 208.
¹² Flassan. Op. cit. — P., 1811. — Т. IV. — P. 137.
¹³ Journal inedit de Jean-Baptiste Colbert marquis de Torcy. — P., 1884. P III. (далее: Torcy. Journal).
¹⁴ Ibid. — P. LI.
¹⁵ Цит. по La France au temps de Louis XIV. — P. 256.
¹⁶ См. Picavet C. Op. cit. — P. 44—46.

7. Послы, тайные агенты и деньги

- ¹ Picavet C. Op. cit. — P. 82.
² Ibid. — P. 84.
³ Torcy. Journal. — P. VIII.
⁴ См. Picavet C. Op. cit. — P. 95, 96.
⁵ Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France. — Suede. — P., 1885. — P. XXII (далее: Recueil).

- ⁶ См. Lesourd P. *Ambassade de France pres de Saint. — Siege sous l'ancien Regime.* — P., 1924. — P. 36, 39, 13—45, 54.
- ⁷ *Memoires.* — P. 98.
- ⁸ Цит. по *Recueil. Suede.* — P. XXIU.
- ⁹ *Ibid.* — P. XXIV.
- ¹⁰ См. Lesourd P. *Op. cit.* — P. 107—110.
- ¹¹ Цит. по *Picavet C. Op cit.* — P. 91.
- ¹² См. *Corvisier A. Op. cit.* — P. 297.
- ¹³ Цит. по *Picavet C. Op. cit.* — P. 117.
- ¹⁴ *Hillairet J. Dictkmnaire historique des rues de Paris.* — Т. II. — P., 1963. — P. 572.
- ¹⁵ *Memoires de J. H. de Gourville. Collection des Memoires relatifs a l'histoire de France.* — Т. UI. — P., 1826. — P. 391.
- ¹⁶ *Ibid.* — P. 404, 408, 410—412.
- ¹⁷ *Ibid.* — P. 419, 420, 421, 429, 430—332.
- ¹⁸ *Recueil. Espagne.* — P., 1894. — P. 341, 358.
- ¹⁹ *Ibid.* - P. 359.
- ²⁰ См. *Picavet C. Op. cit.* — P. 185, 186.
- ²¹ *Memoires.* — P. 186—188.
- ²² См. *Clement P. Op. cit.* — P. 339, 340.
- ²³ См. *Picavet C. Op. cit.* — P. 199, 200, 201, 213, 214.

8. Мудрый Кольбер

- ¹ *Memoires.* — P. 49.
- ² См. *Clement P. Op. cit.* — P. 76.
- ³ *Ibid.* — P. 91, 93.
- ⁴ *Ibid.* — P. 74, 295, 472—475.
- ⁵ *Memoires.* — P. 47.
- ⁶ См. *Clement P. Op. cit.* — P. 280.
- ⁷ Цит. по *Савин А. Н. Указ. соч.* — С. 165.
- ⁸ *Clement P. Op. cit.* — P. 110, 199, 200, 201.
- ⁹ Цит. по *Pages G. La Monarchic d'Ancien Regime.* — P., 1946. — P. 151.
- ¹⁰ См. *Clement. P. Op. cit.* — P. 341—344.
- ¹¹ См. *Савин А. Н. Указ. соч.* — С. 139, 141.
- ¹² *Clement P. Op. cit.* — P. 235.
- ¹³ *Кареев Н. Указ.соч.* — С. 236.
- ¹⁴ См. *Michaud C. Op. cit.* — P. 86.
- ¹⁵ Цит.по *Clement P. Op. cit.* — P. 184.
- ¹⁶ См. *Goubert P. Op. dt.* — P. 142.
- ¹⁷ *Lettres.* — P. IX. XVI; *Corvisier A. Op. cit.* — P. 150, 151.
- ¹⁸ См. *Meyer J. Coibert.* — P. 1981. — P. 293.
- ¹⁹ *Ibid.* — P. 260, 280.
- ²⁰ Цит.по *Picavet C. Op. cit.* — P. 284.
- ²¹ Цит.по *Nanotaux G., Martineaux A. Histoire des colonies franchises et de l'expansion de la France dans le monde — L'Amérique.* — Т. I. — P., 1929. — P. 58.
- ²² *Ibid.* — P. 208, 264, 265.
- ²³ *Ibid.* — P. 69.
- ²⁴ *Ibid.* — P. 61.
- ²⁵ Цит.по *Cement P. Op. cit.* — P. 407.

9. «Железный министр» Лувуа

- ¹ Сен-Симон. Мемуары. — Т. II. — С. 81.
- ² Rousset C. Op. cit. — Т. I. — P., 1886. — P. 173, 176.
- ³ Lettres. — P. CXXXVI.
- ⁴ Dangeau. Journal. — Т. III. — P. 1882. — P. 361, 364.
- ⁵ Ibid. — P. 366.
- ⁶ Ibid. — P. 361.
- ⁷ См. Rousset C. Op. cit. — Т. I. — P. 6.
- ⁸ Dangeau. Journal. — Т. III. — P. 362.
- ⁹ См. Lucai H. Op. cit. — P. 71.
- ¹⁰ См. Dangeau. Journal. — Т. 9. — P., 1857. — P. 95.
- ¹¹ Ibid. — P. 97.
- ¹² См. Rousset C. Op. cit. — Т. I. — P. 164—168.
- ¹³ Rousset C. Op. cit. — Т. III. — P. 189.
- ¹⁴ См. Rousset C. Op. cit. — Т. I. — P. 185—188, 190, 191, 193, 198.
- ¹⁵ См. Corvisier A. Op. cit. — P. 185.
- ¹⁶ Rousset C. Op. cit. — Т. I. — P. 29.
- ¹⁷ См. Rousset C. Op. cit. — Т. I. — P. 328, 329, 339.
- ¹⁸ Ibid. — P. 341.
- ¹⁹ Ibid. — P. 512.
- ²⁰ См. Rousset C. Op. cit. — Т. II. — P. 279, 280.
- ²¹ Ibid. — P. 309.
- ²² Ibid. — P. 368.
- ²³ Ibid. — P. 481.
- ²⁴ Ibid. — P. 505.
- ²⁵ Memoires du Marechal de Villars. — Т. I. — P., 1884. — P. 120, 121.

10. Права королевы

- ¹ Memoires. Op. cit. — P. 223.
- ² См. Picavet C. Op. cit. — P. 212, 213.
- ³ Duby G. Op. cit. — P. 288.
- ⁴ Rousset C. Op. cit. — P., 1886. — Т. I. — P. 98.
- ⁵ См. Flassan. Op. cit. — Т. 3. — P. 259, 260.
- ⁶ Ibid. Op. cit. — P. 358.
- ⁷ См. Gerin Ch. Louis XIV et le Saint-Siege. — Т. II. — P., 1894. — P. 296, 299, 302.
- ⁸ Recueii. Autriche. — P., 1884. — P. 9.
- ⁹ Цит. по Noailles. Histoire de madame de Maintenon et des principaux eve'nements du regne de Louis XIV. — Т. 4. — P. 1858. — P. 122.
- ¹⁰ Цит. по Picavet C. Op. cit. — P. 258, 259.
- ¹¹ См. Manuel. — P. 163, 164.
- ¹² Цит. по Flassan. Op. cit. — Т. 3 — P. 327.
- ¹³ Ibid. — P. 260.
- ¹⁴ Цит. по Manuel. — P. 223.
- ¹⁵ Цит. по Picavet C. Op. cit. — P. 178.
- ¹⁶ Цит. по Manuel. — P. 78.

11. «Странные переговоры» герцогини Орлеанской

- ¹ Flassan. Op. cit. — Т. 3 — P. 587.
- ² Цит. по Grece M. Op. cit. — P. 116.
- ³ См. Baillon. Henrietta Anne d'Angletterre, duchesse d'Orleans. 1887. — P. 91.
- ⁴ Macaulay. History of England. Т. II. — P. 205.

- ⁵ См. Baillon. Op. cit. — P. 154, 155.
⁶ Ibid. — P. 139.
⁷ Ibid. — P. 174, 176.
⁸ Ibid. — P. 187, 189, 190.
⁹ Ibid. — P. 192, 193.
¹⁰ Ibid. — P. 232, 237, 238.
¹¹ Ibid. — P. 243, 244.
¹² Ibid. — P. 245.
¹³ Ibid. — P. 326, 331, 332.
¹⁴ Ibid. — P. 357, 359.
¹⁵ Ibid. — P. 401.
¹⁰ См. Manuel. — P. 80.
¹⁷ Цит по Grece M. Op. cit. — P. 188.
¹⁸ Gaxotte P. — Op. cit. — P. 271.
¹⁹ Rousset C. Op. cit. — Т. II. — P. 139.

12. Посол Аво действует

- ¹ Carre H. Du Quesne et la marine royale de Richelieu a Colbert (1610—1687). — P. 1950. — P. 160, 172.
² См. Negotiations de Monsieur le compte d'Avaux en Hollande. — P., DCCLII. — Т. I. — P. 2—5 далее: Avaux).
³ Ibid. — P. 15, 21, 28, 31, 36, 40.
⁴ Ibid. — P. 95.
⁵ Ibid. — P. 99, 100.
⁶ Ibid. — P. 227.
⁷ См. Flassan. Op. dt. — Т. 4. — P. 84, 85.
⁸ Цит.по Carre H. Op. cit. — P. 303, 304.
⁹ Duby G. Op. cit. — P. 290.
¹⁰ Ibid. — P. 258, 374, 375, 377.
¹¹ Avaux. — Т. II. — P. 101, 106—108, 128.
¹² Ibid. — P. 195—199, 203, 204, 211, 213, 216, 220, 240, 289, 290, 291.
¹³ Avaux. — Т. IV. — P. 12, 19—21, 24, 40.
¹⁴ Ibid. — P. 25, 26, 28, 29.
¹⁵ Ibid. — P. 26, 156, 157, 166, 191.
¹⁶ См. Picavet C. Op. cit. — P. 200.
¹⁷ Цит.по Noailles. — Т. 4. — P. 155.
¹⁸ Ibid. — P. 166, 167.
¹⁹ Ibid. — P. 182.
²⁰ Avaux. — Т. V. — P. 216—218, 234.
²¹ Ibid. — P. 185.
²² Цит.по Noailles. Op. cit. — Т. IV. — P. 188, 202.
²³ Ibid. — P. 203.
²⁴ Avaux. — Т. VI. — P. 186, 187, 218, 234, 238, 273.
²⁵ Rousset C. — Op. cit. — Т. IV. — P. 100, 102.
²⁶ См. Noailles. Op. cit. — Т. IV. — P. 208, 211.
²⁷ Ibid. — P. 220.
²⁸ См. Rousset C. Op. cit. — Т. IV. — P. 187, 191, 193, 195.
²⁹ Ibid. — P. 211.

13. «Ошибка века»

- ¹ Цит. по Савин А. Н. Указ. соч. — С. 175.
- ² Memoires. — P. 77.
- ³ Orcibal J. Louis XIV et Les protestants. — P., 1951. — P. 57, 70.
- ⁴ См. Gaxotte P. Op. cit. — P. 240, 244.
- ⁵ См. Савин А. Н. Указ. соч. — С. 170.
- ⁶ См. Bluche F. La vie quotidienne au temps Louis XIV. — P., 1894. — , P. 337.
- ⁷ См. Roussel C. Op. cit. — P., 1891. — Т. III. — P. 437.
- ⁸ Цит. по Gaxotte P. Op. cit. — P. 244.
- ⁹ Цит. по Chandernagor F. Op. cit. — P. 560.
- ¹⁰ См. Orcibal J. Op. cit. — P. 89, 90.
- ¹¹ Dangeau. Journal. — P., 1882. — Т. 3 — P. 181, 182.
- ¹² См. Carre H. Op. cit. — P. 309, 310.
- ¹³ Flassan. Op. cit. — P. 94.
- ¹⁴ См. Carre H. Op. cit. — P. 308.
- ¹⁵ См. Flassan. — Т. 4. Op. cit. — P. 93.
- ¹⁶ Цит. по Orcibal J. Op. cit. — P. 156.
- ¹⁷ Цит. по Roussel C. Op. cit. — Т. III. — P. 492.
- ¹⁸ Rain P. Op. cit. — P. 98.
- ¹⁹ См. Orcibal J. Op. cit. — P. 101.
- ²⁰ Ibid. — P. 140—143, 145.
- ²¹ См. Chandernagor F. Op. cit. — P. 451.
- ²² Gaxotte P. Op. cit. — P. 254.
- ²³ Duby G. Op. cit. — P. 298.

14. Дипломат в железной маске

- ¹ См. Topin M. L'Homme en masque de fer. — P., 1870. — P. 271.
- ² Ibid. — P. 269.
- ³ См. Roussel C. Op. cit. — Т. III. — P. 101, 103.
- ⁴ Mémoires du marquis de Pomponne. — P., 1860. — P. 114 (далее: Pomponne).
- ⁵ См. Topin M. Op. cit. — P. 275.
- ⁶ Ibid. — P. 276, 279, 280, 281.
- ⁷ Pomponne. — P. 120—123.
- ⁸ Ibid. — P. 124—126, 132.
- ⁹ См. Recueil. Savoi-Sardaigne et Mantou. — P., 1899. — P. 274, 276, 277.
- ¹⁰ См. Topin M. Op. cit. — P. 371.
- ¹¹ Ibid. — P. 295—299.
- ¹² Ibid. — P. 301, 309.
- ¹³ Ibid. — P. 349.
- ¹⁴ Ibid. — P. 343, 344, 365.
- ¹⁵ Malles L. Op. cit. — P. 197, 200.
- ¹⁶ Roussel C. Op. cit. — Т. III. — P. 56.
- ¹⁷ См. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 171—208.

15. Фаворитки самодержца

- ¹ Цит. по Noailles. Op. cit. — P., 1848. — Т. I. — P. 313.
- ² Mémoires. — P. 258, 259.
- ³ Цит. по Roussel C. Op. cit. — Т. III. — P. 352.
- ⁴ См. Lair J. Louise de la Valliere et la jeunesse de Louis XIV. — P., 1881. — P. 410.
- ⁵ См. Breton G. Histoires d'amour de l'Histoire de France. — Т. IV. — P., 1960. — P.

- ⁶ См. Lair J. Op. cit. — P. 291—293.
⁷ См. Chandernagor F. Op. cit. — P. 263.
⁸ Clément, P. Madame de Montespan et Louis XIV. — P., 1868. — P. 49.
⁹ Цит. по Савин А.Н. Указ. соч. — С. 55
¹⁰ См. Clément P. Madame de Montespan et Louis XIV. — P. 248.
¹¹ См. Lair J. Op. cit. — P. 302.
¹² См. Breton G. Op. cil. — P. 190.
¹³ См. Bordonove G. Les rois qui ont fait la France. — P. 188.
¹⁴ См. Breton G. Op. cit. — P. 193, 214.
¹⁵ См. Clément P. Madame de Montespan et Louis XIV. — P. 396.

16. Непризнанная королева

- ¹ Chandernagor F. Op. cit. — P. 52.
² Ibid. — P. 73, 74, 76.
³ Цит. по Noailles. Op. Cit. — Т. I. — P. 468.
⁴ См. Chandernagor F. Op. cit. — P. 533.
⁵ См. Saint-René Taillandier. Madame de Maintenon. — P., 1923. — P. 103.
⁶ См. Сен-Симон. Мемуары. — Т. II. — С. 141, 142.
⁷ Цит. по Gaxotte P. Op. cit. — P. 338.
⁸ Topin M. Op. cit. — P. 252, 253.
⁹ Сен-Симон. Мемуары. Т. I. — С. 200
¹⁰ Flassan. Op. cit. — Т. IV. — P. 400.
¹¹ Breton G. Op. cit. — P. 201.
¹² Bertrand L. Louis XIV. — P., 1923. — P. 327.
¹³ См. Dangeau. Journal. — Т. X. P., 1862. — P. 450.
¹⁴ См. Сен-Симон. Мемуары. — Т. II — С. 132, 433
¹⁵ Цит. по Noailles. Op. cit. — Т. II. — P., 1848. — P. 194.
¹⁶ Сен-Симон. Мемуары. — Т. II. — С. 173
¹⁷ Noailles. Op. cit. — Т. II. — P. 193.
¹⁸ Ibid. — P. 196.
¹⁹ Noailles. Op. cit. — Т. IV. — P. 69.
²⁰ Noailles. Op. dt. — Т. I. — P. 314.
²¹ Савин А. Н. Указ. соч. — С. 86
²² Picavel C. Op. cil. — P. 136.
²³ Roussel C. Op. dt. — Т. III. — P. 355.
²⁴ Ibid. — P. 361.
²⁵ Цит. по Noailles. Op. dt. — Т. III. — P., 1857. — P. 670.
²⁶ См. Сен-Симон. Мемуары. — Т. II. — С. 157, 160, 161.
²⁷ Там же. — с. 164
²⁸ Orcibal J. Op. cit. — P. 92.
²⁹ Цит. по Saint-René Taillandier. Op. cit. — P. 177.
³⁰ Цит. по Bordonove J. Les rois qui ont fait la France. — P. 237.
³¹ Noailles. Op. cit. — Т. III. — P. 264.

17. «Тюрбаны» против «париков»

- ¹ Vandal A. Les voyages du marquis de Nointel (1670—1680). — P., 1900. — P. VII.
² См. Topin M. Op. cit. — P. 145.
³ Recueil. Russie. — P., 1890. — Т. I. — P. XV.
⁴ Цит. по Gerin Ch. Op. dt. — Т. II. — P. 109.
⁵ Recueil. Turquie. — P., 1969. — P. XLI.

- ⁶ См. Fiassan. Op. cit. — Т. III. — P. 318—320.
⁷ См. Recueil. Turquie. — P. 10, 76.
⁸ См. Vanda! A. Op. cit. — P. 274—276, 22—24, 26.
⁹ Ibid. — P. 29, 30.
¹⁰ Ibid. — P. 52—55, 90, 91.
¹¹ Recueil. Turquie. — P. 78, 81, 82.
¹² Vandal A. Op. cit. — P. 44, 45, 97, 98, 100, 104.
¹³ Ibid. — P. 183.
¹⁴ Ibid. — P. 183, 189.
¹⁵ Ibid. — P. 213, 214, 226, 228, 230—233,
¹⁶ Ibid. — P. 236.
¹⁷ Ibid. — P. 238.
¹⁸ Ibid. — P. 241, 242, 250.
¹⁹ Ibid. — P. 254.
²⁰ См. Flassan. Op. cit. — Т. IV. — P. 37.
²¹ См. Recueil. Turquie. — P. 120.
²² Vandal A. Op. cit. — P. 260.
²³ См. Recueil. Turquie. — P. XXIII, 131, 135, 136, 143, 145.

18. Коварный герцог Амедей

- ¹ Rousset C. Op. cit. — Т. III. — P. — 113, 114.
² Ibid. — P. 121.
³ Ibid. — P. 130.
⁴ Ibid. — P. 133.
⁵ Ibid. — P. 137.
⁶ Цит. по Gaxotte P. Op. cit. — P. 295.
⁷ Mémoires et lettres du maréchal de Tessé. — P., 1806. — Т. 1. — P. 175. (далее: Tessé. Mémoires).
⁸ Цит. по Gaxotte P. Op. cit. — P. 97.
⁹ Rousset C. Op. cit. — Т. III. — P. 142.
¹⁰ Ibid. — P. 142, 146.
¹¹ Цит. по Tessé. Mémoires. — P. 10.
¹² См. Rousset C. Op. cit. — Т. IV. — P. 264—266.
¹³ См. Tessé. Mémoires. — P. 18, 19, 26, 28, 43, 45.
¹⁴ Ibid. — P. 47—51, 53, 54, 56, 59.
¹⁵ Ibid. — P. 64, 65.
¹⁶ Ibid. — P. 68—71.
¹⁷ Ibid. — P. 77, 78, 80.
¹⁸ Ibid. — P. 86, 87.
¹⁹ Ibid. — P. 168.

19. Конфликты со Святым Престолом

- ¹ Цит. по Picavet C. Op. cit. — P. 148.
² См. Metivier H. Op. cit. — P. 27, 84.
³ См. Grèce M. Op. cit. — P. 334.
⁴ Pomponne. — P. 51, 52.
⁵ См. Gérin Ch. Op. cit. — Т. I. — P. 297, 298.
⁶ Flassan. Op. cit. — Т. III. — P. 302.
⁷ Recueil. Rome. — P., 1888. — Т. I. — P. 96.
⁸ Gérin Ch. Op. cit. — Т. I. — P. 349.

- ⁹ См. Recueil. Rome. — P. 151, 155.
¹⁰ См. Gérin Ch. Op. cit. — Т. I. — P. 396.
¹¹ Ibid. — P. 430, 433, 461.
¹² Ibid. — P. 559.
¹³ См. Gérin Ch. Op. cit. — Т. II. — P. 208, 212.
¹⁴ Pomponne. — P. 33.
¹⁵ См. Савин А. Н. Указ. соч. — С. 211, 212.
¹⁶ См. Grèce M. Op. cit. — P. 344, 345.
¹⁷ См. Orcibal J. Op. cit. — P. 29—31.
¹⁸ Ibid. — P. 51.
¹⁹ См. Dictionnaire des biographies. — Т. I. — P., 1958. — P. 519.
²⁰ Recueil. Rome. — P. 135.
²¹ Ibid. — P. 151.

20. Делят наследство живого монарха

- ¹ См. Legrelle A. La diplomatie française et la succession d'Espagne. — Gand, 1890. — Т. III. — P. 650.
² Legrelle A. Op. cit. — Gand, 1889. — Т. II. — P. 43.
³ См. Reynald H. Louis XIV et Guillaume ni. — P., 1883. — Т. I. — P. 18, 29, 30.
⁴ Recueil. Espagne. — P., 1894. — Т. IX. — P. 449, 450.
⁵ Legrelle A. Op. cit. — Т. II. — P. 188.
⁶ Ibid. — P. 167.
⁷ Ibid. — P. 168.
⁸ Ibid. — P. 205.
⁹ Ibid. — P. 407.
¹⁰ Ibid. — P. 183.
¹¹ Ibid. — P. 437, 438.
¹² Reynald H. Op. cit. — Т. I. — P. 74.
¹³ Ibid. — P. 76.
¹⁴ Ibid. — P. 78.
¹⁵ Ibid. — P. 116.
¹⁶ Legrelle A. Op. cit. — Т. II. — P. 373.
¹⁷ Ibid. — P. 296.
¹⁸ Ibid. — p. 332.
¹⁹ Ibid. — P. 363.
²⁰ Ibid. — P. 355.
²¹ Reynald H. Op. cit. — Т. I. — P. 155.
²² Ibid. — P. 238.
²³ Reynald H. Op. cit. — Т. II. — P. 93.
²⁴ Ibid. — P. 49.
²⁵ Carré H. Op. cit. — P. 44.
²⁶ Ibid. — P. 48.
²⁷ Legrelle A. Op. cit. — Gand, 1890. — Т. III. — P. 286.
²⁸ Ibid. — P. 306.

21. «Я слишком любил войну»

- ¹ Цит. по Goubert P. Op. cit. — P. 210.
² Цит. по Reynald H. Op. cit. — Т. II. — P. 313—314.
³ См. Gaxotte P. Op. cit. — P. 350, 351.
⁴ Цит. по Legrelle A. Op. cit. — Gand, 1892. — Т. IV. — P. 18—19.

- ⁵ Ibid. — P. 26.
⁶ Ibid.
⁷ Ibid. — P. 43.
⁸ Ibid. — P. 53.
⁹ Ibid. — P. 77.
¹⁰ Ibid. — P. 125.
¹¹ Ibid. — P. 160.
¹² Цит. по Tessé. Mémoires. — Т. II. — P. 4.
¹³ Цит. по Chandarnagor F. Op. cit. — P. 458.
¹⁴ Journal inédit de Jean-Baptiste Colbert marquis de Torcy. — P., 1884. P. 86 (далее: Torcy. Journal).
¹⁵ Ibid. — P. 66, 90, 254.
¹⁶ Ibid. — P. XXIX.
¹⁷ См. Erlanger Ph. Louis XIV. — P., 1965. — P. 585.
¹⁸ Цит. по Torcy. Journal. — P. XXX.
¹⁹ Цит. по Erlanger Ph. Philippe V d'Espagne. — P., 1978, — P. 172.
²⁰ Torcy. Journal. — P. 177.
²¹ Ibid. — P. 135.
²² Ibid. — P. 257.
²³ Ibid. — P. 340.
²⁴ Dangeau. Journal. — Т. XIV. — P., 1858 — P. 65.
²⁵ См. Torcy. Journal. — P. 349.
²⁶ Ibid. — P. 351.
²⁷ Цит. по Carré H. Op. cit. — P. 206, 209, 207.
²⁸ Ibid. — P. 212, 214, 215.

22. Свой человек в Мадриде

- ¹ См. Cermakian M. La princesse des Ursins. Sa vie et ses lettres. Montréal — Paris-Bruxelles, 1969. — P. 54.
² Ibid. — P. 225, 226.
³ Цит. по Cermakian M. Op. cit. — P. 606.
⁴ Dangeau. Journal. — Т. IX. — P. 310.
⁵ Цит. по Erlanger Ph. Philippe V d'Espagne. — P. 81.
⁶ Ibid. — P. 88.
⁷ Ibid. — P. 92.
⁸ Dangeau. Journal. — P., 1862. — Т. X. — P. 56, 230.
⁹ Цит. по Cermakian M. Op. cit. — P. 326.
¹⁰ Ibid. — P. 352.
¹¹ Ibid. — P. 362, 342.
¹² Erlanger Ph. Philippe V d'Espagne. — P. 168.
¹³ Ibid. — P. 202.
¹⁴ Cermakian M. Op. cit. — P. 364.
¹⁵ Ibid. — P. 385, 390, 391.
¹⁶ Ibid. — P. 397.
¹⁷ Ibid. — P. 398, 399.
¹⁸ Ibid. — P. 400.
¹⁹ Ibid. — P. 402, 403.
²⁰ Ibid. — P. 413.
²¹ Ibid. — P. 421, 425.
²² Ibid. — P. 435, 437.
²³ Dangeau. Journal. — P., 1858. — Т. XV. — P. 159.

²⁴ Cermakian M. Op. cit. — P. 513.

²⁵ Erlanger Ph. Philippe V d'Espagne. — P. 287.

23. Мадемуазель Пети — самозванный посол короля

¹ Hillairet J. Op. cit. — Т. II — P. 115—116.

² См. Breton G. Op. cit. — P. 231, 232.

³ См. Hanotaux G., Martineaux A. Op. cit. — Le Maroc. — La Tunisie — La Syrie. — P., 1931. — Т. III. — P. 543, 544, 545.

⁴ R. de Maulde — la Clavière. Les mille et une nuits d'une ambassadrice de Louis XIV. — P. — P. 22 (далее: Les mille et une nuits).

⁵ См. Topin M. Op. cit. — P. 147—149.

⁶ Les mille et une nuits. — P. 67, 68, 85, 86.

⁷ Ibid. — P. 81, 83, 86, 91—95.

⁸ Ibid. — P. 95.

⁹ Ibid. — P. 98, 99.

¹⁰ Ibid. — P. 103, 104, 108—110.

¹¹ Ibid. — P. 118.

¹² Ibid. — P. 137, 138, 141, 142.

¹³ Ibid. — P. 199.

¹⁴ Ibid. — P. 181.

¹⁵ См. Hanotaux G., Martineaux A. Op. cit. — Т. III. — P. 547—549.

¹⁶ См. Les mille et une nuits. — P. 237, 232.

¹⁷ Ibid. — P. 251.

24. Россия и Франция: трудное сближение

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1962. — Кн. VIII (т. 15—16). — С. 59

² Recueil. Russie. — Т. I — VI.

³ Ibid. — P. 22, 23, 70, 71.

⁴ Ibid. — P. 31.

⁵ Ibid. — P. 26.

⁶ Ibid. — P. 26, 29, 36, 37.

⁷ Ibid. — P. 40, 43, 44.

⁸ Древняя Российская вивлиофика. — СПб, 1895. — Ч. V. — С. 130, 131.

⁹ Там же. — 73, 74, 84.

¹⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. — М., 1961. — Кн. VI (т. 11 — 12). — С. 540.

¹¹ Древняя Российская вивлиофика. — С. 101—105

¹² Recueil. Russie. — Т. I. — P. 73.-

¹³ Ibid. — P. 27.

¹⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. — М., 1962. — Кн. VII (т. 13—14). — С. 413

¹⁵ Там же. — С. 550, 55

¹⁶ Roujon J. Conti-ennemi de Louis XIV. — P., 1941. — P.206.

¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого — СПб, 1887. — Т. I (1688—1701). — С. 164.

¹⁸ Там же. — С. 204

¹⁹ Там же. — С. 192, 193

²⁰ Recueil. Russie. — Т. I. — P. 101.

²¹ См. Грюнвальд К. Франко-русские союзы. — М., 1968. — С. 23

²² Recueil. Russie. — Т. I. — P. 102—104.

²³ Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. VIII (т. 15—16). — С. 54, 55

- ²⁴ Там же. — С. 56
²⁵ Recueil. Russie. — Т. I. — Р. 111.
²⁶ Цит. по Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. — М., 1984.
²⁷ Там же. — С. 268
²⁸ Recueil. Russie. — Т. I. — Р. 115, 116.
²⁹ Ibid — Р. 130.
³⁰ Цит. по Грюнвальд К. Указ. соч. — С. 31

Вместо заключения: только Бог велик

- ¹ Rousset С. Op.cit. — Т. I. — Р. 19.
² Цит. по Noailles. Op.cit. — Т. I. — Р. 455.
³ Dubt G. Op. cit. — Р. 285.
⁴ См. Grece M. Op. cit. — Р. 477.

Монография

Юрий Васильевич БОРИСОВ

Дипломатия Людовика XIV

Редактор *Т. Б. Романова*
 Оформление художника *Ю. Г. Ворончихинл*
 Художественный редактор *С. С. Водчиц*
 Технический редактор *Т. С. Орешкова*
 Корректор *Л. Ф. Крылова*

ИБ № 1624

Сдано в набор 18.02.91. Подписано в печать 23.04.91. Формат 84*108^{1/32}.
 Бум.книж.-журн. Гарнитура «таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16 + 0,84 вкл. на
 офсетной бумаге. Усл. кр.-стт. 22,68. Уч.-изд. л. 23,23. Тираж 50 000 экз. Заказ № 96. Цена
 4 руб. Изд. № 29-11/90.

Издательство «Международные отношения» 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20
 Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150049, Ярославль, ул.
 Свободы, 97.